

Helmut Jachnow

Probleme der Textlinguistik

Gemeinschaftsarbeit von Wissenschaftlern
der Partneruniversitäten Bochum und Minsk

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta

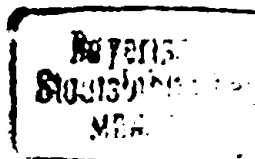
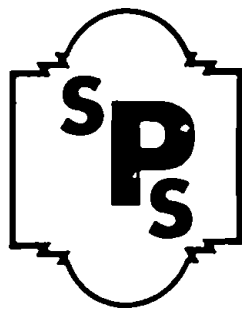
Supplementband 28

**PROBLEME DER TEXTLINGUISTIK
ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА**

**Gemeinschaftsarbeit
von Wissenschaftlern
der Partneruniversitäten
Bochum und Minsk**

Herausgegeben
von
Helmut Jachnow und Adam E. Suprun

**VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN
1989**

Copyright by Verlag Otto Sagner, München 1989.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Görlich & Weiershäuser, 3550 Marburg/L.

ISBN 3-87690-433-1

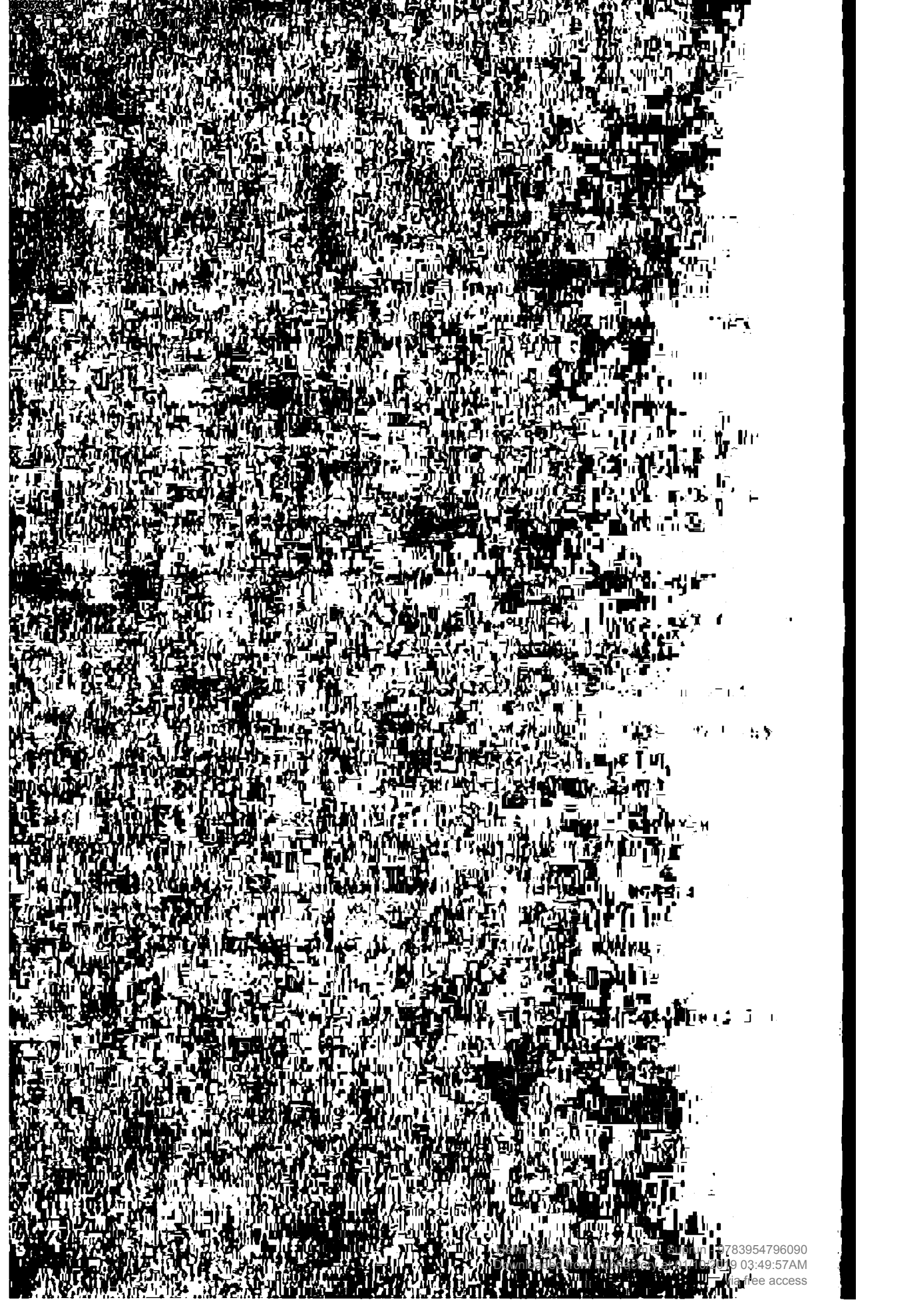
Helmut Jachnow and Adam E. Suprun - 9783954796090
Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 06:49:57 AM
via free access

Fr. A. I. ... Ev. (VS 96/117)

Inhaltsverzeichnis

Vorbemerkung

Александр К. Киклевич, Минск: КВАНТОРНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ТЕКСТ	1
Владимир В. Макаров, Минск: ЗАГЛАВИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ АКТУАЛИ- ЗАТОР ТЕКСТА	19
Нина Б. Мечковская, Минск: ТРУДЫ М.В. ЛОМОНОСОВА ПО РИТОРИКЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА	49
Бронислав А. Плотников, Минск: АВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПИСЬМЕН- НОГО ТЕКСТА	75
Адам Е. Супрун/Алла А. Кожина, Минск: К ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУК- ТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА (на материале Слов Ки- рилла Туровского)	101
Яков Л. Трёмбовольский, Минск: МОЛЧАНИЕ И ТЕКСТ	127
Michael Fleischer, Bochum: DAS FRAGMENT UND DIE BEDEUTUNG (EINE BESONDERE TEXTSORTE)	141
Wolfgang Girke, Mainz: AGENSLOSES PASSIV IM RUSSISCHEN	173
Klaus Hartenstein, Bochum: DIE FUNKTIONSVORBEGEFOGE DES MO- DERNEN RUSSISCHEN - OBERLEGUNGEN ZUR DEFINITION EINES WORTVERBINDUNGSTYPUS	195
Roland Harweg, Bochum: RAHMENHALTIGE UND RAHMENLOSE <u>UND</u> -HAL- TIGE SATZKOORDINATIONEN	245
Helmut Jachnow, Bochum: ZUR NOTWENDIGKEIT EINER PHÄNOTYPISCH ORIENTIERTEN TEXTLINGUISTIK UND EINIGE VORÜBERLE- GUNGEN ZUR ANALYSE DER SEMANTISCHEN TEXTVERWEIS- STRUKTUR DES IGORLIEDES	263
Christian Sappok, Bochum: TEXTANALYSE AUF PSYCHOLINGUISTISCHER GRUNDLAGE (ANHAND VON MATERIAL AUS EINEM POLNISCHEN TAGEBUCH)	291

VORBEMERKUNG

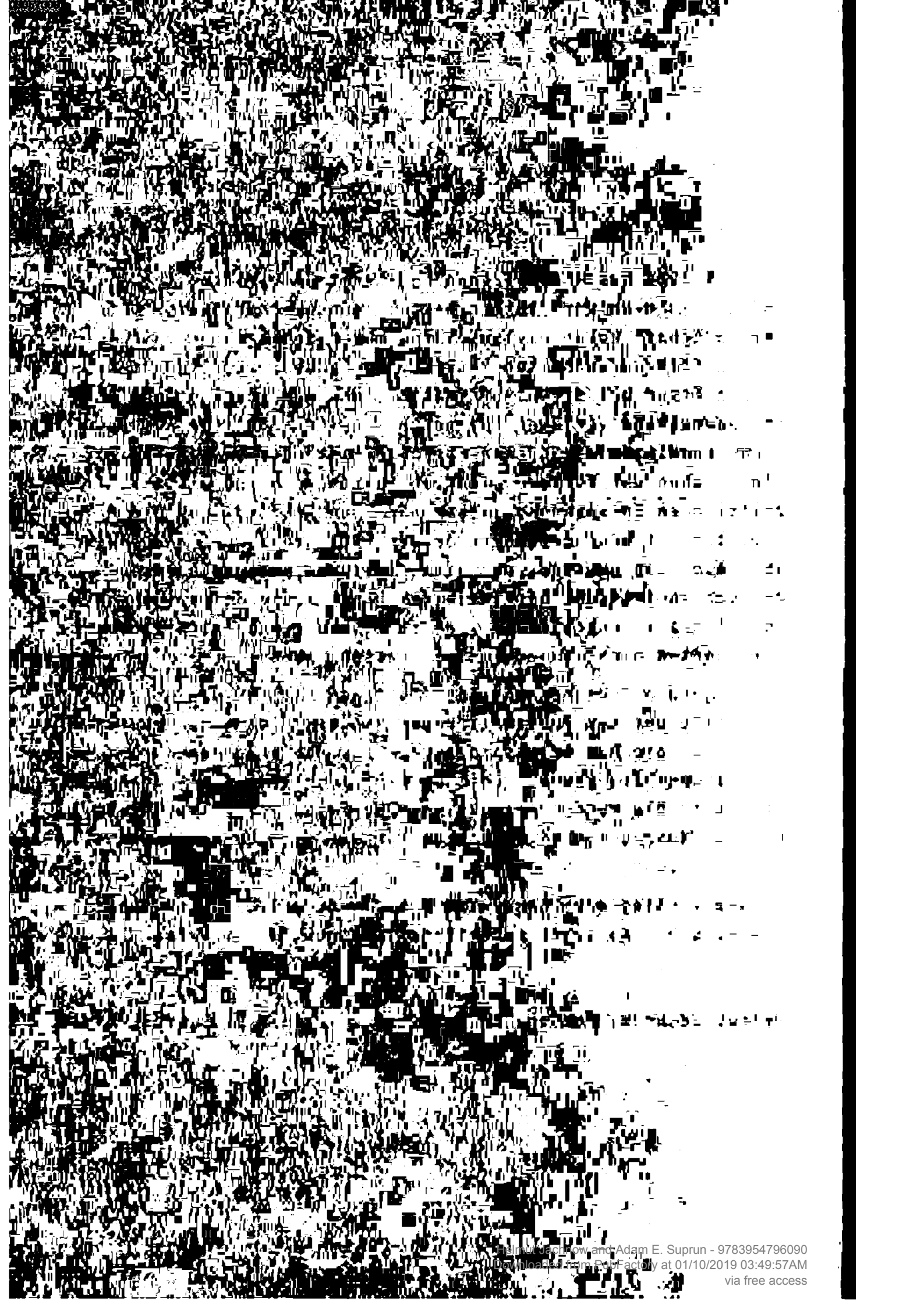
Seit 1984 besteht zwischen der Lenin-Universität in Minsk und der Ruhr-Universität in Bochum eine Partnerschaft. Diese Partnerschaft wurde bislang vornehmlich in Form von Gastwissenschaftleraufenthalten realisiert. Nunmehr aber können Wissenschaftler beider Universitäten einen gemeinsam erarbeiteten Sammelband vorlegen. Diese Arbeit ist nicht nur Ausdruck eines gemeinsam bekundeten Forschungsinteresses, sondern auch ein Zeichen der fortschreitenden politischen und wissenschaftspolitischen Entspannung zwischen beiden Staaten, was die Mitarbeiter mit besonderer Freude erfüllt. Grund zur Freude gibt aber auch der Umstand, daß diese in ihrer Art erste bundesdeutsch-sowjetische Gemeinschaftsarbeit zustande kam, obwohl es Geisteswissenschaftler auch im Rahmen von Universitätspartnerschaften nicht immer am leichtesten haben.

Folgenden Personen und Institutionen ist für die Mitarbeit und Hilfe bei der Publikation des Bandes zu danken: Frau Petra Bohle für die Redaktionsarbeiten, Frau Marianne Merta für die technische Mitwirkung, Prof. Gerd Freidhof für die Aufnahme der Arbeit in die renommierte Reihe "Specimina" (Supplementreihe) und der Ruhr-Universität Bochum für die großzügige finanzielle Unterstützung.

Dem vorliegenden Band wird ein zweiter folgen, der von den sowjetischen Kollegen redaktionell betreut werden wird.

Helmut Jachnow, Bochum

Adam E. Suprun, Minsk

Александр К. Киклевич, Минск

КВАНТОРНЫЕ МЕСТОИМЕННИИ И ТЕКСТ

В задачу данной статьи входит описание семантических особенностей русских кванторных лексем (все, весь, каждый, любой и т.п.) на основании анализа тех связей и отношений, в которые вступают единицы названного типа в связном тексте.

Согласно грамматической традиции кванторные лексемы относятся к классу местоимений, семантическая специфика которых заключается в том, что они не имеют собственного номинативного значения. Будучи, по определению Л. БЛУМФИЛДА (1968), словами-субститутами, местоимения получают лексико-семантическую конкретизацию только в тексте, в процессе употребления, а поэтому их значение называют коммуникативным или функциональным. Роль таких единиц исключительно важна именно для реализации связности текста и, в частности, проявляется в анафоре и кореферентности.

Коммуникативный характер – лишь одна сторона местоименной семантики. Ее другая сторона – когнитивность, связь местоимений с понятийной сферой. Лексическое содержание местоименных слов, помимо переменного, обусловленного контекстом, денотативного элемента, включает постоянный сигнификативный компонент ^I, который учитывается при классификации местоимений на отдельные семантические подклассы (личные, указательные, определительные, вопросительные местоимения и т.д.).

Кванторные местоимения в этой классификации занимают особое место: они выражают количественное значение квантификации, составляющее ядро их семантической структуры. Кванторы содержат также значения возможности, неопределенности, упорядоченности (множества), отрицания и другие, так что в целом их семантический потенциал достаточно высок. Совершенно очевидно, что, в отличие от местоимений других типов, особой является и функция кванторных единиц в предложении и тексте, и их место в структуре текста, и характер взаимодействия коммуникативно обусловленного и необусловленного компонентов их семантики. Все эти вопросы в той или иной степени будут рассмотрены в этой статье.

В зависимости от синтаксического употребления, а именно –

от позиции в формально-грамматической структуре предложения, кванторы делятся на две группы: 1) к в а н т о р ы - а т р и - б у т ы и 2) к в а н т о р ы - к о н с т и т у е н т ы, например: "Все студенты участвуют в субботнике" и "Все участвуют в субботнике". С семантической точки зрения и кванторы-атрибуты, и кванторы-конституенты являются количественными определителями или, по РЕВЗИНУ, локализаторами, ограничивающими "ту область, на которую распространяется высказывание" (1978, 142). На этом основании вслед за РЕВЗИНИМ будет справедливым признать, что "кванторное значение возникает при полной элиминации коммуникативного фактора" (1978, 165) и по своей природе является когнитивным.

Кванторы-атрибуты - наиболее типичные определители: их семантическая функция получает формально-грамматическое воплощение. Значение квантификации, выражаемое квантором-атрибутом, по отношению к семантическим функциям аргументов вторично и вводится в предложение как результат деривации его базовой семантической структуры. К примеру, ЧЕИФ, анализируя предложения типа "Слоны любят земляные орехи" и "Все слоны любят земляные орехи", писал, что квантор все придает значению множества слонов бóльшую эксплицитность: "Сам факт того, что речь идет обо всем классе слонов, сообщается как нечто новое" (1975, 234).

Кванторы-конституенты являются единицами двойственной природы, сочетающими признаки количественных определителей (в семантическом плане) и определяемых конституентов (в формально-грамматическом плане). Так, в предложении "Болеело совершенно всё" (А.Битов) кванторное местоимение всё, с одной стороны, сочетается с глаголом-сказуемым как конституент, позиция которого определена валентностью глагола (ср. болеела голова), с другой стороны, сочетается со словом степени совершенно как носитель типично признаковой семантики (ср. совершенно больно).

Эта двойственность кванторов-конституентов нередко препятствует их четкому отграничению от кванторов-атрибутов. Такие препятствия возникают, например, в тех случаях, когда квантор находится в постпозиции по отношению к квантифицируемому аргументу (или его субститутам), например: "...Вот этих уже всех унесли мертвых, сейчас того, что в углу, унесут, а потом меня" (В.Михальский); "...В конце концов мы купили эту библиотеку всю, на корню, и она до сих пор со мной" (Н.Шмелев); "Окончив-

шие наш курс поступают все" ("Комсомольская правда", 28 июля 1983). В такого рода конструкциях (с некоторыми чертами разговорного синтаксиса) кванторное местоимение в той или иной степени определяется и как аргумент, и как постпозитивный атрибут, и как особый приглагольный атрибут. Отсутствует четкая граница между кванторами-атрибутами и кванторами-конституентами и в конструкциях типа всё предложенное, например: "Съев и выпив всё предложенное, Иван решил дожидаться кого-то главного в этом учреждении..." (М.Булгаков). Другая группа конструкций, вызывающих аналогичную сложность при анализе, включает квантор и указательное местоимение: "До чего же надоели эти разводы!.. Пора положить всему этому конец!" ("Литературная газета", 5 декабря 1984); " - Нет, - отвечал он, - придется кирпичи таскать, мусор строительный относить на свалку, ну и все такое" ("Литературная газета", 12 мая 1982). Принадлежность квантора к типу атрибутов или конституентов во всех приведенных примерах не всегда очевидна и требует дополнительного анализа. В дальнейшем в статье будут использоваться лингвистические факты, интерпретация которых не требует дополнительного комментария такого рода.

Кванторы-атрибуты. Для семантического представления предложений, содержащих кванторы, в том числе и кванторы-атрибуты, будем применять универсальную семантическую формулу, включающую как минимум два предиката - экзистенциальный (символ - E) и пропозициональный (символ - P). К примеру, предложение "Все эти книги принадлежат Ивану" может быть трансформировано: \leftrightarrow "В множестве этих книг не существует книги, такой, которая бы не принадлежала Ивану", что выражает семантическая формула (I):

$$\bar{E} x \quad \bar{P} (x). \quad (I)$$

$$x \in M = \text{эти книги}$$

Верхняя строка этой семантической формулы отражает собственно сигнификативное значение квантора. Наличие или отсутствие отрицания при экзистенциальном предикате указывает на абсолютную или относительную степень квантификации. Если отвлечься от условий сочетаемости кванторов-атрибутов с существительными в речи, то их семантику можно записать в общем виде, например, для квантора-атрибута все:

$$\bar{E} x \bar{P} (x) \quad (2)$$

Как видим, определение сигнификативного значения квантора включает информацию (пусть самую общую) о пропозиции, в которую он входит, и без этого общего указания на условия употребления ни значения, ни специфики квантора как языковой единицы понять и определить нельзя. Это свойство кванторной семантики будем называть дейктичностью, и именно на основании дейктичности кванторы относятся к классу местоимений.

Помимо сигнификативного значения в формуле (2) отражается также тип семантической функции квантифицируемого множественного аргумента в пропозиции $P(x)$, который учитывается при выборе соответствующего квантора: всегда — для темпоратива, езде — для локатива, все — для агентива, объектива и т.д.

Нижняя строка формулы (1) прямого отношения к значению квантора не имеет, она указывает на референциальную соотнесенность квантифицируемого аргумента, т.е. обозначает некоторое множество предметов (индивидов). Вместе с тем для описания квантификации достаточно важна и референциальная информация. Во-первых, как отмечал БЛУМФИЛД, "одним из элементов значения каждого субститута является о б щ е е з н а ч е н и е того формального класса, который служит сферой действия данного субститута" (1968, 270). Например, в польском языке таким общим значением является значение мужского лица. Однако не всегда связь квантора и квантифицируемой предметной области (там, где эта связь есть) осуществляется посредством грамматики, в ряде случаев она реализуется по правилам лексико-семантической сочетаемости, ср.: целый дом и *целый песок.

Во-вторых, сфера действия квантора-атрибута, как правило, ограничена не только качественно, но и количественно². Объем квантифицируемой предметной области определяется контекстом³, так что эта область охватывает не бесконечное число референтов, соотносимых с данным именем в функции какого-либо аргумента⁴, а вполне конкретное множество предметов, указание на которое является элементом содержания текста. Ср. выражение все экземпляры, которое лишено смысла вне контекста и обозначает конкретную предметную область в тексте М.Булгакова: "Дверь открылась, и капельдинер втащил толстую пачку только что напечатанных афиш... Варенуха, отойдя от афиши, брошенной им на макет,

полюбовался на нее и приказал капельдинеру немедленно пустить все экземпляры в расклейку".

Роль контекста не сводится только к количественному ограничению сферы действия квантора-атрибута. Рассмотрим отрывок из стихотворения Б.Слуцкого: "Если нет, то, все ноги оттопав, он наверно бредет до сих пор". Сочетание все ноги в этом контексте не имеет значения 'обе ноги', точнее, несколько шире его, о чем свидетельствует приводимая трансформация: все ноги оттопав \leftrightarrow прошагав так много, что о каждой ноге можно сказать, что болит вся нога. Таким образом, в данной конструкции значение квантификации реализуется дважды: каждая нога и вся нога.

И, наконец, в-третьих, поскольку квантифицируемая предметная область представляет собой множество, необходимо описать возможные типы его именованя.

Известны два способа номинации единичных объектов - имя и дескрипция. РАССЕЛ, который ввел это различие в научный обиход, писал, что в отличие от имени, референциальная соотнесенность которого с предметом сводится к остенсивности, с помощью дескрипции предмет "не именуется, а описывается как носитель соответствующего имени" (1982, 49). Приблизительно то же содержание вкладывал в понятия термового и нетермового представления предмета РЕВЗИН: "Предмет, вообще говоря, допускает два представления: одно из них характеризует предмет, в первую очередь, как четко отграниченную область пространства, хотя и изменяемую во времени, но сохраняющую свои типологические свойства (непрерывность и отграниченность от других подобных объектов); в то время как другое подчеркивает в предмете то, что он является пересечением определенных свойств, т.е. определяется не столько в конкретном пространстве и времени, сколько в абстрактном многомерном пространстве свойств" (1978, 185). К примеру, в чегемском мифе о Ленине, который рассказывает Ф.Искандер ("Юность", 1988, №2), наряду с именем Ленин используется дескрипция Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел: "Чегемцы про него говорили, что он хотел хорошего, но не успел. Что именно хорошего, они не уточняли. Иногда, стыдясь суесловного употребления его имени и отчасти кодируя его от злого любопытства темных сил природы, они не называли его, а говорили: Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел".

В отличие от имени, дескрипция обладает и особым синтакси-

ческим статусом: занимая в предложении позицию аргумента, она семантически представляет собой включенную пропозицию, например: "Я встретил (одного) человека" \leftrightarrow "Я встретил x , и x входит в класс людей" (АРУТЮНОВА 1982, 9).

Двумя различными типами может быть представлен не только единичный индивид некоторой предметной области, но и множество индивидов. Аналогично тому, как в математике и логике существует два способа определения множества – путем перечисления элементов множества либо путем указания на общее характеристическое свойство элементов множества⁵, в языке существуют два типа представления множества индивидов – термовое и пропозициональное, ср.: Заболоцкий, Хармс, Введенский, Бахте-рев, Вагинов, Липавский и др. – обериуты; Реформатский, Си-доров, Кузнецов, Аванесов и др. – представители Московской фонологической школы. Термовое представление множества может быть достигнуто средствами сочинительной конструкции (или ее аналогами, например, конструкцией с предлогом "с"), а также с помощью указательных и других местоимений, например: эти столы, наши студенты и т.д. Для пропозиционального представ-ления множества в языке используются дескрипции.

В зависимости от способа представления множества будем различать 1) термовую и 2) пропозициональную квантификацию. В первом случае квантификация выражает характер взаимодействия двух множеств: предметной области квантифицируемого аргумента и интенциональной области предиката, – и указывает на степень вхождения первой области во вторую. В условиях термовой квантификации предложение с квантором выступает как одна простая пропозиция, а в его логической записи фиксируется один пропозициональный предикат, см. (I).

Специфика пропозициональной квантификации состоит в том, что в этом случае в качестве взаимодействующих множеств выделяются две пропозиции: включающая (отсылающая к интенциональному "миру" предиката) и включенная (отсылающая к предметному "миру" аргумента). Включенные пропозиции существуют эксплицитно (в виде придаточных предложений) либо имплицитно (в виде пресуппозиций). В условиях пропозициональной квантификации предложение с квантором получает общее семантическое представ-ление:

$$\bar{E} x P_2(x) \wedge \bar{P}_1(x), \quad (3)$$

где P_1 - включающий предикат, P_2 - включенный предикат. Данная семантическая формула соответствует, например, предложению "Все люди смертны" \leftrightarrow "Не существует такого x , который был бы человеком и не был бы смертен".

Различие термовой и пропозициональной квантификации наиболее существенно сказывается на употреблении кванторов-конституентов.

Кванторы-конституенты: термовая квантификация. Наиболее типичное использование квантора-конституента в условиях термовой номинации наблюдается в предложении, когда квантор занимает позицию обобщающего слова сочинительной конструкции. При этом квантификация считается термовой независимо от того, являются ли компоненты сочинительного ряда именами или дескрипциями, ср.: "Ни одному мальчику, самому послушному, и ни одной девочке, самой внимательной, продавец ни разу в жизни не подарил ни одного шара; ни красного, ни желтого, ни синего" (Ю.Олеша); "Не мудрено, что в своих "Инженерах" он описал железнодорожную постройку такими обольстительными красками. И не только в "Инженерах", а всюду, где она изображается хоть мельком; в "Клотильде", в "Варианте", в "Сутолоке провинциальной жизни", в очерках "Вальнек-Вальновский", "На практике", "На ходу" и т.д." (К.Чуковский).

В зависимости от типа квантора выражается абсолютная или относительная степень вхождения предметной области аргумента в область предиката, например: "Все точно с цепи сорвались - кухонные мальчишки, купцы и инородцы" (И.Бабель); "Конечно, об этом я думал всегда - и днем и ночью, и во сне и наяву" (К.Воробьев); "Там, под этими известняковыми сводами, ютились лавочки - скорее, просто продажа чего-то: кваса, пряников, может быть, дешевых ракет" (Ю.Олеша); "У нее все время что-нибудь элегантейшим образом распадается: волосы, рукава, мысли" (А.Битов).

В ряде случаев сочинительная конструкция и квантор распределяют между собой сферы лексики и грамматики: сочинительный ряд указывает лишь на предметную область, так что сочинительные компоненты никак не ориентированы в синтаксической структуре предложения, что компенсируется четкой грамматической определенностью квантора, например: "И мальчик, что играет на

вольнке, И девочка, что свой плетет венок, И две в лесу скрестившихся тропинки, И в дальнем поле дальний огонек, – Я вижу все" (А.Ахматова); "Детсад, пионерлагерь, школа, институт – всегда и всюду он был и есть с людьми, ну а итог?" ("Замя юности", 14 мая 1981).

Термовая квантификация с использованием кванторов-конституентов может быть реализована и в пределах единиц большего масштаба, чем предложение. Рассмотрим отрывок из романа М.Горького "Жизнь Клима Самгина": "Как-то поздним вечером Люба, взволнованно вбежав с улицы на двор, где шумно играли дети, остановилась и, высоко подняв руку, крикнула в небо:

– Слушайте, слушайте...

Все примолкли, внимательно глядя в синеватые небеса, но никто ничего не услышал".

Термовое представление квантифицируемого с помощью кванторов все и никто множества возможно с помощью системы пресуппозиций, определяющих связность текста, и имеет вид списка детских персонажей романа: Клим Самгин, Борис Варавка, Игорь Туробоев, сестры Сомовы, Алина Телепнева, Иван Дронов. Приведем еще несколько примеров, в которых термовое представление квантифицируемой предметной области имеет в тексте достаточно строгий, однозначный вид: "Было это в пятьдесят седьмом году в Переделкино. Помню так. В столовой – огромная елка. За огромным столом – Борис, его жена Зинаида Николаевна, Ахматова, артист Ливанов, Федин, Нейгаузы, какой-то начинающий поэт Андрияша ... Пили, ели, развеселились все. Потом Пастернак читал свои стихи. Анна Андреевна хвалила его... Начинающий поэт Андрияша глядел всем по очереди в рот..." ("Литературная Россия", 11 марта 1988); "Жили были Сима с Петей. Сима с Петей были дети. Пете 5, а Симе 7 – и 12 вместе всем" (В.Маяковский).

В приведенных выше примерах не возникают трудности с определением границ квантифицируемой предметной области, однако такие трудности существуют⁶. Они связаны прежде всего с тем, что за пределами предложения, на уровне текста, объем квантифицируемого множества становится более неопределенным. Этот фактор оказывается важным для самого характера квантификации: если текст не содержит информации о полном составе множества

индивидов (или содержит эту информацию в весьма скрытом, неявном виде), это значит, что в сферу действия квантора входит не предметная область, а пропозициональная функция и, следовательно, мы имеем дело с пропозициональной квантификацией. Такого рода ситуация может быть проиллюстрирована следующим примером: "Пройдет зима, придет весна, пришла весна, прошла весна". Какая несложная песенка. Уже и лето переломилось. Скоро верхушка лета. ЗИ-с июля. Как быстро все протекает" (К.Бальмонт). Построив гипотезу о термовой квантификации в предложении "Как быстро все протекает", мы встретим немалые трудности с определением объема квантифицируемого множества. Что имеется в виду — зима, весна и лето, о которых упоминает автор, или все четыре поры года, в том числе и осень? Распространяется ли данное высказывание только на такие отрезки, как пора года, или также на месяцы, дни, годы и т.д.? Включается ли в это множество также состояния человека, связанные со временем? Представляется, что гипотеза о термовой квантификации в данном случае не имеет опоры в тексте и квантификацию следует признать пропозициональной, ср.: "Как быстро все протекает" \leftrightarrow "Как быстро все (что существует во времени, связано со временем, является временем) протекает".

Кванторы-конституенты: пропозициональная квантификация.

Предложение с квантификацией рассматриваемого типа всегда полипредикативно и, как уже отмечалось, содержит включающую и включенную пропозиции. Включенная пропозиция может быть выражена придаточным предложением: "...Почему это интересная книга, прочитанная им, теряет в его передаче все, что ему понравилось?" (М.Горький). Однако часто включенная пропозиция содержится в предложении в имплицитном виде: "Мною пользуются, но мне никто не рад" (А.Платонов), ср.: Мне никто (из тех, кто мною пользуется) не рад; "Но, как все, я здесь оглушена Грохотом, которого не слышу" (М.Петровых), ср.: Как все (кто находится здесь), я здесь оглушена; "...Ниночка была этим взбешена, и вот от любви не осталось ничего" (С.Залыгин), ср.: От любви не осталось ничего (что было любовью).

Подробнее остановимся на одной группе конструкций, включающих местоимение всегда. ПАДУЧЕВА, подробно исследовавшая семантику всегда, различает три значения этого местоимения:

1) непрерывно-временное, 2) дискретно-временное, 3) невременное (1985, 225). Всегда₁ выступает маркером термовой квантификации и поэтому здесь рассматриваться не будет. Что касается всегда₂ и всегда₃, то, как показывает ПАДУЧЕВА, всегда₂ квантифицирует связь двух пропозиций через временной параметр ("Он всегда читает в автобусе" \leftrightarrow "Всегда, когда он находится в автобусе, он читает"), а всегда₃ используется в том случае, когда одна пропозиция (квантифицируемая) является аргументом другой ("Он всегда обедает в ресторане" \leftrightarrow "Всегда, когда он обедает, он делает это в ресторане") (1985, 231).

Нет основания отрицать пропозициональный характер квантификации в предложениях с всегда₂ и всегда₃, однако различие дискретно-временного и невременного значений данных местоимений представляется нам спорным. С нашей точки зрения, различие синтаксических конструкций, включающих всегда₂ и всегда₃, обусловлено не семантическим различием кванторов, а другими причинами, связанными со структурой предложения и факторами коммуникативного порядка. Рассмотрим эти причины подробнее.

Трансформируем предложение "Он всегда читает в автобусе" (с пресуппозицией "Он иногда находится в автобусе") так, как предлагает Е.В.ПАДУЧЕВА: \leftrightarrow "Всегда, когда он находится в автобусе, он читает". Представим эту трансформу в формальной записи, учитывая, что P_1 - включающий предикат (читает), P_2 - включенный предикат (находится), x, y, z - аргументы (он, в автобусе, всегда):

$$\bar{E} z P_2 (x, y, z) \wedge \bar{P}_1 (x, z). \quad (4)$$

В этом случае в сферу действия квантора входит включенная пропозиция; такой тип квантификации характерен для конструкций с всегда₂, ср. (примеры Е.В.ПАДУЧЕВОЙ): "У него всегда в пятницу в шесть семинар", "Я всегда встречаю в консерватории Яна", "В карты я всегда у него выигрываю".

Представим аналогичным образом предложение с всегда₃, например: "Он всегда обедает в ресторане" \leftrightarrow "Всегда, когда он обедает, он находится в ресторане":

$$\bar{E} z P_1 (x, z) \wedge \bar{P}_2 (x, y, z), \quad (5)$$

где P_1 - включающий предикат (обедает), P_2 - включенный предикат

кат (находится), x, y, z - аргументы (он, в ресторане, всегда). В этом случае объектом квантификации выступает включающая пропозиция; такой тип семантической структуры характерен для трансформ конструкций с всегда₃, ср. (примеры Е.В.ПАДУЧЕВОЙ): "Я всегда вспоминаю о ней с сожалением", "Он всегда ездит в школу на велосипеде".

Приведенные трансформации показывают, что семантические различия конструкций с местоимениями всегда₂ и всегда₃ обусловлены факторами, никак не связанными со значением самих кванторных местоимений, и что на этом основании нецелесообразно вообще выделять эти разные значения всегда₂ и всегда₃. С нашей точки зрения, существует один русский квантор всегда с одним сигнификативным значением абсолютной квантификации множественных аргументов в функции темпоратива. Это значение может быть реализовано в условиях термовой или пропозициональной номинации множества индивидов предметной области. При пропозициональной квантификации действием квантора всегда может быть охвачена либо включенная, либо включающая пропозиция, что определяется следующими факторами: во-первых, предлоги после, до, в результате и т.п. в качестве квантифицируемой маркируют включенную пропозицию, например: "После его ухода в доме всегда пусто" (включенная пропозиция - "Он иногда уходит") \leftrightarrow "После того, как он уходит, в доме всегда пусто":

$$\bar{E} z P_2(x, z) \wedge \bar{P}_I(y, z) \quad (6)$$

Во-вторых, сфера действия квантора в условиях пропозициональной квантификации может быть, при нейтрализации всех прочих, обусловлена коммуникативным фактором, а именно - актуальным членением предложения. В этом случае для семантического описания квантификации чрезвычайно важна информация о контексте, о системе взаимосвязанных пресуппозиций. Например, одно и то же предложение "Он всегда читает в автобусе" может иметь два различных содержания в двух различных контекстах:

Контекст I

Вопрос: "Что он всегда делает в автобусе?" (Пресуппозиция - "Он иногда находится в автобусе".)

Ответ: "Он всегда читает в автобусе" или "В автобусе он всегда читает".

Контекст 2

Вопрос: "Где он всегда читает?" (Пресуппозиция - "Он иногда читает".)

Ответ: "Он читает всегда в автобусе".

В первом контексте в рассматриваемом предложении в качестве темы выступает включенная пропозиция ("Он иногда находится в автобусе"), а в качестве ремы - включающая пропозиция ("Он иногда читает"). Во втором контексте, наоборот, темой является включающая пропозиция, а ремой - включенная.

Аналогичным образом контекст обуславливает различие конструкций с квантором всегда и в том значении, которое Е.В.ПАДУЧЕВА называет невременным, например:

Контекст 3

Вопрос: "Я иногда вижу его в ресторане. Что он всегда там делает?" (Пресуппозиция - "Он иногда находится в ресторане".)

Ответ: "Он всегда обедает в ресторане" или "В ресторане он всегда обедает".

Контекст 4

Вопрос: "Где он всегда обедает?" (Пресуппозиция - "Он иногда обедает".)

Ответ: "Он всегда обедает в ресторане".

В третьем контексте в предложении "Он всегда обедает в ресторане" в тематической позиции находится включенная пропозиция, а в четвертом контексте - включающая пропозиция.

Анализ рассмотренных здесь и других аналогичных языковых фактов выявляет следующую закономерность: в условиях пропозициональной квантификации в случае, когда включенная пропозиция не эксплицирована и не маркирована соответствующими языковыми формами, в сфере действия квантора оказывается та пропозиция, которая занимает в коммуникативной структуре предложения позицию темы.

Взаимодействие пропозициональной квантификации и текста не ограничивается коммуникативным определением квантифицируемой области с помощью содержащихся в тексте пресуппозиций. Это взаимодействие может быть не только качественным, но и количественным и определять объем той предметной области, относительно которой предложение с квантором истинно.

Рассмотрим несколько примеров: "Побываем всюду, а потом осядем по-хорошему в Самаре, подле своего заводика, и наливо-

чку будем распивать" (И.Ильф, Е.Петров). Когда отец Федор, персонаж романа "12 стульев" говорит "Побываем всюду", то не вызывает сомнения, что предметная область квантификации ограничена (отец Федор не предполагает, разумеется, побывать на Марсе или на Северном полюсе). Однако при этом сфера действия квантора всюду ни в предложении, ни в тексте не указана. Поиск предметной области приводит к мысли, что, во-первых, квантификация в рассматриваемом случае носит пропозициональный характер, во-вторых, в качестве включенной выступает пропозиция с включающим предикатом и модальным компонентом возможности или необходимости, в-третьих, эта включенная пропозиция находится в позиции темы и входит в сферу квантификации. Предложение "Побываем всюду" при таком подходе получит следующую интерпретацию: \leftrightarrow "Побываем всюду, где можно побывать", что отражено в семантической формуле:

$$\bar{E} y \Delta (P(x, y)) \wedge \bar{P}(x, y), \quad (7)$$

где P – пропозициональный предикат (побывать), x, y – аргументы (мы, всюду), Δ – модальный компонент (можно). Ср. аналогичные примеры: "Кажется, там всё знают, ничем не удивишь" (Н.Клюев) \leftrightarrow "Всё, что можно знать, знают"; "...Он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было" (А.Платонов) \leftrightarrow "Ощущал место, где ничего из того, что могло (должно) там быть, не было"; "И рядом, на углу Арбата и Смоленской, магазин торговина, где есть всё, но только для обладателей золота и иностранной валюты" (А.Рыбаков) \leftrightarrow "Магазин, где есть всё, что может быть в магазине"; "Прошла такая длинная жизнь. В ней было всё" (А.Бурганов) \leftrightarrow "В ней было всё, что может быть (бывает) в жизни".

Модальное значение возможности, содержащееся в предложениях указанного типа, может быть в специальных целях эксплицировано, ср.: "Это значит – можно все, что можно" (Д.Самойлов). С другой стороны, компрессия подобной синтаксической структуры с показателем возможности способна создавать эффект особой афористической семантики, например: "Она была для него всем – и даже несколько больше" (З.Паперный). Эти специфические примеры лишь подтверждают мысль о том, что одним из видов пропозициональной квантификации является квантификация в модальном кон-

тексте.

Мы определили только один аспект квантификации в модальном контексте – общий вид пропозиции, которая входит в сферу действия квантора. Нерешенным пока остался вопрос о предметной области, по отношению к которой включенная пропозиция с модальным значением выступает как дескриптивное выражение. К примеру, в предложении "Это значит – можно все, что можно" в качестве такого дескриптивного выражения выступает пропозиция "То, что можно", которая и определяет общее характеристическое свойство индивидов предметной области, применительно к которой предложение "Это значит – можно все, что можно" истинно. Однако границы этой предметной области не эксплицированы. Для того, чтобы дополнить пропозициональную квантификацию в модальном контексте референциальной информацией, необходимо привлечение понятий пропозициональной установки субъекта и возможных миров.

Формирование и произнесение высказывания говорящим осуществляется в контексте его пропозициональных установок (или прагматических пресуппозиций), которые вслед за СТОЛНЕЙКЕРОМ будем определять как "сложные предрасположения, которые проявляются в речевом поведении", т.е. как "пропозиции, неявно подразумеваемые еще до начала передачи речевой информации" (1985, 427–428). Система прагматических пресуппозиций субъекта отражает то, что принято называть интеллектуальной сферой: верования, убеждения, допущения и т.д. Включаясь в систему деятельности субъекта, пропозициональные установки определяют его интенции по отношению к участникам коммуникативной ситуации и к миру. В аспекте же семантики и эпистемологии "множество всех пресуппозиций, имеющихся у человека в определенном контексте, задает класс возможных миров, а именно тех, которые совместимы со всеми пресуппозициями этого множества. Заданный таким образом класс возможных миров определяет границы речевой ситуации" (СТОЛНЕЙКЕР 1985, 428).

Дать полную семантическую интерпретацию предложений с пропозициональной квантификацией в модальном контексте можно лишь в рамках системы прагматических пресуппозиций и со ссылкой на соответствующие возможные миры. Так, установление истинностного значения предложения "Побываем всюду" требует ссылки на прагматическую пресуппозицию: "Отец Федор таков, что считает:

существуют x , такие, где можно побывать". Все индивиды, символы которых можно подставить вместо x в эту пресуппозицию, будут выступать в качестве возможных миров, совместимых с тем, что считает отец Федор.

Для определения интеллектуальной сферы личности, принципиально важной в аспекте референциальной семантики предложений с кванторами, существенную роль играет текст, в котором пропозициональные установки реализуются в виде содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации (ГАЛЬПЕРИН 1981, 28). Однако и в тексте границы множества возможных миров, как правило, обозначены достаточно условно. Текст и содержащаяся в нем система прагматических пресуппозиций позволяют построить лишь гипотезу о множестве возможных миров, соответствующих предложению с квантором. Таким образом, поскольку предметная область квантификации в модальном контексте (класс возможных миров) обладает той или иной степенью дисперсии, соотнесенные с этой предметной областью модальные пресуппозиции и содержащие их предложения с кванторами являются своего рода лингвистическими переменными, подобно тем, о которых применительно к словам писал Л.ЗАДЕ⁷. Один из характерных примеров такого использования кванторов – стихотворение Б.Слуцкого "Всё или ничего":

Чуть больше, чем ничего,
чуть меньше, чем ничего,
собственно, для чего?
Никак не пойму ничего.

Вот если бы сразу все
(и это еще не все),
а так ни то ни се,
а надо – и то и се.

И я не знаю как,
и пробую так и сяк.
Когда не выходит так,
я снова пробую так.

И кем бы я ни кажусь,

но я не откажусь
и не отдам ничего:
все или ничего.

Размытость границ предметной области квантификации, сопровождающаяся несовпадением пресуппозиций адресанта и адресата, нередко оказывается фактором, который препятствует пониманию предложения, например: " - Я для тебя всем пожертвовала, - тихо сказала она и губы ее опять задрожали... - Чем ты пожертвовала?" (И.Бунин); "Ушастый. Здесь есть всё, а там ничего нет. Глава. Чего же там нет, дружок?" (А.Володин).

Отсутствие четкой экспликации предметной области в тексте может быть проявлением особой прагматической стратегии говорящего, обусловленной дефицитом референциальной информации. Когнитивная семантика квантора становится в этом случае самодовлеющей, например: "За много лет знакомства, Тимур Исхакович, мы говорили, наверное, обо всем и только вот помним, что обо всем, а о чем - не помним..." (А.Битов); "Ведущий. Подождите... Не все ребята ответили на вопрос "Кому что не нравится?" Володя, а что ты думаешь?.. Володя. Мне всё понемногу не нравится. Ведущий. Ну что именно?.. Володя. Да не знаю я!.." ("Литературная газета", 1 января 1986); "Другой кричит: "Я - Иисусик, Молитесь мне, я на кресте, В ладонях гвозди и везде" (Н.Заболоцкий). Стратегия "бегства от референции" проявляется и в том, что общий квантор может использоваться в качестве эвфемизма, например: "А теперь, друзья, какое всюду отупенье нрава - нету женщине покоя, повсюду распушенная орава, - деву за руки хватают, всюду трогают ее..." (Н.Заболоцкий); "Мать. Опомнись, что между вами могло быть! Альдонса. Всё" (А.Володин).

С дефицитом референциальной информации в предложениях с кванторами связано и прагматическое недоверие к квантору всё (все, весь, всегда и т.п.), которое выражается в утверждениях типа: "Кто везде - тот нигде" ("Литературная газета", 3 февраля 1988); "Когда виноваты все, то уж и никто не виноват" ("Литературная Россия", 15 января 1988).

Итак, в результате проведенных в данной статье наблюдений можно заключить, что семантическое описание квантификации будет полным только в том случае, когда помимо сигнификативного значения кванторов мы исследуем и референциальные аспекты кванти-

фикации и покажем те семантические особенности кванторов, которые обусловлены содержанием и структурой текста. Таким образом, анализ квантификации как традиционная проблематика логики и семантического синтаксиса представляет немалый интерес в рамках лингвистической прагматики и лингвистики текста.

Примечания

- 1 РЕФОРМАТСКИЙ (1967, 59) отрицал наличие у местоимений сигнификативного значения: "...Никаких "положительных" признаков какого-либо понятия в этих словах не содержится".
- 2 ХИНТИККА (1980, 260-261) пишет об ограничении области квантификации как о первом необходимом условии игры для кванторов; выражение "Существуют лебеди" требует, с его точки зрения, уточнения области, применительно к которой оно истинно.
- 3 См.: ДЮКРО (1982, 264-265). Существует и неограниченная квантификация, о которой, в частности, пишет МАККОЛИ (1983, 179-180), однако в данной работе этот тип квантификации не рассматривается.
- 4 Как указывает ЛЬЮИС (1983, 215), "исчерпывающее перечисление всех мыслимых предметов, включаемых в содержание, никогда не бывает возможным".
- 5 См.: ГРЕЛЛИНГ (1935, 7); КАРАУЛОВ (1976, 109).
- 6 См.: ХИНТИККА (1980, 262).
- 7 См.: ЗАДЕ (1976, 7 и далее).

Литература

- АРУТЮНОВА, Н.Д. (1982): Лингвистические проблемы референции. В: Новое в зарубежной лингвистике 13, Москва, 5-40.
- БЛУМФИЛД, Л. (1968): Язык, Москва.
- ГАЛЫБЕРИН, И.Р. (1981): Текст как объект лингвистического исследования, Москва.
- ГРЕЛЛИНГ, К. (1935): Теория множеств, Москва - Ленинград.
- ДЮКРО, О. (1982): Неопределенные выражения и высказывания. В: Новое в зарубежной лингвистике 13, Москва, 263-291.

- ЗАДЕ, Л. (1976): Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений, Москва.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н. (1976): Общая и русская идеография, Москва.
- ЛЬЮИС, К.И. (1983): Виды значения. В: Семиотика, Москва, 211-224.
- МАККОЛИ, Д.Д. (1983): Логика и словарь. В: Новое в зарубежной лингвистике I4, Москва, 177-200.
- ПАДУЧЕВА, Е.В. (1985): Высказывание и его соотнесенность с действительностью, Москва.
- РАССЕЛ, Б. (1982): Описания. В: Новое в зарубежной лингвистике I3, Москва, 41-54.
- РЕВЗИН, И.И. (1978): Структура языка как моделирующей системы, Москва.
- РЕФОРМАТСКИЙ, А.А. (1967): Введение в языковедение, Москва.
- СТОЛНЕЙКЕР, Р.С. (1985): Прагматика. В: Новое в зарубежной лингвистике I6, Москва, 419-438.
- ХИНТИКА, Я. (1980): Логико-эпистемологические исследования, Москва.
- ЧЕИФ, У.Л. (1975): Значение и структура языка, Москва.

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel werden semantische Besonderheiten russischer Quantorenpronomen (wie *vse*, *vsegda*) aufgrund der Beziehung beschrieben, in der die Einheiten des genannten Typs in einem Textganzen auftreten. Es werden jeweils für sich Quantorenattribute und Quantorenkonstituenten betrachtet.

Владимир В.Макаров, Минск

ЗАГЛАВИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ АКТУАЛИЗАТОР ТЕКСТА

С лингвистической точки зрения заглавие художественного произведения целесообразно рассматривать как номинативное средство (КАРАУЛОВ 1987, 218), и в этом смысле некоторые его свойства можно отождествить с характеристиками имени собственного. Такова, в частности, индивидуализирующая способность заглавия. Но если индивидуализирующей способностью далеко не исчерпываются свойства имени собственного (СУПЕРАНСКАЯ 1973, 266-276), то тем более это справедливо и в отношении заглавия. Специфичность заглавия проявляется уже в том, что, в отличие от имени собственного, оно всегда привязано к своему носителю, т.е. к тексту как выражению определенного акта общения. Участвуя в этом акте и занимая в тексте сильную позицию (АРНОЛЬД 1978, 23), оно оказывается способным акцентировать ту или иную функцию, характерную для языка в акте общения (в смысле известной концепции Р.Якобсона). Вот почему часто указывается, что заглавие "выражает в концентрированной форме основную идею или тему произведения" (КУХАРЕНКО 1979, 50). Такая денотативная направленность находит отражение, например, в заглавии романа М.Булгакова "Белая гвардия". Заглавие может быть ориентировано на позицию адресанта, в данном случае автора произведения. Ср., например, различия в отношении двух французских авторов к событиям I мировой войны: "Le heures longues. 1914-1917" (С.Г.Колетт) и "Heures immortelles. 1914-1919" (Ш.Моррас). Установка на адресата выражается в заглавиях типа "Не стреляйте в белых лебедей" (Б.Васильев). Ср. также заглавие, имеющее метаязыковое распространение, - "Кануны. Хроника конца 20-х годов" (В.Белов), а также заглавие с поэтической ориентацией - "Прости, прощай..." (В.Крупин) или "Зрячий посох" (В.Астафьев).

В рамках подобных функций возможна классификация названий по разным основаниям, например, с выделением 2 типов: заглавий, ориентированных на реалии ("Кюхля", "Чалаев"), и заглавий, связанных с условными (символическими или обобщенными) представлениями ("Капитальный ремонт") (подробнее см.: ГОРЕ-

ЛОВ 1980, 97-98). Как можно судить по работам И.В. Арнольд, представляют интерес и классификации, основанные на структурных характеристиках заглавий.

Вместе с тем представляется, что подобные подходы не всегда достаточно полно учитывают культурный аспект изучаемой проблематики. Но этот аспект очень важен. Духовный климат общества в тот или иной период времени, обстоятельства культурной жизни, характер эстетических тенденций, определяющих "стиль эпохи", - все здесь имеет значение. Так, в отношении литературы реалистической направленности можно отметить склонность указывать в заглавиях главное действующее лицо или существенное для общей темы место действия, т.е. склонность к денотативной определенности (пушкинские "Евгений Онегин", "Домик в Коломне"). Тяготение к метаязыковому построению заглавий характерно для литературы Просвещения (трагедия Вольтера "Mahomet ou le Fanatisme", или его повести "Zadig ou la Destinée", "Candide ou l'Optimisme" и т.д.). Часто наблюдается усиление коннотативных элементов в заглавиях, если литература активно откликается на новые идеологические и политические процессы в обществе. Отсюда обращение к предикатным формам типа "Что делать?", "Кто виноват?". В этом свете, очевидно, следует рассматривать и такие факты, как "Живи и помни" (В.Распутин), "Встань и иди" (Ю.Нагибин) или "Дальше... дальше... дальше!" (М.Шатров).

Ощущение культуры в ее историческом единстве находит, применительно к художественному тексту, конкретное выражение в принципе использования прецедентного материала. Так рождается понятие "вертикального контекста", относительно которого, на основе культурно-исторических критериев, оценивается данный текст (АХМАНОВА/ГЮББЕНЕТ 1977, 49-50). В этом смысле обращает на себя внимание характерная для литературы XX века тенденция к широкому использованию мифологических мотивов, о чем свидетельствует творчество таких разных писателей, как М.Булгаков, Ж.Кокто, Т.Манн, Кобо Абэ и многих других (МЕЛЮТИНСКИЙ 1976, 7; МАКСИМОВ 1979, 15). Наблюдается своеобразная ремифологизация литературы в качестве способа художественного мышления и инструмента организации текста. В этой связи получает объяснение и факт резкого увеличения доли мифопоэтических мотивов в

заглавиях. Исключительно богатый и мало изученный под этим углом зрения материал представлен в творчестве русских поэтов начала XX века, в частности А. Блока.

Р. Якобсон заметил, что в поэтическом произведении имеются определенные элементы, составляющие неотъемлемый компонент динамики этого произведения. Задача, по его мнению, состоит в том, чтобы "извлечь эти постоянные компоненты, или константы, непосредственно из текста поэтического произведения путем его внутреннего, имманентного анализа, а если речь идет о варьирующих компонентах, установить, что является закономерным и устойчивым в этом диалектическом движении, найти основу ... вариаций" (ЯКОБСОН 1987, 145). Имея ввиду прежде всего блоковские "Стихи о Прекрасной Даме"^I, мы постараемся показать, что в этом диалектическом движении организующая роль заглавия определяется, помимо прочего, и фактором культурного порядка.

В свете нашей задачи важным представляется вопрос о назначении и роли заглавия в соотношении с понятием цикла как особого вида организации поэтического текста.

Приверженность русских символистов к циклизации отмечалась многими исследователями (см., напр.: ГОФМАН 1937, 77). Но можно согласиться с мнением Л. Я. Гинзбург, что для поэтического мышления Блока эта особенность носит уникальный характер (ГИНЗБУРГ 1974, 258). Специфична уже сама организация цикла у Блока. Вряд ли у какого-либо другого поэта можно видеть столь последовательное развитие темы в пределах одного цикла, с едва заметным порой нарастанием новых акцентов, слиянием разных оттенков чувства и мысли, намеков на текущие события и реминисценций из многих культурно-исторических источников. Все это приводит к тому, что, по мере движения цикла, его тематическая структура постепенно обогащается за счет различных ответвлений, перерастающих рамки первоначального замысла и подготавливающих основу для новых тематических комплексов. Вот почему не только три тома его стихотворений часто представляются как большой поэтический цикл, но и все блоковские тексты воспринимаются "как одно произведение" (МАКСИМОВ 1979, 18). Это обстоятельство, несомненно, влияет на выбор заглавий и на характер их взаимодействия по линии "стихотворение - стихотво-

рение", "стихотворение - раздел цикла", "стихотворение - цикл".

Весь цикл "Стихов о Прекрасной Даме" состоит из 161 произведения, включая "Вступление" (БЛОК, I). Впечатляет уже количественная сторона цикла, если принять во внимание, что такие Брюсовские циклы, как "Juvenilia", "Chefs-d'oeuvre" или "Me eum esse", включают в себя соответственно лишь 29, 52 и 72 стихотворения (БРУСОВ, I)². Но еще более интересно то, что оба поэта показывают в сущности противоположный подход в том, что касается соотношения общего наименования цикла, наименования его разделов, а также входящих в него стихотворений. Блок стремится свести к минимуму число каких-либо наименований в рамках цикла. Для Брюсова, напротив, характерно желание выделить под особыми заглавиями и отдельные части цикла, и отдельные стихотворения. Если отвлечься от наименования "Вступление" (оно носит скорее структурный, чем содержательный характер), то у Блока явно ощущается желание приглушить семантический аспект рубрикации. Этим, очевидно, объясняется использование римских цифр для выделения частей цикла (от I до VI). Для Брюсова, напротив, характерно четкое, последовательное название отдельных частей цикла. Так, в рамках "Juvenilia" обозначены все четыре раздела - "Пролог", "Первые мечты", "Новые грезы" и "Лирические поэмы" (см. также для цикла "Me eum esse": "Новые заветы", "Видения", "Мгновения", "Скитания", "Ненужная любовь" и др., всего 9). В цикле "Chefs-d'oeuvre" заметна склонность к еще большему семантическому порционированию путем выделения подзаголовков к отдельным частям раздела "Стихи о любви". При этом детализация идет порой настолько далеко, что подзаголовком охватывается лишь одно стихотворение (при том, что само стихотворение имеет и более общее заглавие).

Не менее показательны то, как в рамках блоковского и Брюсовского циклов озаглавливаются стихотворения. Блок последовательно избегает семантической определенности, предпочитая в подавляющем большинстве случаев не эксплицировать содержание. Из 161 стихотворения цикла лишь восемь получили наименования: "Вступление", "Моей матери", "Двойнику", "Ночь на первый год", "На смерть деда", "Экклесиаст", "Старик" и "Religio". У Брюсова же заметна тенденция к тому, чтобы поднять уровень семантической определенности за счет озаглавливания стихотворений. В цикле "Juvenilia" озаглавлено 19 стихотворений (не озаглавлено 14).

В цикле "Chefs-d'oeuvre " это соотношение еще более показатель-но: озаглавлено 53 стихотворения и не озаглавлено всего 10. Даже в цикле "Me eum esse " , где озаглавленных стихотворений меньше (36 против 46), семантическая определенность на уровне заглавия остается значительно более высокой, чем в "Стихах о Прекрасной Даме".

Эти различия можно объяснить индивидуальными особенностями поэтических систем Брюсова и Блока, их разным поэтическим мироощущением. Отмечено, что творческий метод Брюсова характеризуется подчеркнутым вниманием к конкретности, к четкому выделению поэтических объектов, к их дискретному представлению. Это сказывается на разных сторонах брюсовского текста. Так, М.Л.Гаспаров отмечает "номенклатурный" характер поэзии Брюсова, его склонность к "громоздящимся перечням собственных имен", персонификациям науки ("Колумб", "Пифагор", "Птолемей"), культуры (зубцы дантовой Равенны), истории, географии и т.п. (ГАС-ПАРОВ 1985, 110). В этом ему видится особый почерк Брюсова, проявляющийся, в частности, в выделении единичного, конкретного предмета или лица и в переносе его названия на ту или иную отвлеченную идею. Такой же прием отмечается Л.Я.Гинзбург, но уже в отношении брюсовских циклов, которые, по ее мнению, отличаются значительной тематической самостоятельностью, "рядоположенностью" (ГИНЗБУРГ 1974, 258). Рядоположенность, проистекающая из тематической и сюжетной самостоятельности, отмечается и для стихотворений, составляющих брюсовские циклы (ПЕТРОСОВ 1985, 105). В свете указанной дискретности семантической стороны получает объяснение и тот факт, что в рамках брюсовского цикла обнаруживается относительно большое число стихотворений, отмеченных индивидуальным именем-заглавием.

Метод Блока в известном смысле противоположен подходу Брюсова. Он предполагает не столько "квантование" семантики, сколько ее плавное течение, не столько прерывистость и отчетливость границ между отдельными ее частями, сколько органическую слитность и синкретизм единого целого. Этот принцип прослеживается во всем творчестве Блока, в гармоничном переходе одной поэтической темы в другую. Он находит отражение в способах объединения циклов в более широкие сюжетно-тематические комплексы (таковы три тома его лирики) и в формировании самих

циклов. Выделение отдельных частей цикла при помощи заглавий находится в тесной связи с отмеченной выше синкретичностью поэтической мысли Блока. Поэт отказывается от семантически конкретной индивидуализации всех разделов цикла, заменяя названия римскими цифрами. Синкретичностью же объясняется и то, что без заглавий остается подавляющее большинство образующих цикл стихотворений. Как следствие этого возрастает функциональная нагрузка общего заглавия цикла и усиливается роль внутренних средств текста, при помощи которых достигается его семантическая когерентность. Здесь особое значение приобретают изотопические возможности общего заглавия цикла.

Заглавие "Стихи о Прекрасной Даме" соотносит поэтическую идею Блока с далекой эпохой рыцарского уклада. В плане общих для русской поэзии традиций такой прием несколько необычен. Ведь рыцарско-куртуазная культура с ее эстетизированием общения, тщательно разработанным этикетом, турнирами, развитием своеобразных салонных форм жизни и связанным с этим возвышением роли хозяйки дома, не имела исторических корней в русской почве, ибо это не отвечало ни древним языческим обычаям, ни славяно-византийским христианским установлениям (РОБИНСОН 1980, 161). По этой причине у нас не могла получить развития литература, которую можно было бы типологически сопоставить с произведениями трубадуров или миннезингеров. Этим же, очевидно, объясняется то, что если наша литература в более позднее время и обращалась к рыцарским мотивам, то эти опыты, при всей их художественной значительности, мало были связаны с общим литературным потоком. Островками здесь выглядят баллады В.А. Жуковского с их романтическим стремлением к далекому и неземному. В таком же плане можно рассматривать стихотворение А.С. Пушкина "Жил на свете рыцарь бедный" или его "Сцены из рыцарских времен", представляющие собой неоконченное драматическое произведение.

В творчестве Блока этот опыт получает, однако, значительное развитие. Его "Прекрасная Дама" не только уводит читателя в далекую романтическую эпоху и тем самым как бы воссоздает частицу ушедшего мира. У Блока этот прием оказывается связанным с гораздо более широкими художественными целями, чем восстано-

вление в опозитизированной форме старинного мифа. В самом деле, овеянная романтической дымкой атрибутика рыцарской жизни послужила прежде всего для показа богатого внутреннего мира лирического героя, имеющего индивидуальные приметы личности и связанного многообразными нитями с конкретным, хотя и затушеванным временем и пространством, в которых он живет. Таким образом, в "Стихах о Прекрасной Даме" выявляются два тесно взаимодействующих, гармонично слитых семантических плана – лирическая атмосфера реального существования реального героя в опозитизированной проекции на рыцарскую эпоху и в подсветке некоторых характерных для нее примет и особенностей. Это своеобразная развернутая до размеров всего цикла метафора, в которой взаимоотношения героев выстраиваются сходным образом относительно культурно-исторической модели, "архетипической ситуации – отношений полов" (ЛОТМАН/МИНЦ/МЕЛЕТИНСКИЙ II, 1982, 61), а сами герои отождествляются с соответствующими протоперсонажами. Конечно, как и во всякой метафоре, тем более сюжетно-тематической (ТАРАСОВА 1975, 129–130), это уподобление проявляется в основных линиях и компонентах, часто оно лишь намечается, а во многих случаях просто исчезает под воздействием разных обстоятельств, растворяясь в игре намеков, чувств и настроений, образующих общую лирическую атмосферу текста-цикла. Если согласиться с таким подходом, то очевидно, что в семантическом пространстве изучаемого текста основными актантами выступают лирический герой и предмет его всепоглощающего чувства, с одной стороны, и структурно отождествляемые с ними персонажи мифоподобной ситуации, т.е. рыцарь и Прекрасная Дама, – с другой стороны. Эта соотносительность двух планов поддерживается и известной изоморфностью в том, что касается связей и отношений между актантами: взаимоотношения и поведение реальных героев раскрываются на фоне возвышающих предписаний рыцарского этикета.

Если верно, что заглавие ориентирует на основное содержание произведения, то, очевидно, в нашем случае целесообразно начать анализ изоморфности указанных двух семантических планов с рассмотрения реального и прототипического относительно женского начала в тексте Блока. Подобно многим исследователям, Р. де Гурмон, изучая проблему идеала женской красоты, задавал-

ся вопросом: "Существовала ли Беатриче Данте? Каково соотношение между реальным и идеальным в ее образе? Воплощается ли в этом образе женщина, или это создание ума и романтического воображения?" (GOURMONT 1908, 7). Примерно такие же вопросы возникали и в отношении "Прекрасной Дамы" Блока. Н.Гумилев говорил о ней: "Если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то мне кажется, ни одно стихотворение не опровергнет этого мнения." (ГУМИЛЕВ 1912, 60-61). Действительно, как можно заключить из дневниковых записей Блока, кристаллизация образа Прекрасной Дамы в его стихах проходила под воздействием сильного чувства к его будущей жене Л.Д.Менделеевой. Подобная зависимость художественного мышления Блока от реальных жизненных стимулов проявляется и позже, например, в цикле стихотворений "Кармен" и в драме "Песня судьбы", лирическая тональность которых связывается с его увлечениями Л.А.Дельмас и Н.Н.Волоховой (см.: ГРОМОВ 1961, 396). Но во всех этих случаях, включая "Стихи о Прекрасной Даме", впечатления личной жизни поэта оказываются приглушенными. Характерно, что не только в самих стихах, но и в околотекстовом окружении не обнаруживается открытых ассоциаций с личностью Л.Д.Менделеевой. Но образ реальной женщины, хотя и сокрытый за дымкой намеков и иносказаний, все же ощущается и прежде всего благодаря некоторым вполне реальным признакам времени, места и общей атмосферы жизни. Речь идет не только о тщательности, с которой поэт отмечает дату и место написания едва ли не каждого стихотворения (особенно важны, очевидно, указания на Петербург и Шахматово). Существенны детали в самом тексте, которые соотносят образ героини с конкретными, даже бытовыми приметами: "твой манящий девичий наряд"; "ее серебристо-черный мех"; "он думал о шубке с мехом". Ср. также национально-символическое содержание в зарисовках: "Утром белая церковь вдали и близка и ясна очертаньем"; "И в вечном свете, вечном звоне Церквей смешались купола"; "А там - в углу - под образами..."; "в мерцаньи красных лампад". И еще более определенно: "И мнилась мне Российская Венера Тяжелою туникой повита"; или "Белой ночью месяц красный отражается в Неве"; "над берегом Невы и за чертой столиц". Но следует подчеркнуть, что в подобном использовании конкретных примет, тем более национально

окрашенных, Блок довольно сдержан. Он словно боится приблизиться к черте, отделяющей сокровенное личное от проясненной обыденности. Мысль его стремится в романтическую сферу, где, пользуясь выражением Э.Г. Минц, отклики на "случившееся" в жизни поэта соотносятся с его чувством идеального и возвышенного. Вот почему Л.Д. Менделеева не склонна была отождествлять себя с героиней Блока. И сам Блок, отвечая на вопрос З. Гиппиус: "Не правда ли, ведь говоря о Ней, вы никогда не думаете, не можете думать ни о какой реальной женщине?", отвечал: "Ну, конечно, нет, никогда" (цит. по: ТУРКОВ 1969, 49).

Действительно, лирическое состояние героя передается в значительной мере путем преобразования реальных ощущений в возвышенно смутные впечатления, соотносимые с далекой эпохой. Рыцарский кодекс поведения, провозглашенные им добродетели, среди которых не последнее место отводится обожанию Дамы, разработанный в связи с этим этикет – вот основа, на которой в провансальской литературе возникает ритуализованная схема отношений главных персонажей – рыцаря и его Дамы. В этом же контексте рождается идеал женской красоты, получающий стереотипизованную форму. Такие моральные качества, как чистота, доброта, отзывчивость, сочетаются в нем с представлением о телесном совершенстве, причем наиболее ценимые внешние черты сводятся к нескольким характеристикам женского облика. Чаще всего, пожалуй, упоминается идея белизны – белокурые волосы, белая шея, белые руки, молочный цвет лица и т.д. (ГУРЕВИЧ 1984, 217). Идеал женской красоты в таком типизированном представлении переходит и в последующие эпохи, его отражения встречаются в текстах Рабле и его современников (*le teint clair et blanc, le col blanc comme laict* и т.д.; см.: ANTONIOLI 1985, 29). В этом предпочтении белого, светлого находит выражение типично средневековое, но свойственное и более позднему времени понимание прекрасного как сверкающей субстанции. С этим связывается и широко распространенная метафорика света (МЕЙЛАХ 1973, 259). Эта особенность, в сочетании с различными другими элементами, оказывается не чуждой и поэтическому мышлению Блока. Более того, в блоковском тексте эти средства, как и некоторые другие, получают особое символическое значение, указывая либо на черты лирической героини, либо, более сложным образом,

на приметы воображаемой куртуазной обстановки, в которой она живет. Связанные с ритуализованной ситуацией из рыцарской жизни, эти элементы образуют в тексте особую культурно-смысловую плоскость, благодаря которой он постоянно соотносится с общим заглавием цикла. Их изотопическая роль относительно заглавия тем более значительна, что непосредственно в тексте номинация "Прекрасная Дама" появляется лишь однажды, в самом конце цикла, к тому же осложненная дополнительными функционально-семантическими аспектами (к этому вопросу мы еще вернемся). Проиллюстрируем это несколькими примерами.

В соответствии с рыцарским этикетом, претендент на внимание и любовь со стороны Дамы проходит в служении несколько ступеней, в частности как *fenhedor*, молча вздыхающий и скрывающий свои чувства, или как *presador*, смиренно молящий о любви (СМЕРНОВ 1946, 85). Культ Дамы, перекликаясь с социальными нормами отношений того времени, часто обретает форму вассального служения, и тогда рыцарь рисуется как подданный или даже слуга, а Дама — как сюзерен, благоволящий или не благоволящий к своему поклоннику. В блоковском тексте такие моменты имеют многообразные преломления.

Отметим прежде всего такие места, которые относительно полно моделируют ситуацию рыцарского поклонения даме. В этом случае можно установить некоторые типизированные формы, в которых выражаются интенциональные сущности, т.е. семантические представления персонажей — рыцаря и Дамы, а также схемы их функционального соотношения, т.е. предикатные, событийные связи между этими персонажами. Вот одна из возможных иллюстраций:

"Я стерегу Ее ключи
И с Нею присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед,
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной."

Здесь наиболее широко представлены номинативные средства, относящиеся к Даме: Недостижимая, Непостижная, а также место-

именные номинации: (с) Ней, Ее. Что же касается второго персонажа – рыцаря, то его именование сведено к одной возможности – местоименной номинации (я, мой, (со) мной). Достаточно ясно эксплицируется функциональный аспект в таких предикатных словах, как служенье, стеречь, незримый, информативны и элементы, указывающие на сопутствующие обстоятельства и характерные атрибуты ситуации – скрещаются мечи за красоту, или слова с более высокой степенью аллюзивности (Завет, Черты недвижимы и др.). Несомненно, что имеет значение и такой внешний факт, как строчная или прописная буква (в блоковском тексте четко выражена тенденция к использованию прописной формы при номинации Прекрасной Дамы – см.: КАРПЕНКО 1983, 89).

Та же ситуация может принять иной вид вследствие некоторого изменения в интенциональной основе, с сохранением, однако, общей структурной схемы. См., например, усиление идеи верности и служения путем введения противопоставления "Царица" и "раб" ("Царица чистоты", но "безвестный раб", "бессильный сон раба").

Изотопическую нагрузку несут на себе и другие, довольно многочисленные средства, которые развивают или усиливают основную идею и таким образом поддерживают связь текста и его заглавия. Это в первую очередь относится к характеристикам Дамы: "бесстрастна в чистоте", "царица чистоты", "светла до странности", "белая ты" и т.д. – факты, которые показывают связь поэтического мироощущения Блока со стереотипизированным образом Прекрасной Дамы в рыцарской литературе. С другой стороны, обращает на себя внимание, по принципу контрастности, характеристика – "я – черный раб".

Вообще цветовая символика, имеющая своим истоком привычные характеристики Прекрасной Дамы, играет в тексте Блока исключительную роль. Она часто используется метафорически для описания пейзажа и в более широком смысле всей обстановки, в которой живет Прекрасная Дама: "Как ясен горизонт! И лучезарность близко. Но страшно мне: изменишь облик Ты"; "Ты в белой вьюге", "в вечном свете" и т.д. И, наоборот, обстановка, в которой ощущается присутствие сил, враждебных миру Прекрасной Дамы, и потому вызывающих чувство беспокойства и тревоги, описывается в темных тонах. Ср.: "свет выбежал, и снова тьма бро-

дила", "сумрак таинственный", "немеющая тень" и др.

Подобную функцию связывания и изотопической отсылки к основной поэтической идее выполняют и многие другие средства, образующие в тексте Блока некое лингвистическое и художественно-образительное целое. К ним относятся, например, различные словесные группировки полевого типа, связанные между собой едва уловимыми переходами и нюансирующие фон нездешности и приподнятости, на котором развивается действие. Их доминантные элементы соотносятся с идеей тайны, таинственности ("тайные знаки", "тайные думы", "тайно тревожна и тайно любима", "таинственные страны"), призрачности, неясности ("смутна жизнь", "неясен и смутен ответ"), ирреальной отстраненности ("сон о Ней", "нежный сон", "бессильный сон", "объемли сны, какими я оваян", "улыбки, сказки и сны"). Такая направленность часто поддерживается и соответствующей глагольной лексикой: "Чей-то сон шептался обо мне", "предчувствую Тебя", "мнилась мне Российская Венера" и т.д.

Высокая общая изотопичность текста объясняет, почему в "Стихах о Прекрасной Даме" ключевые элементы заглавия появляются лишь один раз, причем в самом конце цикла:

"Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад".

С одной стороны, в этом находит отражение известная закономерность построения текста, в соответствии с которой "в оккупированных текстах... строчки, занимающие "сильные позиции", являются одновременно и решающими строчками для понимания стихотворения" (GENISCA 1972, 54). Действительно, если понятие сильной позиции относится прежде всего к заглавию, эпиграфу, началу и концу текста (АРНОЛЬД 1978, 24), то прямая переключка заглавия с одним из заключительных стихотворений цикла должна рассматриваться как прием кольцевого охвата в целях акцентирования идейно-художественного содержания и языковых средств, благодаря которым это содержание раскрывается. Такой подход тем более представляется возможным, что "кольцевание" является весьма характерной особенностью блоковских стихотворений в разные периоды его творчества.

Таким образом, кольцевой способ построения "Стихов о Прекрасной Даме" оказывается частным выражением поэтического приема Блока, который в предварительном порядке можно определить как композиционное движение от объявления тезы (через начало или, в данном случае, через заглавие произведения) к ее подтверждению. Такой принцип композиции иногда выделяется среди других возможных подходов, с одновременным учетом моментов отрицания тезы и возвращения к ней через борьбу и сомнение (ЗЕЛИНСКИЙ 1985, 36). У Блока эта схема, однако, осложняется целым рядом факторов, оказывающих столь сильное воздействие на содержание цикла, что идея кольцевого замыкания становится недостаточной для объяснения многих особенностей текста. Среди этих факторов укажем прежде всего склонность поэта к ассоциативному параллелизму образов и, как следствие, к параллелизму ситуаций, в которых действуют герои. Наиболее важной, но не единственной линией, которая ассоциативно выстраивается в цикле относительно образа собственно Прекрасной Дамы, является линия, связанная с библейским персонажем, мифологемой Девой Марией.

Исторически культ Девы Марии и культ красоты, связанной с образом Прекрасной Дамы, имели некоторые точки соприкосновения уже потому, что в Западной Европе поклонение Марии продолжало и развивало древние языческие традиции и обычаи, восходящие к культу древнегреческой богини чувственной любви и красоты Афродиты и, возможно, к еще более древнему культу Исиды в Египте и Астарты в Финикии (AHSMANN, 4). Блоку это обстоятельство было хорошо известно и он связывал представление о Прекрасной Даме с Афродитой и Астартой (БЛОК, УП, 36). В Средние века, при всех различиях этих культов, в их ритуальной стороне было много общего, например, в том, что касается идеи служения и жертвенности. Это приводило к взаимопроникновению или даже к слиянию отдельных элементов культов. Характерно, например, что в рыцарском мироопущении образ Девы Марии связывался не только с милосердием и состраданием, но и с феодально-военной идеей власти над людьми (AHSMANN, 45). Взаимодействием этих культов объясняется и своеобразная гедонистическая окраска, которую приобрела религиозная заповедь любви в своем

движении от концепции *caritas* (духовная любовь) к концепции *amor* (земная любовь) (СМИРНОВ 1946, 86).

Уже в провансальской и северофранцузской литературе взаимодействие этих двух культурных и социально-идеологических планов получило широкое отражение. Об этом свидетельствуют, в частности, произведения Кретьена де Труа, в которых концепция рыцарского поведения строится прежде всего на соотношении религиозного идеала и культа Дамы (BORODINE 1909, 278). Эта линия развивается в поэзии европейского Возрождения и в последующие эпохи, постепенно оказывая все возрастающее воздействие на разные стороны искусства. Как важный элемент духовной культуры, в новое время она отливается в форму широко распространенной эстетической концепции "Вечной женственности". В этом символе всеобъемлющей красоты и гармонии присутствует и библейское начало: "Мария в качестве первообраза выражает черту женственности, присущую всему христианству" (ШЕЛЛИНГ 1966, 134).

Стихи Блока словно иллюстрируют диахроническую модель становления этой концепции. Линии Прекрасной Дамы и Марии в его тексте развиваются то обособленно и независимо одна от другой, то перекрещиваются и сливаются в единое представление красоты и совершенства. В первом случае выделяются специальные номинативные средства:

"Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все - в открытые врата.
Там - в глубине - Мария ждет молений..."

Дискретность библейского элемента обнаруживается и в таких обозначениях, как Святая, Купина, Дева ("Младенца Дева родила") и др. Особенно следует отметить то, что библейская тема раскрывается лексико-семантическими средствами, структурная основа которых в высокой степени изоморфна относительно лексики, связанной с рассмотренной выше ритуализованной ситуацией служения Прекрасной Даме. Это проявляется в симметрии отношений: Прекрасная Дама - рыцарь, Дева Мария - инок, а также в сходстве обстоятельств, действий и других примет, характерных для сопоставляемых ситуаций и участвующих в них персонажей. Так, идея служения (Прекрасной Даме) соотносится с актом моления ("Мария ждет молений"), в одном случае "Я стерегу Ее клю-

чи, И с Ней присутствую, незримый, Когда скрещаются мечи", в другом – "Я, отрок, зажигаю свечи, Огонь кафельный берегу". Характеристика белизны, света, чистоты, ассоциируемая с Прекрасной Дамой, распространяется и на библейский персонаж: "А в лицо мне глядит, озаренный, Только образ, лишь сон о Ней". И, наоборот, "черный раб" в параллельном выражении дает "Безрадостный и темный иннок". Важную фоновую роль играют слова типа храм, ризы, молитва, монастырь, а также некоторые ономастические средства (Христос, Иуда).

Линия Марии, связанная с глубокой традицией европейской культуры, поддерживается, очевидно, и некоторыми индивидуальными особенностями поэтического мышления Блока. В созданном им универсуме доминируют мотивы высокого духовного звучания. Именно эти элементы отбираются им среди возможных вариантов культовой модели отношений рыцаря и Дамы. А в этом культе, как известно, не исключались чувственные и даже адюльтерные моменты. Показательно, что Блока интересовало содержание античного культа Афродиты и Астарты, но – как он сам это подчеркивает – без его чувственной стороны (ЕЛОК УІ, 36). Обращение к образу Марии с ее ореолом девственной чистоты усиливало идею культа женщины за счет высоко эстетизированного, духовного понимания чувства любви. Таким образом, библейский мотив в "Стихах о Прекрасной Даме" имеет не столько христианское, в религиозном смысле этого слова, сколько мифологическое значение. Не случайно некоторые строчки Блока воспринимались как кощунственные с точки зрения официальной церковности (МИНЦ 1985, 17). Именно мифологизированный аспект сближает образ Марии и образ Прекрасной Дамы и объясняет их тесное взаимодействие в блоковском тексте, столь тесное, что нередко они сливаются в нерасторжимом синкретическом единстве, через которое просвечивает и облик реальной героини. Это можно видеть в таких строках:

"В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный – жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую."

Ср. также:

"О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты."

Вышесказанное свидетельствует о приверженности Блока традициям западноевропейской культуры. Это ощущение исходит из текста "Стихов о Прекрасной Даме", оно передается уже его заглавием, поддерживается разнообразными лексико-семантическими средствами, благодаря которым поэтическая идея, гармоничная в своей разветвленности, сохраняет все же высокую степень связности и единства. На этой основе формируется коммуникативное пространство, которое для русского читателя связывается с далеким ему миром, с представлениями, идущими из чужой культуры. Этим, очевидно, объясняется отмеченное Блоком впечатление Есенина: "Вы – западник" (БЛОК VII, 316). С этим же, по-видимому, связано встречающееся у некоторых авторов мнение, будто для Блока характерна сдержанность в использовании русского "национального колорита" (МАКСИМОВ 1979, 21). С таким мнением, однако, трудно согласиться. Хотя прямые национальные приметы, действительно, встречаются в тексте довольно редко (мы уже отмечали такие факты, как Нева, Российский и некоторые другие), русская атмосфера в нем все же чувствуется, особенно благодаря фольклорным мотивам, которые своеобразно взаимодействуют с другими линиями "Стихов о Прекрасной Даме". Важно подчеркнуть, что фольклорный момент присутствует в самом лирическом основании "Стихов о Прекрасной Даме", участвует в раскрытии поэтической идеи – Вечной женственности. К аспектному представлению этой идеи на основе образов Прекрасной Дамы и Марии присоединяется еще одна возможность благодаря использованию фольклорного образа Невесты. У Блока этот образ живет в контексте характерных для народной поэзии мотивов. К ним относятся, например, темы томления по недоступной дева-царевне ("Ты

горюшь над высокой горю, Недоступна в Своем терему"), состояния тревоги и беспокойного ожидания, соотношенного с зарисовками мрака, хмары и особенно тумана: "Там – вечеряющая даль, туманы, призраки, виденья, Мне – беспокойство и печаль, Тебе – покой и примиренье"; или: "За туманом, за лесами, Загорится – пропадет, Еду влажными полями, Снова издали мелькнет" и т.д.

Подобные факты не представляют собой, разумеется, индивидуальную особенность Блока, они хорошо освоены в русской литературной традиции. Ср., например, у Фета: "Я ждал. Невестой-царицей Опять ты на землю сошла"; то же можно сказать в отношении художественной функции таких слов, как туман (ГРИГОРЬЕВА/ИВАНОВА 1985, 138). В этом смысле можно согласиться с мнением о том, что у Блока хорошо развита "память жанра", что он следует традициям фольклоризма в отечественной литературе (ЛЕВИНТОН 1977, 172). Дополнительным свидетельством тому может служить прямая отсылка к и вестному произведению В.А. Жуковского: "Лежат холодные туманы, Горят багровые костры. Душа морозная Светланы В мечтах таинственной игры". И все же фольклорные мотивы в поэзии Блока – это не только "память жанра", дань литературной традиции. Известно, что он проявлял большой интерес к исследованиям народных поверий (ГРЯКАЛОВА 1987, 62). В некоторых случаях фольклорные темы получают у него столь значительное художественное преломление, что, лишённые их, "Стихи о Прекрасной Даме" много потеряли бы в своей эстетической силе.

Укажем на мотив реки и берега, связываемый в народной поэзии с идеей препятствия на пути к невесте и широко отражаемый в стихах Блока: "Так блудящими огнями Поздней ночью, за рекой, Над печальными лугами Мы встречаемся с Тобой"; "Кто-то навстречу – бегу... Отблески, сумерки вешние, Кликни на том берегу" или "Она без мысли и без речи На том смеется берегу". Подобные фольклорные темы вписываются в более широкое семантическое поле, которое в блоковском тексте опирается на представление о нездешнем, недоступном и потому таинственном и прекрасном. Отсюда и частый уход поэтической мысли в такие отвлечённые сферы, где синкретический образ "Девы, Астарты, невнятного" приобретает очертание некоей Души мира, требуя для себя космической атрибутики: "Она течет в ряду иных светил", "Недости-

жмая звезда", "Ты... в передраcсветной лени На звездные пути Себя перенесла" или "...Встану я в утро туманное, Солнце ударит в лицо. Ты ли, подруга желанная, Входишь ко мне на крыльцо?".

Таким образом, поэтическое содержание "Стихов о Прекрасной Даме" формируется под воздействием нескольких мифообразующих элементов, связанных с разными культурно-историческими и литературными источниками. Так возникает разноликий, хотя и согласованный по многим характеристикам идеальный образ женщины в ореоле чистой красоты и нравственного совершенства. Но утверждение этого идеала проходит через борьбу, достигнутая гармония подвергается испытаниям со стороны противоположных сил. На этой основе зарождается сомнение ("Ты свята, но я тебе не верю"), культ женщины ослабевает. Это осуществляется в разных формах, прежде всего путем снятия ореола исключительности и снижения ритуализованного женского образа. Оставляя сферу возвышенного, этот образ приближается к условиям земной жизни, из предмета обожания и поклонения он превращается в источник страдания и даже опасности. Постепенно вырисовывается некий антиобраз, в котором, как это наблюдалось и в отношении положительного женского начала, можно обнаружить несколько аспектов.

Один аспект антиобраза Прекрасной Дамы носит довольно открытый характер и связан с появлением мотивов, подчеркивающих земные черты персонажа и легко узнаваемые приметы "здешней" жизни.

З.Г. Минц рассматривает стихотворение "Незнакомка" как выражение поворота в творчестве Блока к художественному восприятию "земного" (МИНЦ 1965, 338). Конкретным свидетельством тому, по ее мнению, являются некоторые лексико-семантические средства, которые на фоне стилистики "Стихов о Прекрасной Даме" выглядят сниженными (духи, шляпа с траурными перьями, упругие шелка). С этим нельзя не согласиться. Но развитие этой антитезы начинается в самом цикле "Стихов о Прекрасной Даме". Ср.: "Безысходно туманная - Ты Предо мной затеваешь игру. Я люблю эту ложь, этот блеск, Твой манящий девичий наряд...".

Резко меняется фон, на котором ведется описание. В плане

антитезы подаются и приметы окружения, часто урбанистического характера. Показательно последнее стихотворение цикла "Стихов о Прекрасной Даме": "Дома растут как желанья, Но взгляни внезапно назад: Там, где было белое зданье, Увидишь ты черный смрад." Ср.: "вечный гомон и уличный треск", а также такие зрительные впечатления, как "фонарей убегающий ряд", "газ, Мерцавший в улицах цепями", имевшие особое значение для последующего развития символики трагического и у самого Блока ("Ночь, улица, фонарь, аптека..."), и у других представителей русской литературы (ср. ахматовское: "Он прав – опять фонарь, аптека...").

С этой же точки зрения привлекает внимание Коломбина – персонаж, пришедший из итальянского театра масок и получивший широкое распространение в западноевропейском искусстве. У Блока Коломбина вначале лишь угадывается – больше по имени другого персонажа комедии дель арте – Арлекина: "ОН – мечом деревянным Начертал письма. Восхищенная странным, Потупилась ОНА. Восхищенью не веря, С темнотою – один – У задумчивой двери Хохотал Арлекин." В стихотворении, датированном двумя месяцами позже, ее имя названо и ситуация обрисована полнее:

"Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный – один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.
А там – в углу – под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро".

Высокая семиотичность названных масок позволяет увидеть в образе Коломбины и ее окружения еще одну линию, сопоставимую с ситуацией Прекрасной Дамы, но только в сниженном плане. Предмет ухаживания со стороны многих поклонников, веселая, легкомысленная – такова Коломбина во французском театре XIX века (ДЮБЕК 1931, 297). Такой же ее видит П.Верлен: "Une frêle enfant méchante Dont les yeux pervers Comme les yeux verts Des chattes Gardent ses appas".

У Блока Коломбина – участница шумного танца, ее окружает толпа. Она уже не "белая", а "бледная", свет, подчеркивавший

благородство Прекрасной Дамы, теперь "шатается в окошке". Бесота ощущается по-другому: "Наверху – за стеною – Бутовской маскарад. Там лицо укрывают в разноцветную ложь". Эффект снижения женского образа обеспечивается и самим приемом обращения к маске: ведь маска в Европе была порождением народного искусства, элементом смеховой культуры городской площади (БАХТИН 1965, 46). Образ Коломбины, следовательно, предполагает стилистику отношений, резко отличную от рыцарского ритуала поклонения женщине.

Развитию содержательной стороны антитезы сопутствует усложнение структурной основы ситуации. Рыцарь или инок трансформируется в "обманутого Пьеро", вместе с этим появляется и новый участник ситуации – Арлекин, соперник или двойник лирического героя, осмеивающий собственное чувство.

Антитетические линии Незнакомки и Коломбины, вместе с другими масками, оказались исключительно важными в дальнейшем творчестве Блока. Удивительно, насколько взаимосвязанно шли они от этала к эталу. Намеченные в "Стихах о Прекрасной Даме", они получают позже, в других поэтических циклах, развернутое выражение в виде самостоятельных произведений. Деидеализация женщины получает в них еще более определенные формы. Таково стихотворение "Незнакомка" в цикле "Город". Незнакомка, как комментирует сам Блок, это "красавица-кукла, синий призрак, земное чудо" (БЛОК У, 430). (Заметим, что в блоковской символике цвета синий означает нечто тревожное и даже опасное.) Беспокойство ощущается в окружающей Незнакомку среде: "По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными Весенний и тлетворный дух."; "А в небе, ко всему приученный, Бессмысленно кривится диск" (БЛОК II, 185).

В том же направлении идет линия Коломбины, представленная в стихотворениях "Балаганчик" (1905 г.) и особенно "Балаган" (1906 г.) (раздел "Разные стихотворения"). Здесь художественная функция масок Коломбины, Пьеро и Арлекина отражает возрастание мотивов трагического в лирике поэта: "Лицо дневное Арлекина Еще бледней, чем лик Пьеро. И в угол прячет Коломбина Лохмотья, шитые пестро..."; "В тайник души проникла плесень, Но надо плакать, петь, идти..." (БЛОК II, 123).

Наконец отметим, что эти темы получили позже и сценическое

решение (ср. соотв. драмы "Незнакомка" и "Балаганчик") – факт, сам по себе существенный для проникновения в творческую лабораторию Блока. Но он приобретает еще большее значение при учете того, что эти драмы во многом перекликаются с содержательной и структурной точек зрения (ГРОМОВ 1961, 458) и что в конечном счете истоки этого подобия следует искать в "Стихах о Прекрасной Даме"

Рассмотренная антитеза свидетельствует о преодолении известной заданности ритуально-идеализирующего подхода, свойственного лирике молодого Блока. Эти изменения, очевидно, связаны с обстоятельствами жизни поэта. Несомненно, однако, что на развитии поэтического ощущения Блока сказались и условия внешнего порядка. В "Стихах о Прекрасной Даме", особенно к концу цикла, явно звучат мотивы, свидетельствующие о все более пристальном внимании поэта к общественным сторонам жизни. У Блока пробуждается столь характерное для него в будущем чувство времени, в котором сквозит тревога за судьбу родины ("И война, и пожар – впереди"). В этом свете интересны факты развития многих художественных средств, освоенных Блоком в "Стихах о Прекрасной Даме", включая те из них, которые связаны с укреплением символики родины на основе женского образа.

Истоки подобной символизации находятся в глубоких пластах культуры. Она связана в конечном счете с широкой тенденцией к антропоморфному способу представления окружающего мира, с "очеловечиванием" природы, стихий, водных источников, гор и т.д. Характерны отражения этого в античной мифологии (см., например, олицетворение Земли у древних греков в образе богини Геи). Близкие мотивы наблюдаются в фольклоре многих народов.

Символические представления природы и земли на основе образа женщины широко распространены в литературе и искусстве Средних веков (ГУРЕВИЧ 1984, 72). В последующие эпохи, благодаря усиливающимся процессам секуляризации в разных сферах культуры, значение образа женщины как компонента символического художественного мышления еще более возрастает (LATAWIEC 1985, 58). Постепенно в этом широком диапазоне начинает выделяться общественно-политический аспект символических применений. В начале XVIII века Ж.-Б.Дюбо отмечает, что "Франция, изо-

бражаемая женщиной в голубом плаще, затканном золотыми лилиями, с короной на голове и скипетром в руке", принадлежит к числу аллегорий, которые "так часто видишь в театре, что всякий мало-мальски грамотный человек сразу узнает их по атрибутам" (ДЮБО 1973, 120). С конца XVIII века, после Великой Французской буржуазной революции, фигура женщины, с измененной, разумеется, атрибутикой, стала еще более привычным способом олицетворения не только Франции, но и некоторых ключевых для того времени понятий – свободы, республики, справедливости и т.п. "Политизация" женского образа находит яркое выражение во французском искусстве XIX века, достаточно вспомнить картину Э.Делякруа "Свобода на баррикадах", барельеф Ф.Рюда "Марсельеза" (на Триумфальной арке Звезды в Париже) или более позднюю и весьма показательную скульптурную группу Ж.-Б.Карпо "Четыре части мира" (женские фигуры изображают Европу, Азию, Африку и Америку). Такая стереотипизация женского образа широко отражается в художественных текстах.

Подобные факты свидетельствуют о "принудительности для словесного образа языковой категории рода. Персонифицируясь, имена женского рода становятся лицами женского пола..." (ЯКОБСОН 1987, 307). Ср. у Э.Ростана: "Un jour, Napoléon s'éveille aux Invalides, Et... Voit sur le sarcophage une Forme ... C'est une femme. Elle est blanche comme une Idée. "Une Victoire!" dit celui qui s'y connaît - C'était la Marseillaise, en effet, qui venait de devenir la Marse". Число таких примеров фактически бесконечно. Каждый раз, когда появляется потребность в аллегоризации таких понятий, как республика, победа, слава и т.п., образ женщины оказывается привычным средством выражения. Как показано выше, в этом находит продолжение древняя традиция, глубоко запечатленная в разных проявлениях европейской культуры. Но применительно к французской культуре здесь можно говорить о некоторых специфических особенностях. Мы имеем в виду наметившуюся еще в прошлом веке тенденцию к тому, чтобы связать эту аллегорию с признаками молодости. В известном смысле здесь наблюдается отказ от представления о женщине как о родительнице всего сущего. Это уже не мать-земля или мать-природа, это скорее дева, не родительница, а помощница, не столько покровительница, сколько вдохновительница в общем деле и в об-

них стремлениях. Истоки такого восприятия обнаруживаются, очевидно, еще в особенностях средневекового культа Девы Марии, в котором подчеркивалось "чудо девства" и который во французской культуре рано оказался, как мы видели выше, в соприкосновении со светским поклонением Прекрасной Даме. На этом фоне получают объяснение многочисленные факты, подобные следующему высказыванию: "Ils sont tombés en soldats, face à l'ennemi, pour la Bien-Aimée, pour la Dame de leur pensée, pour cette France dont la longue et illustre histoire est le plus merveilleux roman de chevalerie ... (LA TOUR 1928, II6).

Сильное воздействие на формирование и функционирование интересующего нас символа оказало, несомненно, реальное историческое лицо – Жанна Д'Арк, "из сердца, слез и крови которой у французов родилось чувство родины" (MICHÉLET 1863, II). С учетом таких обстоятельств объяснимо и появление со времени II империи особой номинации для понятия Французской республики – *Marianne*. Образ юной Марианны стал привычным персонажем в различных сферах общественной и культурной жизни Франции, в том или ином отражении его можно видеть в художественном или публицистическом тексте, среди атрибутов власти (в виде скульптурного портрета в мэриях), на денежных и почтовых знаках, во время ритуальных действий-церемоний, на политическом плакате, карикатуре и т.д. Понятны возможности иронического и даже пейоративного использования интересующего нас образа: "Франция – девка" (П.Верлен), "Республика – не такая уж покладистая девица" (А.Франс).

Для русской культуры такая аспектизация символического образа женщины во многом оказалась нехарактерной. Здесь главную роль сыграли те компоненты в представлении о женщине, которые связываются прежде всего с ее материнским началом. Эта ориентация поддерживалась глубинными факторами народной психологии (ср. фольклорное мать-сыра земля). Определенное значение, по видимому, имели и особенности православного восприятия образа Девы Марии. В России не было той секуляризации культа Марии, которая в известных пределах наблюдалась на Западе, в частности под воздействием куртуазной литературы Средних веков и культуры Возрождения. Как отмечает С.С.Аверинцев, "культура допетровской Руси и русский фольклор знают Марию I или как

властную царицу, или как жалеющую м а т ь" (АВЕРИНЦЕВ П, 1982, II5; разрядка наша. – В.М.). В художественном мышлении образ женщины как родительницы и заступницы часто сливается с идеей сыновней ответственности и долга перед нею. Все эти моменты так или иначе сказывались на особенностях символизации женского образа в русской литературе и искусстве XIX и XX веков, включая и гражданско-политические аспекты этой символизации. В качестве примера можно сослаться на эпизод, связанный с критикой А.С.Хомяковым социально-политической обстановки в России в середине прошлого века. Его обличительные стихи, с персонафицированным образом России ("А на тебя, увь! как много Грехов ужасных налегло!") вызвали характерную реакцию со стороны "общества": П.А.Вяземский – "Подобает быть почтительнее и вежливее с матерью своею"; Е.П.Ростопчина – "Сам бог сказал: чти мать свою!"; Н.В.Арсеньева: "Стыдись, о сын неблагодарный, отчизну-матерь порицать" (ЕГОРОВ 1969, 570).

Представление о России-матери встречается и у многих других писателей, например, у Н.В.Гоголя и Н.А.Некрасова, оно продолжало распространяться и даже укрепляться в наше время, особенно под воздействием обстоятельств Великой Отечественной войны. Ср., например: "Опять сыны твои, Россия, Льют в битвах жертвенную кровь" (А.Сурков), а также "Нет, ты вовеки не гадала В судьбе своей, отчизна-мать, Собрать под небом Магадана Своих сынов такую рать" (А.Твардовский) или "Россия-мать, Все для тебя мы дети" (В.Федоров). Широкое распространение этот образ получил в искусстве плаката (И.Тоидзе), скульптуры (ср., например, мемориальные комплексы на Мамаевом кургане в Волгограде и на Пискаревском кладбище в Ленинграде).

На этом фоне блоковский подход отличается своеобразием. Его Россия – это скорее романтический образ жены, невесты, воплощение Вечной женственности, преобразованной в символ родины. Это ярко выражено в цикле "Родина" (1907–1916), например в стихотворении "На поле Куликовом": "О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь"; "Я – не первый воин, не последний, Долго будет родина больна. Помяни ж за раннею обедней Мила друга, светлая жена!" (БЛОК III, 249–252). Или в стихотворении того же цикла "Новая Америка": "Черный уголь – здесь царь и жених, Но не страшен, невеста, Россия, Голос каменных

песен твоих" (БЛОК Ш, 269).

В этом повороте блоковской символики легко угадываются элементы пережитого поэтического опыта, воплощенного в идее служения высокому чувству. Но эта идея, сохраняя свою лирическую силу и эмоциональную напряженность, переносится из плоскости интимного отношения в плоскость общественно-гражданских настроений. При этом наблюдается и соответствующая трансплантация на новую почву художественно-образительного окружения с его структурными признаками и некоторыми примечательными деталями. Мы снова имеем дело с изоморфной ситуацией служения высокому идеалу, подтверждающей высказывание поэта, что все написанное им "служит органическим продолжением ... "Стихов о Прекрасной Даме" (БЛОК УШ, 190). Это находит выражение в формуле взаимодействия, вплоть до синкретического слияния, разных аспектов женского начала. В стихотворении "Русь" образ реального лица ("И сам не понял, не измерил, Кому я песни посвятил, В какого бога страстно верил, Какую девушку любил") контаминируется с персонафицированным образом родины - "Дремлю - и за дремотой тайна, И в тайне почивает Русь, Она и в снах необычайна. Ее одежды не коснусь" (БЛОК П, 106). Связь библейской мифологемы Марии с образом родной страны угадывается в третьей части стихотворения "На поле Куликовом" - "В темном поле были мы с Тобою"; "слышал я твой голос сердцем вещим"; "Ты сошла в одежде свет струящей"; "Был в щите Твой лик нерукотворный Светел навсегда" (БЛОК Ш, 250-251). Блоковская Мадонна в ореоле молодости и красоты предстает как завуалированный символ родины в стихотворении "Россия": "Тебя жалеть я не умею И крест свой бережно несу... Какому хочешь чародею Отдай разбойную красу!"; "А ты все та же - лес, да поле, Да плат узорный до бровей..." (БЛОК Ш, 254-255). Деталь "плат узорный до бровей" (ср. также: "Когда блеснет в пыли дорожной Мгновенный взор из-под платка") несет, очевидно, аллегорическую нагрузку, она связана с культовым представлением о том, что "голова Марии всегда закрыта платом" (АВЕРИНЦЕВ П, 1982, 116).

Структурная изоморфность новой ситуации относительно "Прекрасной Дамы" поддерживается также фольклорной линией, более того, в связи с развитием персонафицированного образа родины народные мотивы у Блока звучат еще сильнее. Это ощущается в

песенных интонациях (ПОЛБРАНЦЕВА 1958, 215): "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться? Царь да Сибирь, да Ермак, да тюрьма" (БЛОК Ш, 189), в обращении к народным поэтическим образам и построениям (ВЫХОДЦЕВ 1980, 73). Эта новая струя попадает в общий семантико-стилистический поток, направление которого определилось еще в "Стихах о Прекрасной Даме". Таков мотив жениха и невесты, заимствованный из народной поэзии, характерное для фольклора сопоставление свадьбы и битвы - "А Непрядва убралась туманом, Что княжна фатой" (БЛОК II, 251) (см.: ЛЕВИН-ТОН 1977, 176 и след.) и особенно излюбленная Блоком тема реки и "дальнего берега" как препятствия: "Опять с вековой тоскою Пригнулись к земле ковыли. Опять за туманной рекою Ты кличешь меня издали" (БЛОК Ш, 252). Ср. цитированное выше из "Стихов о Прекрасной Даме" - "Она без мысли и без речи На том смеется берегу", а также из "Незнакомки" - "И очи синие бездонные Цветут на дальнем берегу" (БЛОК II, 186).

Конечно, блоковская символика родины полностью не выпадает из длительной русской традиции. Материнское начало в его представлении родины оживает в поэме "Возмездие", "в главных чертах набросанной", по словам поэта, в 1911 году: "Россия-мать, как птица, тужит о детях; но - ее судьба, Чтоб их терзали ястреба" (БЛОК Ш, 319). Ср. также в стихотворении "Коршун", написанном в 1916 году: "Доколе матери тужить? Доколе коршуну кружить?" (БЛОК Ш, 281). Но такое видение не характерно для Блока, оно воспринимается скорее как отклонение от свойственного ему подхода. Главный нерв его поэтической мысли действует прежде всего в сфере сокровенного, глубоко личного чувства. Он ищет опору больше в идее союза с Вечной женственностью, чем в сыновней зависимости от нее. Отсюда в семантике блоковских общественно-политических символов на первом плане оказываются компоненты молодости, мотивы девы, невесты или жены. Чтобы еще раз подчеркнуть эту особенность Блока, сопоставим небольшое его стихотворение с характерным заглавием - "Деве-революции" и отрывок из произведения Е. Евтушенко, в котором также имеет место символическое именование революции:

Деве-революции

О, Дева, иду за тобой -
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

(БЛОК II, 324)

В беды самые лютые
от холода и от огня
матерь моя -

Революция -
всегда защищала меня.

(Евтушенко)

Заглавие "Стихи о Прекрасной Даме" непосредственно актуализирует идею рыцарского поклонения женщине и, следовательно, покрывает относительно узкую полосу в общем содержании этого цикла. Но благодаря указанным выше изоморфическим свойствам блоковского текста оно оказывается способным гиперонимически охватить разные мифоподобные ситуации. Важную роль здесь играет момент принадлежности этих ситуаций преимущественно к одному культурному ареалу. Насколько существен для Блока этот принцип, свидетельствуют и другие факты (например, слегка намеченная в "Стихах о Прекрасной Даме" линия Евридика/Орфей и линия Кармен/Хозе в более позднем цикле "Кармен").

Отметим еще одну особенность.

В первой половине XX века в европейском искусстве наметилась тенденция расширить применение женского образа в целях представления понятий и состояний, которые традиционно связывались с образом мужчины. Так, многие скульптуры А. Маёля символизируют, на основе женского образа, идею интеллектуального напряжения ("La Pensée", своеобразная параллель роденовского "Мыслителя"), волевого усилия ("Action enchaînée") и т.д. Но еще более необычный подход обнаруживается при отказе от старого иконолического изображения реального прототипа-мужчины и при обращении с этой целью к возможностям женской символики. Таковы у Маёля памятники революционеру Л.О. Гланки, писателю А. Барбюсу или летчику Ж. Мермозу.

В известном смысле с этими фактами можно типологически сопоставить блоковский образ Христа. В его дневнике читаем: "Иисус - художник. Он все получает от народа (женственная восприимчивость)" (БЛОК УП, 317) или "если взглядеться в столбы метели..., то увидишь "Иисуса Христа". Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак" (БЛОК УП, 330). Такого

рода признаки как характеристика Христа угадываются и в поэме Блока "Двенадцать".

Примечания

- 1 Ссылки даются по изданию: БЛОК А.А. Собрание сочинений в 8 томах. М.-Л., 1960-1963. Отсутствие ссылок при цитировании блоковского текста означает, что речь идет о цикле "Стихи о Прекрасной Даме" (т. I).
- 2 Имеется ввиду издание: БРЮСОВ В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. М., 1973-1975.

Литература

- АВЕРИНЦЕВ, С.С. (1982): Мария. В: Мифы народов мира. Энциклопедия II, М., III-III6.
- АРНОЛЬД, И.В. (1978): Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. В: Иностранные языки в школе 4, 23-31.
- АХМАНОВА, О.С./ГЮББЕНЕТ, И.В. (1977): Вертикальный контекст как филологическая проблема. В: Вопросы языкознания 3, 47-54.
- БАХТИН, М.М. (1965): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, М.
- ВЫХОДЦЕВ, П.С. (1980): Блок и народная художественная культура. В: Русская литература 3, 64-91.
- ГАСПАРОВ, М.Л. (1985): Идея и образ в поэтике "Далей". В: Брюсовские чтения 1983 года, Ереван, 106-113.
- ГИНЗБУРГ, Л.Я. (1974): О лирике, Л.
- ГОРЕЛОВ, И.Н. (1980): Невербальные компоненты коммуникации, М.
- ГОЗМАН, В. (1937): Язык символистов. В: Литературное наследство 27-28, М., 54-105.
- ГРИГОРЬЕВА, А.Д./ИВАНОВА, Ч.Н. (1985): Язык поэзии XIX-XX вв., М.
- ГРОМОВ, П. (1961): Герой и время, Л.
- ГРЯКАЛОВА, Н.Ю. (1987): О фольклорных истоках поэтической образности у Блока. В: Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 58-68.

- ГУМИЛЕВ, Н. (1912): Письма о русской поэзии. В: Аполлон 8, 60-62.
- ГУРЕВИЧ, А.Я. (1984): Категории средневековой культуры, М.
- ДЮБО, Ж.-Б. (1976): Критические размышления о поэзии и живописи, М.
- ЕГОРОВ, Б.Ф. (1969): Примечания. В: А.С.Хомяков. Стихотворения и драмы, Л., 514-585.
- ЗЕЛИНСКИЙ А.Е. (1985): Концепция искусства и проблема лирической циклизации в творчестве В.Я.Брюсова. В: Брюсовские чтения 1983 года, Ереван, 29-40.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н. (1983): Имя Прекрасной Дамы. В: Русское языкознание 7, 87-95.
- КУХАРЕНКО, В.А. (1979): Интерпретация текста, Л.
- ЛЕВИНТОН, Г.А. (1977): Заметки о фольклоризме Блока. В: Миф - фольклор - литература, М., 171-185.
- ЛОТМАН, Ю.М./МИНЦ, З.Г./МЕЛЕТИНСКИЙ, Е.М. (1982): Литература и мифы. В: Мифы народов мира. Энциклопедия II, М., 58-65.
- МАКСИМОВ, Д.Е. (1979): О мифопоэтическом начале в лирике Блока. В: Уч. зап. Тарт. ун-та 459, Тарту, 3-33.
- МЕЙЛАХ, М.Б. (1973): К вопросу о структуре "куртуазного университета" трубадуров. В: Уч. зап. Тарт. ун-та 308, Тарту, 244-254.
- МЕЛЕТИНСКИЙ, Е.М. (1976): Поэтика мифа, М.
- МИНЦ, З.Г. (1965): Об одном способе образования новых значений. В: Уч. зап. Тарт. ун-та 181, 330-338.
- МИНЦ, З.Г. (1985): "Случившееся" и его смысл в "Стихах о Прекрасной Даме" А.Блока. В: Уч. зап. Тарт. ун-та 680, 3-18.
- ПЕТРОСОВ К.Г. (1985): Эволюция мифологических мотивов и образов в поэзии В.Я.Брюсова. В: Брюсовские чтения 1983 года, Ереван, 93-105.
- ПОМЕРАНЦЕВА, Э.В. (1958): Александр Блок и фольклор. В: Русский фольклор. Материалы и исследования, III, 203-224.
- РОБИНСОН, А.Н. (1980): Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI-XIII вв.), М.
- СМИРНОВ, А.А. (1946): Рыцарская литература (XII-XIII вв.). В: История Французской литературы I, М.-Л., 73-130.
- СУПЕРАНСКАЯ, А.В. (1973): Общая теория имени собственного, М.
- ТАРАСОВА, В.К. (1975): О двух типах метафоры. В: Лексикологические основы стилистики, Л., 122-131.

- ТУРКОВ, А.М. (1969): А.Блок, М.
- ШЕЛЛЕГТ, Ф.В. (1966): Философия искусства, М.
- ЯКОБСОН, Р. (1987): Работы по поэтике, М.
- AHSMANN, H.P.J.M. (s.d.): Le culte de la sainte Vierge et la littérature française profane du moyen âge, Utrecht.
- ANTONIOLI, R. (1985): L'image de la femme dans le De nobilitate et praecelentia foeminei sexus d'H.C. Agrippa. In: Acta universitatis lodziensis. Folia litteraria 14, Łódź, 27-35.
- BORODINE, M. (1909): La femme et l'amour au XIIe siècle d'après les poèmes de Chrétien de Troyes, P.
- DUBECH, L. (1931): Histoire générale illustrée du théâtre II, Paris.
- GENISCA, J. (1972): Découpage conventionnel et signification. In: Essais de sémiotique poétique, Paris, 45-62.
- GOURMONT, R. de (1908): Dante, Béatrice et la poésie amoureuse, Paris.
- LATAWIEC, H. (1985): Portraits de femmes dans Gargantua et Pantagruel. In: Acta universitatis lodziensis. Folia litteraria 14, Łódź, 57-68.
- LA TOUR, E. de (1928): Le sentiment français, Paris.
- MICHELET, J. (1863): Jeanne D'Arc, Paris.

Zusammenfassung

Die Überschrift eines Sprachkunstwerkes verfügt über eine Reihe funktionaler und struktureller Besonderheiten, die sich unmittelbar auf das Werk beziehen. Dieser Bezug wird durch die historisch-kulturellen Umstände bestimmt, unter denen es geschaffen ist. Dies wahrzunehmen und aufzudecken, sollte Gegenstand wissenschaftlicher Behandlung sein. Als Beispiel dafür kann eine Textanalyse der "Stichi o Prekrasnoj Dame" des hervorragenden russischen Dichters Aleksandr Blok (1880-1921) dienen. Hier sieht man, wie die mythenbildenden Elemente des Textes zusammenwirken (vor allem im Sinne des 'ewig Weiblichen') und wie dadurch einige für A. Blok sehr wichtige Symbolmittel entstehen.

Нина Б.Мечковская, Минск

ТРУДЫ М.В.ЛОМОНОСОВА ПО РИТОРИКЕ И
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

О. Перу Ломоносова принадлежат два сочинения по риторике: 1) "Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия", написанное в 1743 г. (впервые напечатано М.И.Сухоминовым в 1895 г., в 3-ем томе академического издания сочинений Ломоносова), и 2) "Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки", написанное в 1747 г. (1-е издание - Санктпетербург, 1748; 2-е - Москва, 1759; 3-е - Санктпетербург, 1765; академические издания: Санктпетербург, 1895 и Москва-Ленинград, 1952).

Две риторики - 1743 г. и 1747 г. - могут быть рассмотрены как два варианта единой риторической концепции Ломоносова. Эта общая точка зрения реализована в разделе I.1, где речь идет о Риторике Ломоносова (хотя при этом в иллюстрациях использован материал Риторики 1747 г., более полной и совершенной). При характеристике некоторых специальных аспектов риторической позиции Ломоносова оказались важными различия между двумя его риториками. В этом случае памятники обозначаются как Риторика 1743 и Риторика 1747 и цитируются по изданию 1952 г. (см. Ломоносов 1952, 19-87; 89-378); после цитаты в скобках указывается параграф в тексте соответствующей риторики; многоточия в цитатах принадлежат автору настоящей работы.

Работа имеет следующую структуру: I.1. Основные темы Риторики Ломоносова; I.2. Различия между Риторикой 1743 и Риторикой 1747; I.3. Филологическое содержание Риторики 1747; 2. В чем Риторика Ломоносова шире современной лингвистики текста? 3. На какие вопросы лингвистики текста отвечает Риторика Ломоносова? 4. Один из общих уроков риторики и лингвистики текста.

I.1. Риторика Ломоносова сохраняет характер комплексной гуманитарной дисциплины, присущий этой науке со времен Аристотеля. В Риторике 1747 три части. Традиционно первая часть "О изобретении" (в соответствии с лат. *inventio* 'нахождение, изобре-

тение, открытие') трактовала о том, как "находить" содержание речи, как доказывать и какие чувства ("страсти") должен возбуждать ритор. Центральная категория этого раздела – "общие места риторические" (греч. *τοποι*, лат. *loci communes*), которые понимались как содержательные компоненты мысли (указание на род и вид предмета речи, на отношения целого и части, на внешние и внутренние признаки, на действие и его место, время, причину; на противоположные и сходные предметы и т.д., см. §5). Искусство "присовокупления" "риторических мест" к исходным "простым" и "сложным идеям" и было "изобретением" содержания речи о соответствующих "идеях" (т.е. предметах речи).

В главе "О возбуждении, утолении и изображении страстей" говорится о нахождении ("изобретении") психологического содержания речи – прежде всего о "нравах человеческих", поскольку "правила к возбуждению страстей ... из учения о душе и из нравоучительной философии происходят" (§95). Значительную часть главы составляют характеристики "страстей" (среди которых радость, печаль, любовь, ненависть, надежда, боязнь, гнев, сожаление, честолюбие, стыд, зависть, ревность, раскаяние и т.д.). Включая в Риторiku сведения о "страстях" и "нравах", Ломоносов следует устойчивой традиции европейской риторики. Так, еще Аристотель считал нужным в Риторике дать четыре определения и "составные части" счастья, показать различия "блага" и "полезного", определить "удовольствие" и "категории приятно-го", охарактеризовать "настроения, вызывающие несправедливые поступки", и т.д. (см. АНТИЧНЫЕ РИТОРИКИ 1978, 29–63). У Квинтилиана его "Двенадцать книг риторических наставлений" (см. КВИНТИЛИАН 1834) открываются книгами "О воспитании будущего оратора", а заключительная XII книга называется "Не только о роде красноречия, но и о нравах оратора". Вместе с тем у Ломоносова этико-психологическое содержание изложено более свернуто, сжато. При этом он не касается таких традиционных тем старых риторик, как политика и право.

Во второй части ломоносовской Риторики "О украшении" (в соответствии с лат. *elocutio* 'выражение, речь; способ изложения, изображение; слог, стиль') рассматривались тропы ("тропы речений": метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис – §§ 181–188; "тропы предложений": аллегория, пара-

фразис, эмфазис, ипербола, ирония, сарказм, хариентизм, астеизм – §§ 189–201) и "фигуры" (повторение, усугубление 'амплификация', единозначное 'синонимия', восхождение 'градация', многосоюзие, бессоюзие и т.д. – §§ 202–239).

В третьей части Риторике "О расположении" (в латинской традиции *dispositio*) Ломоносов систематизирует способы размещения риторического материала: различает "натуральное расположение" (которое "само́й натуре последует") и "художественное" (которое "утверждается на правилах" – § 251); "соединительное" "расположение доводов" (от части к целому), "разделительное" (от целого к части – § 252); логический характер носили также правила расположения "по силлогизму", "по энтимеме" (т.е. по сокращенному силлогизму), "по сориту и дилемме" (§§ 266–274). Другие правила "расположения" носят более сложный характер, отражая черты композиции некоторых литературных форм: "расположение" частей "хрии" (рассказа о поучительном афоризме или поступке), "расположение" "по разговору" (в форме диалога); размещение "описаний", "повествований", частей басни ('новеллы, рассказа'), притчи ('басни').

Легко видеть, что содержание ломоносовской Риторике, как и риторике античной, выходит далеко за пределы современного филологического знания – в сферы, которые сейчас принадлежат логике, философии (диалектической логике, теории познания), психологии. Что касается филологического содержания ломоносовской Риторике, то оно оказывается существенно разным в Риторике 1743 и в Риторике 1747 – как по отношению к предшествующей риторической традиции, так и с точки зрения современной структуры филологического знания.

1.2. Риторика 1747 не может быть понята как простое расширение (или как "дальнейшая разработка") Риторике 1743. При этом дело отнюдь не в резком возрастании объема сочинения (более чем в четыре с половиной раза), а в изменении предмета и задач риторике.

Античная риторика, к которой восходит вся европейская традиция риторических руководств и в том числе Риторике Ломоносова, в качестве науки об ораторском искусстве и, шире, о прозаической речи, противостояла "поэтике" – искусству стихотворной речи. Риторика 1743 сохраняет античное понимание предмета

риторики: "Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать . . . , чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удостоверить" (§ I). При этом важно подчеркнуть, что, во-первых, приоритет отдается устной, а не письменной речи; во-вторых, в сферу интересов риторики включается момент взаимодействия "ритора" и адресата (слушателя, читателя). В Риторике 1747 риторика понимается как наука "обоего красноречия", т.е. и прозаической и стихотворной речи, – шаг, важный для трансформации риторики в учение о художественной речи вообще.

В Риторике 1743 сохраняется раздел "О произношении" – раздел, обязательный со времен Цицерона, связанный с вниманием преимущественно к устной ораторской речи. Из Риторике 1747 этот раздел исключен. Ориентация на интересы оратора в Риторике 1743 побуждает Ломоносова сохранять различие трех родов "риторических слов" (указательный, советовательный, судебный – § 3), восходящее к соответствующему разделению речей у Аристотеля (речи "эпидейктические", "совещательные", "судебные" – см. АНТИЧНЫЕ РИТОРИКИ 1978, 25); далее, приводить жанровую систематизацию "публичных слов" (проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь), виды проповеди (похвальный и увещательный – § 121), разновидности приватных речей (поздравление, сожаление, прошение, благодарение – §129), учить развертыванию проповедей в зависимости от характера исходного для проповеди стиха из Писания (§ 122), перечислять компоненты писем, "приватных речей" (§§ 124–133) и т.п.

В Риторике 1747 названные разделы и соответствующие термины отсутствуют. Зато включаются сведения о жанрах, выходящих далеко за пределы ораторской речи (ода, поэма, трагедия, комедия, эпиграмма, разговор 'диалог', повествование, история 'историческое повествование', басня 'новелла, рассказ', притча 'басня', роман, сказка, загадка, пословица, изречение, сентенция). Если Риторика 1743 учила строить публичную речь, т.е. была ориентирована на синтез (порождение) речи, то Риторика 1747 учила анализу художественной речи. По мысли Ломоносова, умение "примечать" художественные особенности текстов поможет при создании новых текстов больше, чем "правила", которые не в состоянии охватить всего разнообразия художественных текстов.

Ср. характерное замечание: "Сии правила о украшении описаний и повествований предложены больше для того, чтобы всяк, читая исторические и другие описаниями и повествованиями богатые книги, примечал в них то, что их особливо украшает. Кто сие наблюдать будет, тот много найдет, чего ни в каких риторических правилах нет, и для того правила для себя по найденным примерам составить или одне примеры в свою пользу употребить может" (§ 314).

Таким образом, на пути от 1743 до 1747 г. Риторика Ломоносова во многом утрачивает свой нормативный и прикладной характер; она стремительно эволюционирует в направлении от руководства по порождающей риторике к аналитической поэтике.

Показательно новое толкование слова ритор: если в Риторике 1743 после определения риторики как "науки красно говорить и писать" сказано: "Кто в сей науке искусен, тот называется ритор" (§ 1), то в Риторике 1747 наряду с прежним значением – "вития или красноречивый человек", – указано и новое, "от новейших авторов", – "писатель правил риторических" (§ 1).

1.3. Круг филологических тем в Риторике Ломоносова обусловлен не только содержанием, но и структурой филологического знания в середине XVIII в. Существенно, в частности, что в той области, которая соответствует современной филологии, риторика находилась в дополнительном распределении с грамматикой и отчасти поэтикой. Как известно, "семь свободных искусств" европейского средневековья включали – в качестве первой ступени светского образования (*trivium*) – три "словесных искусства": грамматику, риторику и диалектику (далее следовал *quadrivium* – музыка, арифметика, геометрия и астрономия). Приращение филологического знания было связано также с филологическими аспектами профессиональной деятельности: нормальная циркуляция профессиональной литературы предполагала определенные традиции перевода, редактирования, исправления текстов; глоссирования, создания глоссариев и словарей; герменевтических штудий). Однако эти занятия носили эмпирический характер и не стали предметом обучения. В таких условиях грамматика и риторика являлись основным средоточием обобщенного и систематизированного филологического знания.

Вместе с тем для определения границ старинной риторики не-

достаточно указать на ее комплементарные взаимоотношения с грамматикой в сфере "словесных наук". Дело в том, что границы европейской грамматики до XVIII в. не вполне совпадают с ее современным объектом. В частности, в грамматику входила метрика (позже ставшая разделом теории литературы). С другой стороны, интересы грамматики ограничивались уровнем слова и словосочетания, поэтому грамматика не рассматривала предложение (предложение начали изучать именно в риторике).

Что касается риторики, то ее предмет вообще не соотносим ни с одной из современных филологических дисциплин. Можно говорить о созвучности отдельных тем, категорий, классификаций, но замысел и структура старинной риторики не имеют продолжения или аналога в современном знании. Более того, ни один из разделов риторики ("изобретение", "украшение" и т.д.) не развился в раздел современной филологии; и наоборот, нельзя указать на отдельную современную филологическую дисциплину, которая имела бы то или иное систематическое начало в риторике.

Это легко видеть на примере синтаксической проблематики в Ломоносовской Риторике 1747 г. В русской традиции именно здесь появляются первые термины, впоследствии вошедшие в синтаксис, — предложение, подлежащее, сказуемое (§ 34), утвердительное, отрицательное предложение (§ 35), обращение (§ 216), прямая и косвенная речь (§ 303). Здесь же рассмотрены средства связи внутри простого предложения (§ 39), возможное количество подлежащих и сказуемых в простом предложении (§ 41), соотношение длины простых предложений в составе сложного (§§ 45, 322–326); анализируется порядок следования придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов, предложно-падежных конструкций (§§ 315–321) и некоторые другие вопросы, сейчас относимые к синтаксису.

Вместе с тем синтаксическая проблематика в Риторике не составляет самостоятельного уровня или раздела; она разрознена и включена в более содержательные общие темы — "изобретение" и "расположение" смыслов. При этом дело не в "недостаточной" разработке синтаксических вопросов в Риторике 1747, а в том, что старая риторика входила в иную парадигму филологического знания, не изоморфную современной структуре знания.

Вообще для Риторике не характерна поздняя лингвистическая

логика перехода от единиц более простых к сложным, которые интегрируют единицы предшествующего уровня, – например, от предложения к некоторому единству предложений (ср. такие понятия современной лингвистики текста, как "сверхфразовое единство", "сложное синтаксическое целое"), затем к еще более сложным единствам и т.д., а от них – к целостному тексту. Дело в том, что хотя античная риторика и стремилась понять цепочку "изобретение", "украшение", "расположение", "запоминание" и "произнесение" как этапы или ступени создания риторического текста (ср. ЦИЦЕРОН 1972, 145–146; КВИНТИЛИАН 1834, ч.2, 29), однако традиция не выработала иерархии единиц, которая соответствовала бы поэтапному "порождению" текста. Категории отдельных звеньев оказались не связанными между собой; "изобретение", "украшение", "расположение" фактически предстают как разные и самостоятельные задачи, стоящие перед ритором. Поэтому не только разрозненная синтаксическая проблематика в Риторике 1747 не составляет отдельного "уровня" (или "ступени") риторического искусства, но и содержание любого из разделов Риторики не является описанием "этапа" порождения текста. Риторика не стала "порождающей лингвистикой текста", потому что в начале традиции авторы риторик стремились не к теоретической целостности, а к практической полезности ротору – к тому, чтобы посоветовать и показать решения множества частных риторических задач, относящихся к разным аспектам создания текста.

Позже (и это отчетливо видно при сравнении двух Риторик Ломоносова) область интересов риторики расширилась – не только устная речь оратора, но и любая художественная речь. Параллельно меняется назначение риторики: практические руководства по составлению речей уступают место сводам аналитических наблюдений над художественными текстами. Эта эволюция отвечала новым общественным запросам – потребностям более глубокого осмысления искусства слова. Однако понятно, что на этом пути происходит отказ от идеи "порождающей риторики".

В терминах современной филологии проблематика Риторики 1747 может быть охарактеризована как перечень тем, не образующих систематического знания. Одни из них принадлежат современному языкознанию, другие – литературоведению, третьи – расположены на стыке лингвистики и литературоведения (лингви-

стическая поэтика, стилистика художественной литературы).

Из области языкознания, помимо синтаксической темы, Ломоносов затрагивает вечный вопрос лингвистической теории о природе имени. Он упоминает один из основных памятников еврейской каббалистики – "Зоар" ("Зохар"), в котором, как он пишет, "еврейские учителя ... словам без всякого основания приписывают некоторую потаенную силу, от звезд происходящую и действующую в земных существах" (§ 32). Далее Ломоносов знакомит русского читателя с давним спором номиналистов и реалистов (у Ломоносова именники и вещественники) о природе имени, при этом он указывает, что мнение номиналистов "якобы в познании имен содержалось познание самих вещей" подобно "помянутому древнему раввинскому заблуждению" (§ 32). Как можно видеть, в Риторике оказывались вполне уместны самые глубокие вопросы лингвистической теории – это связано с общим широким характером риторики.

Риторика 1747, понимаемая Ломоносовым как наука о всякой художественной речи – ораторской, повествовательной, стихотворной, – сыграла значительную роль в становлении русской науки о литературе. Вообще говоря, у истоков будущего литературоведения стоят два жанра старинной филологической литературы: библиографии и риторики. Библиографии (в восточнославянской традиции – списки "истинных", "отреченных" и запрещенных книг; биобиблиографические своды Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, Дмитрия Туптало и мн. др.) приближались к объекту литературоведения "сверху": через перечни книг, их хронологию, иногда самые общие характеристики. Риторика шла к предмету литературоведения "снизу": от примеров "изобретений", "украшений" и "расположений" у самых разных авторов, от попутных комментариев и разрозненных оценок. Этот путь риторики к науке о литературе по-своему парадоксален, потому что, с одной стороны, – еще слишком далеко до теории и истории предмета, до жанровой или тематической систематизации литературных произведений, до осознания словесности как самостоятельного искусства. Но, с другой стороны, риторика и, в частности, ломоносовская Риторика 1747 г., была несомненным введением в мир словесности: в ее языковую плоть – благодаря антологии фрагментов из всемирной литературы от античности до XVIII в.;

в ее историческое движение – благодаря мозаике имен от "великих начальников красноречия, Гомера, Димосфена и Цицерона" (§130) до Эразма Роттердамского, Буало, "Гулливерова путешествия" и современных Ломоносову немецких и французских теоретиков риторики.

Зачинатель русского классицизма, Ломоносов чаще всего обращается к античным образцам: Риторика 1747 включает многочисленные фрагменты почти из тридцати античных авторов (в переводах Ломоносова), при этом самый цитируемый из древних – Цицерон. Литература Византии представлена именами Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина и некоторыми менее знаменитыми авторами. Значительно шире, чем средневековая словесность, цитируется литература Возрождения и последующих веков, при этом о некоторых современных литературных явлениях говорится полемически. Русская словесность представлена одами самого Ломоносова (без указания автора). Россыпь цитат, фрагментов и имен дополнялась упоминаниями литературных жанров; некоторые малые жанры получали определения – например, басня ("краткое повествование, которое располагается натуральным порядком ..., на конце должно быть всегда что-нибудь нечаянное", в иллюстрации – перевод из Анакреонта "Ночную темноту покрылись небеса..." – § 309), притча ('басня', с двумя иллюстрациями из Лафонтена – §§ 305–307).

Таким предстает литературоведческое содержание Риторике 1747. Подобно тому, как синтаксические вопросы в Риторике 1747 еще не были разделом или "темой", а только разрозненными замечаниями к тому, что потом станет "синтаксисом предложения", так и литературоведческое содержание Риторике 1747 – это еще не "тема" и даже не "мотив", но все же это подступы к будущей науке о литературе.

Если же говорить именно о риторических темах, т.е. о том содержании, которое целенаправленно разрабатывалось в риториках, то наиболее жизнеспособной темой европейской риторики оказалась теория тропов.

В *elocutio* ("украшение", раздел риторик о тропах и фигурах) издавна видели самую специальную и главную часть риторики. Цицерон, по словам Квинтилиана, "изобретение" и "расположение" называет делом человека благоразумного, а слововыраже-

ние (*elocutio*) – должностью оратора" (КВИНТИЛИАН 1834, ч.2, 32). Сам Квинтилиан считал, что *elocutio* – "часть риторики самая прекраснейшая и вместе с тем труднейшая" (КВИНТИЛИАН 1834, ч.1, II). В последующей риторической традиции, при всех вариантах состава тем, раздел о тропах и фигурах был обязательным в любой риторике (см., например, DJE MAKARIJ-RHETORIK 1980, 130–142; ОПИСАНИЕ 1982, *passim*; ПРОКОПОВИЧ 1979, 270–284). И в современной филологии интерес к риторике связан прежде всего с учением о тропах.

В языкознании теория тропов сыграла решающую роль в осмыслении многозначности; представления о метафоре, метонимии, синекдохе стали основой для объяснения механизмов семантического развития слова. Вместе с тем было понято, что переносное употребление слова – это не добавочное "украшение", "возвышающее речь", а повседневное речемыслительное явление, обусловленное присутствием аналогии в познавательных процессах.

В поэтике риторическая теория тропов развилась в изучение художественно-образительных средств искусства слова. Семиотика и философия культуры, понимая троп как универсальный феномен творческого (научного и художественного) мышления, считают теорию тропов ключом к пониманию природы творческого мышления. Непреходящее в истории культуры внимание к риторике обусловлено, по мысли Ю.М.Лотмана, именно этой связью тропа и творчества (ЛОТМАН 1981, 19).

2. Таким образом, отдельные темы и пласты содержания Риторики 1747 оказываются в наше время соотносительны с различными областями гуманитарного и прежде всего филологического знания. Означает ли это, что старая риторика распалась и не имеет больше целостного продолжения в современной филологии?

Современный аналог риторике нередко видят в лингвистике текста (далее ЛТ). Действительно, если распределять содержание риторики в соответствии с современной парадигмой гуманитарного знания (между логикой, психологией, этикой, грамматикой, семантикой, стилистикой, поэтикой, теорией литературы, психолингвистикой и ЛТ), то больше всего пассажей "отошло" бы к ЛТ.

Наиболее существенный момент общности между риторикой и ЛТ состоит в том, что обе дисциплины выходят за пределы пред-

ложения (высказывания) и стремятся понять, с одной стороны, "целый текст" (т.е. отдельное и автономное речевое произведение), а с другой, — некоторые промежуточные единицы между предложением и текстом (в ЛТ — "сверхфразовое единство", "сложное синтаксическое целое"). При этом речь идет не о созвучии или переключке старого и нового знания, но о близости их магистральной темы, поскольку для обеих дисциплин текст — это объект № I.

2.1. Несовпадение подходов к тексту в риторике и ЛТ связано с тем, что риторике, рассматриваемой в качестве старинной науки о тексте, сейчас соответствуют по меньшей мере две дисциплины: собственно ЛТ^I и изучение текста в психолингвистике и теории коммуникации (СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ 1976, ДРИДЗЕ 1980, СОРОКИН 1985); к психолингвистическому направлению близки также исследования прагматики коммуникативных актов (ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА 1985, ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ 1986). Можно указать ряд исконных для риторики вопросов, которые сейчас, однако, изучаются в психолингвистике. Так, античную риторику, видевшую свою задачу в том, чтобы научить создавать тексты, всегда занимал аспект порождения текстов. В ломоносовской Риторике 1747 этот подход сохраняется в трактовке "изобретения" (т.е. разработки говорящим плана содержания текста), однако в разделах об "украшении" и "расположении" в центре внимания оказывается не синтез текста, а его анализ: здесь Риторика стремится не столько научить "украшать" и "располагать", сколько показать, как это сделано в образцовых текстах. Сейчас порождающая проблематика принадлежит не ЛТ, а психолингвистике и теории коммуникации.

2.2. Далее, в античной риторике всегда рассматривались вопросы взаимодействия ратора и слушателя: способы воздействия (доказательства, убеждения, внушения, потрясения и т.д.), вызываемые речью различные психические состояния слушателя и т.п. У Ломоносова вопросы психологии речи в значительной степени сняты; редкие замечания о прагматике того или иного риторического приема обычно ограничены самой общей оценкой его экспрессивности, ср.: "Ежели восклицанию следует вопрошение, соединенное с напряжением и повторением, то получает слово великую силу и стремление" (§ 245)². И только один раз, ха-

рактизуя фигуру "обращения" ('прямой призыв, развернутое волеизъявление, побуждение к действию'), Ломоносов перечисляет прагматические возможности "сея великолепныя, сильныя и слово оживляющия фигуры": "Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч. ..." (§ 217). Однако в целом Ломоносов выводит психологию общения за пределы Риторик. В современной науке, напротив, эта важнейшая для античности проблематика возрождается и становится центральной, однако не в ЛТ, а в психолингвистике и теории коммуникации, прагматике и тех пограничных исследованиях, которые иногда называют неориторикой (см., например, ОБЩАЯ РИТОРИКА 1986), социальной семиотикой, лингвосоциопсихологией и т.п.

2.3. Для античной риторики была традиционной стилистическая проблематика. Стили (греч. *καρὰ κτῆρος*, *plasmata*, лат. *genera dicendi*) понимались как роды или манеры речи, различающиеся своей "нормой" риторической украшенности, т.е. разной насыщенностью тропами и фигурами. Популярной была концепция трех стилей, восходящая к анонимному римскому сочинению I в. до н.э. "Риторика к Герению", где утверждалось: "Существует три вида, или как мы говорим, манеры, в которые укладывается всякая правильно построенная речь: одну манеру мы называем величественной, другую – средней, а третью – сниженной" (АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ 1936, 273–274). Аналогичное тройственное противопоставление литературных жанров утверждал в "Поэтическом искусстве" Гораций. Будучи пропорциональны, стилистическая и жанровая оппозиция взаимно дополняли и усиливали друг друга. Позже эти триады были популярны в эпоху Возрождения и особенно в эстетике классицизма.

В восточнославянской традиции учение "О тройных родех глаголанья" излагается в самой ранней из известных риторик – в так называемой Риторике Макария 1617–1619 гг. (*Die Makarj-Rhetorik* 1980, 164–165). Однако в Риторике Ломоносова концепции стиля или даже темы стиля нет. В Риторике 1743 есть характеристика "штиля", подобающего проповеди ("Штиль в духовном слове должен быть важен, великолепен, силен и, словом,

материи, особе и месту приличен, ибо священному ритору, о котором народ высокое мнение имеет, в божием храме, где должно стоять с благоговением и страхом, о материи, для святости своей весьма почитаемой, не пристало говорить подлыми и шуточными словами" - § 123). По-видимому, Ломоносов разделял традиционные представления о стиле; возможно, теорию стилей намечалось изложить в тех книгах Риторике 1747, которые остались не написанными - в разделах об "оратории" и "поэзии". Позже учение о "трех штилях" применительно к жанрам классицизма было изложено Ломоносовым в его последней филологической работе "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" (1758; см. ЛОМОНОСОВ 1952, 586-592). При этом Ломоносов по-новому трактует характер материально-языковых различий между стилями: эти различия усматриваются не в степени "украшенности" тропами и фигурами, а в соотношении в тексте высокой церковнославянской лексики и немаркированной русской.

Современные исследования текста - ЛТ и теория коммуникации - специально не занимаются стилистикой, поскольку соответствующие вопросы изучаются функциональной стилистикой и стилистикой художественной речи.

2.4. В отличие от традиционной риторики и в том числе Риторике 1747, ЛТ не рассматривает экспрессивные и художественно-изобразительные качества речи - прежде всего потому, что принципиально не ограничивает свой предмет областью художественных текстов. С другой стороны, эти вопросы, и в первую очередь вопрос о тропах и фигурах, традиционны для лингвистической поэтики, стилистики художественной речи, а также неориторики.

В матрице, помещенной на следующей странице, суммированы парадигматические взаимоотношения между названными подходами к изучению текста. Как можно видеть, ряд ключевых тем традиционной риторики оказался за пределами современной ЛТ. Естественно, что в ЛТ возникли идеи и проблемы, о которых не было и намека в старинных риториках. Это прежде всего диахроническая проблематика, включая задачи сравнительно-исторической реконструкции и дешифровки текста, и, далее, тесно связанный с диахронической лингвистикой, этнологией и культурологией многообещающий семиотический подход к тексту, формируемый

Сочинения или направления Темы, в исследовании текста подходы, черты содержания	Антич- ная риторика	Риторика 1743	Риторика 1747	Лингвистика текста	Лингвистика поэтика	Теория литературы	Теория коммуникации	Неориторика
Вопросы этики, психологии, педагогики, политики	+	-	(+)	-	-	-	-	-
"Правила" (или закономерности) нахождения содержания речи	+	+	+	-	-	-	-	-
"Правила" (или закономерности) расположения материала речи	+	+	+	+	+	+	+	+
Вопросы синтаксиса предложения	+	+	+	-	-	-	-	-
Классификация тропов и фигур	+	+	+	-	+	+	-	+
Прознесение	+	+	-	-	-	-	(+)	-
Запоминание	+	-	-	-	-	-	-	-
Примущественное внимание к устной ораторской речи	+	+	-	-	-	-	-	-
Стихотворная речь - в числе объектов	-	-	+	-	+	+	(+)	+
Внимание к жанрам текстов	+	+	+	+	+	+	(+)	+
Внимание к процессу порождения текста	+	+	(+)	-	-	-	+	-
Внимание к взаимодействию участников коммуникации	+	+	+	-	-	(+)	+	+
Предписывающий характер	+	+	(+)	-	-	-	-	-

(+) = незначительное присутствие признака

стремлением найти общие закономерности в структуре текстов различной материальной природы – словесных, поведенческих, ритуальных, музыкальных, изобразительных и т.п. (см. ЛОТМАН 1973; СТРУКТУРА ТЕКСТА 1980; ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СТРУКТУРЕ ТЕКСТА 1987).

Разумеется, в историографии науки правомерна оценка современных достижений по сравнению с тем, что было двести или семьсот лет тому назад. Однако интереснее и полезнее другой ракурс – раскрывающий связь времен, непрерывность традиции. Уточняя характер взаимоотношений Риторика Ломоносова и современной ЛТ, эту проблему преемственности можно сформулировать так: на какие вопросы ЛТ отвечает Риторика Ломоносова?

3. В современной ЛТ, ограниченной синхронным подходом к материалу, выделяются три основные проблемы: 1) характер взаимосвязи между высказываниями, образующими текст или содержательные компоненты текста; 2) структурно-семантическая природа единиц, промежуточных между высказыванием и целым текстом; 3) свойства целого текста как определенного структурно-семантического единства (проблема стилистического "ключа" текста; проблема сквозной для всего текста модальности, темпоральности и/или хронотопа; поиски лингвистических коррелятов жанровым характеристикам текста). Из-за разноплановости этих проблем трудно было бы говорить, что исследования какой-то одной из них более результативны, чем другой. В Риторике Ломоносова можно найти определенное решение этих проблем или поучительные подступы к решениям.

3.1. Связность текста понимается в современных исследованиях то более, то менее содержательно. В ряде работ изучаются всякого рода материально-языковые скрепы текста, создающие его связность, – различные грамматические и лексические повторы, союзы, связующая роль местоимений, порядок слов, модальная и темпоральная когерентность и т.п. (ср., например, ПАДУЧЕВА 1965; СЕВБО 1969; ГИНДИН 1971; СКОРОХОДЬКО 1974); в других исследованиях связность текста понималась как предсказуемость семантико-грамматических структур следующих друг за другом высказываний (ГАСПАРОВ 1975; ГАСПАРОВ 1976); в третьих – как глубинная взаимосвязь элементов тезауруса, актуализируемая в сознании лексикой высказываний (ЛАНГЛЕБЕН 1978). В этой

цепочке исследовательских подходов трактовка связности у Ломоносова могла бы быть интерпретирована как следующий шаг в поисках содержательных факторов связности. Для Ломоносова связность текста заключается в развитии мысли говорящего. Процесс создания текста он трактует как процесс содержательно-распространения исходной темы: "Чрез силу соображения из одной простой идеи расплодятся могут многие, а чем оных больше, тем и в сочинении слова больше будет изобилия" (§ 24). "Изобретение" содержания речи понимается Ломоносовым как процесс ступенчатый: 1) от терминов темы производятся "первые простые идеи"; 2) к первым идеям "приискивают и приписывают вторичные идеи"; 3) от вторичных идей рождаются третичные. Например, в теме "Неусыпный труд препятства преодолевает" от термина "неусыпность" рождаются такие первые "идеи": "1) утро, в которое неусыпный человек рано встает; 2) вечер и ночь, в которые он не спя в трудах упражняется. Вторичные идеи, которые от первой – утро – происходят, суть: заря, скрывающиеся звезды, восходящее солнце, пение птиц и прочая. Третичные идеи, которые от вторичной – заря – рождаются суть: багряный цвет, сходство с некоторою округлою дверью и прочая" (§ 26). Далее "изобретение" опирается на "общие места риторические", т.е. на устойчивый набор семантических распространителей любого понятия (в Риторике 1747 "общих мест" названо 16: род и вид, целое и части, свойства материальные, свойства жизненные, имя, действия и страдания, место, время, происхождение, причина, предыдущее и последующее, признаки, обстоятельства, подобия, противные и несходные вещи, уравнения, т.е. 'сравнения' – см.

5). При разработке конкретной темы ритор как бы заполняет эту семантическую анкету для каждого понятия, "приискивая и приписывая" к нему новые понятия.

Вот как Ломоносов иллюстрирует "изыскание и присовокупление идей" к терминам "Неусыпный труд препятства преодолевает": "К первому термину – неусыпность – первые идеи присовокупаются: 1) от жизненных свойств – надежда о воздаянии, послушание к начальникам, подражание к товарищам, богатство, которого неусыпный желает, или честь, которая его побуждает, 2) от времени – утро, вечер, день, ночь, 3) от подобия – течение реки, которому неусыпность подобна, 4) от противного – лень, 5) от несходного – гульба. Ко второму термину – труд – первые

идеи прилагаются: 1) от жизненных дарований – сила, 2) от действия – начало, середина и конец труда; 3) от последующего – пот, упокоение, 4) от подобия – трудолюбие пчел" и т.д. (§§ 28–29).

По Ломоносову, ритор не обязан в каждом случае заполнять все 16 "риторических мест": "Ежели которое место в рассуждении какого термина неплодно, то можно миновать, как в неусыпности материальные свойства и знаменование имени" (§ 27). Именно так он и развертывает "изыскание" идей в иллюстрации.

В развертывании текста Ломоносов различает три уровня (или этапа), но при этом только два разных механизма развертывания. Этапы охарактеризованы последовательно в трех главах первой части. В главе второй "О изобретении простых идей" речь идет о нахождении содержательных элементов мысли (понятий); их "изобретение" ведется на основе "общих мест риторических", т.е. путем чисто содержательного, предметно-логического распространения темы. В главе третьей "О сопряжении простых идей" говорится о том, как простые идеи составляются в предложение. Механизм здесь иной – не предметно-логический, а грамматический: "простые идеи ... соединяются ... чрез разные падежи ..., пристойные предлоги ..., чрез пременение частей слова ..., чрез союзы ..." (§ 39). В главе четвертой "О пополнении периодов и распространении слова" рассматривается дальнейшее развертывание текста, за пределы простого предложения, – то ли в сложное предложение (период, по терминологии Ломоносова), то ли в группу простых. Ломоносов видит здесь "присовокупление идей к кратким предложениям" (§ 48) и описывает процесс не в терминах грамматики, а как "изобретение идей", т.е. вновь обращаясь к набору "общих мест риторических". Возникающий на третьем этапе новый момент – "распространение слова" в результате "присовокупления" новых "идей" – получает также содержательную (логико-прагматическую), а не грамматическую характеристику: "Распространенный суть два рода – умножительный и увеличительный ...; первое больше расширяет и служит к пополнению периодов, а второе придает ему [слову] притом больше важности" (§ 50).

Таким образом, Риторика 1747 подводит к пониманию связности как следствия предметно-логического распространения темы

речи; набор "общих мест риторических" в такой концепции может быть интерпретирован в качестве системы смысловых векторов, которые в процессе развития темы исходят от опорных понятий. Естественно допустить существование вероятностных закономерностей встречаемости тех или иных "общих мест риторических" в различных речевых жанрах.

3.2. Вопрос о единицах "срединного" промежуточного уровня в организации текста – т.е. единиц бóльших предложения, но меньших цельного текста, – оказался у Ломоносова наиболее разработанным как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. Фактически в Риториках речь идет о двух классах таких промежуточных единиц: во-первых, это крупные части текста, которые заданы его структурой, т.е. общим направлением в развитии темы и композиции текста; во-вторых, более мелкие части, представляющие собой группы предложений, объединенных общей функцией (которую иногда можно трактовать как развитие содержания ядерного для данной группы предложения). Единицы первого уровня (его условно можно назвать "композиционным") определяются членением текста "сверху". Единицы второго, более частного уровня ("сверхфразового" или "супрасинтаксического"), формируются смысловыми связями, идущими "снизу", – от предложения, что обуславливается развитием содержания этого предложения.

Примером единиц композиционного уровня в Риторике 1743 могут служить "главные части" ораторского "слова": "вступление, истолкование, утверждение и заключение" (§ II4); далее, например, "утверждение" разделяется на "доказание" и "возражение" (которое "опровергает все противные теме предложения" – § II8). При характеристике различных видов "слов публичных", "приватных речей и писем", Ломоносов методично перечисляет содержательные компоненты соответствующих текстов, ср.: "Надгробное слово есть, которое в похвалу усопшего человека предлагается. Вступление бывает по большей части внезапное ... Истолкование и утверждение заключают в себе похвальные усопшего дела ... Заключение содержит желание и молитву о упокоении и о вечной памяти усопшего или увещание к слушателям, чтобы они его добродетелям последовали, к чему присовокупляется утешение сродников" (§ I27); "Благодарственное письмо или речь состоять

должно: 1) из представлений о великости самого благодеяния; 2) из похвалы благодетеля; 3) из благодарения и обещания взаимных услуг или всегдашнего воспоминания и обязательства" (§ 133).

В Риторике 1747, далеко ушедшей от замысла практического руководства для "ритора", в более общем плане говорится о композиционных частях некоторых медитативных жанров: в "хрии" различаются приступ, парафразис, причина, противное, подобие, пример, свидетельство, заключение (§ 258); в рассуждении, построенном "по силлогизму", – первая посылка, причина, вторая посылка, причина, следствие (§ 266); указываются также части притчи 'басни' (повествование и приложение 'мораль' – § 305); части описания (см. §§ 285, 288).

Группу более мелких единиц, которые здесь охарактеризованы как "сверхфразовые единства" или "супрасинтаксические единицы", составляют некоторые так называемые фигуры. По определению в Риторике 1747, "фигуры" – это "движение", которое "состоит в обращении речений [слов] и предложений"; "фигурами" "слово [искусная речь] от простого [слова] отменяется" (§ 169). Реальное содержание этой категории у Ломоносова позволяют понять состав и характеристики "фигур", а также приводимые Ломоносовым примеры.

Одни из "фигур" (у Ломоносова – фигуры речений, т.е. слов) – это понятия, с помощью которых можно характеризовать синтаксические и отчасти лексические особенности предложений, например, повторение (в современной терминологии – 'анафора', 'эпифора', 'анадиплозис'), усугубление ('эпаналепсис', 'симплока'), единознаменование ('синонимия'), согласование ('паронимия'), восхождение ('градация'), многосоюзие, бессоюзие (§§ 202–209). Как можно видеть, "фигуры речений" не представляют собой единиц "сверхфразового уровня".

В отличие от них, "фигуры предложений" – это большей частью последовательности (цепочки) высказываний, каждая из которых обладает тем или иным суммарным общим значением, более сложным и специализированным, чем обычные грамматические значения простых или сложных предложений. Например, "расположение, фигура, есть когда несколькими краткими идеями, рядом поставленным следуют их толкования тем же порядком" (§ 224); "сомнение

есть когда себя или кого другого представляем в затруднении, как выбрать одну из разных вещей" (§ 230); "желание, фигура, есть изъявление сильного хотения или добра или зла себе или кому-нибудь другому" (§ 234) и т.д. Всего Ломоносов насчитывает 26 "лучших фигур предложений" (§§ 210-239). В целом "фигуры предложений" и по семантике и по своему строению сопоставимы с тем, что в ЛТ понимается под "сверхфразовым единством" или "сложным синтаксическим целым". -

Таким образом, Ломоносов находит два класса промежуточных единиц, больших предложения, но меньших целого текста: 1) идя от высказывания - "фигуры предложений"; 2) идя от целого текста - более крупные композиционные части текста (в современной ЛТ ср., например, сходное различие дискурсивного и композиционного уровней, предложенное Г.Г.Почепцовым; см. ПОЧЕПЦОВ 1974). Ломоносов, конечно, видит различный ранг этих единиц и, в частности, то, что конкретные "фигуры предложений" "употреблены бывают" в тех или иных композиционных частях (ср., например, § 311), однако при этом Ломоносов не считает, что крупные части "разделяются" на фигуры, т.е. для него фигуры не являются непосредственно составляющими композиционных частей текста. Это означает, что Ломоносов не рассматривает "фигуры предложений" и композиционные части текста в качестве единиц двух иерархических уровней в организации текста. Представляется, что это вполне реалистическое понимание строения текста; во всяком случае, здесь налицо признание разнонаправленности возможных смысловых членений текста.

3.3. Что касается вопроса о тексте как о самостоятельном и целостном речевом произведении, то эта тема в Риториках Ломоносова оказалась только намеченной. Ломоносов ограничивается признанием жанрового разнообразия стихотворных и прозаических произведений, в том числе ораторской речи (см. выше раздел 1.2.). По-видимому, в тех "книгах" (разделах) Риторики 1747, которые остались не написанными (т.е. в разделах об искусстве "оратории" и искусстве поэзии), развивался бы именно такой литературоведческий подход. Это подход к тексту "сверху": исследователь идет от четкой в эстетике классицизма иерархии родов и видов словесности, признавая тесную взаимосвязь жанра, композиции и стиля, рационалистически классици-

цируя правила *licentiae poëticae* или варианты "красного беспорядка" в композиции оды. Думается, такой подход обладает бесспорными достоинствами. На его стороне преимущества, которые сулят, во-первых, целостный и общий взгляд на крупный объект (по сравнению с "разглядыванием по частям") и, во-вторых, приоритет семантической точки зрения (т.е. точки зрения, идущей от содержания к форме, а не наоборот) при изучении семиотических объектов.

4. Занятия историей филологической мысли (см., например, МЕЧКОВСКАЯ 1984, 1987) давно убедили меня, что существует своего рода круговорот в развитии филологического знания. Каждая эпоха по-своему решает определенный круг общезначимых филологических проблем, подобно тому, как искусство разных эпох по-своему заново решает вечные вопросы жизни человека. И подобно тому, как непреходящие художественные ценности могли быть созданы столетия и тысячелетия назад, так и на филологические вечные вопросы уже в далекой древности были предложены поразительные по глубине ответы (что, однако, не исключает стремления нового времени осмыслить их заново). Применительно к европейской традиции в этой связи достаточно указать на античную трактовку таких проблем, как мышление и речь, природа названия, взаимоотношения единиц языка, типы значений, категории грамматики. В традиции риторик – свои вечные темы: это понятие о тропе, теория стилей, проблема взаимодействия говорящих.

Риторика Ломоносова принадлежит завершающему этапу общеевропейской традиции риторических руководств. Ломоносов предпринял попытку синтеза знаний о словесности, объединив в Риторике 1747 "правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии", однако объединение было временным. И хотя еще в первой половине XIX в. в России риторика находили своего читателя³, однако уже во второй половине XVIII в. менялось понимание предмета науки о словесности, складывались новые жанрово-тематические формы представления этого знания – в виде библиографического словаря⁴.

В истории европейской риторики и ее последующей судьбе отчетливо проступает тенденция к дифференциации знания. Представляется, что эта линия закономерна и плодотворна. Деклари-

руемые новые интегрирующие дисциплины, например, такие, как неориторика (см. ОБЩАЯ РИТОРИКА 1986) или лингвосоциопсихология (ДРИДЗЕ 1980), все же по своему объему существенно уже, чем прежняя риторика. Многопроблемность и разноплановость старинной риторики, а с другой стороны, – разнообразие исследовательских подходов к тексту в наше время позволяют считать, что исследования текста имеют право на эту многоплановость. Теория текста не может быть построена на основе лингвистических представлений о линейных единицах как об иерархии "непосредственно составляющих" и "конечных составляющих". По-видимому, наиболее продуктивно понимание текста как такой многомерной структуры, отдельные ярусы которой имеют разную природу и не ориентированы по одной оси. Многоаспектный феномен текста предполагает разнообразие исследовательских подходов к тексту – семиотических, литературоведческих, лингвистических. Они могут по-разному сочетаться: то как поиски корреляций между категориями литературоведения и лингвистики, то как "челночное" движение "сверху вниз и обратно": от характеристик жанра, композиции, сюжета, общей стилистической тональности до анализа материально-языковой плоти текста, а затем снова движение к общим закономерностям текстообразования.

Примечания

- 1 Из огромной литературы по ЛТ укажем такие сводные и обзорные публикации, как ГИНДИН 1977, ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА 1978, ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА 1978, ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ ТЕКСТА 1979.
- 2 В Риторике 1747 "восклицание", "вопрошение", "напряжение" – это "фигуры предложений"; "повторение" относится к "фигурам речений", т.е. слов. См. соответственно 238, 213, 232, 202.
- 3 Например, "Общая риторика" Н.Ф.Кошанского, профессора царскосельского Лицея во времена Пушкина, между 1818 и 1849 гг. издавалась 10 раз; его же "Частная риторика" – 7 раз; знаменитый "Письмовник" Н.Г.Курганова. – 18 раз (в 1769–1837 гг.).
- 4 В виде хронологического или алфавитного словаря были написаны раздел о русских писателях ХУП и начала ХУШ в. в сочинении В.К.Тредиаковского "О древнем, среднем и новом

стихотворении российском" (1752); "Известие о некоторых русских писателях" А.А.Волкова (1768); "Опыт исторического словаря о российских писателях" Н.И.Новикова (1772); "Новый опыт исторического словаря о российских писателях" митрополита Евгения (Болховитинова) 1805-1806 гг. (дополненные издания 1818, 1827, 1838, 1845 гг.); "Систематическое обозрение литературы в России" (1810-1811); "Словарь древней и новой поэзии" Н.Ф.Остолопова (1821).

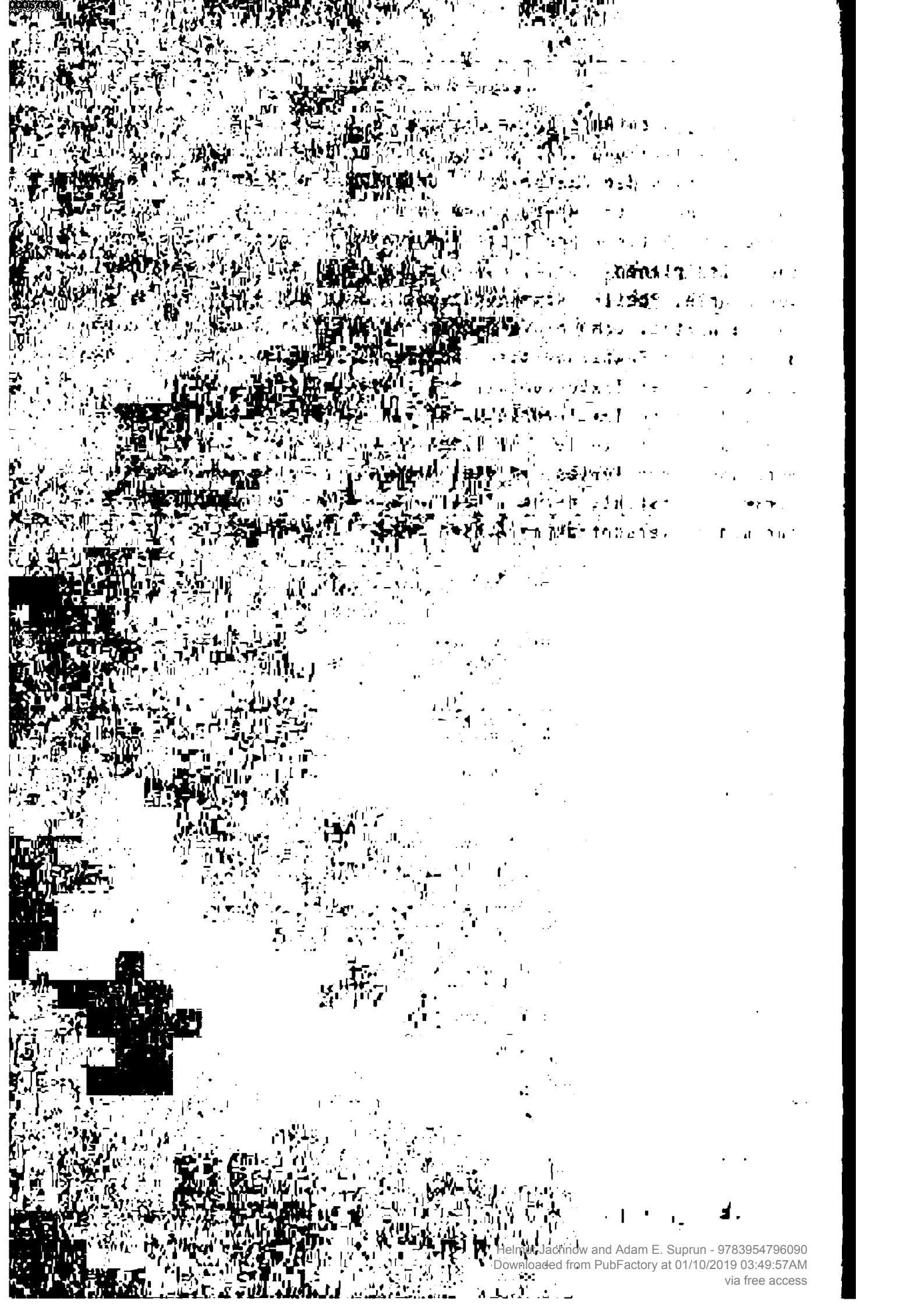
Литература

- АНТИЧНЫЕ РИТОРИКИ (1978): Античные риторика. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция проф. А.А.Тахо-Годи, М.
- АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ (1936): Античные теории языка и стиля, М.-Л.
- ГАСПАРОВ, Б.М. (1975): Принципы синтагматического описания уровня предложений. В: Труды по русской и славянской филологии 22. Ученые записки Тартуского университета 347, 3-29.
- ГАСПАРОВ, Б.М. (1976): Современные проблемы лингвистики текста. В: *Linguistika* 7. Тарту, 32-60.
- ГИНДИН, С.И. (1971): Связный текст: формальное определение и элементы типологии. М. (=Предварительные публикации Института русского языка АН СССР 24).
- ГИНДИН, С.И. (1977): Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты (1948-1975). В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 36; 4, 348-361.
- ДРИЦЗЕ, Т.М. (1980): Язык и социальная психология, М.
- ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СТРУКТУРЕ ТЕКСТА (1987): Исследования по структуре текста. Ответственный редактор Т.В.Цивьян. М.
- ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ ТЕКСТА (1979): Исследования по теории текста. Реферативный сборник. М.
- КВИНТИЛИАН (1834): Двенадцать книг риторических наставлений. В переводе Александра Никольского. Ч. 1-2. СПб.
- ЛАНГЛЕБЕН, М.М. (1978): О лексико-семантической непрерывности текста. В: *Israeli Contributions to the 8-th International Slavists Congress. Zagreb-Ljubljana 1978*, 1-14.
- ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА (1978): Новое в зарубежной лингвистике. 8. Лингвистика текста. М.
- ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА (1985): Новое в зарубежной лингвистике. 16. Лингвистическая прагматика. М.
- ЛОМОНОСОВ, М.В. (1952): Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.-Л.

- ЛОТМАН, Ю.М. (1973): Статьи по типологии культуры. 2. Тарту.
- ЛОТМАН, Ю.М. (1981): Риторика. В: Ученые записки Тартуского университета. 515. Труды по знаковым системам, 12, Структура и семиотика художественного текста, 8-28.
- DIE MAKARIJ-RHETORIK (1980): Die Makarij-Rhetorik. Herausgegeben von Renate Lachmann. (=Slavistische Forschungen 27, 1). Köln.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б. (1984): Ранние восточнославянские грамматики. Минск.
- МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б. (1987): О филологической полемике в восточнославянской книжности XVI-XVII веков. В: Russian Linguistics 11, 1987, 217-236.
- ОБЩАЯ РИТОРИКА (1986): Дюбуа А., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М.
- ОПИСАНИЕ (1982): Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев.
- ПАДУЧЕВА, Е.В. (1965): О структуре абзаца. В: Ученые записки Тартуского университета 181. Труды по знаковым системам 2, 284-292.
- ПОЧЕПЦОВ, Г.Г. (1974): Дискурсивный и композитный уровни лингвистического анализа текста. В: Лингвистика текста. Материалы конференции. Ч.2. М., 8-11.
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА (1978): Проблемы теории текста. Реферативный сборник. М.
- ПРОКОПОВИЧ (1979): Про риторичне мистецтво. В: Феофан Прокопович. Філософські твори в трьох томах. Переклад з латинської. Том перший. Київ, 101-433.
- СЕВБО, И.П. (1969): Структура связного текста и автоматизация реферирования. М.
- СКОРОХОДЬКО, Э.Ф. (1974): Семантические связи в лексике и текстах. В: Вопросы информационной теории и практики 23, 6-116.
- СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ (1976): Смысловое восприятие речевого сообщения. М.
- СОРОКИН, Ю.А. (1985): Психолингвистические аспекты изучения текста. М.
- СТРУКТУРА ТЕКСТА (1980): Структура текста. Ответственный редактор Т.В.Цивьян. М.
- ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (1986): Новое в зарубежной лингвистике. 17. Теория речевых актов. М.
- ЦИЦЕРОН (1972): Три трактата об ораторском искусстве. М.

Zusammenfassung

Im vorliegenden Aufsatz werden die Rhetoriken von M. V. Lomonosov der Jahre 1743 und 1747 sowohl in ihrer Beziehung zur vorangehenden Tradition der rhetorischen Anleitung als auch zu gegenwärtigen Konzeptionen betrachtet. Dabei wurde die Neuverteilung der traditionellen rhetorischen Themen innerhalb der geisteswissenschaftlichen Disziplinen (Logik, Psychologie, Sprachwissenschaft, Literaturtheorie, Poetik, Kommunikationstheorie und Textlinguistik) herausgearbeitet. Lomonosovs Auffassung des Textes wurde im Sinne der modernen Textlinguistik (Kohärenz, Textganzheit, Einheiten und Ebenen der Textorganisation) charakterisiert. Es ist ersichtlich, daß eine Texttheorie nicht von der Vorstellung ausgehen kann, der Text stelle eine lineare Einheit dar. Die produktivste Auffassung des Textes ist die, die ihn als eine mehrdimensionale Struktur versteht, deren einzelne Ebenen unterschiedlicher Natur und an verschiedenen Achsen orientiert sind.

Бронислав А.Плотников, Минск

АВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Экспрессивность устной речи обеспечивается прежде всего теми мотивированными связями языковой формы с содержанием, которые, помимо непосредственного использования коннотированных слов, проявляются в богатейшей интонации человеческого голоса, в паралингвистических средствах, применяемых говорящими, в учете внешней ситуации общения и особенностей участников разговора и др. Естественно, буквенный текст лишен этих свойств и условий устной речи, поскольку письмо относится к искусственной форме языка, изобретенной человеком для специальных целей закрепления, хранения, накопления и передачи своих знаний и опыта. Современное буквенное письмо имеет мало общего с начальными видами письменности, представленной, в частности, рисуночным и пиктографическим письмом, важнейшим свойством которого была четко выраженная мотивированность, зрительная связь с передаваемым сообщением. Изобразительная же мотивированность буквенного письма практически сведена на нет, несмотря на то, что оно генетически восходит к пиктографическому письму, а онтологически связано со звуковой речью и в целом более или менее полно соответствует ей.

Изменение субстанции у материальной формы языка привело к утрате, пожалуй, основного средства мотивированности устной речи — суперсегментных явлений, хотя некоторое их слабое, неполное и условное отражение можно найти в знаках препинания, а также в диакритических знаках. В целом мотивированность устной речи посредством суперсегментных явлений передается на письме развернутыми словесными толкованиями, или краткими определениями, или совместно знаками препинания и вербальным описанием (ВАХЕК 1967, 530).

Так, например, в "Вечном муже" Ф.М.Достоевского суперсегментные характеристики человеческого голоса выражаются с помощью наречий ("Я не поеду", — сказала она твердо и тихо), путем развернутого словесного описания ("Я, наверное, имею удовольствие говорить с Алексеем Ивановичем?" — почти пропел он нежнейшим и до комизма не подходящим к обстоятельствам голосом), посредст-

вом знаков препинания и вербального толкования ("Покажите же мне ... позовите же ее..." - каким-то срывающимся голосом пролепетал Вельчанинов).

Такие виды фонетической мотивированности, как звукоподражания и звукоизображения, передаются на письме через соотнесение букв со звуками. При этом графические системы конкретных языков способны исказить и представлять один и тот же природный звук такими видами письменных знаков, что между изображаемыми звуками иногда трудно найти что-либо общее. Например, письменное изображение свиста передается в марийском языке как шущкаш, в татарском - сызгыр, албанском - fishkëllej, английском - whistle, венгерском - fütgülni, голландском - fluiten, немецком - pfeifen (ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ 1977, 178); крик петуха в английском - cock-a-doodle-doo, в русском - кукареку, лай собаки в белорусском - гаў-гаў, во французском - oua-oua (ср.: ULLMANN 1973, 14) также изображаются по-разному, хотя, естественно, исходные звуки для подражания одни и те же и вполне понятно, что в устной речи на разных языках способны передаваться более адекватным образом.

Основными причинами неидентичной передачи одних и тех же звуков в разных языках служат: во-первых, неполное соответствие акустико-артикуляционных свойств звуков человеческого голоса акустическим свойствам звуков внешнего мира, во-вторых, неполное соответствие письма (букв, графем) разных языков воспринимаемым звукам прежде всего из-за того, что звуков и их оттенков неисчислимо количество, а букв в любом письменном языке немного, а также из-за того, что звук - объемная, многомерная сущность, а буква - двухмерное, плоское и условное его изображение.

Неодинаковыми представляются восприятие и передача идентичных природных или других звуков разными отдельными людьми. Тиканье настенных часов в романе М.Булгакова "Белая гвардия" передается не общепринятым звукоизобразительным словом тик-так, а тонк-танк, в "Поднятой целине" М.Шолохова петух кукарекает ку-ке-куда. В произведении белорусского писателя Я.Брыля "Птушк гнёзды" немецкая песенка переводится на белорусский язык следующим образом:

Ich kann fideln
Auf der Geige!

Я умею граць
На скрыпачы!

Pilip-sisi!

Pilip-sisi!

Здесь немецкие слова, изображающие звуки скрипки, совершенно не совпадают с соответствующими звукоизображениями белорусского языка. Иначе говоря, письмо стало относительно автономной внешней формой представления языкового содержания и связано с ним условными отношениями в большей степени, чем устная речь, или звуковая форма. И все же, несмотря на это, некоторые виды и аспекты языковой семантики и человеческого мышления в целом имеют с письменными формами языка более четкие мотивированные связи, чем со звуковыми формами, благодаря как особенностям самого письма, так и многочисленным изобразительным средствам, сопровождающим письменный текст.

Одним из самых существенных свойств человеческого мышления и языкового содержания, способствующих их ясности, определенности и понятности, является дискретность, или вычленяемость, элементов этого мышления и содержания и их структурная упорядоченность. Причем объем и качественное своеобразие этих элементов, а также границы и соотношения между ними могут варьироваться практически беспредельно. Такой аспект языковой семантики, как ее членимость на разные по объему и качеству части и упорядоченность этих частей относительно друг друга, более зрим, отчетлив, точнее отражается в письменном тексте по сравнению с устной речью (БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963, 214). В то время как устная речь (особенно на незнакомом иностранном языке, а при незнании предмета разговора или передаваемого содержания нередко и на родном языке) может представляться в виде беспорядочного однонаправленного и непрерывного потока звуков (ср.: ГЛИСОН 1959, 31), в котором практически невозможно провести границы не только между предложениями, словами, но часто и между звуками, буквенный текст на любом языке обычно предстает перед нами в качестве строго дискретного и линейно структурированного явления, где четко проведены границы между словами и предложениями, отражающими соответствующие категории мышления, а также выделяются более крупные по размеру семантические явления, оформленные в виде абзацев, параграфов, глав, частей, разделов и т.д.

Итак, современная письменная форма языка благодаря, с одной

стороны, своей ослабленной мотивированности, которая проявляется преимущественно через соотносимую с письмом звуковую форму (см.: ГВОЗДЕВ 1963, 54), а с другой стороны, четкой дискретности и линейной упорядоченности, способствует в конечном счете становлению, развитию и воспитанию у человека, во-первых, абстрактного мышления, языковые формы выражения которого, как правило, не отягощены изобразительными мотивированными связями с действительностью, а во-вторых, вычленению в мышлении соответствующих этим письменным формам (словоупотреблениям, предложениям и др.) единиц мышления и их упорядоченности.

Учитывая тот факт, что языковое содержание и питающее его мышление могут организовываться в более сложные временные структуры, чем однонаправленно протекающая звуковая речь (ЖИНИН 1964), посредством которой и передаваемое ею содержание вынуждено формироваться для говорящих и для слушающих "в шеренгу", обратим внимание на следующие возможности преодоления оков временного фактора с помощью письменных форм, накладываемых на устную речь. Прежде всего несмотря на линейную развертываемость письменного текста, отражающую в себе временную последовательность устной речи, человек, воспринимающий письменный текст, в отличие от воспринимающего устную речь, посредством различных видов быстрочтения (чтение предложениями или абзацами, чтение по диагонали, просмотр текста и т.д.), а также благодаря возможности в любое время возвратиться назад или заглянуть вперед способен уже во время восприятия содержания организовывать его в такие временные и пространственные структуры, с помощью которых оптимально передается сущность этого содержания. Значит, и само строение письменных форм и создаваемые с их помощью возможности подхода к содержанию способствуют образованию мотивированных этими формами разнообразных структур языкового содержания.

Особо важное значение структурная организация содержания имеет для научного мышления, основной внешней формой проявления которого является специальный текст. Здесь структурная мотивированность внешней формы реализуется наиболее четко и последовательно в авербальных способах представления результатов научного мышления: формулах, чертежах, рисунках, графиках, диаграммах, таблицах, гистограммах и т.п. В этом случае структурного изоморфизма графической формы и содержания мотивирован-

ность связи между ними обнаруживается не менее явно, чем в звукоподражании, звукоизображении и интонации устной речи.

Характер мотивированных связей формы и содержания в языке зависит, таким образом, от специфических свойств как самого содержания, так и формы его проявления. По мере более глубокого проникновения человеческого мышления в сущность вещи возрастает и абстрактность понятий о ней, внешнее выражение которых может оформляться письменными (графическими) знаками, минуя звуковые, что, разумеется, не исключает возможности последующего озвучивания письменных форм. Последние, утрачивая звуковую мотивировку или сохраняя ее косвенным образом через соотносимые звуки, компенсируют ее более утонченной мотивированностью принципиально иной природы – мотивированностью структурной.

В отличие от научного текста, где письменная форма при его создании чаще всего предшествует звуковой, в художественных письменных текстах, по всей вероятности, для тех, кто их создает, исходной формой чаще всего представляется звуковая, пусть далеко не всегда и реализованная в письменном тексте, но произносимая, по крайней мере, в воображении пишущего. Опосредованная мотивированность письменных форм через соотносимые с ними звуковые формы с достаточной очевидностью проявляется во многих прозаических художественных произведениях и особенно явно в поэтических текстах. Для некоторых крупных писателей-прозаиков опосредованная мотивированность письменных форм оказывается слишком слабой и недостаточной, поэтому они прибегают к собственному иллюстрированию своих произведений всевозможными рисунками (например, Марк Твен, Карел Чапек и др.), хотя гораздо чаще иллюстрации к литературным произведениям создают другие люди, в частности художники, что значительно усиливает мотивированную связь формы и содержания письменного текста. Такие иллюстрации выполняют роль, аналогичную паралингвистическим средствам, сопровождающим устную речь.

Различное по характеру отношение к мотивированности содержания имеют внешние свойства печатного буквенного шрифта: величина, толщина, цвет, способ написания, расположение графем и т.д. Буквы большие по размеру используются обычно для передачи более существенного и информативного содержания текста. При этом нередко в пределах одного законченного текста (кни-

ги, журнала, газеты и т.п.) градация размеров букв подчиняется определенному правилу: чем больше буквы, тем более существенное для этого текста содержание оформляется с их помощью. Так, самые большие буквы используются для заглавия книги (журнала, газеты), затем размер букв убывает при переходе к названиям разделов, глав, параграфов вплоть до размеров букв самого текста и петита в нем. В некоторых случаях буквы разного размера используются для передачи разных размеров соответствующих реалий, что придает письменным формам прямую мотивированную связь с обозначаемыми предметами. Например, в сказке Л.Н.Толстого "Три медведя" речь медведя, медведицы и медвежонка оформляется разными по величине буквами (большими, средними и маленькими), тем самым сигнализируется о том, кто говорит и каким голосом. Нарастающая громкость голоса-призыва в немом фильме "Броненосец "Потемкин" передается изменяющимися по размеру написаниями слова братья: Братья! БРАТЬЯ! Б Р А Т Ь Я ! Информация о необычном размере предмета легко извлекается из способа написания слова, обозначающего этот предмет, как, например, в польском рекламном плакате для туристов, сообщающем о том, что в стране водится Вот так-а-а-а-я рыба! (ШКОЛЬНИК, ТАРАСОВ 1977, 31).

Аналогичное значение имеет по отношению к передаваемому содержанию и толщина букв, которая часто коррелирует с их величиной, но может быть также различной и применительно к одной и той же величине букв в зависимости от значимости и важности публикуемой информации. При одинаковом размере букв более жирный шрифт может использоваться для заглавий, для выделения в тексте правил, существенных положений и т.п. Подобную же выделительную роль играет способ написания букв (курсив, в разрядку и т.п.), их подчеркивание различными линиями и т.д. Способ написания букв иногда предназначен для оформления текстов определенной тематики, например, написание заголовков и названий древними буквами, клинописным, готическим шрифтом и др. Определенный национальный колорит содержится в написании отдельных букв, свойственных только письменности на данном языке (старославянские юсы и ижица, чешское ř в латинском алфавите и др.).

Различная окраска букв обычно имеет семантическую нагрузку только тогда, когда в тексте используются, по крайней мере, два цвета. Так, в некоторых книгах, особенно в древних, каждая глава или раздел могли начинаться с буквы другого цвета, напи-

санной вязью (как правило, красного цвета, откуда пошло и выражение писать с красной строки). В произведениях массовой печати (журналах, газетах) цветной шрифт используется на фоне черного для выражения праздничных поздравлений, приветствий, обращений и т.п.

Стремление к максимальной мотивированности письма приводит некоторых специалистов к созданию новых видов искусственного рисуночного письма. Например, голландец К.Янсен изобрел письмо пикто (см.: ФРИДРИХ 1979, 209-210), где с помощью комбинаций рисунков можно передавать несложные сообщения, понятные разноязычным людям. Степень важности ролей персонажей в письменном тексте драмы фиксируется порядком расположения их имен, перечисляемых в начале пьесы. В недраматических художественных произведениях речь персонажей в отличие от речи автора выделяется знаками препинания (кавычками, тире и др.).

Несомненной представляется также семантичность пространственного расположения букв и буквосочетаний в тексте. Во многих современных письменностях буквы пишутся и читаются слева направо, как бы дублируя в пространстве временную упорядоченность соотносимых с ними звуков. Ведущая роль заголовков и названий по отношению к самому тексту и его отрывкам фиксируется тем, что эти названия и заголовки пишутся впереди текста: вверху или на отдельной странице.

Строго установленное расположение адресов и почтовых индексов на конвертах не допускает никаких изменений и перестановок, ибо в противном случае письмо не дойдет до адресата. Так, в нашей стране адрес отправителя пишется обязательно в нижней правой части конверта, в других странах на обратной стороне конверта. Особый смысл заключен в расположении строк, строф печатного поэтического текста, где они с достаточной очевидностью способны выражать или индивидуальный стиль автора, или своеобразие жанра. Для большей экспрессивности в поэзии используются анаграммы, акrostихи, полиндромы, зрительные рифмы и т.п. (см. об этом: GRUMMER 1985).

Большим разнообразием характеризуется расположение букв в языке рекламы (по вертикали, наискосок, в виде круга, полукруга и т.д.). В сочетании с яркой световой раскраской, в сопровождении рисунков и орнаментов, иногда в движении и со сменой цвета рекламные надписи на улицах городов обладают специфичес-

кой мотивированностью.

Сама система графики и письма прочно ассоциируется в сознании практически каждого грамотного человека с такими компонентами ее содержания, как национальный колорит, зона распространения, в значительной мере, время ее существования. Более того, по словам Н.Ф.Яковлева, "всякая графика является не только техникой письма, но отражает его идеологию" (ЯКОВЛЕВ 1930, 35). Несомненным свидетельством стремительных политических, идеологических и культурных процессов может служить последовательная смена письменности в послереволюционное время в республиках Средней Азии: письмо, первоначально созданное для них на основе арабской графики, было заменено латиницей, а затем и кириллицей.

Отметим также, что на первых этапах возникновения и существования некоторых видов буквенной письменности, каждая графема (буква) имела свое мотивированное название в виде слова, начинающегося с данной графемы. Так, письмо древних ирландцев состояло из графем, образованных из начальных букв всех тех слов, которые обозначали различные породы деревьев (b - bethe 'береза', l - luia 'ясень' и т.д.). В руническом письме древних германцев каждая руна (буква) также имела определенное значение, типа 'бог', 'град', 'добро' и т.п. Аналогичным образом славянские буквы кириллицы назывались мотивирующими словами, начинающимися с этих букв: земля, люди, слово и т.д. (ИСТОРИЯ 1985, 14-42). Каждая буква древнегреческого алфавита наделалась магическим смыслом, связанным со знаками Зодиака или микрокосмом (АВЕРИНЦЕВ 1977, 207). В современной письменности китайского и японского языков "смысловые значения большей части используемых иероглифов мотивируются всеми элементами их графических структур" (РЕЗАНЕНКО 1985, 3).

Показателем определенного времени может служить не только своеобразное графическое начертание письма, но и появление новых элементов письма. Так, в бурный XX век в различных системах письма появились аббревиатуры, письменные сокращения, конденсирующие в себе сжатый смысл. Не лишены интереса при этом представляется тот факт, что более выразительными и удачными следует признать именно те аббревиатуры, которые имеют ту или иную вторичную мотивацию (ср.: БОКС - боевой орган комсомольской сатиры, КАРАПУЗ - команда активных ребят, атакующих про-

тивника умом и знаниями и т.д.), тогда как неудобочитаемые, громоздкие, немотивированные аббревиатуры часто служат объектом насмешек и критики.

Некоторые аспекты плана содержания языковых единиц отражаются в способах написания отдельных слов и букв. Речь идет не об игре случая, когда, например, начальная буква того или иного слова может быть схожей с обозначенным этим словом предметом (ср.: русское слово жук и внешнее очертание соответствующего насекомого), или начертание всего слова несколько напоминает соотносимый с ним денотат (ср.: в венгерском языке *olló* 'ножницы', *kút* 'колодец'; см. об этом: ТОМСЕН 1938, 31), или сама буква копирует такое свойство связанного с ней звука, как положение некоторых органов речи в момент его произнесения (ср., например: округлое положение губ при произнесении звука *o* и букву *o*) и т.д. Мы имеем в виду семантику иного рода, сигнализирующую о закономерных и регулярных связях со способами своего письменного выражения, со способами, которые отсутствуют или вообще невозможны в устной речи. Сюда относятся, в частности, многочисленные случаи правил написания слов с большой буквы (о семасиологических причинах этого см.: БУДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963, 223). Практически во всех языках, графически изображаемых в виде буквенного письма, предложение начинается с большой буквы, а заканчивается определенным знаком препинания (обычно точкой, реже вопросительным или восклицательным знаком, кроме испанского языка, где последние два знака ставятся в начале предложения). Тем самым границы выражаемой мысли отмечены знаками препинания и дублируются большими буквами. Помимо этого наиболее важные с социальной точки зрения реалии также фиксируются на письме большой буквой (собственные имена, названия государств, населенных пунктов, общественных организаций и т.д.). В немецком языке все слова с субстантивным значением, т.е. существительные, пишутся с большой буквы.

Таким образом, многие компоненты содержания имеют более или менее зримые и регулярные соответствия в письменной форме своего изображения, по-разному мотивируются различными графическими средствами и способами, компенсирующими параязыковые средства устной речи.

Следует обратить также внимание на существование двух ос-

новных разновидностей письменной формы: рукописной (написанной от руки) и печатной. Различие между ними заключается не только в способах написания, но и в том, что рукописная форма письма, если она не предназначена для печати (частные письма и дневники, заметки для себя, всевозможные записки и т.п.), в большей степени воплощают в себе индивидуальные свойства пишущего, тогда как печатная форма полностью подчиняется нормам литературного языка и находится на оси речь – язык ближе к языку. Поэтому, естественно, такие компоненты содержания, как большая прагматичность языковых значений, своеобразные пресуппозиции, рассчитанные на небольшой круг людей, индивидуальная коннотация значений характернее для рукописных текстов, а печатные тексты базируются на содержании преимущественно социальной значимости, ориентированном на возможно более широкий круг людей. Подобное различие содержаний так или иначе отражается и на внешней форме двух видов письма. Внешние формы печатного текста максимально стандартизированы и общедоступны, или понятны для многих людей. В рукописных текстах, напротив, сохраняются индивидуальные способы начертания букв, или почерк. Эти тексты менее читабельны, характеризуются большей свободой по отношению к литературным нормам, к правилам орфографии и пунктуации. Подготовить текст к печати гораздо сложнее и труднее, чем, например, написать письмо другу, поскольку, во-первых, содержание текста должно иметь социальную значимость, представлять интерес для многих людей; во-вторых, форма текста должна быть приведена в строгое соответствие с действующими правилами, нормами и стандартами литературного языка. Возможно, поэтому письма пишут все грамотные люди, тексты же для печати лишь относительно немногие из них, однако, наоборот, читают печатные тексты все грамотные люди, а письма, как правило, лишь те, кому они адресованы.

Необходимо подчеркнуть также и то обстоятельство, что сама субстанция, или материал, используемый для различных видов письма, неоднородна, и в целом имеет тенденцию к определенному соответствию с той или иной формой письма. Так, печатные тексты обычно публикуются на стандартной бумаге, а всевозможные заметки, записки, письма могут писаться практически на любой бумаге, включая и папиросные коробки и бумажные салфетки. Если в древние времена для этой цели использовались берес-

та, глина, пергамент, то сейчас преимущественно бумага. Соответственно меняются и орудия письма от палочек и гусиных перьев до шариковых ручек и пишущих машинок для рукописных текстов, и от формовок на дереве и металле до первых печатных станков и далее до современных ротационных печатных машин для публикуемых.

Уже само наличие письменности у того или иного народа, разнообразие и количество имеющихся в обращении печатных текстов является показателем умственного и духовного развития данного народа.

В целом на письме наряду с сильной тенденцией к установлению условной, немотивированной связи между внешними формами выражения и содержанием наблюдаются и противоположные процессы, в которых обнаруживается стремление к тому, чтобы через те или иные параграфические (авербальные) формы и способы открывались мотивированные пути к различным компонентам внутреннего языкового содержания и мышления. Правда, различные стили, жанры и виды письменных текстов неравномерно насыщены авербальными знаками типа фотографий, рисунков, схем, чертежей и т.п., однако подобная особенность использования параязыковых средств присуща и устной речи (см. об этом: ГОРЮНОВ 1980; КОЛШАНСКИЙ 1974; BIRDWHISTELL 1970; CRITCHLEY 1952 и др.), где доля их употребления уменьшается по мере нарастания степени ее официальности, и соответственно по мере утраты непринужденности речи, достигая почти нулевой оценки в некоторых устных передачах и сообщениях по радио и телевидению.

Так же как и в устной речи в письменных текстах авербальные средства предназначены прежде всего для усиления экспрессивности сообщений и для большей мотивированности связей между формой письменного текста в целом и передаваемым им содержанием. При этом мотивированность многих параграфических форм носит более открытый и прямой характер по сравнению с авербальными средствами устной речи, поскольку сходство, например, фотографий, рисунков с изображаемой действительностью почти зеркально в письменном тексте, тогда как, допустим, в жестах и телодвижениях, есть элемент условности. Тем самым как бы компенсируется во многом произвольный характер связи формы и содержания буквенного письма, которое благодаря сопутствующим неязыковым знакам делается таким же мотивированным, как и

устная речь с ее сильно мотивированными фонетическими супер-сегментными свойствами и сопровождающими неречевыми средствами коммуникации. Кроме того, в таких распространенных жанрах (видах) письменного текста, как художественная литература, активно и нередко нарочито эксплуатируются лексические и фразеологические средства с прозрачной внутренней формой, через которую или сохраняется, или в случаях ее обыгрывания устанавливается новая живая мотивированная связь с внеязыковыми реалиями. Для этой же цели в текстах художественной литературы достаточно широко могут употребляться диалектизмы, окказионализмы, жаргонизмы, как правило, экспрессивные по своему содержанию и необычные или непривычные по своей внешней форме, а речь персонажей часто приближается к обычной разговорной речи.

Возможно, благодаря этим типичным и широко используемым в текстах художественной литературы мотивированным видам связи формы и содержания, в них реже, чем, допустим, в публицистических текстах (например, газетных, журнальных) встречаются, так называемые копии-знаки, восполняющие нехватку мотивированных лексических и фразеологических единиц из-за большого количества заимствованных слов, внутренняя форма которых находится за семью замками, ибо она представляется в этих словах опосредованно, а не прямо, как у слов родного языка.

Еще больший процент заимствованных слов используется во многих языках (например, в английском, русском) применительно к научным текстам (в частности, математическим, техническим, физическим и др.), и как одно из следствий этого, в подобных текстах резко увеличивается и разнообразится доля употребления авербальных знаков (к фотографиям и рисункам прибавляются диаграммы, формулы, таблицы, цифры и т.д.).

Наиболее естественным можно считать такое употребление параграфических знаков, когда они органично вписываются в текст, или являются его своеобразным продолжением. Все же их распределение на письме далеко не всегда равномерно. В одних текстах они могут начисто отсутствовать, в других – встречаться лишь эпизодически, в третьих – находиться как бы в уравновешенном состоянии с вербальными знаками, в четвертых – преобладать, занимать больше места, чем сам буквенный текст (например, во многих математических работах), в пятых – образовывать самостоятельное коммуникативно-образительное явление, содержащее

своей счет, как, например, в рисунках К. Гидструпа, и острую политическую и социальную направленность, как в карикатурах Кукриниксов.

В целом же каждый вид письменного текста, и шире каждый вид речевой деятельности, стремится сохранить в себе некоторую константную величину мотивированности, хотя характер, доля и способы проявления этой мотивированности в разных видах речевой деятельности не совпадают. В устной речи мотивированность обеспечивается, как уже подчеркивалось, преимущественно за счет суперсегментных свойств звуков и за счет параязыковых средств, сопровождающих их; в письменном художественном тексте — за счет разнообразного использования, оживления и обыгрывания внутренних форм языковых средств, и в частности слов, нередко с опорой на широкое применение такого вида внутренней формы слов, как переносные значения (особенно в поэтических текстах); в письменных публицистических текстах (например, газетных) достаточно употребительны наиболее сильно мотивированные авербальные средства типа копий-знаков (фотографий, режиссур, рисунков); в научном письменном тексте в зависимости от специфики излагаемого в нем предмета используются многоликие по-разному мотивированные неязыковые знаки. В такой же степени как различные виды языкового содержания, оформляемые той или иной разновидностью письменного текста, различаются между собой и способы, приемы его мотивации, обладающей способностью сохранить, оживить, выразить и передать такую связь формы и содержания каждого вида текстов, которая была бы оптимальной для них. Разумеется, реализация такой способности во многом, а при создании некоторых видов письменных текстов практически целиком, зависит от авторов этих текстов. Поэтому, вероятно, способность, одаренность и талант создателей текстов не в последнюю очередь определяется тем, насколько экспрессивным, глубоким и живым оказывается мотивированное соотношение формы и содержания данного текста.

Таким образом, крайними полюсами шкалы, по которой умозрительно можно распределить письменные тексты на основании использования в них параграфических знаков, являются, с одной стороны, относительно "чистый" вербальный текст, хотя, естественно, разнообразные знаки препинания, опосредованные употреблением неязыковых средств и т.п. пронизывают любой текст, с другой стороны, текст, изображенный в виде рисунков, или со-

вокупности других сюжетно организованных авербальных знаков, широко употребительных до изобретения буквенной письменности и нередко встречающихся и в наше время как особый жанр графического текста или как определенный вид искусства, предназначенный для зрительного восприятия (ср.: немое кино, пантомима, в определенной мере балет и др.).

Помимо того, что каждый вид письменного текста или совокупность текстов, относящихся к той или иной сфере языка, характеризуются своим преимущественно свойственным им набором мотивированных неязыковых средств, последние в зависимости от специфики излагаемого в тексте содержания достаточно зримо дифференцируются на определенные тематические области, учитывая которые, можно с довольно большой степенью надежности судить в свою очередь о тех или иных чертах содержания вербального текста, включающего в себя данные неязыковые средства.

Так, в публицистических текстах, в частности в газетных, ведущим авербальным средством являются фотографии, иллюстрирующие словесное сообщение, статью, или сопровождаемые вербальными знаками. Тематика информации, помещаемой в газетах, как правило, подразделяется на вполне конкретные рубрики, каждой из которых обычно отводится определенное место в газете, что может рассматриваться в качестве своеобразного авербального средства. Например, в центральных газетах, издаваемых в СССР, допустим в "Правде", первая страница отводится передовой статье, важным партийным и правительственным сообщениям, а в отсутствие их хронике крупных внутренних и международных событий; вторая страница посвящена вопросам текущей жизни в партиорганизациях или трудовых коллективах промышленных предприятий, совхозов, колхозов, учреждений, вопросам теории социализма и др.; на третьей странице часто под рубрикой "По Стране Советов" содержатся критические выступления, письма трудящихся, экономическая хроника, ответы на критические замечания газеты и т.п.; на четвертой странице обычно публикуются вести из стран социализма, а также сообщения из жизни коммунистических и рабочих партий других государств, информация о политических, партийных, международных контактах, иногда под определенной рубрикой типа "Мир восьмидесятых" и др.; на пятой странице помещается разнообразная международная информация, статьи корреспондентов газеты с критическим анализом состояния дел в капи-

талистических странах и др.; шестая страница обычно посвящается культурной, спортивной жизни нашей страны и зарубежных стран, информации о погоде, программе телевидения, радио и др. Естественно, эта общая тематическая рубрикация газетного текста может варьироваться, иногда существенно, под влиянием значимости того или иного события, переживаемого страной, а также всем международным сообществом. В таких случаях практически весь газетный текст (или его значительная часть) может быть посвящен текущему моменту, например, материалам проходящего съезда партии, международным переговорам мирового значения и др.

Соответственно тематике содержания каждой рубрики газеты распределяются в них и фотографии. На первой странице, как правило, помещаются портреты передовиков производства, заслуженных людей или зарубежных государственных деятелей, приезжающих в СССР, причем здесь также места в газете постоянно закреплены для этих портретов: фотографии глав зарубежных государств меньше по размеру и располагаются в нижней правой части страницы, а фотографии (иногда рисунки) советских людей больше по размеру и находятся обычно в верхней средней части страницы. Таким же образом в прямой зависимости от тематики остальных рубрик и их конкретного содержания распределяется весь авербальный иллюстративный материал газеты, представленный преимущественно по убывающей частоте использования фотографиями, рисунками с натуры или карикатурами, реже картами, схемами, диаграммами. Кроме того, как уже указывалось, существенную роль для мотивированной связи формы и содержания газеты играет размер букв, величина, толщина и расположение которых коррелирует с важностью и значимостью передаваемого с их помощью сообщения как в целом по газете, так и внутри соответствующих рубрик.

Основными параграфическими знаками художественной прозаической литературы, если не считать знаки препинания, являются рисунки, иногда создаваемые авторами произведений, но главным образом художниками-иллюстраторами. При этом разные издания одной и той же книги могут сопровождаться рисунками разных авторов. Степень насыщенности произведений рисунками почти прямо связана с категорией читателей, для которых предназначены данные произведения. Так, книги для детей и юношества иллюст-

рируются чаще, чем книги для взрослых. К тому же чем более юному читателю предназначена книга, тем обычно более красочными и частыми иллюстрациями она сопровождается, что вполне закономерно, ибо от степени зрительной мотивированности текста для детей зависит восприятие и усвоение его содержания.

Отвлеченные понятия, выраженные мотивированными или слабомотивированными, или скрытомотивированными формами языка без сопровождения их рисунками, красками, без привлекательной внешности книги, что также является авербальным мотивированным средством, наверняка, не удостоятся внимания ребят, поскольку общий путь постижения знаний человека с помощью языка идет от исходно сильно мотивированных его форм через формы с постепенно уменьшающейся мотивированностью к формам с условной связью с обозначаемым содержанием. Развитие каждого индивидуума в этом отношении от детских лет к годам умственной зрелости дублирует общий путь усвоения языка и использование его для все более глубокого проникновения в суть окружающей действительности, в связи с чем мотивированность форм вербальных и авербальных средств становится все более утонченной и скрытой.

При изучении письменной формы языка дети младшего возраста художественно и зрительно представляют каждую букву через соотносимые с ней картинку и рисунок с предметами, название которых начинается с этой буквы. Рисунками и картинками обычно сопровождаются также и изучаемые слова, обозначающие изображаемые на них предметы. Однако, даже овладевая абстрактным мышлением, наше сознание нуждается в мотивированности и в таких знаковых формах, которые бы тем или иным образом "подсказывали" пути к содержанию, пути, оправданные этим содержанием. И часто мы находим такие пути, поскольку создатель текста, с одной стороны, инстинктивно и произвольно, а с другой, сознательно, создает и изобретает вербальные и авербальные формы, ведущие читателя именно к тем аспектам содержания, бескрайнего и неисчерпаемого по своей природе, которые видит и выделяет в нем сам с помощью соответствующих языковых и неязыковых средств.

"Взрослые" поэтические тексты в большей мере, чем прозаические тексты художественной литературы, заряжены звуками и суперсегментными характеристиками звуков, что делает тексты

в значительной степени мотивированными через это отраженное звучание, а также через разнообразные искусственные формы стихосложения (рифмы, стопы, размеры и т.п.), поскольку, например, каждая новая рифма обогащает содержание рифмуемых слов и всего поэтического текста в целом. Стихотворный текст помимо возможных сопутствующих рисунков имеет множество формальных особенностей, способных тем или иным образом обогатить заложенный в нем смысл. К этим особенностям относятся анаграммы, акростихи, стихотворные лесенки и другие пространственные особенности расположения слов. В отличие от художественной прозы стихи способны переводиться в песню, что усиливает мотивированность поэтического текста, делает его в этом отношении внутренне многомерным, емким, весомым. Сила и специфика поэтического слова заключается в его аффективной заряженности, возбуждающей не только и не столько интеллект, сколько чувство и в целом весь многогранный внутренний мир человека. Подобный эффект достигается прежде всего за счет одновременного воспламенения в слове по возможности большего количества его смысловых оттенков, которые способны проявиться в нем преимущественно через переносные значения – наиболее типичную внутреннюю мотивированность поэтического слова.

Внешний вид поэтического текста отличается от прозаического художественного текста тем, что на одной и той же поверхности (странице одинакового формата) располагается значительно меньше его компонентов, а свободное дополнительное пространство как бы представляется читателям для его заполнения их ассоциациями, воображением, т.е. является своеобразным приглашением к сотворчеству, к тому, чтобы читатели самостоятельно использовали незанятую площадь в качестве специфического авербального знака. Иначе говоря, богатый подтекст стихотворного произведения отчасти мотивируется не заполненным на письме пространством, в какой-то мере компенсирующим утраченные здесь суперсегментные характеристики звучащей речи.

Внутри стихотворных текстов свободное пространство также различается по своему объему в достаточно существенных пределах. Ближайший к прозе белый стих или античный повествовательный многостопный гекзаметр предоставляют обычно меньшую пищу для воображения, чем легко рифмуемые двух или четырехстопные ямбы и хорей, что отражается и в меньшем пространстве, за-

нимаемом на письме последними по сравнению с первыми. Разумеется, речь идет не о строгой зависимости между размером незаполненного словами пространства поэтического текста и размахом предоставляемого читателю воображения, а о возможной тенденции, по-разному выражающейся в конкретных поэтических текстах под влиянием в первую очередь гения поэта.

Поэтический текст с его богатой палитрой смысловых и чувственных оттенков, которые выражаются частично на письме во внешних формах представления, изображенный в прозаической строке на сплошных страницах наподобие обычного текста, несомненно, утратил бы не только своеобразие формы, но и многие качества содержания, включая веерообразно расходящиеся смысловые линии воображения, провоцируемые свободным от письменных знаков пространством.

Тексты научного стиля с учетом видов используемых авербальных средств расслаиваются сообразно специфике исследуемого предмета по соответствующим дисциплинам, хотя в силу тенденции к интеграции науки на стыках разных дисциплин наблюдается смешение и внешних форм представляемых знаний, что впрочем фиксируется и определенным научным термином (ср.: математическая лингвистика, физическая география, биологическая статистика и т.п.). Тем не менее в классическом традиционном исполнении текст каждой научной дисциплины имеет свой присущий ему набор авербальных средств, который отличает его от текста другой дисциплины. Так, чистый математический текст в зависимости от специфики разрабатываемого направления насыщен и свойственными этому направлению авербальными знаками. Тексты по арифметике в большей мере содержат в себе цифры и их комбинации вперемешку со словами, в текстах по математической статистике и по теории вероятностей числа подменяются символами и греческими буквами, способными представлять в обобщенном виде любые числа и зависимости между ними; в алгебраических текстах символы и буквы уже не соотносятся с цифрами, а выражают всевозможные математические и логические отношения между абстрактными величинами и понятиями в виде формул и цепочек формул. По мере увеличения абстрактности излагаемых математических закономерностей (от цифр к комбинациям буквенных символов) в письменном тексте уменьшается доля вербальных знаков, а пропорционально увеличивается доля и соответственно пространство, занимаемое

несловесными символами. Возможные вербальные знаки в таком случае играют почти исключительно роль логических и синтаксических связок (типа итак, следовательно, допустим, предположим, таким образом и т.п.). Абстрактные сущности, которыми оперирует математика, мотивированно изображаются и абстрактными символами, а внутренние соотношения между этими сущностями представляются линейной последовательностью данных символов и целым комплексом их функциональных связей между собой, выражающихся в сочетаемости знаков друг с другом.

Помимо цифр, символов и формул математическим текстам присущи и такие виды авербальных знаков, как таблицы, графики, диаграммы и др., представляющие собой не что иное, как зрительно мотивированное изображение тех зависимостей, которые устанавливаются формулами, т.е. данные авербальные знаки являются дублерами формул и служат по существу для усиления и разнообразия мотивированности установленных закономерностей.

Тексты по геометрии и стереометрии пестрят многоликими графическими представлениями таких идеальных математических сущностей, как линия, угол, треугольник, прямоугольник, полукруг, круг, трапеция, многоугольник, пирамида и др., снабженные и на рисунках и в самом тексте латинскими буквами, типа линия АВ, треугольник АВС и т.д. В этих текстах внешние формы изображаемых реальных сущностей зрительно мотивируются их идеальной математической копией и дублируются вербальными описаниями в виде теорем, выводов, доказательств, предположений и др. Рисунки и изображения описываемых математических объектов служат наглядной опорой для абстрактных вербальных заключений и в целом для всего хода рассуждений и доказательств. Без графических фигур в смысловом и логическом отношении текст по геометрии, пожалуй, не пострадал бы, однако выразительность и сила производимого доказательством впечатления во многих своих звеньях ослабла бы или для обучаемого человека с недостаточно развитым математическим воображением и вовсе утратилась бы. Фактически чтение подобного текста без соответствующих рисунков означала бы то же самое, что игра в шахматы без досок и фигур, т.е. мероприятие возможное, но только для узкого круга лиц, и главное, малопривлекательное, отпугивающее своей умозрительностью и немотивированностью. По существу геометрическая фигура оказывается той основной осью теоремы, во-

круг которой разворачиваются все математические события, отраженные в письменном тексте вербальными и невербальными знаками, интерпретирующими свойства данной фигуры (фигур) и соотношения между ее частями (между фигурами). Сами фигуры являются такими же обобщениями, как и слова, поскольку, например, в понятие треугольник, изображенное идеальной фигурой, входят все возможные треугольники, как образуемые искусственно, так и существующие во внешней действительности в виде форм каких-либо предметов или их частей (ср. параллельно: понятие, содержащееся в слове дерево, включает в себя все возможные деревья, встречающиеся в природе и изображаемые на рисунках), однако в отличие от слов, даже с имеющейся внутренней формой, геометрическая фигура обладает всегда более выразительной мотивированностью, занимая в ряду авербальных знаков в этом отношении место вслед за фотографиями и рисунками.

Подобно слову геометрическая фигура изображает внешность реальной вещи как бы на расстоянии, благодаря чему устраняются многочисленные частности реальной фигуры. Так, засеянные разными культурами поля не представляются геометрическими фигурами человеку, находящемуся на одном из них, но для летчика или пассажира пролетающего самолета очертания полей приобретают близкую к идеальной форму геометрической фигуры (прямоугольника, квадрата, трапеции), так же как, например, Луна, воспринимаемая невооруженным глазом, кажется идеальным кругом, но в телескопической трубе ее изображение, приближенное во много раз, теряет некоторые идеальные свойства круга.

Тексты по физике и механике совмещают в себе в разных долях и вербальные знаки, и фотографии, и рисунки, и чертежи, и геометрические фигуры, и графики, и схемы, и другие авербальные средства. Соотношения между различными видами знаков в данном виде текстов определяются предметом описаний, многие из которых обособились в самостоятельные научные дисциплины и поддисциплины (ср.: молекулярная физика, атомная физика, биофизика и т.д.). Так же как и в текстах других негуманитарных наук авербальные знаки здесь являются не только желательным, но и обязательным, а во многом главным, средством представления знаний, без которого трудно себе представить существование физики как науки. Вербальные тексты, относящиеся к данной научной дисциплине, отчасти служат не чем иным, как

комментарием к разнообразным параграфическим знакам, занимающим здесь иногда, по существу, ключевые позиции. Теоретические выводы, правила и закономерности, завершающие подобные комментарии или предшествующие им, часто мотивируются используемыми в текстах несловесными знаками и опираются на них как на важнейшее звено во всей системе доказательств и вытекающих из них заключений.

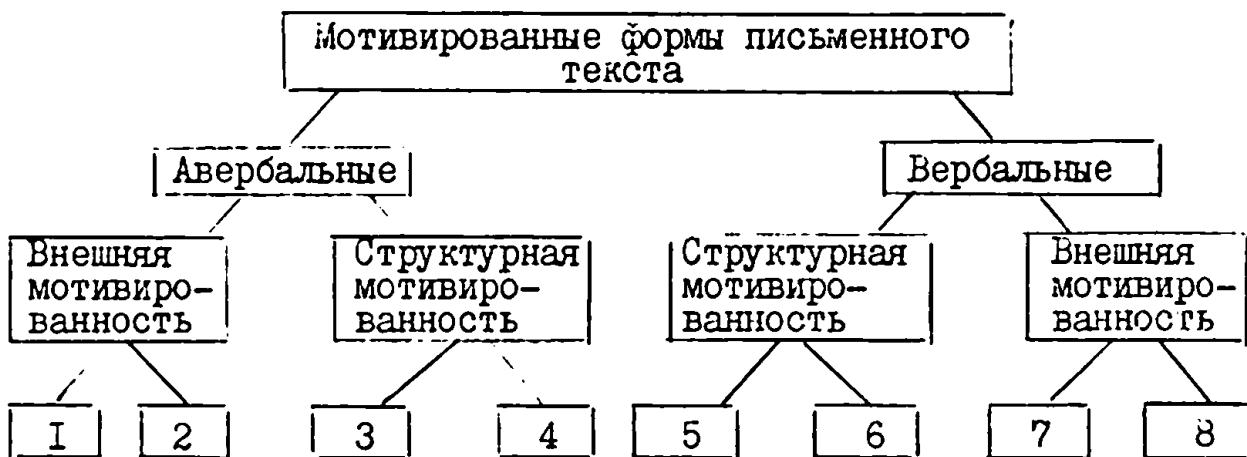
Голый буквенный текст, абстрагированный из реального текста по физике, способен быть осмысленным (да и то далеко не всегда) немногими специалистами, а для формирующихся физиков (школьников, студентов) и вовсе может терять всякое значение. Более того, многие подробные схемы или рисунки, чертежи или графики, формулы или таблицы, "отсеченные" от буквенного текста, в большей мере, чем сам этот текст, поддаются рациональному осмыслению, содержат в себе самостоятельно такие знания и такую информацию, которые доступны пониманию и усвоению читателями-специалистами и без сопутствующих слов. Разумеется, все же наиболее информативным представляется текст, в котором гармонично и естественно сочетаются вербальные и авербальные знаки, выполняющие свои, свойственные им роли, и занимающие в этом тексте свое композиционное и логическое место. Рациональное соотношение буквенного текста и авербальных средств, диктуемое спецификой излагаемого материала, определяет в конечном счете качество и информативность текста в целом и его адекватное соответствие уровню знаний, выработанных на данный момент в конкретной области физики, авербальные знаки которой в настоящее время служат символом успехов науки (ср. формулу А.Эйнштейна $E = mc^2$, изображение атомного ядра с расположенными вокруг него электронами и др.).

Не менее важную роль играют авербальные знаки и в письменных текстах, относящихся к другим научным дисциплинам. По специфике рисунков и других несловесных знаков часто можно определить общее содержание вербального текста, снабженного этими знаками.

Зрительная мотивированность авербальных форм письменного текста убывает по линии фотография, рисунок, чертеж, схема, график, таблица, формула, но по мере уменьшения наглядности каждого вида несловесных знаков нарастает его мотивированность внутренняя, сущностная, глубинная, скрытая за внешними черта-

ми и свойствами целого класса реалий или материи и ее качеств в целом. В результате этого на конечной стороне рассматриваемой линии авербальные средства типа формулы выражают отношения и свойства, носящие характер разнообразных законов и правил, тогда как начальные зрительно мотивированные знаки отражают частности, т.е. внешние формы отдельных реалий. Скрытая сущностная мотивированность, отмечаемая, например, в формулах, является мотивированностью высшего порядка, воплощающей в себе сжатую мыслительную энергию. Эту мотивированность можно назвать интеллектуальной в противоположность мотивированности чувственной, отмечаемой в знаках-копиях письменного текста. Первый вид мотивированности в отличие от второго не лежит на поверхности знаковых средств, поэтому его постижение и понимание доступно лишь тем, кто обладает определенным минимумом знаний в соответствующей области науки, где используются рассматриваемые знаки. По мере увеличения объема знаний и в прямой связи со способностью и дарованием человека возрастает сила и выразительность интеллектуальной мотивированности одного и того же авербального знакового выражения и соответственно расширяется возможная зона применения последнего.

В зависимости от характера и вида мотивированности основные знаки письменного текста могут быть систематизированы и представлены в виде следующей схемы.

Примечание. Цифры в нижних прямоугольниках обозначают: 1. прямые иллюстрации (фотографии, рисунки), 2. схематические иллюстрации (чертежи, схемы, графики и т.п.), 3. авербальные знаки, мотивирующие содержание посредством дискретности своего изображения (элементы формул, сами формулы и их

последовательности, цифры и др.), 4. авербальные знаки и их совокупности, структурно мотивирующие содержание посредством способа организации своих компонентов (порядок следования и расположения знаков в формулах, в совокупностях цифр и др.), 5. вербальные знаки, мотивирующие содержание посредством своей дискретности, отдельности написания (словоупотребления, предложения, абзацы и др.), 6. вербальные знаки, мотивирующие содержание с помощью своей структуры (различные способы внешней организации письменного текста), 7. вербальные знаки, мотивирующие содержание способом своего написания, размером, цветом и др., 8. вербальные знаки, мотивирующие содержание через соотносимые с ним звуки.

Если рассматривать показанные виды мотивированных форм письменного текста по вертикали, то на каждой ступени погружения в глубь схемы осуществляется все более подробная детализация разновидностей этих форм; если же двигаться по нижнему ряду этих форм по горизонтали слева направо, то происходит убывание степени мотивированности форм от прямого внешнего сходства изображаемого до форм, косвенно мотивированных через соотносимые с буквами звуки. В последнем случае отражательная мотивировка сохраняется лишь у звукоподражательных и звукоизобразительных слов, которые характерны преимущественно для текстов художественной литературы и практически не встречаются в текстах научной и специальной литературы. Такой сходный вид мотивированности у авербальных и вербальных письменных форм, как дискретность и структурность, различается все же тем, что у авербальных форм эти свойства представлены более четко, поскольку здесь фактически не возникает проблемы слитного или отдельного написания знаков, а способ организации этих знаков, например, в формулах, более строг и последователен, чем в вербальных формах.

Сами авербальные знаки письменного текста так же, как и внешние и внутренние свойства действительности, которую они отражают, не изолированы друг от друга, а взаимодействуют между собой таким образом, что многие виды внутренних закономерностей, фиксируемых в виде абстрактных знаков-формул, способны нередко переводиться и эксплицироваться другими знаками с более наглядными видами мотивированности, например, графическими изображениями, схемами, чертежами и др. Происходит это

по мере уяснения сущности закона или правила, выраженного формулой. Чем четче понимаются законы и правила, тем свободнее допускают они перевод интеллектуальной мотивированности в чувственную, внутренней во внешнюю, тем легче представлять формулу в виде графика или схемы.

Авербальные знаки выполняют те же функции, что и словесные, т.е. коммуникативную, номинативную, эмотивную, эстетическую, металингвистическую и др. Кроме того, они служат для иллюстративных и усилительных целей, а также для экспликации и наглядного представления тех внутренних соотношений между реалиями, которые постигаются только человеческим разумом и интуицией, тем самым выводя наружу и делая чувственно мотивированным эти отношения. Рассматриваемые знаки могут иметь самостоятельную ценность – в тех случаях, когда они используются изолированно, преимущественно без сопровождающего их текста, или дополнительную значимость – при их употреблении вместе с буквенным текстом, который они усиливают, уточняют, наглядно и внутренне мотивируют.

По степени сходства с изображаемыми реалиями авербальные знаки могут быть натуралистическими (фотографии, рисунки с натуры, многие виды чертежей, фигур, схем и др.), художественными (картины, рисунки с обобщающей и эстетической ценностью, отражающие в себе личность и особенность мировосприятия внешней действительности отдельным человеком), художественно-символическими (карикатуры, шаржи и т.п., выделяющие и выпячивающие какую-либо яркую сторону или свойство изображаемого), символическими (внутренне мотивированные авербальные знаки, несущие в себе информацию о чувственно невоспринимаемых свойствах реалий и событий внешнего мира).

Немаловажную роль для экспрессивности и художественной ценности авербальных знаков письменного текста играет их цвет, с учетом которого они делятся на хроматические (цветные) и ахроматические (черно-белые). Для символических знаков цвет имеет меньшую значимость, чем для натуралистических и художественных, где он представляется одним из существенных компонентов, усиливающих мотивированность знака. Использование цвета в нехудожественных символических знаках может быть обязательным в тех случаях, когда он выполняет информационную функцию (изображение флага, герба, дорожного знака и др.).

Учитывая место, занимаемое авербальными знаками в письменных текстах, выполняемые ими функции, а также их значимость, можно заключить, что данный вид знаков органически связан внешними и внутренними отношениями с вербальными знаками, составляет с ними единое коммуникативное целое, обладающее усиленной мотивацией и экспрессивностью изображаемого содержания.

Литература

- АВЕРИНЦЕВ, С.С. (1977): Поэтика ранневизантийской литературы, Москва.
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ, И.А. (1963): Труды по общему языкознанию, т.2, Москва.
- ВАХЕК, Й. (1967): К проблеме письменного языка. В кн.: Пражский лингвистический кружок, Москва, 524-534.
- ГВОЗДЕВ, А.Н. (1963): Избранные работы по орфографии и фонетике, Москва.
- ГЛИСОН, Г. (1959): Введение в дескриптивную лингвистику, Москва.
- ГОРЕЛОВ, И.Н. (1980): Невербальные компоненты коммуникации, Москва.
- ЛИНКИН, Н.И. (1964): О кодовых переходах во внутренней речи. В: Вопросы языкознания, №6, 26-38.
- ИСТОРИЯ лингвистических учений: Средневековая Европа (1985): Ленинград.
- КОЛШАНСКИЙ, Г.В. (1974): Паралингвистика, Москва.
- РЕЗАНЕНКО, В.Ф. (1985): Семантическая структура иероглифической письменности, Киев.
- ТОМСЕН, В. (1938): История языковедения до конца XIX века, Москва.
- ФРИДРИХ, И. (1979): История письма, Москва.
- ШКОЛЬНИК, Л.С., ТАРАСОВ, Е.Ф. (1977): Язык улицы, Москва.
- ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ (1977): Москва.
- ЯКОВЛЕВ, Н.Ф. (1930): За латинизацию русского алфавита. В: Культура и письменность Востока, т.6, Баку, 27-43.

- BIRDWHISTELL R.L. (1970): *Kinesics and Context*, Philadelphia.
- CRITCHLEY M. (1952): *The Language of Gesture*, London.
- GRÜMMER G. (1985): *Spielrormen der Poesie*, Leipzig.
- ULLMANN S. (1973): *Meaning and Style. Collected Papers*, London.

Zusammenfassung

Der Artikel behandelt die nichtverbalen Mittel des schriftlichen Textes (wie Photographie, Zeichnung, Schema, Diagramm, Formel, Ziffer u. a.). Beschrieben werden die verschiedenen Arten dieser Mittel, ihre Rolle, Position und semantische Funktion im Text. Ferner wird eine dichotomische Klassifikation dieser Mittel auf dem Hintergrund ihres Motivationscharakters gegeben.

Адам Е.Супрун, Алла А.Кожина, Минск

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА
(на материале Слов Кирилла Туровского)

I

Относительная законченность (цельность) и связность, являющиеся важнейшими параметрами, характеризующими текст, находят свое воплощение в плане содержания текста, в его грамматической и лексической структурах. Лексика не может рассматриваться как простой наполнитель грамматических конструкций, так же как неточно утверждать, что грамматика – лишь оформитель лексического содержания. Грамматика и лексика являются главными конститuentами текста. Они взаимосвязаны. Лексика определяет подбор некоторых грамматических форм так же, как грамматика определяет выбор некоторых лексических средств. И грамматика и лексика служат раскрытию содержания текста, достижению цели сообщения. Неопределенность лексической структуры языка в целом, отсутствие целостных описаний лексикона языка как многомерного и сложно-иерархического множества слов, представляющих собой достаточно сложные явления, сдерживает построение законченной и стройной теории лексической структуры текста, но не является непреодолимым препятствием для изучения лексической структуры конкретных текстов. Рассмотрение параметров лексической структуры отдельных текстов является, видимо, базой для создания более широких теоретических построений о лексической структуре текста.

Лексическая структура текста может, видимо, рассматриваться в различных аспектах, а в частности, в аспекте устройства, организации текста и в аспекте организации словника текста. В данной статье делается попытка рассмотрения древнерусского текста в обоих этих аспектах. При этом рассматривается отдельный небольшой текст – Слово на пасху Кирилла Туровского и совокупность семи Слов Кирилла Туровского, представляющих собой – и по авторству, и по адресу, и по коммуникативному назначению – в определенной мере единый макротекст или ансамбль текстов (ко-

торий, впрочем, по своему объему – 12130 словоупотреблений – соответствует другим древнерусским текстам, например, житию Феодосия Печерского, в котором 18 тыс. словоупотреблений, и меньше, чем такие ансамбли текстов как Повесть временных лет с ее 42 тыс. или Мерило праведное с его 31 тыс. словоупотреблений).

Кирилл Туровский (1130? – 1182?) – один из наиболее ярких древнерусских авторов. Его творчество, привлекавшее интерес еще Е.А.Болховитинова, И.И.Срезневского, К.Ф.Калайдовича, М.И.Сухомлинова, позже И.П.Еремина, А.Вайана, И.Феринца, Т.А.Алексеевой, В.В.Колесова, Ф.Шольца и других авторов (см.: СЛОВАРЬ 1987), представляет исключительный интерес. Творения Кирилла Туровского пользовались большой популярностью и авторитетом, включались в Златоуст и Торжественник рядом с произведениями Иоанна Златоуста, их автор в 13 в. был причислен к лику святых. Слова – проповеди Кирилла Туровского представляют собой выдающиеся произведения древнерусской церковной ораторской литературы. Из дошедших до нас восьми Слов, связанных с воскресеньями пасхального цикла, которые бесспорно считаются творениями Кирилла Туровского, второе (вслед за Словом в неделю цветную) – это "Слово на святую Пасху во свѣтоносный день воскресения Христова от пророческих сказаньи" (см.: ЕРЕМИН 1957, 412–414).

Слово на Пасху содержит 1430 словоупотреблений, представляющих 470 различных слов. Средняя частота слова в этом Слове, таким образом, 2,98, то есть повторяемость значительно выше, нежели в Слове на вербницу, где она составляет 2,18 (SUPRUN 1987, 228). Лексика Слова на Пасху более сосредоточена вокруг наиболее частых слов. Пять самых частых слов обоих Слов (и, въ, же, и мест., быти; первое и пятое занимают эти места в обоих текстах, три средних меняются местами) покрывают в Слове на вербницу 14,2% всех словоупотреблений текста, а в Слове на Пасху – 17,9%. Первая десятка наиболее частых слов (по составу вторая ее половина совершенно не совпадает в двух текстах) в Слове на вербницу составляет 21,4% всех словоупотреблений, а в Слове на Пасху – 26,1%. Напротив, слова, употребленные в тексте только по одному разу, составляют 30% словоупотреблений Слова на вербницу и лишь 20% – Слова на Пасху. Таким образом, лексика Слова на Пасху менее разнообразна и более повторяема, чем лексика Слова на вербницу. Это находит свое объяснение в содержа-

нии, гораздо более однообразном, сосредоточенном вокруг одной темы – Воскресении Христа в Слове на Пасху.

Как и в другие сочинения Кирилла Туровского, в Слово на Пасху включено довольно много библейских цитат и пересказов. Возможно, что в этом Слове их относительно даже больше, чем в других аналогичных текстах. Из ветхозаветных книг широко представлены Псалтырь (21.7, 23.7, 67.2, 68.22, 81.8, 101.14) и книги пророков (Исаии 66.18 – 20; Осии 6.1 – 3; Софонии 3.8 и др.), что связано со стремлением проповедника обосновать предсказанность воскресения Христа ссылками на высказывания из книг Ветхого Завета. Из евангельских текстов подробно пересказывается временами с цитатами рассказ о воскресении Христа; причем используются соответствующие главы всех четырех Евангелий: Лк 24, Мф 28, Мк 16, Ио 20.

В композиционном отношении Слово складывается из пяти переплетающихся информационных струй. Первая струя – это утверждение радостного характера праздника в начале и в конце текста. С этим связано разъяснение для слушателей того, что такое воскресение, в частности как победа над смертью, встречающаяся в тексте дважды – до пересказа евангельского текста и после него, а также лобозытное толкование термина Великдень, непосредственно предшествующее пересказу евангельского текста. Кульминацией этого информационного направления является противопоставление вчера (распятие Христа) и сегодня, днесь (воскресение) перед заключительным призывом возрадоваться и возвеселиться. Вторая информационная струя четко выражена во втором (после вступления) фрагменте текста: это разъяснение двойкой – божественной и человеческой – природы Христа; к этой информации примыкает и рассуждение о теле Христовом. Третье информационное направление состоит в раскрытии значения деяний Христа (сниде ... во ад, попра бѣсовское царство; глава адова скрушена бысть; за ны пожресе Христос; мотив искупления и спасения для вечной жизни грешников). Это направление получает кульминацию и завершение в молитве (поклонимся глаголюще: Ты еси Бог наш...), которая предшествует противопоставлению вчера и днесь. Четвертая линия информации сосредоточена в середине Слова (после разъяснения термина Великдень): это пересказ евангельского сказания о Христовом воскресении. Пятая струя информации – утверждение о том, что воскресение Христа было предсказано пророками Ветхого Завета.

та, следует за рассказом о воскресении, отчасти параллельно с ним. В связи с этим разъясняется важность веры, а также различия между Ветхим и Новым заветом (Ветхий завет как чаяние Нового). Этот поток перебивается одним из разъяснений воскресения и находит завершение в подборке прямых цитат из Псалтыри. После краткого возвращения к четвертому потоку – пересказу Евангелия автор переходит к уже упомянутой молитве. Надо подчеркнуть, что названные линии информации в Слове на Пасху переплетены друг с другом и сливаются в единый информационный поток. Это переплетение различных линий информации является характерной композиционной особенностью этого Слова.

В Слове на Пасху скорее можно выделить некоторые условные части. Можно, видимо, говорить о таких выделяемых фрагментах: 1) Вступление (о сегодняшней радости); 2) Сравнение божеского и человеческого в Христе (яко человек – яко бог 28 – 135; здесь и далее цифры указывают на номера словоупотреблений в тексте по изданию М.И.СУХОМЛИНОВА без учета разночтений); 3) Сущность воскресения (136 – 280); 4) Семантика Пасхи (281 – 385); 5) О теле Христове (тѣло Христово примѣте 386 – 486); 6) Причины наименования воскресения Христова великим днем, то есть семантика термина Великдень (Второе же въскресѣние... 487 – 525); 7) Пересказ Священного Писания о воскресении Христовом и его предсказанности пророками (526 – 1277); 8) Молитва (Ты еси бог нашъ 1278 – 1328); 9) Противопоставление вчера – днесъ (1329 – 1379); 10) Заключение. Следует отметить, что если фрагменты 6 и 8 относительно самостоятельны, то другие тесно переплетаются в тексте и даже место их окончания четко установить затруднительно.

Распределение шести наиболее частых однозначных слов, отмеченных десять и более раз каждое, характеризуется следующими рядами номеров их словоупотреблений в тексте: Христос : 31, 204, 213, 244, 252, 315, 423, 513, 591, 643, 876, 893, 915, 937, 1047, 1260, 1352, 1420 (всего 18 раз); рещи : 577, 590, 606, 616, 626, 664, 714, 721, 1000, 1008, 1068, 1091, 1137, 1386 (14); глаголати : 135, 237, 385, 526, 670, 737, 773, 1024, 1049, 1194, 1277, 1349, 1406 (13); въскреснути : 222, 253, 456, 572, 583, 592, 725, 916, 1157, 1259, 1336, 1351, 1363 (13); гроб : 105, 122, 215, 227, 437, 538, 550, 782, 814, 831, 1128, 1370 (12); Бог : 36, 59, 77, 98, 110, 126, 521, 955, 1148, 1158, 1280 (11);

приятн: 232, 248, 308, 474, 524, 607, 762, 797, 1050, 1214 (10).

Первое из этих слов (Христос) распределено по тексту относительно равномерно. Большое сосредоточие наблюдается лишь в третьей сотне словоупотреблений, где это слово заняло 5 позиций; не зафиксировано слово во второй, восьмой, двенадцатой сотнях, где однако употреблены синонимические замены (Царь славы, Господь – во второй; Он – в двенадцатой, где кроме того, ряд ветхозаветных цитат, в которых имя Христа, естественно, употребляться не могло). Относительно равномерно распределены также слова гроб и вскреснути, причем последнее 5 раз в устойчивой связи с именем Христа: Христос воскрес (Здесь и далее цитаты из слов, кроме особо оговоренных, даются по изданию ЕРЕМИНА, 1957, 1958). Синонимические слова рещи (речи) и глаголати отчасти находятся в дополнительном распределении: в шестой и седьмой сотнях 8 раз употреблено рещи и лишь раз глаголати. Частота употребления рещи в указанном месте связана с повторным (5 раз) императивом Идѣте и рѣте (Мк 16.7), хотя не все случаи исчерпываются этим: дважды употреблена форма рече, встретившаяся еще в трех местах (заметим, что форма глагола в тексте не фиксируется) и раз причастие реченое. Поскольку употребления глаголати и рещи во второй половине текста встречаются попеременно, едва ли можно говорить о некоторых особых условиях употребления этих глаголов. Употребление слова приятн характеризуется несколькими сгущениями в его употреблении, связанными с планом содержания соответствующих мест текста.

Распределение многих менее частотных слов по тексту также тесно связано с движением плана содержания текста. Так, например, четыре из семи словоупотреблений слова человѣк падают на сравнение божеского и человеческого в Христе, еще два – в фрагменте о семантике Великодня (когда люди ликуют с ангелами и освящаются богом), последнее употребление слова человѣк – в молитве, где снова осуществляется сопоставление человеческой и божественной природы Христа (человече видимый, боже разумѣваемый). Глагол ити появляется впервые в связи с уже упомянутым повторяемым императивом: идѣте и рѣте, а затем выступает в связи с рассказом о том, как два ученика Христа шли к его гробу. Использование элементов лексики в соответствии с содержанием текста, а в связи с этим и обусловленная содержанием повторяемость лексических элементов являются наиболее естественным и

закономерным путем выбора слов при построении текста.

Одним из излюбленных приемов ораторского красноречия, используемых Кириллом Туровским, является противопоставление. В лексическом плане противопоставление связано с использованием антонимов или противопоставляемых автором сочетаний слов и словопотреблений. Так, с самого начала текста находим противопоставление: Радость и веселие днесъ противопоставлены скорби прежде бывшего тайнства. Раскрывается это противопоставление примером грусти жены при отъезде мужа в дальний путь и ее веселья при его внезапном возвращении. Лексически здесь представлены антонимы радость/веселие – скорбь, днесъ – преже, отшедшю – пришедшю. Параллелизм ситуации подчеркивается тем, что о нынешнем празднике и о внезапно вернувшемся близком говорится одним причастием пришедший и параллелизмом в употреблении тех же членов основного противопоставления: веселие и радость, с одной стороны, и скорбь (во втором случае скорбьна бывши). Выражение скорбь прежде бывшего тайнства вводит и следующую серию противопоставлений, связанных с сопоставлением божественной и человеческой природы Христа.

В этом фрагменте после вводно-обобщающего полного наименования субъекта следующего сопоставительного повествования (Господь нашъ Исус Христос) следуют три сопоставления с вводными словами яко человек и яко бог. Этот ряд прерывается (не вставным ли?) фрагментом яко агнець... жертву... богу отцю принесе. Потом снова следует противопоставление яко человек – яко бог, которое приобретает своеобразное усиление в последнем сопоставлении: яко царь – яко бог. Оно построено и на сопоставлении человек – царь (то есть главный из людей) и царь (всё же человек) – бог. Это противопоставление находит и дальнейшее развитие, где, обращаясь к бесовским силам, бог предлагает им взять (снять, отворить) врата, чтобы вошел царь славы (Пс 23.7). При этом руководители бесовского царства (так!) названы князьями, а потому возникает еще одна антонимизация: князи (тьмы) – царь славы. Следует сказать, что в названных пяти парах внутри не наблюдаются прямых лексических противопоставлений, действия Христа как человека и как бога происходят в разных измерениях, в разных системах (человек в узком человеческом мире: распинаем оубо, испусти дух, в ребра прободен, в гробѣ положен, стражыми стрегом, в гробѣ лежаше; бог же в космических масштабах: солнце помрачи,

луну в кровь преложи, тьма бысть по всей земли, землю потрясе, оltарь языческия церкви освати, ангельскими вои бѣсовскими силам ... прѣщаше). Антонимичны не элементы, а ситуации в целом.

В продолжении этого отрывка вновь происходит актуализация антонимии, столь характерная для начального фрагмента Слова. Таковы пары: съниде во ад — ведяхуся в рай (здесь актуализуется не только антонимия ад — рай, но и антонимичные конверсивы съниде — ведяхуся), связаныя — раздрѣшишася, работныя 'порабощенные' — освобожены, сѣдящая во тмѣ — видѣша свѣт. Позже, ближе к концу повторится: и чаявшим свѣта бысть им тма.

Чрезвычайно ярко в этом фрагменте звучит "отрицание отрицания": смерть умертви. Оно повторится и в части о теле Христовом. Эта формула находит развитие в констатации чудесного, возможного лишь в божественном, а не в человеческом космосе: встати от гроба.

Подготовка слушателей к восприятию центральной информации этим завершается: произносится слово воскресе. Четкий аорист констатирует невероятное событие. Возникает первое упоминание пророков, которые ликуют. Цитируется I Послание коринфянам (15.55), где воспроизведен стих из Осии (13.4) с саркастическим и торжественным: Кдѣ ти, смерти, побѣда, кдѣ ти, аде, жало (так в Христинопольском апостоле XII в., хотя обычно, например, трижды в Супрасльской рукописи: кде ти съмрѣти жало кде ти аде побѣда (352, 479, 487), везде в Словах Иоанна Златоуста, в том числе в Слове на Пасху (479). Начинается актуализация для слушателей (у которых еще немало языческих представлений) семантики воскресения. Снова звучат уже прозвучавшие дважды во вступлении слова веселие и радость. Вновь возникает теперь в аористе глагол воста, который сочетается с яко спя, и вновь повторяется въскресе, но симметрично спя здесь выступает спасая и. И в третий раз актуализуемый глагол выступает в полном и объяснительном контексте: Христос въскресе из мертвых (надо сказать, что эта актуализация полно представлена не во всех списках; так в Пискаревском сборнике, взятом за основу издания И.П. Ереминым как самом исправном, но в древнейшем списке — Уваровского Златоуста слов воста бо яко спя господь нет). Воста и въскресе находятся тут в интересном семантическом отношении друг к другу, актуализируемом в тексте. С одной стороны,

они как бы синонимичны. Но вместе с тем они противостоят друг другу по развитой ранее линии бог – человек: встал (поднялся) – человек, а воскрес – бог. Таким образом, и здесь можно усматривать определенную актуализацию противопоставления, антонимическую ситуацию. Существенно подчеркнуть, что антонимия здесь отнюдь не системная, но именно текстовая.

Противопоставления и контрасты продолжают: гробным (то есть погребенным, умершим) живот дарова содержит элемент контраста главных противоположаемых в тексте сущностей – жизни и смерти. Здесь и другая антонимия в функционировании: от ада на небеса. Группа противопоставлений четко выступает в повествовании-пересказе, где Иоанн и Петр, пришедшие к гробу Христову, вопреки порядку прихода входят в гроб (пещеру) именно в названном порядке, ибо Иоанн воплощает Ветхий, а Петр – Новый завет (закон). Это противопоставление ветхий – новый повторяется в отрывке длиной менее сотни словоупотреблений (778 – 876) четыре раза. Сюда примыкает и антонимия преже/скорбе – послѣди, актуализованная в отрывке дважды. Продолжая разъяснение понятия воскресение Христа, автор использует развернутую параллель с заснувшим пастухом, стадо которого разбрелось, а потом, когда пастух проснулся, было вновь собрано. И здесь, естественно, актуализуется конверсивно-антонимичное противопоставление: видеть рашедьшюся чреду – свое сбереть стадо. В молитве незадолго до конца проповеди вновь вспоминается противопоставление бог – человек: человекче видимый – боже разумѣваемый; оно вновь служит разъяснению понятия воскресение. Интересно, что ему предшествует (примерно за две с половиной сотни словоупотреблений) объединение противопоставляемых понятий: Христос по воскресении ангелы и человекы в едино собирает стадо. Человек и ангел противопоставлены друг другу, но перед Христом (богом живым) они могут быть объединены. Это уже не просто актуализация антонимии, но и как бы показ ее границ.

Специально контраст становится осью повествования в фрагменте с противопоставлением вчерашнего и сегодняшнего. Предшествующая противопоставлению молитва вводит временной план через слово нынѣ. Далее следует четыре пары предложений, начинающихся по очереди с вчера или с днесь. Трижды в части днесь звучат разные формы глагола воскреснути (с тобою воскресохом, въистигну воскресе Христос, въскресша тя видѣхом), однако в первой части про-

тивопоставлений такой словесной симметрии нет, хотя содержательно в предложениях, начинающихся с вчера, дается краткое резюме распинания.

Определенное противопоставление имеется в фрагменте с этимологической характеристикой выражения великы день: велик есть день сий не множе часов имья, но великих ради чудес. Противопоставление здесь однако содержательное и синтаксическое, но не лексическое. В лингвистическом плане, как представляется, здесь происходит утверждение переносного употребления слова велик, что и нашло свое выражение в указании на то, что название праздника связано не с физической величиной дня, а со значимостью происшедшего в этот день. Надо отметить, что завершающая этот фрагмент фраза начинается словом днесь: Днесь бо ангели со человекы ликуют... Это слово создавало своеобразный семантический ритм в предшествующее воскресенье в Слове на вербницу (SUPRUN 1987, 240); здесь Кирилл Туровский снова использует его (в чередовании с нынѣ) для привязки содержания текста к сегодняшнему дню, а тем самым для усиления его эффективности: днесь и нынѣ встретились в сумме II раз и, если учесть сосредоточение перед концом текста в прямом противопоставлении вчерашнего сегодняшнему, выполняют существенную композиционную роль.

Толкование выражения Великы день свидетельствует о стремлении автора разъяснить слушателям семантику термина, обозначающего праздник, в который данное слово провозглашается. В Слове на Пасху даются еще две этимологические справки о наименованиях этого праздника: тѣмь сугубо и трегубо имя нынѣшний приемлетъ праздник. Довольно тонко вводится понятие "воскресать", а следовательно толкуется не только этот глагол, но и отглагольное имя въскресение. Далее есть фрагмент о названии пасха: Пасха убо нарицається заклаемых ради Моисѣем во Египтѣ агнецъ. Известно, что старославянское и русское пасха – гречизм (ФАСМЕР 1971, 216), а греческое πάσχα заимствовано из арамейского (СНАТРАПНЕ 1974, 861), где было связано семантически с понятием библейского исхода (прохождения) из Египта (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910–1914, 26). Но причем здесь заклаемые агнецов? В 12 главе Исхода рассказывается лишь о том, что перед Исходом единоплеменники Моисея по продиктованному ему

Богом повелению закололи ягнят и должны были съесть их с тщанием и поспешностью: "это Пасха Господня" (Исх. 12.11). Таким образом, и Библия не является прямым источником такой этимологии. Однако в греческом имеется глагол *πάσχω* "испытывать, страдать, претерпевать", в новозаветных текстах этот глагол употреблялся и в значении "умирать, быть должным умереть" (BAUER 1971, 1257). Возможно поэтому, что автор приведенного объяснения народно-этимологически объединил различные по происхождению греческие слова, стремясь таким путем дать содержательное обоснование термина. Это могло быть сделано как самим Кириллом Туровским, так и греческим автором одного из его источников. Первое указывало бы на достаточно высокую степень знакомства Кирилла Туровского с греческим языком.

Как видно из примера использования при характерном для ораторского стиля Кирилла Туровского противопоставления и контраста антонимов рядом, можно говорить о приеме актуализации межсловных семантических отношений, существующих в лексической системе, то есть в парадигматике, на синтагматической оси. Именно так следует, видимо, толковать высказывание ангелов в белых ризах у гроба Господня: Что ищите живаго с мертвыми в цитате из Луки, 24.5. Подобным образом несколько ранее употреблено выражение: Днесъ бо ангели со человекы ликуютъ; ясно, что в принципе ангелы и человеки противопоставлены, но в данной ситуации происходит их особо значимое объединение. Таким образом осуществляется перенесение парадигматических семантических отношений в план синтагматики, то есть их текстовая актуализация.

Этот прием используется не только для антонимических слов, но и для некоторых других семантических групп слов. Так, в тексте неоднократно происходит актуализация синонимов. Примерами этого могут служить находящиеся рядом предикаты: врата скрушишася ... и веревя сломишася. Синонимия подтверждается в этом случае повторным воспроизведением этой пары с перестановкой сказуемых: мѣдная врата сломишася и веревя желѣзная скрушишася. Если текст начинается с провозглашения: Радость ... всѣм крестияном и веселие миру с повтором этих слов в конце отрывка, где актуализуется близкозначность синонимов радость и веселие, то в заключение предлагается: възрадуимся и возве-

селимся, где продолжается актуализация синонимии этих корней. Аналогично происходит текстовая синонимизация слов держава и власть (адова) погублена бысть, ср. и твое есть царство и твоя Христе держава.

Актуализуются и другие парадигматические отношения, в частности, отношения однородности. Так, рядом оказываются слова солнце и луна, в уже приведенном примере верей и врата. Во вступительном фрагменте дважды выступает триада наименований членов семьи: мужь - жена - дѣти. Используется и пара жерци и фарисѣи. Рядом, как однородные дополнения выступают названия частей тела: пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои, в другом месте: чрево и устѣ. В состав таких однородных групп входят не только существительные, но и другие части речи, в частности, прилагательные (сугубо и трегубо имя), наречия (нынѣ и приснѣ). Как правило, актуализация семантической однородности служит для усиления значимости соответствующих фрагментов словаря в тексте.

Использование в тексте синонимов не ограничивается их употреблением рядом. В Слове на Пасху имеется ряд синонимов, употребляющихся попеременно, видимо, для устранения однообразия, подчас некоторыми тонкими семантическими отличиями. Это можно сказать о наречиях днесѣ и нынѣ, о глаголах глаголати и рещи (ср. в этой связи: сказаста иже глаголють).

Вместе с тем автор не чужд и прямого повторения одного и того же слова, что может создавать, как отмечалось применительно к Слову на вербницу, определенный лексико-семантический ритм. Это ярко видно в фрагменте о теле Христове (в 4 и 5 сотнях словоупотреблений), где на протяжении сотни словоупотреблений слово тѣло употреблено 5 раз, причем после первого автономного употребления дважды по два раза слово оказывается в одной синтаксической позиции: сим тѣлом и се тѣло. В конце первой сотни словоупотреблений дважды употреблено рядом слово жертва, причем один раз оно означает "заклаемого агнца", а во второй раз употребляется в отношении к самому Христу, принесшему себя в жертву "за спасение всего мира". Многократно повторяются и другие слова, о чем отчасти говорилось в связи с рассмотрением роли противопоставлений в тексте.

Специфические синтагматические пары образуют глаголы со

значением движения и его цели. Четырехжды (в связи с раскрытием факта воскресения Христова) повторяется пара идѣте и рѣште (интересна инверсия: рѣши да идуть). Можно указать и другие аналогичные пары: в рассказе о пастухе возлег ... поспить; рыщеть... да... сбереть стадо; ср. также идуть... и ту мя узрят; с супином: придоша... видѣт; возвратишася и возвѣстиша; с причастиями: въстав видить; въстав рече и др. По сути дела и в этих парах наличествует не только чисто синтагматическая связь: она отражает и определенные семантические отношения в лексической системе.

Таким образом и здесь в лексической структуре текста находят отражение парадигматико-синтагматические связи лексики. Еще одним каналом осуществления таких связей можно считать довольно многочисленные относительно устойчивые или идиоматичные глагольно-объектные и атрибутивные сочетания. Речь идет о таких атрибутивных сочетаниях как сын божий, святой дух, бог живн, лота душа, сила божия, святой ангел, чада церковная, агнецъ божий, божественная пасха, божия кровь, тѣло Христово, источникъ бессмертный, душа челоуѣчьскн, вѣчная жизнь, в бѣлахъ ризахъ (к устойчивости этого выражения ср. название романа В.Дудинцева "Белые одежды"), церковь языческая, святая церковь и др. Значительная группа глагольных сочетаний с прямым объектом (в винительном падеже). Так, например, с глаголами с корнем -им- образуется серия таких сочетаний разной степени устойчивости и идиоматичности: примѣте духъ святой (трижды), свѣтъ прия, приимъ хлѣб, приими радость, веселие приемлеть, вѣчную жизнь приемлють, тѣло... примите, имя... приемлеть, не имяхутъ вѣру, знакъ имуща, възмете князи (о подобных сочетаниях см.: КОПЫЛЕНКО 1960). Подобные конструкции имеются и со многими другими глаголами: испусти духъ, отпусти долги, сберу братию, сбереть стадо (дважды), слово слышите, глаголы слышим, почитая пророкн, помянути пророка, видѣша свѣт, простру руку, животъ дарова, церкви освати, прашающе согрѣшения и др. Ряд относительно устойчивых или идиоматичных сочетаний образуется и с другими падежными формами: въскресе из мертвых, с креста сняхом, стражи стрегом, во гробѣ положен бысть, вниде во вѣру, чаяти свѣта. Можно указать и устойчивые или идиоматичные сочетания иных грамматических моделей: друг друга, приде время, сбнсться слово и др. Использование такого рода сочетаний

является одной из реализаций связи лексической парадигматики и синтагматики в тексте.

Все эти средства, характеризующие сопряжение лексической системы языка и лексической структуры текста, служат обеспечению таких основных параметров текста как связность и цельность. Связность обеспечивается установлением семантических связей между актуализуемыми в тексте антонимами или антонимизуемыми словами и сочетаниями слов, между актуализованными синонимами или однородными словами и т.п. Из различной по степени устойчивости и семантическому своеобразию (идиоматичности) лексической сочетаемости складывается общая характеристика сочетаемости слова как некоторого единства, также служащая связному восприятию текста. Цельность (законченность) текста достигается в значительной мере композиционным строением, в том числе определенной симметрией начала и конца текста в лексическом плане, а также созданием лексико-тематического фона из тематически связанных слов, составляющих существенную часть словника текста.

2

Возможна иная интерпретация текста путем построения его лексической структуры, основанной не на принципах и правилах сцепления лексем в процессе порождения текста, а на совокупности смыслов, воплощенных в нем, и отношений между ними, с одной стороны, и, с другой стороны, совокупности лексем, выражающих эти смыслы, и отношений между значениями этих лексем.

Многозначность терминов "смысл" и "значение" требует их определения.

Лексическое значение слова, языковая реализация понятия о некотором объекте, членится на компоненты, отражающие характеристики объекта разных типов и степени сложности. Реальная жизнь слова проходит в речевой деятельности человека. Одна из целей коммуникации – вербальное представление некоторой ситуации внешнего мира, в которой представлены некоторые объекты, связанные некоторым отношением. В такой ситуации реализуются лишь отдельные свойства объектов и отношений. Поэтому слово, обозначая объекты и отношения в ситуации, реализует лишь определенную часть своего значения, релевантную в данном случае,

в результате чего образуется вторичное значение (или актуальный смысл слова).

Простейшим вербальным представлением такой ситуации будет предложение, в котором (применительно к задачам данного исследования) можно выделить следующие составные компоненты: субъект (обозначение предмета, явления, применительно к которому определяется отношение), предикат (обозначение отношения), объект (обозначение предмета, явления, испытывающего отношение субъекта), также некоторые адverbиальные и атрибутивные характеристики.

Но в коммуникации, как правило, функционируют образования, больше, чем одно предложение – тексты. В основе текста, как предполагается, лежит некоторое мыслительное образование, которое можно назвать идеей текста. Идея компонуется из различных – конкретных и размытых – смыслов, не получающих однозначного воплощения на вербальном уровне.

Это глубинное мыслительное содержание более абстрактно, чем информация, производная от вторичного значения (актуального смысла) лексем-сегментов в цепочке-предложении – "Между структурой плана содержания текста и структурой его смысла есть определенные связи и отношения, но нет обязательной изоморфности и обязательной идентичности" (БОНДАРКО 1978, 100). Однако идея автора должна быть выражена именно при помощи суженных конкретной ситуацией, актуализованных значений слов. Но значение сужается лишь в пределах ближайшего окружения. В тексте же слово сопрягается по смыслу с другими словами, "круг его значений расширяется, приобретая еще целый ряд зон, наполненных новым содержанием" (ВЫГОТСКИЙ 1956, 370), и, таким образом, делается способным выражать более глубокий и абстрактный смысл, не всегда совпадающий с поверхностным актуальным смыслом, хотя и воплощающийся в нем.

Выражение смысла пронизывает весь текст, вовлекая разнообразные лексические средства. Чем чаще на протяжении текста выражается определенный смысл, тем больше у него шансов быть воспринятым адресатами текста. Это особенно актуально для рассматриваемых текстов – проповедей, призванных воздействовать на слушателей и воспитывать их веру.

Однако набор отдельных смыслов не способен представить идею

автора. Идея, отражая определенным образом отношения внешнего мира, включает отношение в свою структуру (как отношение между смыслами) и переносит в текст. Можно выделить две оси анализа – парадигматическую ось выделения смыслов и выражающих их лексических единиц и синтагматическую ось установления отношений между этими смыслами. Отношение смыслов находит выражение в предложениях текста во взаимодействии вторичных значений (актуальных смыслов) лексем, находящихся в позициях предиката, субъекта, объекта. Развитие отдельного смысла, входящего в идею текста, начинается уже в пределах предложения, где одну синтаксическую позицию может занимать несколько лексем, приравненных друг к другу в смысловом отношении – перенос принципа "эквивалентности с оси селекции на ось комбинации" (ЯКОБСОН 1975, 204). Лексемы, выражающие один смысл на протяжении текста можно объединить в некоторое множество – смысловую группу.

Следовательно, критерием выделения лексических единиц в одну смысловую группу будет их способность выразить один смысл находясь в одной позиции в предложении, и, кроме того, общность или сходство их основного лексического значения.

Было замечено, что смысл, представляемый предикатом, отличается от смысла, представляемого именами – субъектом и объектом. Имена обнаруживают более тесную связь с теми предметами и явлениями в ситуации внешнего мира, которую называет предложение. Предметы и явления могут быть постоянными, однако даже в определенной, единственной ситуации их связывает не одно, а несколько отношений (стоять, слушать, верить). Это и создает возможность развития и перехода смыслов в пределах одного предложения, а не только в последовательности предложений.

Такое развитие предикатного смысла и его взаимодействие с именными смыслами можно представить на примере развития предикатного смысла, представляемого глаголом обновить.

Смысл 'обновить' рождается при реализации на поверхностном уровне глубинного отношения, которое можно представить при помощи следующей схемы: 'B выводит из состояния разрушения O при помощи I', где под состоянием разрушения понимается состояние объекта, отличное от нормального, подобающего ему, в сторону ухудшения вплоть до полной гибели объекта. В тексте ука-

занное отношение может подвергаться каузативной трансформации, в результате чего его структура приобретает следующий вид: 'B (= O предыдущего отношения) выходит (выводится) из состояния разрушения при помощи I'. Можно предположить, что на поверхностном уровне эти схемы будут воплощены в предложении, где глагольная лексема (одна или с зависимым компонентом – дескрипция), фиксирующая собственно смысл 'обновить' как 'вывести из состояния разрушения' в качестве предиката будет соединять имена, занимающие места предикатных предметов (субъекта, объекта, инструмента). В действительности эта схема не всегда однозначно реализуется на поверхностном уровне, и лексические единицы, занимающие места предиката и предикатных предметов, обнаруживаются при анализе всего ансамбля текстов как единого целого.

Если в основе предикатного смысла, в данном случае смысла 'обновить' лежит глубинное отношение, и средства выражения предикатного смысла группируются в смысловые группы на основе представления этого отношения на поверхностном уровне, то в основе именного смысла, заключенного в предикатных предметах (в первую очередь в субъекте и объекте), лежат денотаты внешнего мира, и группировка лексем в именные смысловые группы зависит от группировки денотатов. Поэтому, не касаясь связи предикатных предметов с отношением, их можно разбить на две основные группы "бог" – "творение божье". Смысловая группа "бог" включает в себя именованного единственного денотата, как просто называющие его в трех ипостасях (Бог—Отец, Христос, Святый Дух), так и характеризующие его (Спас), однословные и дескрипционные (творец твари и законодавец). Группа "творение божье" распадается на две подгруппы, выделяемые на основании противопоставления 'земное'/'неземное', которые по другим основаниям деления распадаются на более мелкие группировки. В подгруппе "земное творение божье" можно выделить группировки "человек"/"природа" ('разумное'/'неразумное'), а также именованного единичных денотатов – Моисей, Адам, раслабленный ('индивидуальность'/'общность'). В дальнейшем, сконцентрировав внимание на предикатном смысле, не всегда будем обращать внимание на именной.

Как отмечалось выше, одно из средств выражения названного предикатного смысла – глагол обновить – Сам же творец твари и законодавец придет обновит твари и спасти человека.

В предикате данного отношения отсутствует указание на разрушенное состояние объекта, однако оно есть в другом предложении: и на земли веселые всеи твари обновльшися от истълѣния. Лексема, заключающая смысловой компонент 'разрушение' может входить в качестве атрибута в дескрипцию объекта – се тѣло смѣртъ оумертви и тварь всю истълѣвшю обнови, и в саму номинацию объекта – того бо ради с небесъ сниде и възплътивъся, бысть человекъ, да истълѣвшаго обновить и на небеса възведеть. Разнообразные способы номинации компонента 'разрушение', а также возможность его отсутствия в предложении свидетельствуют о том, что этот компонент содержится уже в составе значения слова обновити/обновитися. Действительно, можно привести следующее толкование: 'отделать или сделать заново что-либо обветшавшее, разрушенное' (СЛОВАРЬ 1987, 104).

Определяя смысл, выражаемый глагольной лексемой обновити, необходимо отметить, что под обновлением и разрушением автор понимает духовное обновление и разрушение. Об этом свидетельствует следующая конструкция (под конструкцией понимается несколько простых предложений) – яко по крещении не велить нам Господь съгрѣшати, да не пакы истълѣим обновленаго Богомъ чело- вѣка, в которой согрешение называется причиной истления, и, кроме того, указывается на средство, инструмент обновления – по крещении.

Предикатное отношение, обозначенное глаголом обновити, устанавливается между субъектом бог и объектами, принадлежащими к именованным смысловым группировкам "природа" и "человек". Но если 'обновить' человека – значит 'вывести из состояния духовного разрушения при помощи крещения', то что следует понимать под обновлением природы? Из конструкции обновися тварь: оуже бо не нарекутся богомъ стухия, ни солнце, ни огнь, ни источникъ, ни древеса... преста бо идолослужение и погубися бѣсовское насилье крестнымъ таинствомъ можно сделать вывод о том, что в результате крещения место язычества с обожествлением природы занимает христианство, и элементы природы, не являющиеся больше языческими богами, выводятся таким образом из греха. Если подобная концепция действительно принадлежит Кириллу, значит он ориентировался на своего слушателя, недавно вышедшего из язычества.

Смысл, сходный по структуре, представляет предикат с глаго-

лом избавити/избыти. Смысловой компонент 'разрушение' может не быть представленным в нем вербально – вскресни, Господи, помози нам, избави нас имени твоего ради; может выражаться в управляемой глаголом лексеме – не повинны си, продан бысть, да проданя грѣхомъ от дѣволя работы избавить.

Однако по способу представления смысла лексическим значением предикат, включающий глагол избавити, ближе предикату с глаголом свободити – се избавляю люди моя от работы Фараона и свободяю я от мучения приставник его. На это указывает также толкование, даваемое словарями: свободити – 'освободить, дать свободу, избавить' (СРЕЗНЕВСКИЙ 1903, 278), избыти – 'превзойти, остаться, лишиться, освободить' (СРЕЗНЕВСКИЙ 1893, 1034) и средства выражения смыслового компонента 'разрушить'. С глаголами избавити и свободити соединяются лексемы и дескрипции, обозначающие не столько полное разрушение объекта, сколько власть над объектом сил, враждебных богу – Днесь тварь веселится, свободяема от работы вражия. Этот же компонент может быть выражен в дескрипции субъекта или объекта – работныя душа челоуѣча, свободены, ведяхуся в рай.

Для выражения смысла 'обновить'/'обновиться' в тексте также служат лексемы ицѣлити/ицѣлѣти – тебе ради бесплотен си плотью обложихъся, да всѣх душевныя и телесныя недуги ицѣлю. В этом предикате обозначение разрушенного состояния дифференцируется по признаку 'духовный'/'физический'. Но признаки эти могут выступать слитыми воедино – Да и мы, братие, того Исуса Христа Бога нашего прославим, ицѣлившаго нас от недугов грѣховных. Духовная болезнь – грехи – является причиной телесной болезни – грѣси мои вся уди телеси моего раслабиша, ср. также Аще кто есть слѣп разумомъ, или хром невѣриемъ, ли сух мнозѣхъ безаконий отчаяниемъ... – всѣх вода крещенья здравы творить. Дескрипция здравы творить, воплощающая в данном предложении смысл 'обновить', является конверсивом по отношению к предикату ицѣлити, поскольку обозначает отношение 'привести в состояние здоровья', а не 'вывести из состояния болезни'. В приведенной конструкции крещение снова выступает средством обновления.

Рассматриваемый смысл может выражаться лексемой с конкретизированным по отношению к определенной болезни значением –

Сий бо не тъкмо тельсьнума прозрѣ очима, нѣ и душевънума про-
свѣтися зракома. В данном предложении дифференциация 'духов-
ный'/'физический' представлена в различии и сопоставлении гла-
гольных лексем в позиции предиката.

В состоящей из параллельных по строению предложений кон-
струкции почто въстал еси от немощи, почто ищѣлѣ еси от не-
дуга, почто прѣмѣнилъся еси от болѣзни устанавливается пара-
дигматическая смысловая общность между глаголами ищѣлѣти и
въстати. Сбозначая процесс, вторичный по отношению к ищѣлѣти,
лексема въстати становится знаком обновления и вовлекает в
этот процесс обозначения другие лексемы, парадигматически свя-
занные с ней в позиции предиката и выражающие необходимое от-
ношение не на основе своего значения, а в результате привле-
чения текстом к символическому обозначению – Въстани, и възми
одр свои, иди в дом свои, или – не лѣпо ти бѣ нынѣ одра сво-
его (нести, понести, възяти и понести – варианты по разным
спискам). В этом предикате также присутствует знак болезнен-
ного состояния – лексема одр, ср. – въстати с одра, възяти
одр, нести одр.

Предикат прѣмѣнилъся еси от болѣзни находится в каузатив-
ных отношениях с предикатом предложения Господь поможет мнѣ
на одрѣ болѣзни моя и весь недуг мой обратил естъ в съдравие.
Прѣмѣнитися от болѣзни – 'превратиться из больного в здоро-
вого, перейти из болезненного состояния в здоровое', обратити
мои недуг в съдравие – 'превратить мою болезнь в здоровье',
в конечном счете 'перевести меня из больного состояния в здо-
ровое' (ср. дати съдравие). Такой же способ выражения смысла,
перенесенный в сферу духовного, представляет предложение –
бурнии же вътри – грѣхотворении помысли, иже покааниемъ пре-
творишася на добръдѣтель. Здесь, как и в предыдущем предложе-
нии, отсутствует объект обновления, внимание сосредоточено на
самом процессе:

По способу представления смысла значением лексемы глагол
обновити отличается от глаголов избавити, свободити, ищѣлѣти
в первую очередь отсутствием в его семантике компонента 'путем
отделения от разрушающего фактора', что по закону семантичес-
кой сочетаемости слов отражается в зависимой от глагола лексе-
ме, вводящей в предикат смысловой компонент 'разрушение'.

Истлѣние (СЛОВАРЬ 1979, 323) – 'тление, гибель, смерть', состояние, когда объект нуждается в полном восстановлении, в то время как для обновления объекта, находящегося в состоянии болезни, достаточно устранить недуг или его причину. Таким же образом представляет смысл лексема очистити, с той разницей, что обозначение разрушающего фактора – лексема сквърна (СРЕЗНЕВСКИЙ 1903, 370) – 'мерзость, нечисть, порок') подбирается в соответствии с семантикой самого глагола (очистити (СРЕЗНЕВСКИЙ 1895, 845) – 'избавить от нечистоты, греха') – Но да не мнѣмъ яко единому тому се глагола Христосъ, нъ всѣмъ, приемшимъ крещения благодать, имъ же праотечьскыя очистихомъ ся скверны, ищлѣни быхомъ отъ растлѣвающаго ны грѣха, или створи бо ся небоъ земли, очищена Богомъ отъ ѡсовьскихъ скверн.

В некоторых случаях в лексическом значении глагола в составе предиката присутствует только семантический компонент 'отделение'. Тогда смысл 'обновить' может обозначаться такой лексемой лишь в сочетании с именем, указывающим на предмет отделения – Сего ради хоцеть Господь отъяти болѣзнь отъ душа его. Такое употребление подтверждает правомерность и необходимость введения смыслового компонента 'состояние разрушения' в состав предиката, так как в данном случае именно благодаря лексеме, содержащей этот компонент, формируется необходимый предикатный смысл. Ср. выражение смысла 'обновить' в предложении – ...апо-стола, иже днесъ на Сионъ вшедше къ нему, познаша Господа и всю печаль забывше и скорбь иудѣиска и страхъ отъвержеса, Святымъ дѣухомъ осѣнени, въскресение Христова ясно проповѣдають. При изменении зависимого компонента меняется выражаемый предикатом смысл – овъ бо тя лъстью фарисѣомъ предасть, други же страха ради предъ архиерѣи отъвержеса.

Способ представления смысла глаголами избавити и свободити можно назвать конверсивным по отношению к предыдущему – здесь объект отделяется от власти разрушающего фактора (рабства дьявола, злых духов). Как болезнь входит в человеческий организм и может быть устранена из него, так человек попадает во власть врага и может быть выведен из нее.

При анализе глаголов, входящих в состав названных предикатов, обращает на себя внимание их внутренняя форма. Так, в лексемах обновити/обновитися, ищлѣити/ищлѣти, свободити/свобо-

дѣлѣ существует указание на характер того состояния, к которому приходит/приводится объект – новни, цѣлни, свободныи (ср. се цѣл еси и к тому не съгрѣшаи; быша всѣ новая, видима яже и невидима я; рабы и свободныи).

Уже назывался один инструмент устранения болезни, обновления – крещение. Однако крещение как средство обновления отчуждено от бога. На это указывает представление приведенных выше предложений в виде совокупности смыслов, в них выражаемых: 'бог' – 'обновить' – 'творение божье'; 'творение божье' – 'обновиться'; 'творение божье' – 'обновиться' – 'крещение'; 'крещение' – 'обновить' – 'творение божье'. Крещение позволяет путем принятия истинной, христианской веры приобщиться к богу, поверить в его способность обновлять, исцелять, освобождать. Автор проповедей, Кирилл, должен был показать и доказать могущество бога и, главное, ту причину, благодаря которой стало возможным обновление человека и природы.

Одно из доказательств всемогущества бога – те чудеса, которые он творил на земле. Одно из таких чудес – исцеление расслабленного. Средство исцеления – божье слово – ... его же нынѣ Христос, благии человекѣлюбѣцъ, словомъ ищѣли. Божественное исцеление словом противопоставлено всем земным способам исцеления – нѣсть ни волхв, ни чародѣи и не есть ходатаи, ангел, нѣ сам Господь Бог Израилев, поне же не осяза мене рукама, ни приложи быльѣ ко врѣдом удов моих, нѣ слово его дѣломъ бысть, рече бо ми: вѣстани и ходи, и вѣследова слову дѣло и здравье телеси.

Смысл 'слово как средство исцеления' может быть выражен имплицитно – но иже мя створи цѣла, то мнѣ рече: вѣстани, возми одр свой и ходи, где этот смысл представлен глаголом рече и императивом.

Однако исцеление расслабленного – лишь одно свидетельство могущества бога, один шаг в обновлении им человечества. Другой шаг – оживление Лазаря – Лазаря, уже раскысѣвъша в гробѣ и четири дни муца в мѣртвых, словомъ жива створих, причем автор, уравнивая эти факты в значении, нарушает порядок следования евангельских событий. Приведенный выше пример продолжается так – и тобѣ нынѣ глаголю: вѣстани, и возми одр свой..., что свидетельствует о стремлении Кирилла не просто передать текст Свя-

щенного писания, но и создать некоторую единую концепцию обновления.

Дескрипция створити жива и соответствующий ей глагол оживити (иже вся ожививъшаго словомъ...) служат для выражения того же отношения, что и рассмотренные выше глаголы, приобретая в предложении указание на имевшее место разрушенное состояние (уже раскысѣвъша в гробѣ и четири дни муша в мѣртвых) и на средство обновления (слово).

Этой же структуре соответствует и структура смысла, выражаемого предикатом въскресити – многия същца просвѣтив и мѣртвыя словомъ въскресивъша, твоего божества мановениемъ, приравниваемом в выражении смысла лексемы просвѣтити и въскресити. Ср. также предложение егда и Лазаря из гроба възва и от мѣртвых его въскреси, в котором предикат възвати из гроба, имплицитно содержащий компонент 'слово', приравнивается к предикату въскресити от мѣртвых.

При каузативной трансформации предикат въскресити от мѣртвых переходит в предикат въскреснути из мѣртвых, однако каузативные отношения между ними существенно отличаются от таких между лексемами обновити и обновитися, ищѣлити и ищѣлѣти, свободити и свободитися. Субъект при предикате, выраженный непереходным глаголом (обновися тварь) становится объектом при предикате – соответствующем переходном глаголе, приобретающем иной субъект (Сам же творецъ твари и законудавецъ приде обновит твари...). Но при предикатах въскреснути и въскресити в тексте встречается лишь один субъект – бог. Лишь он может воскреснуть, и, вследствие этого, воскресить (ср. конструкцию, где субъектом и объектом называется один денотат, являемый в разных ипостасях – вѣрую, Господи, яко ты еси Бог мой. ...его же Бог-Отець из мѣртвых въскреси). Благодаря воскресению становится возможным обновление творения божьего – въскреси, Господи, помози нам, избави нас имени твоего ради.

По определенной выше структуре отношения, рассматриваемый предикат содержит в себе указание на разрушение. Для того, чтобы воскреснуть и, следовательно, воскресить необходима гибель, умерщвление бога – от безаконник побѣн бысть и по двою дню мир ищѣлив и въскресить во трети днь (ср. также – в третии днь въскресну).

Гибель бога в ипостаси сына божьего – Христа – сопоставлена в тексте с сотворением богом мира – Блажен еси, Иосифе, иже вся оживившаго словомъ и водами покрывшаго твердь небесную, сего, яко мъртвѣца каменемъ покрыл еси в гробѣ; также – Какъ ли в моемъ худѣмъ положю тя гробѣ, небесный кругъ оутвердившаго словомъ. Положити в гробѣ – знакъ гибели, сравнимый по способу представления означаемого с встати – знаком исцеления.

Бог, сотворивший мир и человека, один лишь имеет право исцелять и воскрешать. Расслабленный говорит об этом: иже мя сътвори цѣла, то мнѣ рече: встани, възми одр свои и ходи... Цѣл (СРЕЗНЕВСКИЙ 1903, 1456) обозначает: 'весь' и одновременно 'здоровый, чистый, непорочный, невредимый'. Именно в последнем значении лексема выступает в приводившемся уже предложении: се цѣл еси, и ктому не съгрѣшаи.

Первочеловек Адам, согрешив, нарушил целостность божьего творения, обрекая на грех и гибель весь мир. Христос, искупая грех (см. определение Христа как грѣхи всего мира възяти хотяшаго) погиб, спасая этим мир. Сопоставимые по строению конструкции противопоставлены в тексте, в зависимости от смысла, выражаемого в них – обозначение согрешения Адама, ведущего к гибели, и обозначение гибели Христа, ведущей к обновлению – Он, простер руцѣ к дрѣву възбраньному, смертное оутѣже ядро и быв раб грѣху, съниде от едема в ад, Христос же, на крестѣ руцѣ простер, осужения грѣховнаго и от смерти чловѣкъ свободи.

Исцеление расслабленного и оживление Лазаря явились прологом к бесконечной жизни, которая стала возможной для человечества благодаря воскресению Христа. В тексте это поддерживается общностью предикатов – встани, възми одр свои и встаньте, взидем в вышний Сион; также – многа тела почивших святыхъ всташа и внидоша по възкресеньи в святыи град. Однако вечная жизнь наступает для человека по смерти, что сближает смыслы 'обновить' и 'разрушить'. Текст соединяет действия бога как дающего жизнь при рождении и вечную жизнь по смерти – Придем и мы, братье, в святую церковь, възвеличим Христа Бога нашего, давшаго ны живот, прославим и по сихъ обѣщавшаго небесное царство.

Причиной обновления мира стало телесное воскресение бога – таче Фоминѣмъ испытаниемъ ребр Господень обновися тварь, кос-

нвѣшю бо ся рукою по язвах, всѣм извѣсто бысть телесное въ-
стание. Обновляя, бог принял облик человека – того бо ради с
небес сниде и въплотився, бысть человек, да истѣлѣвша обно-
вить и на небеса възведеть. Рождение и воскресение – звенья
 одной цепи, о чем свидетельствует приравнивание их в тексте –
въскрѣсе цѣлом печатем оу гроба, тако бо и рождся не вреди ма-
терня дѣвства печати.

Через связь предикатов мы приходим к основной идее, воплощаемой Кириллом Туровским в ансамбле текстов: бог сотворил мир и человека; Адам, согрешив, нарушил целостность божьего творения и обратил его в состояние разрушения; желая искупить грех Адама и обновить мир, бог воплотился в человеческое существо; прологом обновления мира явилось исцеление расслабленного и оживление Лазаря; искупая человеческий грех, бог погиб и воскрес телесно, сделав возможность обновления человечества и земного мира и вечную жизнь по смерти.

Смысл 'обновить' присутствует во всех, приведенных выше, составляющих одной идеи, приобретая различные оттенки благодаря той поверхностной структуре, через которую он выражается. Поверхностное соединение предложений выражает некоторое содержание. Однако помимо восприятия семантического образования, рождающегося за счет интеграции значений лексем в цепочке, адресат будет воспринимать соединение лексем в пределах одного текста, основанное на необходимости обозначить глубинное отношение, общее для нескольких отношений, лежащих в основе отдельных предложений. Вследствие этого смысл, рождающийся из реализации глубинного отношения на поверхностном уровне, может быть прочитан в различных, не связанных непосредственно предложениях в ансамбле текстов. Содержание предложений и лексических значений слов придают разнообразные оттенки общему смыслу.

Литература

- BAUER, w. (1971): Wörterbuch zum Neuen Testament / Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur, Berlin-New-York.
- БОНДАРКО, А.В. (1978): Грамматическое значение и смысл, М; 175.
- ВЫГОТСКИЙ, Л.С. (1956): Мышление и речь/Избранные психологические исследования, М; 39-388.
- ЕРЕМИН, И.П. (1957): Литературное наследие Кирилла Туровского. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIII, М.-Л.; 409-426.
- ЕРЕМИН, И.П. (1958): Литературное наследие Кирилла Туровского. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы, т. XV, М.-Л.; 331-348.
- КОПЫЛЕНКО, М.М. (1966): О сочетаемости глаголов присвоения в старославянском языке. В кн.: Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция, Фрунзе, 151-156.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. (1910-1914): Этимологический словарь русского языка, т. 2, М.
- СЛОВАРЬ книжников и книжности Древней Руси (1987), в. I, Л.
- СЛОВАРЬ русского языка XI-XVII вв. (1979), т. 6, М.
- СЛОВАРЬ русского языка XI-XVII вв. (1987), т. 12, М.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1893): Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1895): Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, СПб.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1903): Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, СПб.
- SUPRUN, A. E. (1987): Die lexicalische Struktur eines altrussischen Textes. Studien zur Palmsonntagspredigt (Slovo na verbnicu) Kirills von Turov. In: Sprache und Literatur Altrusslands, Münster.
- СУХОМЛИНОВ, М.И. (1858): О сочинениях Кирилла Туровского/Рукописи графа А.Ф.Уварова, т. 2, СПб.
- ФАСМЕР, М. (1971): Этимологический словарь русского языка, т. 3, М.
- CHANTRAINE, P. (1974): Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, t. 3, Paris.
- ЯКОБСОН, Р.О. (1975): Лингвистика и поэтика/Структурализм: "за" и "против", М; 193-228.

Zusammenfassung

Die lexikalische Struktur eines Textes kann durch die Analyse der syntagmatischen Distribution der lexikalischen Textelemente und des Systems der in den Text aufgenommenen lexikalischen Elemente erfaßt werden. In diesem Artikel wird die lexikalische Struktur der Osterpredigt und anderer Predigten von Kirill von Turov (1130?-1182?) unter diesen beiden Aspekten dargestellt.

Яков Л.Трембовольский, Минск

МОЛЧАНИЕ И ТЕКСТ

В раннехристианском "Египетском патерике" ("Изречения отцов" – "Aprophthegmata patrum"), анонимном труде, дошедшем до нас во множестве версий на греческом, а также коптском и латинском языках, мы встречаем примечательную сентенцию аввы Нисфёроя.

Говорит авва Иосиф авве Нисфёрою:

– Что сотворю языку моему? Не могу совладать с ним.

И говорит ему старец:

– А когда наговоришься, имеешь ли успокоение?

Отвечает тот:

– Нимало.

И сказал старец:

– Если успокоения не имеешь, зачем говоришь? Лучше молчи; а когда случится беседа, больше слушай, чем говори (АВЕРИНЦЕВ 1987, 226).

Апология молчания естественна в устах отшельника-копта, не видевшего духовной перспективы в эллинистико-римской учености, разочарованного в отчужденных от сущностей словах и в молчании взыскующего истину. Молчание здесь – духовный аналог аскезы, избавление от власти слова, аналогичное избавлению от власти плоти, – культурная универсалия, охватившая не только пространство христианского Востока, Индии, Китая, но в отголосках и вариациях проявляющаяся во многих популярных ересьх и популярных апокрифах, в гностицизме, манихействе, в афоно-византийском исихазме (по определению Григория Паламы, "безмолвие есть оставление ума и мира, забвение низших, тайное ведение высших... это и есть истинное делание, восхождение к истинному созерцанию и ведению бога" (КРИВОШЕИН 1936, II3-II4), в воззрениях русских нестяжателей и немецких мистиков, в рефлексии великих художников – от Чжуан-Цзы до Толстого.

Неудивительно, что молчание – один из важнейших элементов мифопоэтической модели мира – играло значительную роль в са-

мых различных представлениях. Неудивительно также и то, что молчание, оказавшись в тени им же "рожденного" слова (в русском списке XII века характерна сентенция одного из отцов церкви – Кирилла Иерусалимского: "Роди мльчаль, а от мльчали роди слово" – СРЕЗНЕВСКИЙ 1895, II, 202), редко было объектом внимания лингвистов, философов, психологов¹. Между тем смена научной парадигмы в лингвистике, когда грамматико-структурный аспект языка перестал заслонять коммуникативно-прагматический с необходимостью включает и молчание в сферу философии языка.

Феномен молчания (которое нужно отличать от натурфилософской "тишины", "безмолвия") заключается в том, что, онтологически предшествуя слову, в структурном отношении оно противопоставлено ему как немаркированный член оппозиции: молчание (-) – слово (+). В типологии двоичных противоположностей такой "перевертыш" – явление обычное. Исходный элемент – молчание (хаос, тьма, смерть, покой и т.д.), порождая свою противоположность – слово (космос, свет, жизнь, движение), становится зависимым от своего производного. Именно такую ситуацию рассматривал Хайдеггер, когда писал, что тьма не есть просто отсутствие света, как это представляется обыденному сознанию, и не ее отрицание (ср. традиционное понимание молчания как "не речи" – ROKOSZOWA 1986, 129), но "тьма есть открытое, хотя и непрозрачное, свидетельство о сокровенности свечения", а покой "не такая противоположность движению, которая исключает движение, но такая, которая вбирает в себя движение. Ибо только подвижное может покоиться" (ХАЙДЕГГЕР 1987, 287).

В этом смысле и молчание естественно рассматривать как точку отсчета слова или, под другим углом зрения, как его последнюю глубину.²

Молчание, полагает Чжуан-Цзы, не разрушается и не разрешается словом. Оно очерчивается им, оставаясь "неколебимым присутствием" (дин) бытия, пред-полаганием, пред-восхищением всего сущего (МАЛЫВИН 1985, 87). Для Якоба Бёме и Мейстера Экхарта именно молчание – почва, источник истины, слова. "Один мудрец сказал: "Среди ночи, когда молчали все вещи, в глубокой тишине было сказано мне сокровенное Слово..." (ЭКХАРТ 1912, 52).

Велимир Хлебников, поразительно глубоко чувствовавший семантическую глубину слова, писал в стихотворении "Усадьба

ночью, чингисхань!":

Пусть сосны бурей омамаены,
И тучи движутся Батя,
Идут слова, молчаний Каины...

В хлебниковской формуле, слово – "предатель" ("Каин") молчания, что естественное отражение генетического первородства молчания в мифопоэтическом пространстве.

Взаимообусловленность молчания и слова (речи) проявляется и в том, что молчание, как и речь, обладает высокой степенью семиотичности: как и речь, оно способно реализовываться в текстах различной семиотической природы.

Одним из наиболее общих свойств молчания является его коммуникативная функция. По классификации семиотических систем коммуникации Нёта, которая построена с учетом признаков вербальности и вокальности, к вербально-вокальным системам относится речь; к невербально-вокальным системам – смех, крики, свист – сфера паралингвистики; к невокально-вербальным – шрифт, азбука Морзе и другие языковые субституты; и, наконец, к четвертому типу – невербальным и невокальным системам относятся такие формы, как мимика, обмен взглядами (*Blickkommunikation, Blickaustausch*), а следовательно, и молчание (Nöth 1985). Но если по своей природе молчание, действительно, невербально и невокально, то по своей функции, в отличие от мимики, обмена взглядами, жестов и т.д., молчание вместе с речью составляют базу коммуникации. Ведь мимика, жесты накладываются как на речь, так и на молчание коммуниканта, тогда как молчание и речь не совместимы в пределах одной транзакции (нельзя одновременно говорить и молчать, но можно одновременно говорить и жестикулировать, или молчать и подмигивать). Таким образом, коммуникативный акт возможен при условии говорения адресанта и одновременном молчании адресата; он возможен также при одновременном молчании собеседников и в принципе невозможен при одновременном говорении адресанта и адресата (в этом случае этих позиций и не будет)³.

В любом случае, "счастливая коммуникация" как своего рода модель максимально полного, адекватного восприятия и осмысления переданной и полученной информации, невозможна без молчания. При этом речь идет, конечно, о коммуникативном молчании

(молчании в акте коммуникации, основным вариантом которого является речевой акт). Его можно назвать и интенциональным молчанием, поскольку оно направлено на пропозициональное содержание речи собеседника – здесь точка пересечения слова и молчания, – но отличается при этом иллокутивными элементами. Образно такое молчание можно представить в виде зеркала, адекватно отражающего содержание, только с другим знаком (эффект переворачивания).

Уникальный же случай "счастливой коммуникации", т.е. полного совпадения пропозиций, иллокуций, знаний о мире, знаний о принципах общения и т.д., это общение именно молчаний, без слов, когда собеседники как бы абсолютно пронцаемы друг для друга.⁴ В текстах это могут быть мать и дитя, могут быть влюбленные ("Любовь как действительное упразднение эгоизма..." – СОЛОВЬЕВ 1897, 5; ср. евангельское: "Будут два в плоть одну"). Известный пример – объяснение в любви Кити и Левина в "Анне Карениной" Л.Н.Толстого:

– Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

– Пожалуйста, спросите.

– Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м. о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т?... Не было никакой вероятности, чтобы она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядом: "То ли это, что я думаю?"

– Я поняла, – сказала она покраснев.⁵

Разнообразные функции молчания в текстах различной природы во многом обусловлены мифопоэтическими свойствами молчания. Их экспликации может помочь обращение к индоевропейским этимологиям слова молчать (при этом мы отдаем себе отчет в том, что имеем уже дело с другой реальностью – языковой, и в ней парадоксальным представляется разрыв между сущностью и словом: есть слово "молчать", которое по сути обозначает "отсутствие слов").

Интересной и наиболее убедительной версией этимологии это-

го слова нам кажется предложенное О.Н.Трубачевым этимологическое тождество такой лексико-семантической пары, как праслав. *ml̥cati (рус. молчать, пол. milczeć и родственные) и др.-в.-нем. molawēn, molewēn tābēre, таять см. ТРУБАЧЕВ 1964; а также SCHADE 1872-1882, 619).

И праславянская, и германская форма продолжают общее и.-е. *ml̥kē-, *ml̥k^uē-. О.Н.Трубачев указывает также еще несколько пар из различных и.-е. языков с тем же семантическим отношением "таять - молчать", что значительно усиливает эту версию: праслав. tajati (русс. "таять" и родственные), сюда же праслав. *taviti "плавить, растоплять" (чеш. taviti, н.-луж. tawis - с тем же значением), лат. tābēre "таять" и лат. tacēre "молчать". Еще одна пара: лит. tylėti "молчать", nutilti "замолчать" и праслав. *tlėti (русс. тлеть и родственные).

По мнению Трубачева, семантический переход "таять" - "молчать" объясняет генезис лишь части терминов "молчать" в индоевропейских языках. Нам представляется, что при небольшом расширении семантики перехода, он перестает носить региональный характер и покрывает значительную часть обозначений "молчать" в индоевропейском ареале.

Возьмем, например, серию глаголов со значением "молчать" на основе и.-е. *takē, лат. tācēre, итал. tacere, рум. tăcea, др.-в.-нем. dagēn, старосакс. thagian, дат. tje (BUCK 1949, 1258). Walde выводит лат. taceō из греч. τηχω, ταχρῶς со значениями "dahinschwinden, verschmachten" (WALDE 1954, 641).

Если же мы возьмем и.-е. основу *swī-g-, *swī-k- "прекращать говорить", то здесь у греч. σιώπω - любопытная готская параллель sweiban со значениями "aufhören, nachlassen"; сравните также старонорвеж. svīa и др.-в.-нем. swīnan со значением "nachlassen" (FRISK 1960, 713).

А у лат. silēre - тоже параллель из готского ana-silan "nachlassen".

Когда написанный холст натягивают на подрамник, он выявляет свою фактуру. Точно так же полученная нами этимологическая картина раскрывает свою внутреннюю значимость, если рассмотреть ее в рамках существования пространства. В этом случае

переход "таять - молчать" (с учетом расширения семантики "таять") можно представить как процесс свертывания, деформации, сжатия мифопоэтического пространства (ср. процессуальные атрибуты: таять, растоплять, исчезать, истощать, переставать, ослаблять, снижать, уменьшать).

Если молчание можно представить как свернутое, погруженное в себя пространство, то слово, напротив, представляется раз-вертывающимся пространством (если это лейбницевское пространство, постулируемое определяющими его объектами) или же развертыванием в пространстве, захватом пространства (если это ньютоновское "пустое" пространство - см. ТОПОРОВ 1983, 228). Эти мифопоэтические функции слова также подсказаны этимологическими реалиями.

Речь идет об известном семантическом переходе "дуть" - "говорить" с основой и.-е. *ue- - "веять, дуть", представленной в старославянском вѣати, русск. веять, а с расширением - в старославянском отвѣтити, вѣто, вѣтига "поэт, оратор". В.И.Топоров рассматривает этот переход для и.-е. основы *uāt-, *uāt- "Blasung", "Inspiration" - сравните: др.-англ. wǣð "Gesang", "Dichtung", исл. Gwawd "Gedicht" и и.-е. *uāt-, *uāt- "blasend" и "geblasen" (= inspiriert) - сравните: лат. vātēs "Dichter" ирл. fáith "Dichter" (ТОПОРОВ 1958, 86-87).

Подтверждением семантической эволюции "дуть" - "говорить" является также несомненная этимологическая связь старославянского дѣмъ "дую" и польского duma "гордость" (первоначально "на -ду-т-ость") и болгарского дума "слово".

И в данном случае, если несколько расширить семантику перехода "дуть" - "говорить", ориентируясь на общее значение "овладеть пространством", то можно подключить еще ряд форм индоевропейских языков. Имеются в виду многочисленные случаи семантической эволюции "говорить" из "считать, полагать, направлять, формировать, собирать".

Например, санскр. rac- - "придавать форму, направлять", гот. rahnjan "считать, полагать" и славянские формы со значением "говорить": старосл. решти, сербско-хорв. рѣћи, чеш. řící, пол. rzec, а также тохар. А. rake, тохар. В. reki "слово".

Характерна также следующая параллель: чеш. praviti "говорить", пол. prawić "говорить, болтать" и старосл. правити "направлять, управлять". Сравните в "Слове о полку Игореве": "Гзакъ бѣжить сѣрым влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому".

В этом же ряду и эволюция греч. $\lambda\epsilon\upsilon\omega$, которое еще в гомеровских текстах обозначало "подбирать, собирать", а затем уже "говорить" (см. ВУСК 1949, 1253; FRISK 1970, 94-96).

Таким образом, идея развертывания, заложенная в Слове, реализуется в двух фазах: в фазе стихийного, физического вхождения в пространство и в последующем этапе организации, структурирования пространства. Первый этап ("дуть - говорить") любопытным образом отражается в мифологических представлениях о происхождении человека и языка: "От жары бамбук потрескался, и лучины разошлись в разные стороны. Так у первых людей появились руки и ноги, а на голове - глаза, уши и ноздри. Но вот раздался особенно громкий треск: "Вааах!" (здесь первое слово осмыслено как спонтанный выдох в пространство - Я.Т.). Это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи" (МИФЫ И ПРЕДАНИЯ 1981, 195-196). Связь Слова с устами, выдыхающими (=выговаривающими) его, отражена в ряде древних текстов, где слово и уста выступают как взаимозаменяемые синонимы. Отверзание уст есть начало слова - так и в старом ирмосе "отъвързъ оуста" ($\text{Ἀνοίξω τὸ στόμα μου}$ - см. SVANE 1960, 36).

Второй этап ("собирать, устраивать, формировать - говорить") может пониматься как освоение пространства путем номинации. Например, топонимическая экспансия: мигрировавший этнос таким способом обозначал границы свих земель (показателен в этом смысле проход венгров из Приуралья на Дунай, траектория которого четко прослеживается на основании топонимических следов). Онтогенетическим слепком этого процесса являются детские игры с переименованием всех вещей - с той же целью: сделать пространство, населенное этими вещами, своим, личным, собственным. Впрочем, реальным отражением этих игр можно считать практику создания эзотерического языка (новой терминологии) небольшой творческой сообщностью для того, чтобы хоть на время сохранить свою ограниченность (ИВАНОВ 1975).

Мифологической же иллюстрацией может послужить библейская онтология: творение Саваофом мира из ничего с помощью слов.⁶

В экспансии и вещности слова (ср. неразграничение слова, действия и вещи в хет. uttar "слово, дело, вещь") заложен и источник креативного сознания художника: текст, созданный им, отвоевывает пространство жизни у пространства смерти.

...Sind wir vielleicht hier, um zu sagen: Haus,
Brücke, Brunnen, Tor, Krug, Obstbaum, Fenster, -
höchstens: Säule, Turm...

R.M.Rilke

На динамике разворачивания слова и его космизирующей функции основан социальный престиж жреца, шамана, пророка, поэта, которые завоевывают духовное пространство, контролируя и даже управляя миром в тех фрагментах, которые соотнесены с их текстом, их Словом (ТОПОРОВ 1986).

Актуализация в слове фазы структурирования пространства отчетливо себя проявляет и в гипотезе Сэпира-Уорфа, и в размышлениях позднего Витгенштейна ("Границы моего языка означают границы моего мира").

Таким образом, мифопоэтическая картина соотношения молчания и слова рисует нам два разнонаправленных процесса: молчание как сжимающееся пространство и слово как расширяющееся пространство. Если пользоваться космологическими аналогиями, то перед нами модель "пульсирующей Вселенной", где предел раз-вертывания слова мыслится (но в действительности таковым не является) бесконечным, а пределом с-вертывания молчания - становится точка сингулярности, "ядерная капля", где все потенции развития заложены в едином и в силу до-выявленности обеспечивают удивительную степень свободы. Поэтому именно молчание лежит в основе медитативной практики, интроспективного самосозерцания (если мы говорим: "Он погрузился в себя", то это еще и информация, что "он замолчал"), в различных формах духовного подвижничества.

Если молчание в мифопоэтической перспективе связано с идеей свободы, с гегелевским "bei-sich-selbst-sein", то слово - с идеей воли, с безбоязненной объективацией личности, не мыслящей себя в заданных пределах.⁷

Неразрывность пространства и времени в мифопоэтической мо-

дели мира (ср. известный пример: русск. время, старосл. врѣ-ма и т.д. из и.-е. *wert-men-, от *wert- "вертеть, вращать", здесь же др.-инд. vártman "путь, тропа") позволяет рассматривать в ней молчание не только как сжимающееся пространство, но и как сгущающееся, замедляющее свой бег время, а слово, соответственно, как сущность, иницирующую, подталкивающую время.

Многочисленные ремарки "Пауза" в чеховских пьесах и затем "silence" в пьесах Беккета – это попытка остановить молчанием естественное течение времени, обеспечиваемое в тексте словом. Изображая время, протекающее прерывисто, автор фокусирует на нем наше внимание, а как только мы обращаем наше внимание на время, то, согласно известным законам восприятия, оно течет для нас медленнее.⁸

Свойства молчания в рамках мифопоэтического пространства-времени проявляются в целом ряде специфических атрибутов, которые в свою очередь, находят отражение в текстах различной семиотической природы.

Это полнота выявленности (или невыявленности) сущностей, покрываемых молчанием (например, ритуальная минута молчания или отказ от последнего слова на суде) и неполнота такой выявленности (или невыявленности) через слово. В принципиальной неполноте выговоренности через слово (источник которой – в его произвольности и семантической исчерпаемости) заложена вечная интенция художника к воплощенному слову и столь же вечная рефлексия по поводу ускользающих смыслов:

Как сердцу выразить себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь. (Ф.И.Тютчев)

Далее, молчание не истинно и не ложно (именно молчание позволяет уйти от экзистенциальной ситуации – выбора между истиной и ложью) в отличие от слова, которое задает эту драматическую коллизию и является посредником между двумя полюсами истинностной оценки.

И наконец, молчание устойчиво, а слово неустойчиво. Переход от молчания к слову может быть осмыслен как простейшая катастрофа, в духе Р.Тома, как переход из области устойчивого

существования в область неустойчивости.⁹

Заклучим наши размышления о мифопоэтической сущности молчания и ее отражении в тексте словами замечательного русского философа А.Ф.Лосева (несколько их перефразировав): "Чтобы слово существовало, необходимо, чтобы в нем участвовало молчание" (ЛОСЕВ 1927, 60)

Примечания

- I Можно назвать книгу Кайнца, где молчание рассматривается в коммуникативном аспекте: KAINZ 1965; ряд логико-семантических работ польских ученых, например: ROKOSZOWA 1986; анализ молчания в рамках неориторики: ДЮБУА/ПИР/ТРИНОН 1986; в лингвострановедческом аспекте: LENTONEN 1984.
- 2 Сравните в стихотворении Пауля Целана "Mandorla" понимание "Nichts" в духе отрицательной теологии Экхарта - как высшего модуса присутствия бога:
 In der Mandel - was steht in der Mandel?
 Das Nichts.
 Es steht das Nichts in der Mandel.
 Da steht es und steht.
 Im Nichts - wer steht da? Der König.
 Da steht der König, der König.
 Da steht er und steht...
- 3 Возможность выбора между молчанием и словом - характерная черта, отличающая язык человека от языка животных, у которых этого выбора зачастую нет - они не могут промолчать (МЕННИНГ 1982, II2).
- 4 Сравните определение темы "Троицы" А.Рублева как "тихой беседы без слов до конца раскрытых друг другу в жертвенной самоотдаче собеседников" (АВЕРИНЦЕВ 1982, 527). Действительно, невозможно представить себе словесное общение (в силу его неполноты) трех ипостасей бога, сущность которого едина. Можно сказать, что в христианской догматике смоделирована ситуация, наилучшим образом отражающая модель "счастливой коммуникации".
- 5 В своих воспоминаниях С.А.Берс писала, что сцена объяснения в любви Левина и Кити соответствует реальному факту - именно так признались в любви друг другу Л.Н.Толстой и С.А.Берс.
- 6 Сравните гностический отзвук этого в Прологе к Евангелию от Иоанна: "Искони бѣ слово, и слово бѣ отъ бога, и богъ бѣ слово", а также в христианской гимнографии, например, в "Гимне Христу" Григория Назианзина:

Ты создатель, ты зиждитель.
 Ты устав вещам даруешь
 И порядок устрояешь,
 Все свершая силой слова,
 Слова Божья - бога-сына... (ТОПОРОВ 1979, 41)

- 7 "Если волю ищут вовне, то свободу обретают внутри себя..." (ТОПОРОВ 1983, 239). Там же - о связи пространства с идеями воли и свободы.
- 8 Точно так же молчание прерывает естественный ход времени в случае неудавшегося общения. Ведь если в ответ на реплику адресанта, например: "Что такое молчание?", направленную на адресата, тот ответит: "Цип-цип-цип..." (как это делал Соленый в "Трех сестрах" А.П.Чехова), то это будет манифестацией того, что адресат в ответ на реплику, обращенную к нему, промолчал и при этом сказал: "Цип-цип-цип..." Обрыв причинно-следственной связи равнозначен временному обрыву, и поэтому молчание в коммуникативных катастрофах - это своеобразный желоб для отвода времени.
- 9 Когда общество из устойчивого состояния ("потенциальной ямы") переходит в ситуацию выбора, когда важны истинностные оценки, тогда резко возрастает роль слова - катализатора неустойчивости, призванного охватить как можно большее духовное пространство. В этот момент лидерами истории становятся люди, обладающие незаурядными ораторскими способностями, а в творчестве первенствует авторитарное слово - поэзия. Но когда выбор уже сделан, политические и духовные институты стабилизируются, неустойчивость, динамичность и неполнота слова вызывают недоверие и раздражение, оно резко теряет в цене, и на арену истории выходят люди, не умеющие или не любящие говорить, когда-то бывшие в тени, а поэты уступают свое место романистам.

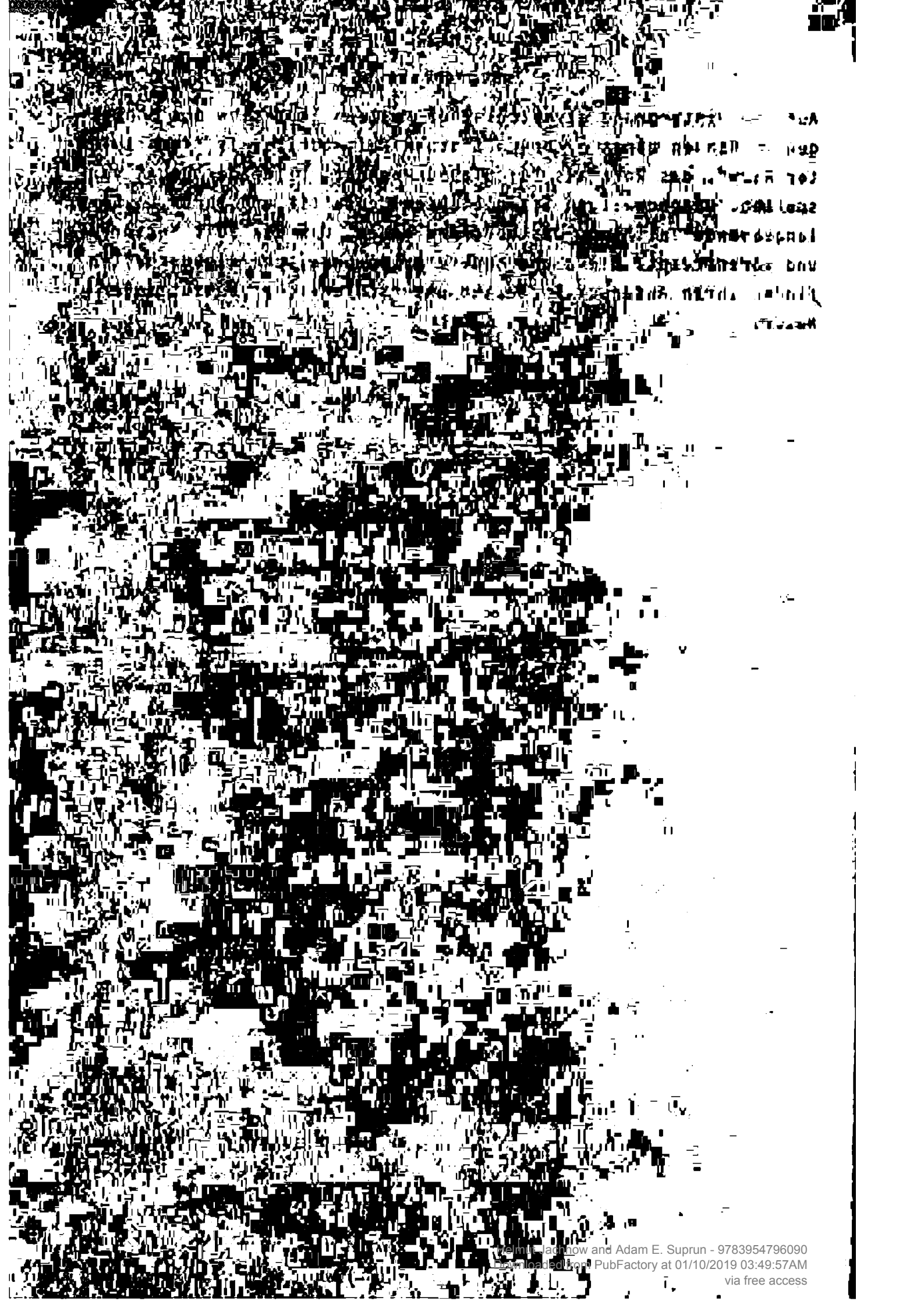
Литература

- АВЕРИНЦЕВ, С.С. (1982): Троица. В: Мифы народов мира, М.
- АВЕРИНЦЕВ, С.С. (1987): От берегов Босфора до берегов Евфрата, М.
- ДЮБУА, Ж./ПИР, Ф./ТРИНОН, А. (1986): Общая риторика, М.
- ИВАНОВ, В.В. (1975): Знаковые системы научного поведения. В: НТИ, П, Информационные процессы и системы, 9, 3-9.
- КРИВОШЕИН, В. (1936): Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. В: *Seminarium Kondakovianum*, 8, Praha.
- ЛОСЕВ, А.Ф. (1927): Философия имени. М.

- МАЛЯВИН, В.В. (1985): Чжуан-Цзы, М.
- МЕННИНГ, О. (1982): Поведение животных, М.
- МИФЫ И ПРЕДАНИЯ (1981): Мифы и предания папуасов маринд-аним, М.
- СОЛОВЬЕВ, В.С. (1897): Смысл любви. В: Собрание сочинений В.С.Соловьева, 7, СПб.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1895): Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, 2, М.
- ТОПОРОВ, В.Н. (1958): Этимологические заметки. В: Краткие сообщения Института славяноведения, 25, 74-88.
- ТОПОРОВ, В.Н. (1979): "Проглас" Константина Философа как образец старославянской поэзии. В: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 26-46.
- ТОПОРОВ, В.Н. (1983): Пространство и текст. В: Текст: семантика и структура. М., 227-284.
- ТРУБАЧЕВ, О.Н. (1964): "Молчать" и "таять". В: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 100-105.
- ХАЙДЕГГЕР, М. (1987): Исток художественного творения. В: Заграничная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. М., 264-312.
- ЭКХАРТ (1912): Проповеди и рассуждения. М.
- BUCK, C. (1949): A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago, Illinois.
- FRISK, F. von (1960-1970): Griechisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg.
- KAINZ, F. (1965): Psychologie der Sprache, III, Stuttgart.
- LENTONEN, J. (1984): Sprachlosigkeit: Eine Folge der "Sprechangst", Kultur oder Persönlichkeit, Sprechausdruck, Berger L., Frankfurt a.M., 183-192.
- NÖTH, W. (1985): Handbuch der Semiotik, Stuttgart.
- ROKOSZOWA, J. (1986): Język a milczenie. In: Biuletyn ETI, XL, 1983, Wrocław, 129-137.
- SCHADE, O. (1872-1882): Altdeutsches Wörterbuch, Halle.
- SVANE, G. (1968): Kilka prób rekonstrukcji cerkiewno-słowiańskiej poezji liturgicznej. In: Rocznik slawistyczny, XXIX, 1, 29-38.
- WALDE, A. von (1954): Lateinisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg.

Zusammenfassung

Auf dem Hintergrund etymologischer Realien läßt sich das Schweigen im Rahmen eines mytho-poetischen Weltmodells als "komprimierter Raum", das Wort als "sich ausdehnender, bildender Raum" vorstellen. Das Schweigen ist gleichsam "geraffte und ihren Lauf verlangsamende Zeit" und das Wort das Wesen, das die Zeit hervorruft und vorantreibt. Diese und andere mytho-poetische Eigenschaften finden ihren Ausdruck in Texten unterschiedlicher semiotischer Natur.

Michael Fleischer, Bochum

DAS FRAGMENT UND DIE BEDEUTUNG
(EINE BESONDERE TEXTSORTE)

0.

Das Fragment soll hier als eine Gattungsform der Kunstwerke betrachtet werden. Es soll nicht als etwas Mangelhaftes, Unvollendetes oder nicht vollständig Überliefertes, sondern als eine eigenständige und konventionalisierte Kunstform angesehen werden. Das Problem hat mehrere Dimensionen und kann von mehreren Ebenen heraus angegangen werden, die auf der Objektebene nicht unbedingt zu isolieren sind.

1.

Grundsätzlich und allgemein gesehen, ist jedes Kunstwerk etwas Fragmentarisches, da sowohl seine Herstellung und die Rezeption als auch seine Übertragung auf dem Prinzip der Konkretisation basieren und ohne dieses nicht funktionieren. Die 'Konkretisation' verstehe ich hier im breiten Sinne: Sie funktioniert sowohl auf der Senderseite - das realisierte Kunstwerk ist eine bestimmte Konkretisation des umfangreicheren Autor-Konzeptes oder -Planes, das durch eine abgeschlossene Menge von Zeichen repräsentiert wird bzw. werden soll (siehe dazu LEKOMCEV 1973, 181) -, als auch auf der Rezeptionsseite der Zeichenprozesse - diese Zeichenmenge wird vom Rezipienten in eine konkrete Zeichendekodierung umgewandelt und durch Interpretanten ergänzt, die vom Sender nicht bzw. nicht unbedingt vorhersehbar oder steuerbar sind. Die Konkretisation funktioniert aber auch im Übertragungskanal des Kunstwerkes, da man ja das Kunstwerk als rezipiertes Zeichen nicht mit dem Kunstwerk als Artefakt (als konkrete Notation) gleichsetzen kann (siehe dazu MUKAŘOVSKÝ 1982, 146).

1.1.

Die Konkretisation ist daher in jedem Fall die Herstellung eines Ganzen, oder besser gesagt, eines Etwas, das umfangreicher, relationsreicher ist als die Vorlage, die allerdings diese Operationen potentiell zuläßt.

(Im übrigen verläuft die Konkretisation im Herstellungsprozeß in umgekehrter Richtung als bei der Rezeption, es geht hier um die Herstellung eines Etwas, das relationsärmer ist als das Ausgangskonzept; das Prinzip ist aber das gleiche.)

1.2.

So gesehen ist also die Konkretisation mit dem Problem des Fragmentarischen eng verbunden; sie ist mit dem letzteren jedoch nicht gleichzusetzen. Im Allgemeinen handelt es sich hier um ein grundsätzliches Prinzip der Kunst. Aber nicht nur der Kunst.

(Sondern der gesamten Kommunikation. Betrachtet man die Kommunikation unter ihrem semiotischen Aspekt, so wird gleich deutlich, daß alle Zeichenprozesse das Prinzip der Konkretisation und des Fragmentarischen realisieren. Hauptsächlich aus Gründen der Effizienz sind Zeichen so beschaffen, daß sie nie auf eindeutigen Zuordnungsrelationen, auf eindeutigen Zeichenrelationen basieren. Man verläßt sich immer auf die einschränkende und konkretisierende Funktion des Kontextes, des gesamten Zeichensystems, der Diskurse usw. Das Zeichen ist daher eine offene Struktur, die besonders auf der Seite des Interpretanten immer für neue Zeichen und Bedeutungen offen ist. Zeichen sind als Teile eines umfangreicheren Systems, das ihre Bedeutung erst festlegt, auf dieses System angewiesen. Das gleiche gilt selbstverständlich für Kunstwerke, die ebenfalls Zeichen sind bzw. aus Zeichen bestehen.)

Die Konkretisation ist ein Zeichenprinzip, das darauf ausgerichtet ist, etwas Unvollständiges, etwas absichtlich und notgedrungen Unvollständiges durch bestimmte Verfahren in etwas umzuwandeln, das im Endeffekt umfangreicher (relationsreicher) ist als die Ausgangsvorlage, das aber immer noch offen bleiben muß und zwar besonders dann, wenn wir Kunstwerke vor uns haben. In einem juristischen Text - einem Gesetz etwa - ist die Offenheit des Konkretisationsproduktes (die hier - im geringen Maße - aber auch vorhanden ist) als Mangel anzusehen; in der Kunst ist sie die Grundvoraussetzung ihres Funktionierens. Der Unterschied ist allerdings nur gradueller und nicht prinzipieller Natur. So gesehen, ist das Prinzip des Fragmentarischen eine allgemeine Eigenschaft der Zeichen und Zeichenprozesse wie auch des Kommunikationsprozesses an sich.

1.3.

Jedes Zeichen wird konkretisiert. Jedes Zeichen enthält und erhält Bedeutungen. Diese sind verschiedener Art, sie hängen vom angewandten Zeichensystem, vom Kontext, vom Diskurs, von der Nachricht selbst usw. ab. Die Bedeutungsherstellung ist ein unabdingbares Prinzip des Zeichengebrauchs und der Kommunikation allgemein.

2.

Bedeutung und Konkretisation scheinen entgegengesetzte Phänomene zu sein. Jede Nachricht, d.h. jedes komplexe Zeichen wird - als etwas Unvollständiges - nach bestimmten Kriterien konkretisiert, wobei es darum geht, aus einer prinzipiellen Vielfalt von Möglichkeiten eine bestimmte herauszuarbeiten und kohärent aufzubauen. Die Nachricht soll, um ihren Zweck zu erfüllen, auf eine (oder wenige) Bedeutungen beschränkt werden. Dem wirkt die Bedeutungsgenerierung entgegen. Das konkret angewandte Zeichen (die Nachricht) ist innerhalb seines Zeichensystems (aber nicht nur) für eine sehr große Zahl an potentiell möglichen Bedeutungen, die mit der Komplexität des Zeichensystems ansteigt, offen. Ein Zeichen kann sehr viele mögliche Bedeutungen haben, weil im Interpretanten-Bezug viele Relationen zu anderen Zeichen des gegebenen Systems hergestellt werden können, und somit eine große Anzahl an neuen Verknüpfungen möglich wird. Dieser letztendlich unendliche Prozeß (vgl. PEIRCE 1931, 169; 2.303) wird durch bestimmte Mechanismen beschränkt und eingeengt; der Freiheitsgrad bleibt aber immer noch sehr groß. Einer dieser Mechanismen ist dann auch die Konkretisation, die darauf abzielt, die Bedeutung der Nachricht und ihrer Bestandteile einzuschränken. Die Konkretisation erlaubt also ein Etwas zu schaffen, das umfangreicher als die Vorlage ist, weil es eine sehr große Menge an verschiedenen Konkretisationsprodukten gibt; das einzelne Produkt hat aber die Eigenschaft, die potentiell mögliche Bedeutungsvielfalt zu begrenzen.

2.1.

Im Falle des Kunstwerks ist die Situation ein wenig anders.

Ein Kunstwerk produziert sehr viele Bedeutungen, es wird auch so generiert, daß eine Bedeutungsvielfalt prinzipiell gegeben sein muß. Kunstwerke haben einen hohen Bedeutungsgrad.

Konvention: Der Bedeutungsgrad ist die Menge der in einem Zeichen bzw. Superzeichen enthaltenen Bedeutungen. Es geht dabei sowohl um die lexikalischen Bedeutungen, um solche, die jeweils von der natürlichen Sprache oder einem anderen Kode gegeben bzw. in ihm möglich sind, als auch um solche, die durch Konnotationen beim Rezipienten entstehen bzw. entstehen können. Es sind also sowohl die "wirklich" in einem Zeichen enthaltenen, d.h. durch kulturelle Konventionen zu einem bestimmten Zeitpunkt fungierenden und festgelegten, als auch die jeweils "willkürlich", d.h. der Möglichkeit nach assoziativ entstehenden Bedeutungen konnotativer Art. Der Bedeutungsgrad beschreibt die Menge der jeweils vom Zeichen aktivierten Interpretanten. Der Bedeutungsgrad ist ein Zeichen. Es wird davon ausgegangen, daß der Bedeutungsgrad von Zeichen geringer ist als der von Superzeichen. Er muß jedoch nicht geringer sein: Es gibt Einzelzeichen, die einen größeren Bedeutungsgrad als bestimmte Superzeichen haben.

Die Zeichenhaftigkeit ist die Stärke bzw. die Kraft der Verbindung der drei Zeichenelemente. Je stärker, d.h. je konventioneller, festgelegter und statischer die Verbindung zwischen Objekt, Mittel und Interpretant ist, desto größer ist die Zeichenhaftigkeit eines Zeichens. Je instabiler, dynamischer diese Verbindung ist, desto weniger zeichenhaft ist das Zeichen. Eine 0-te Zeichenhaftigkeit zeichnet nicht-semiotische, d.h. physikalische, Gegenstände aus. Diese Gegenstände können jedoch zu Zeichen werden. Zeichen werden nämlich Zeichen und sind es nur umgangssprachlich (siehe dazu detailliert FLEISCHER/SAPPOK 1988).

Da die Konkretisation, wie oben angenommen, ein der Bedeutung entgegengesetztes Phänomen darstellt, wird sie im Falle des Kunstwerks in modifizierter Form angewandt. Das Kunstwerk wird prinzipiell nicht auf eine Konkretisationsmöglichkeit festgelegt, es werden vielmehr durch das Prinzip der Interpretation grundsätzlich mehrere Konkretisationen zugelassen, ja vorausgesetzt (was im Falle von z.B. Presse-Nachrichten, Gesetzen usw. nicht zutrifft). Ein hoher Bedeutungsgrad ist eine Eigenschaft des Kunstwerkes, dem das Prinzip der Konkretisationsvielfalt folgt; nach der (vereinfacht ausgedrückten) Regel: Je mehr Konkretisationsmöglichkeiten eine künstlerische Nachricht zuläßt, desto höher wird das Werk in der gegebenen Kultur eingeschätzt. (Es geht hier nicht um die einzelnen Konkretisationen der jeweiligen Rezipienten, sondern um die Zahl

der möglichen Dekodierungen einer Nachricht.)

Jede zeichenhafte Nachricht erlaubt eine große Zahl an möglichen Bedeutungen, die in künstlerischen Nachrichten steigt und als Grundprinzip genutzt wird. Jede Nachricht wird konkretisiert. Bei Kunstwerken ist die Konkretisation nicht auf eine oder wenige beschränkt, sondern sie folgt dem Bedeutungsgrad, indem gerade die Vielfalt an Möglichkeiten genutzt wird. Wie verhält sich die Konkretisation und die Bedeutung zu Kunstwerken, die als Fragment aufgebaut worden sind? Kehren wir also zum Ausgangspunkt zurück.

2.2.

Es gibt Kunstwerke, die als Fragment generiert werden (eine Eigenschaft bzw. eine Textsorte, die bei anderen Nachrichten kaum vorkommt). Dies kann auf mehrere Weisen geschehen, die hier im einzelnen nicht besprochen werden müssen. Fragmente können schon im Titel (oder Untertitel) als solche gekennzeichnet werden; ausgelassene bzw. fehlende Passagen, fehlender Kontext usw. können ein Merkmal sein. Fragmente sind als solche feststellbar, wenn sie auf den Hintergrund eines Zusammenhangs projiziert werden können; unabhängig davon, ob ein solcher Zusammenhang angedeutet, postuliert oder nur erwartet wird. Jede Rezeption einer Nachricht ist eine solche Zusammenhangsherstellung bzw. -rekonstruktion, daher basiert das Prinzip des Fragmentarischen auf einer vorhandenen Eigenschaft der Nachrichten. In nicht-künstlerischen Nachrichten wird ein Zusammenhang rekonstruiert, unterstützt durch die wenigen (oder nur eine) Konkretisationsmöglichkeiten. In künstlerischen Nachrichten soll jeweils ein Zusammenhang hergestellt werden, wobei, aufgrund der Konkretisationsvielfalt, mehrere möglich und legitim sind.

2.3.

Das Fragment, könnte man in Abwandlung einer Kabarett-Definition (siehe unten) sagen, ist ein Spiel mit dem fehlenden Zusammenhang bzw. ein Spiel mit der Herstellung eines Zusammenhangs. Dabei kommt es nicht so sehr darauf an, tatsächlich den Endzustand zu erreichen, sondern vielmehr auf den Prozeß

der Herstellung selbst. Mit anderen Worten: auf das Spiel mit Bedeutungen und mit der Konkretisation. Es gibt (mindestens) zwei Nachrichtensorten, in denen dieses Prinzip sehr oft vorkommt und angewandt wird, allerdings mit einer unterschiedlichen Funktion, und zwar in der Lyrik und im Kabarett.

In der Lyrik, die ohnehin das Prinzip des Fragmentarischen nutzt und auf ihm aufbaut, hat es die Funktion, den Aufbau eines breiten Bedeutungsgrades und die Erhöhung der Konkretisationsmöglichkeiten zu unterstützen. Im Kabarett, wenn wir der Definition von HENNINGSEN (1967, 9) folgen: "Kabarett ist Spiel mit dem erworbenen Wissenszusammenhang des Publikums", hat es die Funktion, eine vorhandene Zusammenhangsherstellung-Prozedur nicht zu bestätigen. Das Fragment wird so generiert, daß es in einen erwarteten Zusammenhang und einen als erwartet vorausgesetzten Zusammenhang wie auch in eine Herstellungs-Prozedur nicht hineinpaßt und nicht hineinpassen soll. Das Fragment im Kabarett widerspricht einem vorhandenen und postuliert einen neuen Zusammenhang. In der Lyrik dient es der Erweiterung des Bedeutungsgrades, daneben auch der Herstellung eines neuen Zusammenhangs, der vom Rezipienten selber geschaffen werden muß und aber auch kann.

Das letzte verbindet auch die beiden Nachrichtensorten und deutet schon die wichtigste Funktion des Fragments an, die ich darin sehe, daß ein Fragment den Rezipienten zum Mit-Autor der Nachricht macht, und zwar in einem erheblich höheren Maße als es bei der Rezeption eines Kunstwerkes ohnehin der Fall ist. Das Fragment setzt einen mitschaffenden Rezipienten voraus, es lädt zum Spiel ein, und vielleicht ist es daher in den Kunstgattungen so zahlreich zu finden, die einen solchen Rezipienten und einen solchen Rezeptionstyp schon immer zur Voraussetzung hatten und durch das Fragment nur noch eine Steigerung erfahren.

Ich will hier nicht auf etwas prinzipiell Neues hinweisen, das ist das Fragment nicht; ich will nur zeigen, daß es eine Nachrichtensorte ist, die besonders markant den Bedeutungsgrad und die Konkretisationsmöglichkeiten zu steigern erlaubt und den Rezeptionsvorgang graduell verändert.

3.

Um das Zutreffen der obigen Überlegungen am konkreten Material nachzuprüfen und um Belege zu liefern, will ich weiter zwei Texte analysieren, die aus verschiedenen Kulturkreisen stammen, verschiedenen Gattungen angehören und in zwei verschiedenen Sprachen verfaßt sind, die aber beide Fragmente sind bzw. das Prinzip des Fragmentarischen anwenden. Das Hauptproblem lautet weiter: Das Fragment und die Bedeutung.

3.1.

Einerseits handelt es sich um einen lyrischen, oder vorsichtiger ausgedrückt, um einen literarischen Text eines modernen sowjetischen Lyrikers - LEV RUBINŠTEIN (RUBINŠTEIN 1985). Andererseits geht es um einen kabarettistischen Text eines deutschen Kabarettisten - MATHIAS RICHLING (RICHLING 1987).

(Hier wird hauptsächlich die literarische Fassung, d.h. der Text, analysiert; als Nachricht - im breiteren Sinne als 'Text' also - wird die im Kabarett-Programm "Reden Sie! Jetzt red' ich. Teil I" vorgetragene Version angesehen. Die schriftliche Form des Textes von RICHLING wie auch der Text von RUBINŠTEIN (im Original und in deutscher Übersetzung) sind im Anhang zu finden.)

3.2.

Beide Nachrichten verbindet ihre Realisationsform: Sie werden auf der Bühne vorgetragen: die von RUBINŠTEIN auf Autorenlesungen, wobei die gesprochene, d.h. die audio-visuelle, Form als ursprünglich angesehen wird; die von RICHLING ist in ein Kabarett-Programm eingebaut und funktioniert (bisher) nur als Kabarett-Nummer (nähere Informationen - siehe Anhang).

3.3.

Beide Nachrichten sind von der Realisationsform her ähnlich, d.h. auch vergleichbar. Da beide Autoren relativ unbekannt sind und die Texte nicht (in gedruckter Form) vorliegen, will ich sie näher besprechen.

3.3.1.

Der hier analysierte Text von RUBINŠTEIN - "Pojavlenie ge-

roja" (dt.: Das Erscheinen eines Helden) (RUBINŠTEIN 1985) - hat repräsentativen Charakter. Fast alle seine Texte folgen (mit geringen Abweichungen) dem gleichen Gestaltungsprinzip - es sind Fragmente: Kurze Textpassagen (einzelne Sätze, seltener - mehrere Sätze) werden aneinandergereiht. Sehr wichtig und für RUBINŠTEIN entscheidend ist auch ihre Druckform. Die einzelnen und durchnumerierten Sätze bzw. Textpassagen werden auf lose Blätter geschrieben (etwa bis 1980 waren es Karteikarten, danach erscheinen auch Texte, die auf losen Blättern des Formats A5 geschrieben sind). Während der Lesung wird vom Autor jeweils die Textpassage auf einem Blatt gelesen, danach umgeblättert, was eine bestimmte Zeit in Anspruch nimmt - oft verstreicht durch das Verkleben der Blätter mehr Zeit -, und weiter gelesen. Die gleiche Prozedur muß angewandt werden, wenn man den Text selber liest. Dieser Vorgang ist nicht ohne Bedeutung, daher bespreche ich ihn so ausführlich; die Zeit, die zwischen dem Umblättern verstreicht, ist ein Bestandteil des Textes, sie ist notwendig, um einen bestimmten Vorgang, den ich detailliert unten bespreche, in Gang zu halten. Die einzelnen Blätter sind nicht miteinander verbunden, sondern stellen eine lose Sammlung dar; dies ist auch noch aus einem anderen Grunde wichtig, es ermöglicht nämlich eine willkürliche Anordnung/Reihenfolge der Blätter und der Rezeption.

(Aus Platzmangel publiziere ich den Text im Anhang ohne diese Gliederung, die einzelnen Textpassagen sind nacheinander in üblicher Form gedruckt; dies widerspricht der Absicht des Autors.)

3.3.2.

Der Text von RICHLING - "*** (Aschen kam Puttel...)" (RICHLING 1987) -, der ja eine Kabarett-Nummer darstellt, ist nur in akustischer bzw. audio-visueller Form vorhanden (diesmal aus technischen Gründen kann hier nur die Niederschrift publiziert werden). Die Nummer ist von einer kurzen Einführung begleitet, nach einer Pause spricht der Autor den Text, und zwar in einem bestimmten Rhythmus, der ebenfalls eine wichtige Funktion hat. Der Text wird auch in anderen Programmen aufgeführt, er ist also nicht an einen bestimmten Kontext gebunden.

3.4.

Beide Nachrichten sind von der Realisationsform her ähnlich, sie unterscheiden sich dadurch, daß die Nachricht von RUBINŠTEIN auch in geschriebener Form - d.h. als Text - vorliegt, und auch dadurch, daß RUBINŠTEIN seinen Text ohne Mimik und Gestik (d.h. mit einer von der jeweils als üblich angesehenen nicht abweichenden Mimik und Gestik) darbietet. RICHLING präsentiert seinen Text in Verbindung mit mimischen und gestischen Zeichen (und Requisiten) wie auch mit einer deutlich markierten Intonation.

4.

Ich gehe nun zu einer detaillierten Analyse der beiden Texte über, und zwar im Hinblick auf die Textgenerierung und im Hinblick auf unser Problem: Fragment und Bedeutung.

4.1.

"Pojavlenie geroja" von LEV RUBINŠTEIN (RUBINŠTEIN 1985) besteht aus 111 Textpassagen, d.h. auch aus 111 isolierten, losen Blättern, die zusammenhanglos nacheinander folgen. Der Text ist also ein Fragment in zweierlei Hinsicht: Zum einen weist er als solcher weder einen Anfang noch ein Ende auf, d.h. Merkmale, die in der jeweiligen Kultur für Texte als solche fungieren. Er ist daher als Fragment einer vom Autor, aber auch vom Rezipienten, beliebig erweiterbaren Ganzheit zu betrachten. Er ist eine Vorlage, die ergänzt werden kann. Zum anderen besteht der Text aus isolierten Sätzen, die untereinander keinen bzw. kaum einen Zusammenhang aufweisen und somit auch als Fragmente mehrerer und verschiedener Ganzheiten anzusehen sind.

(Ich benutze im weiteren Verlauf die Termini 'Text' für die Bezeichnung der 111 Blätter ("Pojavlenie geroja") und 'Einzeltext' für die Bezeichnung der jeweiligen Passage auf einem Blatt. Das gleiche gilt für RICHLING.)

Der Text ist also als Fragment generiert, der seinerseits - auf einer niedrigeren Ebene - wiederum aus fragmentarischen Einzeltexten besteht.

4.1.1.

Darüber hinaus weist der Text noch eine besondere Eigenschaft auf, die Konsequenzen für das Problem der Bedeutung hat. Es ist nämlich ein 'offenes Werk' (wie es seinerzeit von ECO postuliert wurde; siehe ECO 1973): Da die Blätter lose sind und da eine solche Publikationsform vom Autor verlangt wird, ist es möglich, die Einzeltexte in einer beliebigen Reihenfolge zu ordnen und zu rezipieren. Ähnlich einem Kartenspiel kann man die Blätter beliebig mischen und danach rezipieren. Es ergibt sich auf diese Weise eine enorme Zahl an Möglichkeiten, d.h. letzten Endes an Texten (sie ist als Permutation von III Elementen zu rechnen, was das Produkt $111!$ ergibt), die jeweils realisierbar sind. Dies ergibt aber auch eine enorme Menge von Bedeutungsmöglichkeiten, die in diesem Text enthalten sind, wie auch eine große Zahl möglicher Konkretisationen. Wir sollten also hier festhalten, daß schon die drucktechnische Anordnung der Elemente den Bedeutungsgrad hoch ansteigen läßt. Dazu kommt, daß sowohl der Text als auch die Einzeltexte Fragmente sind, die ihrerseits wiederum sehr viele Bedeutungen haben können, da sowohl das Fragmentarische der Einzeltexte als auch die Zusammensetzung des Textes und seine Offenheit (d.h. hier Erweiterbarkeit) die Bedeutungsproduktion nicht beschränken. Dieser vollkommenen Beliebigkeit steht jedoch ein Prinzip im Wege, und zwar die vom Autor festgelegte Reihenfolge: Die Blätter sind durchnummeriert, das zeigt die vom Autor gewünschte Rezeptionsfolge an. Da aber andere Anordnungen möglich sind (d.h. durch die Druckform nicht ausgeschlossen werden), bekommt der Text selber und auch der Rezipient einen neuen Status. Den Text und den Rezipienten gibt es nicht. Jede beliebige Anordnung ist ein Text; jede Anordnung ist somit ein Fragment eines Ganzen, das alle möglichen Realisationen ($n!$) umfaßt. Nicht nur die fehlenden End- und Anfangsmerkmale zeugen vom fragmentarischen Prinzip, sondern auch seine drucktechnische Realisation; somit verliert aber auch der Autor seinen üblichen Status, er ist nicht mehr der Produzent des Textes, sondern vielmehr der Autor einer möglichen Version. Seinen gewohnten Status verliert aber auch der Rezipient; er wird zum Autor des Textes bzw. der verschie-

denen Texte, er wird zum Produzenten. Im Vordergrund steht also die schöpferische Produktion von Texten, nicht deren Rezeption.

Es entsteht somit eine mehrebenige Konstruktion: Auf der komplexesten Ebene ist das Ganze, die Gesamtheit aller möglichen Realisationen anzusiedeln, auf der nächsten Ebene die jeweilige Version des Textes und weiter - die jeweiligen Einzeltexte, die die Ausgangsbasis des gesamten Prozesses darstellen und im Wortlaut unverändert bleiben. Weil aber, wie oben angedeutet, der Text beliebig erweiterbar ist, indem neue Einzeltexte hinzugefügt werden können, steigt die Zahl der jeweiligen Texte ins Unendliche, und der Text ist somit mit der natürlichen Sprache gleichzusetzen, die ja auch eine praktisch unendliche Kombinationsvielfalt der Wörter, Sätze usw. besitzt; der Text verliert seinen textuellen Charakter und bekommt einen neuen Status - er ist ein Repertoire von Organisationsregeln mit einer prinzipiell unendlichen Zahl von Elementen. Der von RUBINŠTEIN so generierte und die eine von ihm realisierte Version des Textes sind nur ein Fragment verschiedenartig gegliederter Ganzheiten (auf mehreren Ebenen).

4.1.2.

Eine dominierende Rolle fällt dabei den Einzeltexten zu, sie sind das primäre Element, das durch Neukombination Texte generiert. Aber auch sie sind nur Fragmente und dazu keine vom Autor geschaffenen Gebilde: Liest man die Texte, so bemerkt man sogleich, daß es Sprachfetzen einer Umgangs- bzw. Alltagssprache sind; es sind Passagen, die überall zu hören sind, die jeder hört und selber tagtäglich produziert. RUBINŠTEIN liefert daher kein Original, kein vom Dichter geschaffenes Werk, sondern vielmehr lediglich eine Gebrauchsanweisung dafür, was man mit vorhandenen sprachlichen Äußerungen - hier der gesprochenen Alltagssprache - machen kann. Er ist der Autor der Gebrauchsanweisung, der Regeln; das Spiel an sich kann jeder selbst realisieren. Und es ist ein Spiel, ein Spiel mit Bedeutungen. Der Bedeutungsgrad erhöht sich auf jeder Ebene.

Was uns aber nun interessiert, ist die Frage nach jenen Bedeutungen, deren Generierung auf das Prinzip des Fragmentarischen zurückzuführen ist. Darüber hinaus interessiert mich die Zusammensetzung des Textes und sein Zusammenhang. Schauen wir uns daher die Konstruktion der RUBINŠTEINSchen Vorlage näher an.

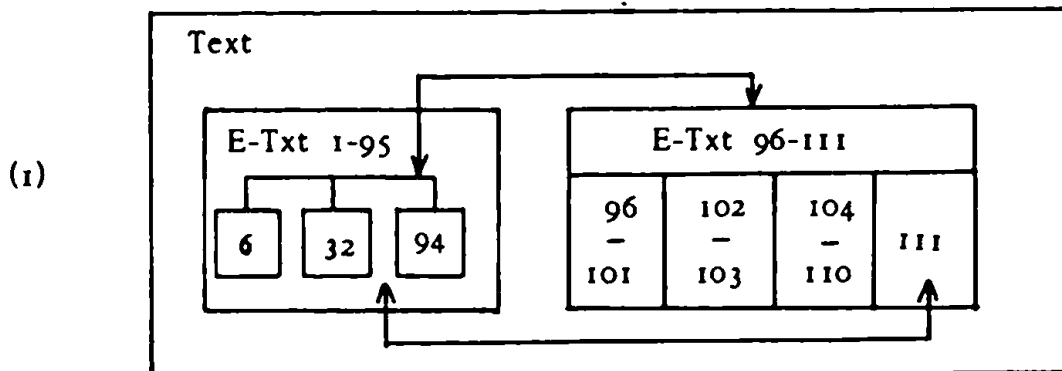
4.1.3.

Die Konstruktion. Der Text besteht aus wenigen Einzeltext-Gruppen, die auf eine unterschiedliche Weise generiert sind. Die Einzeltexte 1 bis 95 beinhalten jeweils eine kurze Aussage, die aus 3 bis 7 Wörtern besteht (es dominieren die 4- bzw. 5-Wort-Konstruktionen); sie sind dem umgangssprachlichen Diskurs entnommen und betreffen jeweils verschiedene Objektbereiche. In dieser Gruppe gibt es drei Einzeltexte, die etwas über einen 'Schüler' aussagen und somit auch zusammenhängen; sie sind allerdings räumlich weit voneinander entfernt. Es handelt sich um die Einzeltexte 6, 32 und 94 ("Tam dal'še pro učenika", "A čto tam pro učenika?", "A gde že pro učenika?"). Sie sind mit der ersten Einzeltext-Gruppe homogen, da sie - vom Typus her - von den anderen Formulierungen nicht abweichen; sie hängen untereinander zusammen, weil sie sich auf das gleiche Subjekt beziehen und - vom Inhalt her gesehen - etwas postulieren, d.h. Erwartung und (somit auch) Spannung aufbauen. Erst wenn man den Text weiter liest und über den 95. Einzeltext hinausgelangt, wird die Erwartung erfüllt, und man erfährt, daß diese drei Aussagen sich auf die zweite Einzeltext-Gruppe beziehen und dadurch mit ihr in Zusammenhang zu bringen sind. In bezug auf den Ausdruck hängen sie also mit den übrigen Einzeltexten der ersten Gruppe zusammen, in bezug auf den Inhalt - auch, darüber hinaus antizipieren sie aber die zweite Einzeltext-Gruppe, so daß Rekurrenzen möglich werden.

Die zweite Einzeltext-Gruppe, die die Einzeltexte 96 bis 111 umfaßt, realisiert ein anderes Muster: Es wird jeweils ein kurzer Text dargeboten (zwischen 1 und 9 Sätzen), der über einen 'Schüler' berichtet. Diese Gruppe tritt, was die Formulierungen angeht, in vier Versionen auf: a.) Sie beginnt mit einer der folgenden Einleitungen: "Der Schüler ging.../Zum

Schüler kamen.../Der Schüler kaufte.../Die Mutter gab dem Schüler.../Der Schüler fragte..." und endet mit: "Dann begann der Schüler, nachzudenken.". b.) Es ist eine Variante (102-103), die beginnt mit: "Der Lehrer fragte/sagte..." und endet mit: "Er (der Schüler) begann, nachzudenken". c.) Die Einzeltexte 104 bis 110 beginnen mit einer Formulierung: "Er dachte .../Dann dachte er..." usw. und enden nicht mehr mit der gewohnten Abschlußzeile. d.) Der letzte Einzeltext (111) lautet nur noch "Dann dachte er lange nach." Diese Variante kann, da sie eine kurze Formulierung ist, mit der ersten Gruppe verbunden werden, und da sie inhaltlich (durch die Abschlußzeile) mit der zweiten Gruppe zusammenhängt, nun auch mit ihr in Bezug gesetzt werden.

Die Einzeltexte der zweiten Gruppe beziehen sich ebenfalls auf Alltagssituationen und benutzen die Umgangssprache. Es ergibt sich also das folgende Konstruktionschema (I) des Textes und die beiden oben beschriebenen Relationen (\leftrightarrow) (die übrigen Relationen lasse ich außer acht):

Die Beliebigkeit anderer Textzusammensetzungen erhält hier neue Gliederungsmöglichkeiten: man kann die beiden Gruppen umstellen, man kann die Reihenfolge innerhalb der Gruppen verändern, man kann die Gruppen vermischen usw. Die Tatsache, daß eine zusätzliche Gliederung des Textes eingeführt worden ist, beschränkt jedoch nicht den Bedeutungsgrad des Textes, sondern - im Gegenteil - sie erhöht ihn, weil durch die neuen Kombinationsmöglichkeiten Bedeutungen entstehen können, die im Falle

einer fehlenden Gliederung nicht gegeben wären; alle übrigen auch vorher vorhandenen Möglichkeiten bleiben bestehen. Insofern erhöht die vom Autor eingeführte Ordnung den Bedeutungsgrad im Falle anderer Anordnungen; denn die Zerstörung bzw. Umstellung dieser vom Autor vorgeschlagenen Ordnung schafft neue Bedeutungen, die sonst nicht entstehen könnten. Sie entstehen aber, weil die Offenheit des Textes beibehalten wird.

Es kommt durch dieses Verfahren (zusätzliche Gliederung) auch eine zusätzliche Fragmentarizität zustande, da die beiden Einzeltext-Gruppen ebenfalls - aufgrund ihrer Offenheit - Fragmente sind; es werden neue Ebenen hergestellt, deren Fragmentcharakter auch den Bedeutungsgrad erhöht.

Ich breche die Analyse an dieser Stelle ab, man kann sie in mehreren Richtungen weiterführen, das Problem der bedeutungserweiternden Funktion von Fragmenten dürfte schon deutlich sichtbar geworden sein.

4.2.

"*** (Aschen kam Puttel...)" von MATHIAS RICHLING wendet ein ähnliches, aber nicht das gleiche Verfahren der Bedeutungsgenerierung durch Fragmentherstellung an. Das Prinzip - Fragmente zu konstruieren, um den Bedeutungsgrad zu erhöhen - ist das gleiche, die konkreten Verfahren zeigen aber Unterschiede im Vergleich mit dem Text von RUBINSTEIN.

4.2.1.

"*** (Aschen kam Puttel...)" besteht aus mehreren Sätzen bzw. Satzteilen, die aneinandergereiht worden sind. Die Einzeltexte sind nicht als solche gesondert gekennzeichnet, sie lassen sich erst während bzw. nach der Lektüre abgrenzen, d.h. rekonstruieren, ja die erste Lektüre muß zunächst einmal darauf beschränkt werden, um den Text lesen zu können (allerdings ist die akustisch-visuelle Rezeption der Nachricht primär). Die Einzeltexte folgen nacheinander und werden durch entsprechende Mimik, Gestik und Intonation (in der Bühnenaufführung) gegliedert, einerseits durch Pausen zwischen den Einzeltexten und andererseits durch - das Gegenteil - die Vermeidung von Pausen, so daß wir mehrere nicht-zusammenhängende Sätze erhalten und

im Prozeß der Rekonstruktion versuchen müssen, sie auseinanderzuhalten. Der Text beinhaltet (etwa in der Mitte) eine Passage (im Anhang unterstrichen), die vom Autor stammt und sich somit vom fremden Text absetzt, ihn in zwei Teile gliedert und eine Zäsurfunktion erfüllt.

Der Text ist, wie leicht zu bemerken, eigentlich keiner von RICHLING, sondern das Märchen "Aschenputtel" (siehe GRIMM 1981, Bd.I, 153-162), das einer Manipulation unterzogen wurde, indem viele Textpassagen herausgestrichen wurden und die so entstandenen Fragmente als Text vorgelegt werden.

Man könnte nun die beiden Texte vergleichen und versuchen, die Kriterien dieser Manipulation herauszufinden, und danach fragen, was gestrichen und was beibehalten worden ist. Dies alles können wir außer acht lassen und uns auf die hier zur Debatte stehende Problematik konzentrieren.

4.2.2.

Der neu entstandene Text, der (abhängig vom angewandten Gliederungskriterium) aus vielen Einzeltexten besteht, ist, auf den ersten Blick gesehen, zusammenhanglos und besteht, ähnlich wie der Text von RUBINŠTEIN, auf der Ebene des Einzeltextes aus vielen Sprachfetzen. Auf der Ebene des Textes ist er ebenfalls ein Fragment. Die für einen Text allgemein und für ein Märchen im besonderen typischen End- und Anfangsmerkmale sind - anders als bei RUBINŠTEIN - vorhanden (wenn auch in leicht modifizierter Form). Der Fragmentcharakter basiert vielmehr auf den Auslassungen innerhalb des Textes, die nun ergänzt werden können, und zwar beliebig. Beliebiger, weil der Text in vorliegender Form auch einen selbständigen Status besitzt.

Was auffällt, ist das relativ häufige Auftreten bestimmter Wörter (bevorzugt Verben, wie z.B.: 'denken'). Diese Wiederholungen können wir als Ausprägungen einer gliedernden Funktion betrachten, die dem Text sowohl einen bestimmten Rhythmus geben, als ihn auch in kleinere Einheiten teilen. Von der Zäsurfunktion des "fremden" Satzes in der Mitte habe ich schon oben gesprochen. Auch die Intonation (in der Vortragsfassung) hat mitunter eine gliedernde Funktion: es treten Passagen auf, die

langsam und bedächtig, und solche, die sehr schnell ausgesprochen werden. Es entstehen also mehrere Subeinheiten, ähnlich denen, die im Schema (I) dargestellt wurden.

4.2.3.

Ein wichtiger Punkt unterscheidet aber die beiden Texte (von RUBINŠTEIN und RICHLING). Beim RICHLING-Text existiert das Ganze, dessen Fragment wir vor Augen haben, das vor der Rezeption vorhanden ist; nennen wir es - den Originaltext. Der vorgetragene Text verschweigt seine Provenienz keineswegs (daher kann man auch nicht von einem Text des Rätseltypus sprechen), er unterstreicht sie sogar vom ersten Wort/Satz an. Das Original wird nicht unkenntlich gemacht, im Gegenteil, es wird hervorgehoben, und zwar immer wieder hervorgehoben.

(Vgl. in der Aufführung z.B. die Passage "und da nannten sie es...", wo an dieser Stelle RICHLING sich räuspert und eine lange Pause macht, und das Publikum lacht, weil es weiß, worauf hingewiesen wird.)

4.2.4.

Der Text ist (in mehrerer Hinsicht) ein Fragment; die Bedeutungsgenerierung und -erweiterung funktionieren genauso wie bei RUBINŠTEIN, genauso wie bei jedem fragmentarischen Text. Das besondere Verfahren, das hier zusätzlich hinzukommt, das besondere kabarettistische Verfahren, das hinzukommt, ist das Spiel mit dem Original. Es geht nicht um einen komischen Effekt etwa der Verfremdung eines Märchens, des Ratens usw. Es geht hier um den Kabarett-Effekt schlechthin, und zwar um "das Spiel mit dem erworbenen Wissenszusammenhang des Publikums". RICHLING zeigt, daß ein fragmentarischer Text einen sehr großen Bedeutungsgrad haben könnte, daß ein Fragment den Status und die Rolle des Autors und des Rezipienten grundsätzlich verändern könnte; er zeigt, daß all das, was bei RUBINŠTEIN besprochen wurde, zutreffen könnte, wenn es kein Original gäbe. Der Originaltext ist im Wissen des Rezipienten gespeichert, und er erschwert die Rezeption des neuen Textes, er erschwert das Spiel mit Bedeutungen oder macht es gar unmöglich, da immer wieder auf das Original rekurriert wird; das engt aber den

Bedeutungsgrad ein und erhöht die Zeichenhaftigkeit. Der Originaltext hat einen geringeren Bedeutungsgrad als der manipulierte fragmentarische Text. Sein Vorhandensein stört das Spiel erheblich. Und so zeigt RICHLING das Wesentliche des Kabarets: Die Herstellung von neuen Zusammenhängen, die immer wieder von bestehenden gestört und verhindert wird. Es lassen sich keine neuen Bedeutungen herstellen, weil die Zeichen immer wieder auf Texte und Diskurse rekurrieren, in denen ihre Bedeutung festgelegt ist. Die Gesetzmäßigkeiten des Fragments sind ein Mittel (unter anderen), Texten einen hohen Bedeutungsgrad zu geben und die Generierung von Bedeutungen zu erleichtern. Wenn RUBINŠTEIN zeigt, wie dieser Prozeß vor sich geht, so zeigt RICHLING, was diesem Prozeß im Wege steht und ihn verhindert.

5.

Zusammenfassung. Der hohe Bedeutungsgrad entsteht in Fragmenten (u.a.) durch das folgende Verfahren (wie dies beim RUBINŠTEIN-Text zu beobachten war):

Aus der zusammenhanglosen Anreihung von Fragmenten verschiedener Komplexität und verschiedener Ebenen entsteht ein Ganzes (in so vielen Varianten, wie es Interpreten gibt, hier greifen die Gesetzmäßigkeiten der Konkretisation), ein Ganzes, das mehr als die Summe der Einzeltext-Bedeutungen ist, und zwar im Bewußtsein des individuellen Interpreten, der den Status des Autors übernimmt, da er dieses Ganze generieren muß.

Das Ganze kann mitunter sehr wenig mit den Bedeutungen der Einzeltexte zu tun haben; die letzteren entstehen ebenfalls, sie folgen stärker der üblichen Konkretisation. Auf der Ebene des Ganzen wird nur der Mechanismus der Konkretisation angewandt und aber neue Texte erstellt.

Ein Fragment besteht aus Einzelzeichen, die nicht miteinander zusammenhängen. Da es aber Zeichen sind, die als solche offen und grundsätzlich neue Interpretanten, d.h. auch Bedeutungen, immer wieder aufzunehmen imstande sind - und ein Fragment unterstützt diese Eigenschaft der Zeichen sehr effizient -, entsteht ein Ganzes, ein neuer Text mit einem hohen Bedeutungsgrad, das gesteuert wird, aber eben nicht mehr vom Autor des Fragments, sondern vielmehr vom gegebenen Zeichensystem selber,

vom angewandten Diskurs. Denn Grenzen können diesem neuen Text - dem Ganzen - nicht mehr vom Fragment und seinem Autor gesetzt werden, sondern nur noch vom Zeichensystem selber. Läßt sich dabei ein solches Ganzes auf einen davor existierenden Originaltext projizieren, rekurrieren und zurückführen, dann wird dieser Prozeß - wie RICHLING es zeigt - gestoppt und kommt nicht zur Entfaltung. Damit aus einem Fragment ein neues autonomes Ganzes mit einem hohen Bedeutungsgrad entsteht, bedarf es nur des Zeichensystems, nicht aber anderer Texte oder Kontexte; diese engen den Bedeutungsgrad ein, und das Fragment war umsonst.

Vielleicht ist diese Textsorte deswegen nicht zahlreich vertreten und wird überwiegend in der Lyrik, wo sie von anderen Verfahren der lyrischen Gattung unterstützt wird, und im Kabarett angewandt, wo man mit Hilfe des Fragments zeigen kann, wie schwer bestehende Originaltexte (und nicht nur Texte) und ihr Bedeutungsgrad zu modifizieren sind, geschweige denn zu verändern.

Anhang

Лев Сеионович Рубинштейн

Появление героя

Окт. 1985

-

1. - Ну что я вам могу сказать?
2. - Он что то знает, но молчит.
3. - Не знаю, может, ты и прав.
4. - Он и полезней, и вкусней.
5. - У первого вагона в семь.
6. - Там дальше про ученика.
7. - Пойдемте. Я как раз туда.
8. - Ну что, решили что-нибудь?
9. - Сел - и до самого конца.
10. - Послушай, что я написал.
11. - А можно прямо через двор.
12. - Он вам не очень надоел?
13. - А можно завтра - не горит.
14. - Три раза в день перед едой.
15. - Ну, хватит дурака валять!
16. - В галантерее на углу.
17. - Порядка ста - ста двадцати.
18. - Так вот что я тебе скажу.
19. - Вы проходите - я сейчас.
20. - Не надо этих жалких слов.
21. - А ну-ка покажи язык!
22. - Так что, мы идем или нет?
23. - Спасибо, мне не тяжело.
24. - Нет, ты серьезно или так?
25. - Так тоже, знаете, нельзя.
26. - Ты что, совсем осатанел?
27. - Давая попробуем еще.
28. - Благодарю вас, я сама.
29. - Да как-то уже привык.

30. - Мне это нужно или взм?
31. - Ты тоже в общем-то не прав.
32. - А что там про ученика?
33. - Я ж говорил тебе: "Не лезь"!
34. - Остать меня - мне тяжело.
35. - Ну, ты бы позвонил, узнал.
36. - Какон-то вечно мрачный, злоп...
37. - Ты хоть бы форточку открыл.
38. - Еще разок - и по ломэм.
39. - Жртва там, правдэ, будь здоров.
40. - Сил больше нету никаких.
41. - Какя рифма к слову "пять"?
42. - Упрямып, как не знаю что.
43. - Шесть букв, кончается на "П".
44. - Ну, все. Пока. Я позвоню.
45. - Ему? Нет пятьдесят. А что?
46. - Ты, кстати, выключил утюг?
47. - Вот так приходит и сидит.
48. - Ты в зеркало давно смотрел?
49. - Дэ брось! Нашел, о чем жалеть.
50. - Я б лучше дома посидел.
51. - Так что же ты хотел спросить?
52. - Я знаю, что я говорю.
53. - Примеритэ, смотрю - как раз.
54. - А может быть, еще разок?
55. - Спросите лучше у других.
56. - Спасибо. Мне уже пора.
57. - И ты поверил, дурачок?
58. - Дэ он с утра уже косоп.
59. - Ты б лучше с Митьком погулял.
60. - Сэмэ-то знает, от кого?
61. - Через неделю будет год.
62. - Оп, надо же! А я не знал.
63. - Ты все сказэлэ? Можно мне?
64. - Мне совершенно все равно.
65. - Дэвэл псшочком до метро.

66. - До часу дрыхнет, паразит.
67. - И в удареньях не силен.
68. - Душэ не может умереть.
69. - Как быстро стали отпускать.
70. - Такая жажда - пью и пью.
71. - Все жалуется на живот.
72. - Кто нё храпит? Ты не храпишь.
73. - Конфуций - это пятый век?
74. - Скажи, чтоб смазали кровать.
75. - О чем вы, если не секрет?
76. - Мне все равно. Решай сама.
77. - Товарищи, поменьше слов.
78. - Мне что, милицию позвать?
79. - Ну как вот можно так вот жить?
80. - Но он хоть поблагодарил?
81. - Такой там развела бардак!
82. - Заканчивая. Я жду звонка.
83. - Мне неудобно. Ты спроси.
84. - А ты бы взял да починил.
85. - Ну, миленький! Ну, потерпи!
86. - Дурак ты, больше ничего!
87. - Двенадцать? За ночь? Брось болтать!
88. - Сейчас же выплунь эту дрянь!
89. - Из-за границы привезли.
90. - Закрыто. Санитарный день.
91. - Прием с двенадцати до трех.
92. - Так и сказал: "Из КГБ"?
93. - Не слышно? Я перезвоню.
94. - А где же про ученика?
95. - Я этого не говорил.
96. Ученик пошел в школу. После того, как пришел в школу, он вошел в класс и сел за свою парту. Был урок рисования. Ученик стал рисовать в своем зльбоне чашку. Учитель сказал, что рисунок неплохой, и он похвалил ученика за его рисунок. Потом прозвенел звонок, и ученики пошли на перемену. Ученик остался в классе один и стал думать.

97. К ученику на день рождения пришли гости, его одноклассники: две девочки и три мальчика. Угощение состояло из семи кусков бисквитного торта и пяти бутылок напитка "Баякал". Одна девочка съела два куска торта и выпила полторы бутылки воды "Баякал". А один из трех мальчиков на спор выпил всю оставшуюся воду и сказал, что мог бы еще. Торт ребята не доели: остался один целый кусок и один надкусанный. После угощения ребята играли во "мнения" и в "балду". День рождения прошел интересно и весело.
Когда гости разошлись, ученик остался один и стал думать.
98. Ученик купил в магазине некоторое количество тетрадей. Из них две были в линейку, две в косую линейку, остальные в клетку. Придя домой, ученик аккуратно сложил купленные тетради на столе.
Потом ученик сел за стол и стал думать.
99. Мать дала ученику один рубль и велела ему купить в магазине два пакета молока по 16 коп. и батон рижского хлеба. (Если будет. А если не будет, то полбуханки любого черного, только посвежее). Ученик все сделал так, как велела ему мать. Он купил два пакета молока и полбуханки бородинского хлеба. (Рижского все-таки не оказалось). Придя домой, ученик отдал матери покупки и сдачу с одного рубля, правда не всю: медные деньги мать разрешила ему оставить у себя. Потом он уселся у окна и стал думать.
100. Ученик спросил учителя: "Можно я уйду? У меня голова очень болит." Учитель сказал: "Иди. Что-то часто у тебя голова болит."
Ученик ушел и стал думать.
101. Ученик спросил: "Раствориться в бытии или раствориться в небытии - не все ли равно?" Учитель сказал: "Я не знаю." А ученик ушел и стал думать.
102. Учитель спросил: "Вы читали "Песни царства Чжоу" и "Песни царства Чжао"? Ученик ответил: "Нет". Учитель сказал: "Кто не читал их, подобен тому, кто стоит молча, повернувшись лицом к стене". Ученик ничего не ответил. Он пошел своей дорогой и стал думать.
103. Учитель сказал: "Я не хочу больше говорить." Ученик сказал: "Если учитель не будет больше говорить, то что мы будем передвзвать?" Учитель сказал: "Разве небо говорит? А четыре времени года идут, и вещи рождаются. Разве небо говорит?"
Ученик ушел и стал думать.

104. Вначале он подумал: "Куда смотреть? Ведь во все стороны: вперед и назад, направо и налево, вверх и вниз, вширь и вглубь разворачивается бестолковое пространство наших ритмических усилий и притязаний. Куда же смотреть?"
105. Потом он подумал: "Очерчен круг, и некуда... Но если как следует подумать, то найдется единственно возможное решение в то время, как другие голоса настойчиво напоминают, что ты здесь не один..."
106. Потом он подумал: "Радость, не узнавшая из нас никого, уходит восвояси в то время, как что-то такое опять напоминает о себе..."
107. Потом он подумал: "Чы! Ветер пробует с вершинами деревьев сыграть такую штуку, после которой им не скоро опривиться в то время, как становится все понятней: остановишься - костей не соберешь..."
108. Потом он подумал: "Становясь постепенно все ближе к заветной черте, приобретаем ли в лице друг друга в то время, как времена то сужаются, то растягиваются, и уже не помнешь, что когда..."
109. Потом он подумал: "Постепенно становясь все ближе к непроверяемому пределу, порз бы уж, кажется, и взяться за ум в то время, как причины и следствия то и дело меняются местами, и уже не поймешь, где что..."
110. Потом он подумал: "Все ближе постепенно становясь к описываемому пубежу, вдруг как не хватит на последнее усилие в то время, как я пробую ухватиться за ускользающую нить то ли мыслей, то ли воспоминаний и не могу, не могу, не могу..."
111. Потом он надолго задумался.

Der Text von LEV RUBINŠTEIN.

(Die Übersetzung des folgenden Textes von LEV RUBINŠTEIN stammt von mir; in erster Linie geht es um die wörtliche Übereinstimmung mit dem Original, in zweiter um den umgangssprachlichen Ton des Originals, um eine künstlerische Übersetzung geht es dabei nicht.)

LEV SEMIONOVIČ RUBINŠTEIN

"Pojavlenie geroja." Okt. 1985 (Das Erscheinen eines Helden)

1. - Ja, was soll ich Ihnen sagen?
2. - Der weiß etwas, aber er schweigt.
3. - Ich weiß nicht, vielleicht hast du recht.
4. - Er ist nützlicher und empfindsamer.
5. - Beim ersten Waggon um sieben.
6. - Dort weiter geht es um einen Schüler.
7. - Gehen wir. Ich muß auch dorthin.
8. - Nun wie, habt ihr was entschieden?
9. - Hockte sich hin - und bis zum Schluß.
10. - Hör mal, was ich geschrieben habe.
11. - Man kann auch geradeaus durch den Hof.
12. - Ist er euch nicht zu lästig geworden?
13. - Es geht auch morgen - es brennt nicht.
14. - Dreimal am Tag vor dem Essen.
15. - Na es reicht, verrückt zu spielen!
16. - Im Kurzwarengeschäft an der Ecke.
17. - Der Größenordnung hundert - hundertzwanzig.
18. - Also paß' auf, was ich dir sage.
19. - Gehen Sie schon rüber - ich bin gleich soweit.
20. - Wozu dieses Bedauern.
21. - Na Mädels, zeig mal schön die Zunge!
22. - Also was nun, fahren wir oder nicht?
23. - Danke, es geht schon.
24. - Nein, meinst du das ernst oder wie?
25. - Ich muß Ihnen sagen, so geht das nicht.
26. - Mann, bist du völlig verrückt?
27. - Komm, wir versuchen's noch mal.
28. - Vielen Dank, ich mache das allein.

29. - Ja, irgendwie hab' ich mich schon daran gewöhnt.
30. - Brauche ich das oder Sie?
31. - Eigentlich hast du auch nicht recht.
32. - Was war das mit dem Schüler?
33. - Und ich sagte dir doch: "Kriech' da nicht hin!"
34. - Laß mich - ich kann nicht mehr.
35. - Du könntest doch anrufen, dich erkundigen.
36. - Immer ist er irgendwie düster, aufgebracht...
37. - Du könntest zumindest mal das Tor öffnen.
38. - Noch einmal - und dann nach Hause.
39. - Also so ein Fraß, nicht wahr, dann Tschüs.
40. - Ich habe keine Kraft mehr!
41. - Was reimt sich auf "fünf"?
42. - Der ist so stur wie nur was.
43. - Sechs Buchstaben. Endet mit "P".
44. - Das wärs. Bis bald. Ich rufe an.
45. - Er? Etwa fünfzig. Warum?
46. - Sag' mal, hast du das Bügeleisen ausgeschaltet?
47. - Der kommt immer und sitzt.
48. - In einen Spiegel hast du lange nicht mehr geschaut, wie?
49. - Vergiß es! Jetzt hast du wohl endlich einen Grund zum Klagen?
50. - Ich möchte lieber zu Hause bleiben.
51. - Na also was wolltest du fragen?
52. - Ich weiß, was ich sage.
53. - Sie hat es anprobiert, ich schau hin - es paßt.
54. - Und vielleicht, noch einmal?
55. - Fragen sie lieber bei den anderen.
56. - Danke. Für mich ist es schon Zeit.
57. - Und das hast du geglaubt, du Dummchen?
58. - Der ist schon vom frühen Morgen an so komisch.
59. - Du solltest lieber mit Mit'ka ein bißchen spazierengehen.
60. - Sie weiß es selber, von wem?
61. - In einer Woche wird es ein Jahr sein.
62. - Oh, muß man das! Ja ich wußte's nicht.
63. - Hast du alles gesagt? Darf ich jetzt mal?
64. - Mir ist es vollkommen egal.
65. - Komm wir laufen zu Fuß bis zur Metro.

66. - Bis ein Uhr pennt er, der Schmarotzer.
67. - Und auch mit der Aussprache hapert es.
68. - Die Seele kann nicht sterben.
69. - Wie schnell sie entlassen haben.
70. - Was für ein Durst - ich trinke und trinke.
71. - Alles klagt über das Leben/den Bauch.
72. - Wer schnarcht nicht? Du schnarchst nicht?
73. - Konfuzius - war das das fünfte Jahrhundert?
74. - Sag', daß sie das Bett abwischen.
75. - Worüber sprecht ihr, wenn's kein Geheimnis ist?
76. - Mir ist es egal. Entscheide selber.
77. - Genossen, weniger Worte.
78. - Was denn, soll ich die Polizei rufen?
79. - Wie kann man denn nur so leben?
80. - Und hat er zumindest danke gesagt?
81. - Die hat dort vielleicht einen Zirkus gemacht!
82. - Mach Schluß. Ich warte auf einen Anruf.
83. - Mir ist das unangenehm. Frag du lieber.
84. - Nimm's doch mal und repariere.
85. - Na komm schon, noch ein bißchen Geduld!
86. - Du bist ein Blödmann, also wirklich!
87. - Zwölf? In einer Nacht? Also komm!
88. - Spuck das Zeug sofort aus!
89. - Aus dem Ausland haben sie's mitgebracht.
90. - Wegen Reinigung geschlossen.
91. - Annahme von zwölf bis drei.
92. - So sagte er das: "Vom KGB"?
93. - Man hört nichts? Ich ruf noch mal an.
94. - Was ist denn mit dem Schüler?
95. - Ich habe das nicht gesagt.

96. - Der Schüler ging in die Schule. Nachdem er die Schule betreten hatte, ging er in die Klasse und setzte sich in seine Bank. Es war Zeichnen. Der Schüler begann in seiner Mappe eine Tasse zu zeichnen. Der Lehrer sagte, daß die Zeichnung nicht schlecht sei, und er lobte den Schüler für seine Zeichnung. Dann ertönte die Klingel, und die Schüler hatten Pause. Der Schüler blieb allein

in der Klasse und begann nachzudenken.

97. - Zum Schüler kamen Gäste zum Geburtstag, seine Klassenkameraden: zwei Mädchen und drei Jungen. Das Essen bestand aus sieben Stückchen Biskuittorte und fünf Flaschen "Bajkal"-Safts. Eines der Mädchen aß zwei Stückchen Torte und trank anderthalb Flaschen "Bajkal". Einer der drei Jungen trank zur Wette das ganze restliche Wasser aus und sagte, daß er noch mehr trinken könnte. Die Torte haben sie nicht aufgegessen: es blieben ein ganzes Stückchen und ein angebissenes übrig. Nach dem Essen spielten sie "Dummkopf" und "Raten". Der Geburtstag verging interessant und lustig. Als die Gäste nach Hause gingen, blieb der Schüler allein und begann nachzudenken.
98. - Der Schüler kaufte im Geschäft einige Hefte. Von ihnen waren zwei liniert, zwei schräg liniert und die übrigen kariert. Als er nach Hause kam, legte der Schüler die gekauften Hefte sorgfältig auf den Tisch. Dann setzte sich der Schüler an den Tisch und begann nachzudenken.
99. - Die Mutter gab dem Schüler einen Rubel und schickte ihn ins Geschäft zwei Packungen Milch zu 16 Kopeken und ein Riga-Brot zu kaufen. (Wenn es da ist. Wenn keins da ist, dann ein halbes schwarzes, irgendeins, wenn's nur frisch ist). Der Schüler machte alles so, wie die Mutter ihm sagte. Er kaufte zwei Packungen Milch und ein halbes Borodinsker-Brot. (Riga-Brot gab es doch nicht). Als er nach Hause kam, gab der Schüler der Mutter die Einkäufe und den Rest von dem Rubel, ja nicht alles: das Kleingeld erlaubte ihm die Mutter zu behalten. Dann setzte er sich ans Fenster und begann nachzudenken.
100. - Der Schüler fragte den Lehrer: "Darf ich nach Hause gehen? Ich habe starke Kopfschmerzen." Der Lehrer sagte: "Geh. Du hast aber ziemlich oft Kopfschmerzen." Der Schüler ging und begann nachzudenken.

101. - Der Schüler fragte: "Im Sein sich auflösen oder im Nichtsein sich auflösen - ist das nicht alles egal?" Der Lehrer sagte: "Ich weiß es nicht." Und der Schüler ging und begann nachzudenken.
102. - Der Lehrer fragte: "Habt ihr die "Lieder aus dem Reich Čžou" und die "Lieder aus dem Reich Čao" gelesen?" Der Schüler antwortete: "Nein". Der Lehrer sagte: "Wer sie nicht gelesen hat, gleicht einem, der schweigend dasteht, mit dem Gesicht zur Wand". Der Schüler antwortete nichts. Er ging seines Weges und begann nachzudenken.
103. - Der Lehrer sagte: "Ich will nichts mehr sagen". Der Schüler sagte: "Wenn der Lehrer nichts mehr sagen wird, was sollen wir dann weitergeben?" Der Lehrer sagte: "Spricht denn der Himmel? Und die vier Jahreszeiten gehen vorüber, und die Dinge entstehen. Spricht denn der Himmel?" Der Schüler ging fort und begann nachzudenken.
104. - Zunächst dachte er: "Wohin schauen? Wenn sich doch nach allen Seiten - nach vorne und nach hinten, nach rechts und nach links, nach oben und nach unten, in die Weite und in die Tiefe der unverständliche Raum unserer arhythmischen Bemühungen und Ansprüche entfaltet. Wohin soll man denn schauen?"
105. - Dann dachte er: "Der Kreis ist gezogen und kein Ausweg... Doch wenn man so darüber zu denken hat, findet sich die einzig mögliche Entscheidung in der Zeit, wie andere Stimmen beharrlich erinnern, daß du hier nicht allein bist..."
106. - Dann dachte er: "Die Freude, die keinen von uns erkannt, geht heim in der Zeit, bis irgendetwas wieder und wieder erinnert an sich..."
107. - Dann dachte er: "Horch! Der Wind versucht mit den Baum-

spitzen ein solches Spiel zu treiben, daß sie sich nicht sobald erholen werden in der Zeit, wie alles verständlicher wird: bleibst du stehen - klaubst du dich nicht mehr auf..."

108. - Dann dachte er: "Uns allmählich der ersehnten Linie nähernd, erkennen wir im Gesicht gemeinsam in der Zeit, wie die Zeiten mal schrumpfen, mal sich dehnen, und du verstehst nicht mehr, was wann..."
109. - Dann dachte er: "Allmählich sich der unwiderlegbaren Grenze nähernd, wäre es schon an der Zeit, scheint es, und sich an den Kopf fassen in der Zeit, wie Ursachen und Folgen so auch das Werk andauernd die Plätze wechseln, und du begreifst nicht mehr, wo was..."
110. - Dann dachte er: "Immer allmählich dem beschriebenen Horizont näher, plötzlich ergreift die letzte Bemühung in der Zeit, wie ich versuche, die entgleitenden Fäden der Gedanken oder der Erinnerungen zu ergreifen und ich kann nicht, ich kann nicht, ich kann nicht..."
111. - Dann dachte er lange nach.

Der Text von MATHIAS RICHLING

(Um die Intonation und besonders den Rhythmus der Originalfassung auch nur einigermaßen wiederzugeben, kennzeichne ich die im gesprochenen Text vorhandenen Pausen durch '*'. Auf die Kennzeichnung der Interpunktion und der Satzgliederung verzichte ich, da sie aus der Aufzeichnung nicht eindeutig hervorgeht.)

MATHIAS RICHLING. "*** (Aschen kam Puttel...)." Ein Fragment aus dem Programm: "Reden Sie! Jetzt red' ich".

Aschen kam Puttel * oder trug zu sich * einem Manne ward die Frau krank * und als sie fühlte daß ihr Ende herankam * rief sie ihr Töchterchen und sprach * darauf tat sie die Augen zu und verschied * das Mädchen ging hinaus und blieb gut * als eine von den vier Jahreszeiten kam nahm sich der Vater eine mit zwei Töchtern * da begann für das Töchterchen eine Zeit * sie nahmen ihm und zogen ihm und gaben ihm und riefen und lachten und führten es in die Küche * da mußte es von morgens bis abends * obendrein taten die zwei Töchter alles abends hatte es neben dem Herd zu * und weil es darum aussah nannten sie es * es trug sich zu daß der Vater einmal da fragte er die beiden Töchter diese sprachen * und das Töchterchen sagte und da brach er und nahm es * als er kam gab er und das Töchterchen ging zu und pflanzte und es begossen * es wuchs und ward und allemal kam ein Wunsch * es begab sich aber da stellte der König ein Fest an er schaute Braut und ließ anschlagen als sie hörten riefen sie und sprachen sie und das Töchterchen gehorchte und bat die Mutter diese sprach * als sie aber mit Bitten anhielt sprach sie endlich * und das Töchterchen ging durch und als es nun weinte rief sie aber sie dachte * sie kehrte den Boden * sie kehrte den Rücken * und niemand war mehr daheim * da warf ein Vogel und keiner ahnte und keiner kannte und alle dachten * und der König nahm es und er tanzte und er wollte auch da wollte es * und der König sprach denn er wollte sehen sie aber sprach und sprang * ja * und das tat sie dreimal * ja aller guten Dinge sind ein Märchen nicht * und der König ging nach und hielt es und es sprang hinter und es kletterte und der König wußte nicht aber er kam und sprach von der anderen Seite

und konnte nicht folgen und hüpfte die ganze Treppe und blickte auf ihren Fuß * da wusch es die Hände ging hin und verneigte sich und sprach und der König setzte es und sagte und sie steckte wie angegossen und rief da richtete sich der König und sah ins Gesicht und meinte * aber die Mutter antwortete doch der König schrie und sprach und die Mutter wurde und es wurde Hochzeit gehalten und alle alle alle riefen und als das Töchterchen kam und sagte da wurde die Mutter erst recht und das hatte sich keiner gedacht * und das sagten sie auch

Literatur

- ECO, U. (1973): Das offene Kunstwerk, Frankfurt.
- FLEISCHER, M./SAPPOK, CH. (1988): Die populäre Literatur. Analysen literarischer Randbereiche an slavischem und deutschem Material, Bochum.
- FLEISCHER, M. (1988): Über einige Verfahren des modernen Kabarettts. Hanns Dieter Hüschs "Hagenbuch", (im Druck).
- GRIMM, Brüder (1981): Kinder- und Hausmärchen gesammelt durch die Brüder Grimm, Bd. I - III, Frankfurt/Main.
- HENNINGSEN, J. (1967): Theorie des Kabarettts, Ratingen.
- LEKOMCEV, JU. K. (1973): K osnovanijam obščej semiotiki. In: Sbornik statej po vtoričnym modelirujuščim sistemam, Tartu, 178-186.
- MUKAŘOVSKÝ, J. (1982): Kapitel aus der Ästhetik, Frankfurt.
- PEIRCE, CH. (1931): Collected Papers, Bd. II, Cambridge.
- RICHLING, M. (1987): *** (Aschen kam Puttel ...). In: Reden Sie! Jetzt red' ich. Teil I und II, Eine Kabarett-Fernsehaufzeichnung vom 12.04.1987, WDR.
- RUBINŠTEIN, L. (1985): Pojavlenie geroja, Oktober 1985, Aufzeichnung einer öffentlichen Lesung.

Резюме

Статья занимается фрагментом как самостоятельным жанром. Фрагмент является совершенным образом для несовершенного процесса. В связи с этим обсуждаются проблемы конкретизации и значения знака. Введены понятия "степень значения" и "знаковость". После теоретической части следует анализ двух текстов-фрагментов: русского стихотворного текста и немецкого кабаре-текста.

Wolfgang Girke, Mainz

AGENSLOSES PASSIV IM RUSSISCHEN

In der Literatur findet man häufig die Ansicht, das Passiv diene vor allem dazu, den Agens nicht realisieren zu müssen, sei es aus Redundanzgründen, sei es, weil der Agens nicht bekannt ist. Dies ist richtig, aber auch nicht richtig, denn die Problemstellung ist zu eng. Zunächst ist festzustellen, daß das agenslose Passiv nur eine, wenngleich die häufigste, Variante des Passivs (ich behandle hier nur das Verlaufspassiv) ist. Es gibt zahlreiche Fälle, in denen der Agens in Passivsätzen obligatorisch ist¹, d.h. nicht getilgt werden kann, weil semantische, syntaktische und textuell-kommunikative Gründe dagegen sprechen. Ob der Agens eine Zwischenposition zwischen obligatorisch realisiert und obligatorisch nicht realisiert einnehmen kann, ist eine Frage, die hier teilweise beantwortet werden wird. Weiterhin ist festzustellen, daß das Passiv nur eine, wenngleich sehr wichtige, Möglichkeit ist, den Agens zu dezentrieren, d.h. aus dem syntaktischen Zentrum, der Subjektposition, zu nehmen oder überhaupt nicht zu versprachlichen. Die übergreifende Fragestellung lautet also: wieviele bzw. welche Möglichkeiten der Dezentrierung des Agens gibt es in einer Sprache und wie sind die einzelnen Mittel motiviert und voneinander abgegrenzt. Wenn man sich nachstehende ganz vorläufige Liste agensdezentrierender syntaktisch-morphologischer Mittel ansieht, wird schnell klar, daß wir über die Konstituenten dieses Feldes und die Spezifika der einzelnen Elemente nur wenig wissen:

1. Passiv mit Agens (im Instrumental)
2. Passiv ohne Agens
3. Lexikalische Konverse
4. Unbestimmt-persönliche Sätze
5. Unpersönliche Sätze, modale Sätze
6. Generalisierende Sätze (finites Verb in der 2. Person)
7. Infinitivkonstruktionen
8. Ellipsen
9. Adverbialpartizipialkonstruktionen

10. Partizipialkonstruktionen

11. Nominalisierungen

usw.

Die Dezentrierung des Agens, die all diesen Konstruktionen gemeinsam ist, aber in jedem Fall anders ausfällt, ist grundsätzlich von textueller Relevanz, d.h. kontextabhängig und kontextdeterminierend. In der Regel ist die Deagentivierung auch nicht ohne Einfluß auf die Semantik einzelner Elemente des jeweiligen Satzes. Für das Passiv gilt, daß die Deagentivierung mit einer Deaktionalisierung des Verbs korreliert.

Es ist im Augenblick nicht möglich, die Distanz einer angeführten Konstruktion zur agentivischen festzulegen, es ist aber intuitiv einsichtig, daß das agenslose Passiv einen relativ hohen Grad von Deagentivierung realisiert. Deagentivierung bedeutet, ganz allgemein gesagt, eine kommunikative Entlastung des Textes bzw. eine kommunikative Umorientierung des Satzes weg vom Agens. Was dies im einzelnen bedeutet, wird noch zu zeigen sein. Von besonderer Bedeutung für das Verständnis von Agentivierung und Deagentivierung ist auch die semantisch-lexikalische Realisierung des Agens bzw. sein referentieller Status. Dieser Punkt wird in der Literatur im allgemeinen unterschätzt oder gar nicht behandelt, scheint mir aber von zentraler Bedeutung zu sein. Ich will diese Problematik kurz erläutern. Ich schränke in dieser Arbeit den Begriff "Agens" auf Personen ein und definiere ihn als "einzelne Person oder eine Menge von Personen, die für eine Handlung, ein Ereignis oder einen Zustand verantwortlich ist". Ein entscheidender Punkt ist nun, daß die einzelnen Agensbezeichnungen unterschiedliche referentielle Eigenschaften haben können. Sie können beispielsweise definit-spezifisch, definit-unspezifisch, indefinit-spezifisch, indefinit-unspezifisch bzw. generisch referieren². Die Unbekanntheit eines Agens bedeutet nicht, daß es keine Möglichkeit gibt, einen Agens sprachlich zu realisieren. Sehen wir uns zur Verdeutlichung folgende Beispiele an:

(1) On byl ubit.

(1') On byl ubit Ivanom.

(1'') On byl ubit neizvestnym prestupnikom.

(1''') On byl ubit kem-to.

(1''') On byl ubit mužčinoj.

Die Agentes von (1') bis (1'v) unterscheiden sich durch ihre Referenzeigenschaften. Ivanom referiert auf eine konkrete, vorerwähnte Person, d.h. definit-spezifisch. Neizvestnym prestupnikom und kem-to referieren im Gegensatz dazu unspezifisch. Während prestupnikom eine Bewertung darstellt, wird durch kem-to signalisiert, daß der Agens absolut nicht bekannt ist, daß es aber einen belebten Verursacher für den angeführten Sachverhalt gibt. (1) läßt im übrigen offen, ob der Agens bekannt ist oder nicht. In der vierten Variante wird lediglich ein Merkmal des Agens genannt. Die Referenz ist generischer Art. Allen vier Varianten von (1) ist gemeinsam, daß an der Oberfläche eine Agensangabe vorliegt, unabhängig davon, ob der Agens bekannt ist, während in (1) der Agens keine Stelle im Satz besetzt. Ich gehe davon aus, daß die Existenz bzw. Nichtexistenz der Agensangabe im Satz von Relevanz ist, ebenso wie für jede der angeführten Referenzmöglichkeiten spezielle textuelle Bedingungen anzunehmen sind. So setzt (1'), wie bereits angemerkt, im Prinzip eine Vorerwähntheit bzw. Bekanntheit des Agens voraus. Dies trifft auch für Familiennamen zu, allerdings nur für Konstruktionen des angeführten Typs. Bei anderen passivischen Prädikaten signalisieren durch Eigennamen realisierte Agentes, daß eine Person in den Text eingeführt wird:

(2) Ves'ma detal'no éti problemy byli rassmotreny R. Goldsmitom. Na osnove gruppirovki i ... étot ékonomist detal'no issledoval vzaimosvjaz' ... (Ék. nauki, 84, 8, 75)

(Auslassungen und Hervorhebungen hier und im folgenden von mir)

In diesem Beispiel ist der Agens obligatorisch. Auf mögliche Einflüsse der Wortfolge will ich hier und im weiteren nicht eingehen, eine Änderung würde aber in jedem Fall die Äquivalenzbeziehungen stören.

Die Relevanz der oben angegebenen Referenztypen läßt sich gut an (2) verdeutlichen. Es ergibt z.B. wenig Sinn, R. Goldsmitom etwa durch kem-to zu ersetzen. Genausowenig akzeptabel ist die Einsetzung eines generisch referierenden Ausdrucks, etwa ekonomistom. Dies würde im vorliegenden Fall zu einem

trivialen Satz führen. Ich kann mich hier nicht intensiv mit der Problematik der Referenztypen beschäftigen und beschränke mich darauf, diesen Aspekt bei der Bildung von Minimalpaaren zu beachten.

Ziel dieser Arbeit ist die Untersuchung der Motiviertheit agensloser Passivkonstruktionen. Ich beginne mit der Betrachtung von Beispielen, bei denen der Agens des agenslosen Passivsatzes im unmittelbaren Kontext vorerwähnt wird. Man könnte hier die Vermutung äußern, der Agens sei getilgt, weil er aus dem Vortext bekannt sei und somit überflüssige Information liefere. Sehen wir uns die Beispiele an:

- (3) Uznav ob étom, Petr I rešil vse že kanal postroit' i soedinit' Volgu s Donom i Černym morem. Vypolnenie grandioznych rabot bylo snačala poručeno polkovniku Brekelju, a zatem ... (Nedelja (39), 86, 15)
- (4) Ne prošlo i trech dnej, kak terroristy soveršili novoe krovavoe prestuplenie. Vo francuzskoj stolice iz proezžavšej po ljudinoj ulice Ren mašiny byla brošena grana-ta v tolpu vozle univermaga ... (Nedelja (39), 86, 8)
- (5) Sposob izloženijsja menjaetsja, kogda L.A. Bulachovskij perechodit k opisaniju leksičeskich élementov russkogo literaturnogo jazyka pervoj poloviny XIX veka. Opisanie vedetsja po takoj scheme ...
Dalee rassmatrivaetsja leksika v diachronnom aspekte ... (Vin., 58)
- (6) Interesnoe bol'šoe pis'mo prislal v redakciju stavropol'skij Žurnalist P.A. Petrušin ... V pis'me étom stavitsja vopros, kotoryj stoit obsuždat' podrobnее.
(Russk. reč', 86, 5, 7)
- (7) Popytka učenogo opredelit' konkretnyj charakter dopol-nitel'noj artikuljacii soglasnych jazyka ... nataalkiva-las' na opredelennye trudnosti. Imenno počemu v "Očer-ke drevnejšego perioda istorii russkogo jazyka"⁷ obščeslavjanski r, naprimer, rassmatrivaetsja to kak ...
Terminy labializacija i velarizacija inogda upotreb-ljajutsja kak sinonimy. (Fil. nauki, 87, 3, 39)

- (8) Vpročem chudožestvennoe proizvedenie kak by vynositsja L.V. Ščerboj iz sovremennogo emu konteksta literaturnogo jazyka i stilej chudožestvennoj literatury. Formy i elementy jazyka i stilja literaturnogo proizvedenija rassmatrivajutsja, istolkovyvajutsja i ocenivajutsja s točki zrenija sovremennogo lingvističeskogo vkusa i pritom s očen' jarkoj individual'noj okraskoj. (Vin., 35) -

Die angeführten Beispiele sind charakteristisch für wissenschaftliche und journalistische Texte, insofern als bestimmte Agentes immer wieder aufgenommen werden. Das Motiv für die Tilgung vorerwählter Agentes besteht natürlich hier nicht darin, den Agens zu verschleiern, sondern im wesentlichen darin, ihn kommunikativ nicht zu belasten, d.h. die kommunikativen Gewichte im Satz ohne Berücksichtigung des Agens zu verteilen. Jede Agensrealisierung beansprucht zwangsläufig ein bestimmtes kommunikatives Gewicht, das nur über eine Umverteilung im Satz befriedigt werden kann. Sehen wir uns zunächst die Beispiele (3) und (4) an, die an der Peripherie unserer Problematik zu stehen scheinen. Die Randstellung von (3) erklärt sich daraus, daß der 0-Agens zwei Referenzmöglichkeiten erlaubt. Im einen Fall ist der getilgte Agens referenzidentisch mit dem vorerwählten Petr I, im zweiten Fall können bzw. müssen wir von einem institutionalisierten Agens (s.u.) ausgehen. Die Nichtversprachlichung des Agens läßt offen, auf wen genau referiert wird, ohne daß Verständnisschwierigkeiten entstehen. Überprüfen wir nun die Möglichkeiten einer Agenseinsetzung:

- (3') ... Vypolnenie grandioznych rabot bylo snačala poručeno im polkovniku Brekelju, a zatem ...

Für die Umbildung sind drei Punkte von Bedeutung. Erstens, es erfolgt eine eindeutige Festlegung auf den Agens Petr I. Zweitens, das Prädikat hat einen höheren Grad an "Aktionalität", der nur noch von dem Prädikat in der aktivischen Variante zu (3) übertroffen wird. Drittens, das Adverb snačala signalisiert jetzt eine wesentlich konsequentere (fast geplante) Abfolge der Ereignisse. Die Tilgung des Agens erscheint somit ausreichend motiviert. Interessant ist auch Beispiel (4), und

zwar deshalb, weil zwischen dem Agens terroristy und dem 0-Agens beim Passiv keine Referenzidentität besteht. Terroristy referiert genereller und hat eine größere Extension als der zu rekonstruierende Agens. Terroristy kann somit nicht wieder aufgenommen werden, auch nicht pronominal. Andere Lösungen scheitern an der Unmöglichkeit, die gesuchte Teilmenge zu lexikalisieren. Es sind also, und dies ist ein erwartetes erstes Ergebnis, nicht einfach Redundanzgründe, ein Zuviel an Information, die zu einer Nichtversprachlichung des Agens führen. Dies wird auch durch Beispiel (5) bestätigt. Hier ist entscheidend, daß der Passivsatz ohne Agens dazu tendiert, opisanie als Subjekt zu verselbständigen und das Prädikat ausschließlich auf dieses Subjekt auszurichten. Bei der Variante mit Agens tritt dagegen die aktionale Bedeutungskomponente stärker in den Vordergrund, was u.a. auch dazu führt, daß opisanie stärker Patiens-Objektcharakter erhält:

(5') ... Opisanie vedetsja im po takoj scheme ...

Dieses Phänomen, das ursächlich mit der Umverteilung der kommunikativen Gewichte im Satz zusammenhängt, ist von grundlegender Bedeutung für die agenslosen Passivsätze.

Der zweite Passivsatz von (5) ähnelt dem von (3). Auch hier ist auf das Adverb zu achten. Bei fehlendem Agens wird einfach auf das nachfolgende Ereignis verwiesen, während bei realisiertem Agens neue semanto-syntaktische Beziehungen entstehen. Beispiel (6) ist dadurch charakterisiert, daß der Passivsatz eine Existenzaussage enthält ("Im Buch ist eine Frage, die ..."), eine häufige Form der Delexikalisierung beim Passiv. Die Einführung eines Agens verändert nicht nur den Aussagecharakter des Satzes, sondern bringt auch Probleme in bezug auf den Relativsatz. Dieser hat in der Variante mit Agens einen höheren Grad an Restriktivität, dadurch daß der Relativsatz stärker an das Bezugsnomen gebunden wird (vopros wird als ein von der Handlung erfaßtes Objekt verstanden). Ein weiterer Effekt der Agensnennung besteht darin, daß die Lokalphrase v pis'me als thematische Wiederaufnahme mit der ebenfalls thematischen Wiederaufnahme des Agens in Konflikt gerät. Dies führt zu einer unerwünschten Hervorhebung der Lokalphrase. Ein interessanter Punkt ist auch, daß v pis'me besser als im geeig-

net erscheint, Kohärenz zu stiften. Um dies zu zeigen, tilge ich v pis'me zugunsten des Agens:

- (6)? Interesnoe bol'soe pis'mo prislal v redakciju stavropol'skij Žurnalist P.A. Petrušin ... Im stavitsja vopros, kotoryj stoit obsuždat' podrobnee.

Hier scheint ein Zwischenglied zu fehlen. Dies gilt im übrigen auch für die aktivische Variante.

In Beispiel (7) erfolgt die Vorerwähnung des Agens durch ein Genitivattribut. Welche Rolle der syntaktische Status des vorerwähnten Agens in bezug auf die Tilgbarkeit spielt, vermag ich im Augenblick nicht zu sagen. Auf jeden Fall löst auch hier die Einfügung eines Agens Veränderungen aus. Betroffen ist vor allem das Prädikat. Der Passivsatz gibt nun eine mehr oder minder intendierte Handlung wieder, während der agenslose Passivsatz eher das Ergebnis einer Analyse auflistet. Der zweite Passivsatz in (7) ist analog zu dem ersten in (5) zu interpretieren.

Beispiel (8) liefert eine weitere Variante der Vorerwähnung. Der Agens wird als Objekt im vorausgehenden Passivsatz realisiert. Während das Fehlen des Agens beim asyndetisch angereihten izvlekaetsja (fast) grammatischer Natur ist, gilt für den zweiten Passivsatz, daß die Nichtrealisierung des Agens u.a. damit zusammenhängt, daß das Subjekt (formy i élementy jazyka ...) nicht vorerwähnt ist, sondern als erschließbar angesehen werden kann. Dies ändert sich, wenn ein Agens in den Text eingeführt wird. Jetzt wird signalisiert, daß das Subjekt vorerwähnt ist. D.h. die Variante mit Agens erfordert spezielle kontextuelle Vorbereitungen. Vgl. dazu noch:

- (9) A.D. Rajštejn vydeljaet tri aspekta soderžanii FE: ... každyj aspektu sootvetstvujut ponjatija komponentnogo, situacionnogo i frazeosemantičeskogo invariantov. Frazoobrazovatel'noe modelirovanie ponimaetsja kak "ustanovlenie tipičnych korreljacij meždu ..." (Fil. nauki, 87, 3, 46) .

Dazu die Variante mit Agens

- (9') ... Frazoobrazovatel'noe modelirovanie ponimaetsja im kak ...

Dieser Satz ist nur verständlich, wenn das Subjekt vorerwähnt ist bzw. in hohem Grad voraussagbar ist.

Halten wir fest: Die Nichtrealisierung eines vorerwähnten Agens ist in der Regel kein Problem der Wiederholung von Information, sondern wird u.a. durch die Binnenstruktur der Sätze, die Bedeutung der Sätze und kommunikative Strukturen (Vorerwähntheit) motiviert.

Da, wo der Agens nicht vorerwähnt ist, ist die Nichtrealisierung des Agens in besonderem Maß durch die Schwierigkeit, einen konkreten Agens zu nennen bzw. sich auf einen Agens sprachlich festzulegen, motiviert. Es ist völlig klar, daß die Realisierung eines Agenssubjekts eine Lexikalisierbarkeit des Agens voraussetzt. Ist dies nicht möglich, muß eine sprachliche Struktur gewählt werden, die eine Lexikalisierung des Agens nicht erforderlich macht. Was für das Agenssubjekt gilt, gilt selbstverständlich auch für das Agens-Objekt. Agentes, die nicht (oder nur äußerst umständlich) lexikalisierbar sind, nenne ich diffuse Agentes. Ihre ideale Realisierung ist der 0-Agens. Es ist interessant, daß die jeweiligen kontextuellen Informationen genügen, die Existenz eines Agens anzuzeigen derart, daß keine Informationsdefizite entstehen. Hier einige Beispiele (aus einer sehr großen Menge):

(10) Mitja, kak i Lenja, byl neizmennym učastnikom vsech poezdok; im bylo poručeno sledit' za čistoj mašiny. (Ščerb., 286)

(11) Vot i rešili na semejnom sovete razvesti tol'ko sad. A čto i v kakom količestve sažat', bylo predostavleno glave semejstva.

Sad byl založen prošloj vesnoj. Ostalos' ždat' i ... chodit' poka vse-taki na rynok. (Prokuror, 3)

(12) Vidja, čto Izmajlov ego ne ponjal, Vladimir Charitonovič skazal: - Ponimaeš', nikak ne mogu s nej pogovorit'. Uechala k dočeri i do sich por ne vernulas' ...

Avdeev chotel raz-jasnit' čto-to, no, vidimo, perezdumal. Bol'se ob étom ne bylo skazano ni slova. (Prokuror, 159)

(13) Zaveriv prokurora, čto vse otmečennye nedostatki budut ispravleny, Samsonov (direktor zavoda) ušel.

(Prokuror, 195)

Es ist keine Frage, daß in (10) der für die Aktion 'poručit' verantwortliche Agens ermittelt werden kann. Er gehört zur Familie, von der alle Mitglieder bekannt sind. Daß die Agensnennung unterbleibt (unterbleiben muß), ist darauf zurückzuführen, daß die sprachliche Entscheidung nicht mit dem außersprachlichen Vorgang korreliert bzw. nicht notwendigerweise korreliert. Wenn wir beispielsweise annehmen, daß alle Familienmitglieder außer Mitja und Lenja für den beschriebenen Auftrag verantwortlich sind, dann setzt eine entsprechende Versprachlichung unerwünschte Akzente. Die Familie wird in entscheidungsberechtigte und nicht entscheidungsberechtigte Mitglieder aufgeteilt:

(10')? ... im bylo poručeno otcom i mater'ju sledit' za
čistoj mašiny.

Der außersprachliche Vorgang ist aber vermutlich komplexer. An der Entscheidung beteiligt und mit ihr einverstanden sind auch die Betroffenen. Nur, eine Versprachlichung dieses Agens ist ohne einen großen (und störenden, da unmotivierten) Textaufwand nicht zu realisieren. Der agenslose Passivsatz unterdrückt die angedeutete und alle damit verknüpften semantischen und textuellen Konsequenzen. Er liefert darüber hinaus einen kurzen Text. In ähnlicher Weise ist auch (11) zu interpretieren. Alle potentiellen Agentes sind bekannt. Ein Passivsatz mit Agens (bzw. ein Aktivsatz) würde aber eine Festlegung erforderlich machen, die entweder dem realen Sachverhalt nicht gerecht wird oder zu einem hochkomplexen nominalen Ausdruck führt, der die Verteilung der kommunikativen Gewichte im Satz erheblich beeinflussen würde.

Interessant ist auch das dritte Beispiel. Als mögliche Agentes kommen nur zwei Personen in Frage, dennoch ist der Agens mehr oder minder diffus, oder, genauer gesagt, es bleibt offen, wer als Agens aufgetreten ist. Probleme wirft neben der Semantik der Prädikate natürlich auch die Negation auf. Es ist zu fragen, ob es Agentes bei Handlungen gibt, die nicht stattgefunden haben. Ich werde später in einem anderen Zusammenhang auf diese Frage zurückkommen.

Beispiel (13) ist durch eine futurische Handlung charakterisiert, was aber für unsere Problematik keine Bedeutung hat. Der Agens ist diffus und läßt sich kaum im Passivsatz versprachlichen. Denkbar ist allenfalls ein aktivischer Satz in direkter Rede mit dem vagen Pronomen my. Dazu wäre aber eine größere Textumgestaltung erforderlich.

Die nachfolgenden Beispiele unterscheiden sich von den bisherigen dadurch, daß sie ein Adverbial enthalten, das als sprachliches Substitut für den diffusen Agens angesehen werden kann. Diese Besonderheit ist insofern von Bedeutung, als daß das Adverbial die Einführung eines (unspezifischen) Agens restringiert. Es scheint, daß beide Einheiten nicht kookkurieren können. Sehen wir uns zunächst Beispiel (14) an:

- (14) Nužno otmetit', čto sootnesenie idej Reskina s literaturnom processom netradicionno, tak kak čašče vsego rassmatrivalos' ich vlijanie na razvitie izobrazitel'nogo iskusstva. (Fil. nauki, 87, 3, 82)

Nehmen wir einmal an, die vorliegende Aussage stützte sich auf die Beobachtung, daß die Wissenschaftler Ivanov, Samsonova, Avdeev, Karamzin und noch zehn andere (wobei, objektiv gesehen, die Liste offen ist) das in der Analyse berücksichtigte Merkmal geliefert hätten. Wir versuchen nun, diesen komplexen Agens in den Text einzuführen:

- (14')? ... tak kak čašče vsego Ivanovym, Samsonovoj, Avdeevym, Karamzinom ... i ... rassmatrivalos' ich vlijanie na razvitie izobrazitel'nogo isskusstva.

Zwei Probleme treten hier auf. Das eine besteht darin, daß die syntaktischen Beziehungen innerhalb des Satzes verändert werden, zumindest was das Adverbial angeht. Dieses geht keine direkte Beziehung zum Prädikat ein, sondern eine Beziehung zur Objekt-(Agens)-Prädikatsphrase. D.h., čašče vsego ist nicht mehr Vertreter der Agensbezeichnung, sondern Modifikator der vom Prädikat bezeichneten Handlungen. Das zweite, noch größere Problem besteht darin, daß (14') voraussetzt, daß alle angeführten einzelnen Agenten aus dem Vortext bekannt sind, was hier aber nicht zutrifft. Auf dieses Problem sind wir oben schon gestoßen. Ein weiterer wichtiger Punkt ist, daß den ge-

nannten Agentes auf der Basis von netradicionno eine Rolle zugeschrieben wird, die ihnen vermutlich nicht zukommt. Die Tilgung des Adverbials bringt keine "Besserung", da der Kausalsatz keine Explikation des Vorderkonjunks liefert.

Wir setzen nun in einem zweiten Versuch eine unspezifisch referierende Agensbezeichnung ein:

(14'')? ... tak kak čašče vsego issledovateljami rassmatrivalos' ich vlijanie na razvitie izobrazitel'nogo iskusstva.

Auch diese Variante ist wenig akzeptabel. Der Agens zieht zuviel kommunikatives Gewicht auf sich, die kausal-explikative Funktion des Nebensatzes tritt zurück. Hinderlich ist auch die Umorientierung des Adverbials auf die Objektprädikatsphrase. Daß der letzte Punkt nicht generell problematisch ist, zeigt das nachstehende Beispiel:

(15) Osobnosti chudožestvennoj reči neodnokratno otmečalis' mnogimi issledovateljami, poétomu zdes' net neobchodimosti vozvraščat'sja k ich karakteristike.
(Šmelev, 163)

Diese Problematik bedarf weiterer Untersuchungen.

Wir gehen nun noch einen Schritt weiter und tilgen čašče vsego in (14''). Das Ergebnis ist unbefriedigend, da jetzt die explikative Funktion des Nebensatzes völlig verloren geht. Diese basiert offensichtlich auf der quantitativen Bedeutung der adverbialen Bestimmung. Berücksichtigt man dies, dann müßte (14) etwa so umgebildet werden:

(14''') ... tak kak bol'sinstvom issledovatelej rassmatrivalos' ich vlijanie na ...

(14''') ist zwar kein idealer Ersatz, kommt dem Ausgangssatz aber am nächsten. (14''') zeigt, daß die Agensbedeutung der Quantifizierung untergeordnet ist.

Analog zu (14) sind auch die beiden folgenden Beispiele zu betrachten:

(16) O bronenosce "Knjaz' Potemkin-Gavričeskij" i ego legendarnych matrosach napisano nemalo. (Og., 87, 27, 14)

- (17) Étot krug značenij inogda opredeljaetsja kak "ob-ektivnaja modal'nost'" v silu togo, što ... (Fil. nauki, 87, 3, 65)

Sowohl nemalo als auch inogda sind Substitute für Agensbezeichnungen, allerdings mit einer Betonung des quantitativen Aspekts. Es ist wohl diese Besonderheit, die die Wahl der Adverbien bestimmt hat. Wie oben schon angemerkt, läßt das Adverb keine Agensbezeichnung zu. Es ist nun der Zeitpunkt da, auf ein Verfahren hinzuweisen, das wenigstens teilweise eine Versprachlichung von Agentes ermöglicht. Das Verfahren besteht darin, die Agentes im Nachtext einzuführen. Dies kann auf zweifache Art geschehen: Im einen Fall werden die Agentes bzw. ihre exemplarischen Vertreter im unmittelbaren Posttext realisiert, im anderen Fall werden die Agentes in der Fußnote genannt, d.h. außerhalb des fortlaufenden Textes:

- (18) Odnim iz veduščich aspektov issledovanija v sfere frazeologii stanovitsja sopostavitel'nyj analiz, kotoryj razrabatyvaetsja v neskol'kich variantach.
V knige "Slavjanskaja frazeologija" V.M. Mokienko issleduet ... A.D. Rajchštejn podčerkivaet, što sopostavitel'nyj analiz pozvoljaet ... (Fil. nauki, 87, 3, 45)

- (19) Nel'zja skazat' čtoby on byl tut osobenno originalen. Takie suždenija uže vyskazyvalis', i ne raz. Vot, naprimer, sovsem nedavno v tom že smysle vyskazalsja Vadim Kožinov (...). (Og., 88, 3, 6)

- (20) V étom aspekte razrabatyvalis' svoeobraznye javlenija ékspressivnoj semantiki, naprimer ékspressivnye ottentki zvukov, évfoničeskie processy, svjazannye s ritmom poétičeskogo proizvedenija¹, ékspressivnye funkcii évritmii, melodika sticha², émocional'nyj oreol slova i t.p.

1 sm. S.I. Bernštejn, Opyt ...

2 sm B. Ęjchenbaum, Melodika ... (Vin., 15)

In allen drei Beispielen ist der Agens diffus. In (18) und (19) finden wir wieder adverbiale Bestimmungen mit Substitutscharakter. Die nachgelieferten Agentes sind dadurch charakterisiert, daß sie einerseits mit diesen Bestimmungen nicht konkurrieren, andererseits nur Exempel für die Menge der rekonstruierbaren Agentes liefern. Im Idealfall kann ein exemplarischer Vertreter mit der Gesamtmenge der Agentes identisch sein. Dies trifft vielleicht für (20) zu, allerdings gelingt dies hier nur durch eine Aufspaltung des passivischen Subjekts (svoeobraznye javlenija ...) in Untergruppen, wodurch die potentielle Menge der Agentes ebenfalls aufgespalten und präziser zugeordnet werden kann. Auf jeden Fall können die im Nachtext genannten Agentes nicht in den Passivsatz eingeführt werden. Natürlich gilt auch für all diese Beispiele, daß die Passivsätze ein stark deaktionalisiertes Prädikat enthalten. Das Problem des diffusen Agens kann auch noch auf eine ganz andere Weise "gelöst" werden, wie folgendes Beispiel zeigt:

(21) V oblasti izučenija russkogo stichotvornogo jazyka, ego ritmiki, melodiki, ego sintaksičeskogo stroja usilijami i dostiženijami takich sovetskich filologov, kak N. Tynjanov, B.V. Tomaševskij ... i dr., polučeny očen' značitel'nye rezul'taty. (Vin., 16)

Die Diffusität des Agens ist, das muß hervorgehoben werden, sicherlich neben den semantischen Implikationen (Prädikatssemantik) ein entscheidender Punkt für die Wahl des agenslosen Passivs bzw. für die Konstruktion von Kontexten, die agenslose Passivsätze zulassen.

Ich komme nun zu einer Variante des diffusen Agens, die sich dadurch auszeichnet, daß der Agens im wesentlichen institutioneller Art ist, d.h. daß es institutionell Zuständige und Verantwortliche gibt, die aufgrund des routinemäßigen Ablaufs bzw. Eintretens von Handlungen bekannt sind und deshalb nicht versprachlicht werden, genauer, die nicht in Gestalt spezifisch referierender Personenbezeichnungen realisiert werden.

Es ist zwar auch in diesen Fällen möglich, konkrete Agentes

zu ermitteln, ihrer Einfügung in den Text stehen aber zwei Probleme entgegen: die Aufhebung des institutionellen Charakters der Handlung (macht einen speziellen Kontext erforderlich), die kommunikative Relevanz von Agentes (die speziell motiviert sein muß). Man muß davon ausgehen, daß der Grad der Institutionalisierung bei den verschiedenen Handlungen unterschiedlich groß sein kann, sich von offiziellen bis hin zu teiloffiziellen Handlungen erstreckt. Vgl.:

- (22) Avtomobil' i trup byli sfotografirovany s raznych toček. (Prokuror, 99)
- (23) Po pros'be Zorjanskogo GOVDA za domom Marčuka bylo ustanovleno nabljudenie. (Prokuror, 185)
- (24) Posle školy Jurij postupal v MGU, no ne prošel po konkursu i byl prizvan v armiju. (Prokuror, 119)
- (25) ... i Vladimir Charitonovič ždal etogo vyzova. On ne udivilsja tomu, čto vmeste s nim byl priglašen i zamestitel' oblastnogo prokurora Pervencev. (Prokuror, 147)
- (26) Izmajlov (prokuror) peredal emu, kak govoritsja, s ruk na ruki narodnych kontrolerov. Byli predprinjaty vse neobchodimye mery k poisku i zaderžaniju vladel'ca čemodana. (Prokuror, 16)

An Beispiel (22) läßt sich leicht nachvollziehen, daß es einerseits dem Textproduzenten keine Mühe bereiten würde, den Agens oder die Agentes zu benennen, daß es aber andererseits irrelevant ist in bezug auf die weitere Textentwicklung, wer fotografiert hat. Die Nennung des Agens müßte speziell motiviert sein.

Ein diffuser Agens liegt z.T. auch in Sätzen vor, die obligatorisch eine Lokalphrase (seltener eine Temporalphrase) enthalten. Das Besondere dieser Sätze besteht darin, daß anstelle eines realisierten Agens Phrasen gegeben sind, die Hinweise auf Tätigkeitsbereiche des Agens liefern und somit die Menge möglicher Agentes begrenzen. Es ist in der Regel nicht möglich, den Agens zu konkretisieren und zusätzlich in den Text einzuführen. Wo es möglich ist, wird die jeweilige Lokal-/Temporal-

phrase nicht mehr als Substitut, sondern als Adverbialbestimmung interpretiert. In den nachstehenden drei Beispielen ist der Agens in einem sehr hohen Grad diffus. Er ist kaum konkretisierbar:

- (27) V mirovoj praktike ... primenjaetsja ... (Nauka i Žizn', 81, 6, 43)
- (28) V našej naučnoj literature udeljaetsja ... (Ėk. nauki, 84, 8, 23)
- (29) V ... slavjanskom jazykoznanii ... ispol'zovalsja ... (Fil. nauki, 85, 5, 32)

Die Lokalphrasen fungieren als autonome Substitute für den (kollektiven) Agens, der bestenfalls im Nachtext konkretisiert werden kann. Im Grunde kann die Information der Lokalphrase nicht durch Agensangaben ersetzt werden, da sie höher-rangige Prädikate repräsentieren ("Die Arbeit von X fällt in den Bereich der wissenschaftlichen Literatur" usw.)

Die drei Beispiele zeigen weiterhin, daß die Lokalphrasen Existenzaussagen einleiten, was durch die Varianten in der Prädikatsposition nicht sofort zu erkennen ist. Die Aktionsbedeutung der Prädikate ist hier vollkommen in den Hintergrund getreten. Diese Beobachtung überrascht nicht, denn es scheint, was oben schon angedeutet wurde, eine generelle Eigenschaft von Passivsätzen zu sein, im Verbund mit der Dezentrierung des Agens die Prädikate zu deaktionalisieren.

Die nächsten Beispiele unterscheiden sich von den soeben besprochenen dadurch, daß sie die Rekonstruktion und Formulierung eines Agens erlauben zu scheinen. Vgl.:

- (30) ... Na kongresse Meždunarodnoj ljubitel'skoj federacii bor'by (...) v amerikanskom gorode Tolido sovetskoe sambo bylo priznano meždunarodnym vidom sporta ... (Sport v SSSR, 82, 9, 15)
- (31) V poezde, sledovavšem po maršrutu Moskva-Karaganda, bylo soveršeno derzkoe voružennoe ograblenie. Vospolzovavšis' ostanovkoj sostava, prestupnik vyskočil iz vagona i skrylsja na ... (Pravda, 4.11.86)
- (32) ... i vsjudu zelen' derev'ev, cvetuščich klumb i ka-

Štanovych allej. Derev'ja byli posaženy posle vojny.
(Og., 85, 27, 9)

Im ersten Beispiel ist der gesuchte Agens "die Mehrzahl der Teilnehmer/alle Teilnehmer", im zweiten kommt als Agens "ein Passagier/ein Verbrecher" in Frage und im letzten ist der Agens "die dafür Verantwortlichen". Eine präzisere bzw. konkretere Benennung ist kaum möglich. Die Informationsleistung entsprechender Agensbezeichnungen ist relativ gering. Eine Versprachlichung solch informationsarmer Agentes würde aber immer noch genügend kommunikatives Gewicht beanspruchen, um die Textentwicklung zu beeinflussen.

Die nächste Gruppe von Beispielen enthält zwar auch eine Lokalphrase, hier ist aber der Agens nicht diffus, sondern in der Regel bekannt:

- (33) V dannoj stat'e semantičeskaja struktura slova, opredeljaemaja kak ierarchičeskaja sistema ... elementov, issleduetsja s točki zrenija peresečenija kvalitativnoj ... i prostranstvennoj koordinat. (Fil. nauki, 85, 5, 32)
- (34) V sravnitel'no-istoričeskom jazykoznanii do sich por nedostatočno ispol'zovalsja metod ustanovlenija hronologii fonetiko-fonologičeskich izmenenij s pomošč'ju istoričeskogo slovoobrazovanija (...). V dannoj stat'e sdelana popytka posredstvom primenenija dannogo metoda otvetit' na dva voprosa istorii sistemy soglasnych fonem drevnerusskogo jazyka. (Fil. nauki, 85, 5, 38)
- (35) V uzlovoj dlja knigi stat'e "Posle uspecha" podčerknuto, što ... (Lit. obozr., 86, 9, 78)
- (36) V stat'e S.V. Davydova ... rassmatrivaetsja ... (Fil. nauki, 85, 5, 83)
- (37) V knige očerkov V. Krasnenkova rasskazyvaetsja o ... (Lit. obozr., 86, 9, 85)

Für (33) kann zweifellos der Textautor als Agens rekonstruiert werden. Auch für (34). Bemerkenswert ist, daß in beiden Sätzen ein Kontrast zwischen dem Autor-Agens und seiner Meinung und

anderen Agentes mit ihren Meinungen realisiert wird. In (34) ist dies leicht zu beobachten, gilt aber auch für (33), denn dazu existiert ein entsprechender Vortext. Dieser Kontrast, und das ist das eigentlich Interessante, läßt offensichtlich nicht zu, daß der Agens versprachlicht wird. Der Grund ist, daß in diesem Fall ein anderer Kontrast realisiert wird, ein Kontrast zwischen verschiedenen Arbeiten ein und desselben Autors unter Betonung der Art und Weise der Behandlung des Problems:

(34') ... V dannoj stat'e mnoju sdelana popytka posredstvom primenenija dannogo metoda otvetit' na ...

Wenn v dannoj stat'e eindeutig auf den Textproduzenten referiert, dann muß im Fall einer zweiten, ganz expliziten Referenz, die Rolle der ersten Phrase uminterpretiert werden. Das Ergebnis habe ich oben beschrieben. Die Nichtrealisierung des Agens ist also gut motiviert. In (34) liegen aber offensichtlich ganz spezifische Bedingungen vor, denn in (38), das analog aufgebaut zu sein scheint, ist die Nichtrealisierung des Agens anders motiviert:

(38) Esli v povestjach "Devuški", "Čužaja slava", v romane "Na zemle moskovskoj" pokazany žizn' i trud zavodskoj molodeži Moskvy ... to v pervoj časti romana "Fevral' - krivye dorogi" povestvuetsja o žizni molodeži v 20-30-ch godach. (Ščerb., 371)

Hier geht es um Werke ein und desselben Autors, allerdings einer dritten Person, so daß das oben genannte Motiv für die Nichtrealisierung des Agens zu entfallen scheint. Zur Überprüfung dieser Annahme setze ich zunächst als Agens Ščerbakova ein, und zwar bei pokazany:

(38') Esli v povestjach "Devuški", "Čužaja slava", v romane ... Ščerbakovoj pokazany žizn' i trud zavodskoj molodeži Moskvy ... to ...

Mir scheint, daß die Einführung des Agens die Bedeutungsstruktur des Satzes völlig verändert in dem Sinn, daß esli ... to im kontraargumentativen Sinn (gegen eine anderslautende Behauptung) interpretiert werden, wobei ein Textanschluß signa-

lisiert wird, in dem von einem anderen Agens (und seinem Werk) die Rede ist. Deutlicher wird dies in der aktivischen Variante:

(38'') Esli v ... Ščerbakova pokazyvaet Žizn' i trud ...
to v ...

Ursache für dieses Phänomen scheint zu sein, daß in (38') und (38'') die aktionale Bedeutung des Verbs/Prädikats stärker in den Vordergrund tritt. Ich kann diese Problematik hier leider nicht weiter vertiefen, sie scheint noch lange nicht ausgelotet zu sein.

Beispiel (35) muß nicht weiter kommentiert werden. Auch hier ist die Einführung eines Agens problematisch. Interessant ist (36), denn hier gibt es zwar einen Kandidaten für den Agens, in Wirklichkeit liegt aber keine Agensangabe vor, der Eigenname hat identifizierende Funktion und keinen Agensstatus. Der Konflikt zwischen der Notwendigkeit, die Lokalphrase zu spezifizieren und der Absicht, eine aktionale Aussage zu realisieren, wird eindeutig zugunsten der Spezifizierung entschieden. Ein Agensobjekt kann nicht zusätzlich eingefügt werden.

In passivischen Sätzen läßt sich also eine Konkurrenz von Lokalangaben und Agens beobachten. Dies scheint für aktivische Sätze weniger relevant zu sein. Vgl. dazu (37) und (39):

(39) V rabote "K kritike političeskoj ékonomii" K. Marks ukazal konkretnye puti poznanija celostnosti. (Ék. nauki, 84, 8, 23)

Eine Erklärung für dieses Phänomen könnte sein, daß im aktivischen Satz das Agenssubjekt gleichzeitig auch als Spezifikator für die Lokalphrase dient.

Ich kann hier nur andeuten, daß auch andere Adverbien mit Agensangaben wenig verträglich sind, dies kann ich hier allerdings nicht ausführlich diskutieren. Drei unkommentierte Beispiele mögen als Beleg genügen:

(40) Sovchozam vrode by vse ravno, v kakom vide urožaj otpravitsja v gorod. (Nedelja (39), 86, 7)

(41) Zamki, kreposti, usypal'nicy, dvorcy - vse éto bylo

sdelano v dalekie vremena dlja vozveličivanja radžej i macharadžej. (Og., 65, 28, 22)

(42) Dlja čego éto delaetsja? (Nauka i Žizn', 81, 6, 53)

Ich komme zum Schluß zu einer Reihe von Beispielen, bei denen sich die Nichtrealisierung des Agens daraus ergibt, daß er hypothetischer Natur ist. Typische Realisierungen sind Handlungsanweisungen, Modalsätze und negierte Sätze:

(43) Kletka. Stenki delajutsja iz dosok tolščiny 20-30 mm. (Nauka i Žizn', 81, 6, 52)

(44) V sok, otžatyj iz ljucerny, klevera ili svekol'noj bomby, dobavljaetsja zakvaska iz moločnokislych bakterij. (Nauka i Žizn', 81, 6, 43)

(45) Vmeste s tem marksistska-leninskaja teorija poznanija učit, čto celaja sistema možet byt' poznana tol'ko v tom slučae, esli ... (Ėk. nauki, 84, 8, 23)

(46) Zameču tol'ko, čto v každyj slučae dolžna učityvat'sja specifika togo ili inogo goroda, ego masštaby. (Nedelja (39), 86, 7)

(47) Takim obrazom, vtoraja stilističeskaja funkcija takže ne možet rassmatrivat'sja v kačestve osnovnoj pričiny predpočtenija passiva v naučnoj reči. (VJa, 84, 4, 77)

(48) Izvestnye slova K. Marksa o tom, čto ... mogut vosprinimat'sja dvojako ... (Fil. nauki, 87, 3, 30)

(49) Zametim, čto posle 1945 goda atomnoe oružie ešče ni razu ne bylo primeneno v voennyh celjach. (Lit. gaz., 86, 26, 9)

Bei Anweisungen der Art (43) ist es faktisch unmöglich, einen Agens zu rekonstruieren und zu versprachlichen. Er ist eben hypothetischer Natur. In (44), wo auch eine Anweisung vorliegt, könnte ein Agens der Art "specialistami" eingeführt werden. Allerdings ändert sich dann die Leseweise des Satzes. Aus der Beschreibung eines Handlungsablaufs wird jetzt eine Handlungssequenz, für die charakteristisch ist, daß zwei verschiedene Agentes beteiligt sind.

Für (45) läßt sich ebenfalls kaum ein Agens formulieren. Der hypothetische Agens ist so unspezifisch und abstrakt, daß es schwer fällt, ein passendes Lexem zu finden. Ähnliches gilt für (46). Von besonderem Interesse ist (47). Dieser Satz kann einmal wie (46) gelesen werden, aber auch so, daß der Textproduzent als Agens anzusetzen ist. D.h., in diesem Fall hat die der vtoraja stilističeskaja funkcija zugeschriebene Eigenschaft eine ganz subjektive Grundlage. Bemerkenswert ist, daß diese Leseart nur dann möglich ist, wenn der Agens nicht explizit genannt wird. Entsprechend ist (48) zu interpretieren. Besondere Aufmerksamkeit verdient auch (49). Es ist einsichtig, daß es für eine Handlung, die nicht stattgefunden hat, keinen aktuellen Agens geben kann. Was es gibt, ist eine Menge potentieller Agentes (=alle, die über Atomwaffen verfügen). Selbst, wenn es gelänge, einen Namen für die potentiellen Agentes zu finden (jadernye deržavy), würde die Einfügung dieser Bezeichnung zu keinem (49) äquivalenten Satz führen. Denn jetzt wird die paradoxe Information erzeugt, daß diejenigen, die über Atomwaffen verfügen, diese bisher nicht angewendet haben, daß aber nicht ausgeschlossen werden kann, daß andere sie angewendet haben.

Ich schließe hiermit diesen Punkt ab, ohne daß alle aufgeworfenen Fragen beantwortet und notwendige Generalisierungen erreicht werden konnten.

Ich fasse kurz zusammen. Agenslose Passivsätze spielen, das hat diese Untersuchung gezeigt, eine ganz spezifische Rolle im System der agensdezentrierenden Konstruktionen. Sie sind auf keinen Fall fakultative Varianten agenshaltiger Konstruktionen, denn die Rekonstruktion und Realisierung der gesuchten Agentes stößt auf eine Reihe von Schwierigkeiten, auf textuelle bzw. kommunikative, auf syntaktische und nicht zuletzt semantische. Agenslose Passivsätze sind, das hat sich gezeigt, gut motiviert. Die ihnen eigene Spezifik kann aber erst dann vollständig aufgedeckt werden, wenn alle Elemente des Feldes agensdezentrierender Konstruktionen beschrieben worden sind. Bis dahin ist es noch weit.

Anmerkungen

- 1 Vgl. dazu GIRKE, W. (im Druck).
- 2 S. MIEMIETZ, B. (1987).

Literatur

- GIRKE, W. (im Druck): Zur Dezentrierung des Agens im Russischen. (Passivsätze mit Agens). In: Festschrift für WERNER THOMAS.
- GIRKE, W./WEISS, D. (1980): Funktionen des Passivs im Textzusammenhang: das Beispiel des Russischen und Polnischen. In: Slavistische Linguistik 1979, München, 183-258.
- MIEMIETZ, B. (1987): Nominalgruppen als Textverweismittel, München.

Quellen

- Bezuglov, A. (1984): Prokuror, Moskva. (Prokuror)
 Ėkonomičeskie nauki 1984, 8. (Ėk. nauki)
 Filologičeskie nauki 1985, 5; 1987, 3. (Fil. nauki)
 Literaturnaja gazeta 1986, 26. (Lit.gaz.)
 Literaturnoe obozrenie 1986, 9. (Lit. obozr.)
 Nauka i Žizn' 1981, 6. (Nauka i Žizn')
 Nedelja (39) 1986. (Nedelja)
 Ogonek 1965, 28; 1985, 27; 1987, 27; 1988, 3. (Og.)
 Pravda 4.11.1986. (Pravda)
 Russkaja reč' 1986, 5. (Russk. reč')
 Sport v SSSR 1982, 9. (Sport v SSSR)
 Ščerbačova, V. (1982): Fevral' - krivye dorogi, Moskva.
 (Ščerb.)
 Šmelev, D.N. (1977): Russkij jazyk v ego funkcional'nych raznovidnostjach, Moskva. (Šmelev)
 Vinogradov, V.V. (1959): O jazyke chudožestvennoj literatury, Moskva. (Vin.)
 Voprosy jazykoznanija 1984, 4 (VJa)

Резюме

Темой данной статьи являются пассивные конструкции без агенса. Эти конструкции рассматриваются здесь как элементы поля конструкций, в которых агенс децентрируется. Исследование показывает, что отсутствие агенса зависит от целого ряда факторов, в том числе текстуально-коммуникативных, синтаксических и семантических.

1730
1731
1732
1733
1734

1735
1736
1737
1738
1739

1740
1741
1742
1743
1744
1745
1746
1747
1748
1749

1750
1751
1752
1753
1754
1755
1756
1757
1758
1759

1760
1761
1762
1763
1764
1765
1766
1767
1768
1769

1770
1771
1772
1773
1774
1775
1776
1777
1778
1779

Klaus Hartenstein, Bochum

DIE FUNKTIONSVERBGEFÜGE DES MODERNEN RUSSISCHEN - OBERLEGUNGEN ZUR DEFINITION EINES WORTVERBINDUNGSTYPUS

1. Einleitende Bemerkungen

Der vorliegende Beitrag ist Bestandteil eines größeren Vorhabens, das einem speziellen Typ von Konstruktionen des Russischen, den sog. Funktionsverbgefügen, gewidmet ist, und zwar insofern, als er sich bemüht, im Rahmen einer synchronen Betrachtung der Verhältnisse, wie sie vor allem in der modernen russischen Standardsprache anzutreffen sind, diejenigen sprachlichen Gegenstände auszugrenzen und zu klassifizieren, die zu diesem Ausdruckstyp zählen. In diesem Sinn bilden die folgenden Erörterungen die notwendige Voraussetzung für eine weitere geplante Untersuchung, die sich mit den systemimmanenten und kommunikativen Leistungen beschäftigen wird, die Funktionsverbgefüge (im Russischen) erbringen können¹.

2. Funktionsverben und Funktionsverbgefüge

2.1. Terminologie, Forschungsstand und Objektbereich

Will man den Gegenstand einer beliebigen linguistischen Beschreibung auf explizite Weise angeben, d.h. definieren, so gilt es immer wieder, zwei Entscheidungen zu treffen. Zunächst müssen Eigenschaften genannt und begründet werden, die die sprachlichen Einheiten aufweisen sollen, die das Objekt bilden, mit dem man sich beschäftigen will. Danach ist ein geeigneter Name zu vereinbaren, um die Klasse von Elementen benennen zu können, die als Angehörige des Untersuchungsobjekts identifiziert worden sind.

Für die Wortverbindungen, um die es hier gehen soll, existieren sowohl in der deutschen germanistischen als auch in der sowjetischen Literatur zahlreiche Bezeichnungen. Der Terminus Funktionsverbgefüge, der in der vorliegenden Abhandlung benutzt wird, stammt von ENGELN 1968 und hat -

neben der Bezeichnung "Streckformen" (SCHMIDT 1968) - in der deutschsprachigen Fachliteratur eine gewisse Verbreitung erlangt, so z.B. in den Arbeiten von ROTHKEGEL 1973; HERRLITZ 1973 und HERMANN-DRESEL 1987. Die Bezeichnung *Funktionsverb* für die verbale Konstituente dieser Wortverbindungen ist durch V. POLENZ geprägt worden (V. POLENZ 1963, 29 ff.)²; zu einem Überblick über die germanistische Terminologie für die betreffenden Syntagmen vgl. PERSSON 1975, 6. In sowjetischen Arbeiten erfreut sich die Bezeichnung *ustojčivye (glagol'no-imennye) slovosočetanja* einer gewissen Beliebtheit, so u.a. bei PROKOPOVIČ 1969; REGININA 1976; DERIBAS 1983; GAK 1977, 206 ff.; DERJAGINA 1987. Daneben finden sich diverse Einzelprägungen, z.B. *frazovye rečenija* (BYLINSKIJ/ROZENTAL' 1957, 155), *opisatel'nye (glagol'no-imennye) obrotы* (MOLITKOV 1977, 52 ff.) u.a.; eine Zusammenstellung der russischen (und tschechischen) Termini gibt HERMANN-DRESEL 1987, 23 Anm. 1.

Betrachtet man die Vorschläge zur Gegenstandsbestimmung, die in der sowjetischen, vor allem aber in der auf diesem Gebiet besonders engagierten germanistischen Forschung zu den Funktionsverb(gefügen) diskutiert werden, ergibt sich ein nicht gerade einheitliches Bild. Die Auffassungen, welche Wortverbindungen bzw. Wortverbindungstypen im einzelnen zu den Funktionsverbgefügen - im folgenden: FVG - zu zählen sind, gehen z.T. stark auseinander. In der Literatur besteht andererseits jedoch Konsens darüber, daß die allgemeinen Eigenschaften, die als Definitionskriterien für FVG festzulegen sind, syntaktischer und semantischer Natur zu sein haben. Morphologisch-grammatische³ und stilistische Gesichtspunkte werden für die Ausgrenzung der Konstruktionen dagegen nur als zusätzliche Kriterien ins Feld geführt. Weiterhin scheint man sich über die Zwischenstellung einig zu sein, die die FVG zwischen den freien und den phraseologischen (im engen Sinn) Wortverbindungen einnehmen, wie diese Position auch immer im Detail begründet sein mag.

In ihren theoretischen und deskriptiven Bemühungen um die FVG

haben die deutsche germanistische und die sowjetische Forschung unterschiedliche Schwerpunkte gesetzt; vgl. zum Stand der Diskussion in der Germanistik PERSSON 1975, 1 ff.; HELBIG 1979; FLEISCHER 1982, 139 ff.; eine aktuelle Bibliographie der (westlichen) Arbeiten zu den FVG findet sich in SCHUMACHER 1987; den sowjetischen (und tschechischen) Forschungsstand faßt HERMANN-DRESEL 1987, 18 ff. zusammen. Ein wesentliches Antriebsmoment für das germanistische Interesse an den FVG, das mit der Arbeit V. POLENZ 1963 auf breiter Front eingesetzt hat, ist die Auseinandersetzung mit der Sprachkritik. Angeregt durch das provokante Buch Sprache in der verwalteten Welt des Publizisten K. KORN (1958), in dem die betreffenden Konstruktionen als alarmierende Anzeichen eines Sprachverfalls gedeutet werden, haben sich mehrere Linguist(inn)en daran begeben, in z.T. sehr umfangreichen empirischen Studien nachzuweisen, daß es sich bei den FVG um Typen von Ausdrucksmitteln handelt, für die - jenseits jeder sprachästhetischen Wertung - sehr wohl eine Notwendigkeit in der Sprache besteht; vgl. zur Auseinandersetzung mit der Sprachkritik u.a. V. POLENZ 1963, 5 ff.; 1987; DANIELS 1963, 9 ff.; HERINGER 1968, 11 ff.; SCHMIDT 1968, 102 ff.⁴. Darüber hinaus hat man sich in der germanistischen Linguistik der Beschreibung von FVG innerhalb bestimmter Grammatikmodelle zugewandt, vor allem der Generativen Grammatik (z.B. ESAU 1973; 1976; HERRLITZ 1973; PERSSON 1975) und der Dependenzgrammatik (z.B. HELBIG 1979). Ferner befaßt man sich mit dem Problem der Ausgrenzung und Klassifikation von FVG (z.B. KLEIN 1968; ROTHKEGEL 1973), der Frage nach ihrem phraseologischen Charakter (z.B. FIX 1974-1976) und dem Sprachvergleich Deutsch-Englisch (z.B. FISCHER 1977).

Die sowjetische Forschung im Bereich der FVG hat sich hingegen nie gezwungen gesehen, diese Wortverbindungen gegenüber einer massiven Sprachkritik als angemessene und leistungsfähige Ausdrucksmittel legitimieren zu müssen. FVG werden hier durchweg als Sprachmittel anerkannt, deren Verwendung immer stärker um sich greift, da für diesen Konstruktionstyp ständig wachsende kommunikative Bedürfnisse bestehen⁵. Allerdings weisen insbesondere normativ ausgerichtete Handbücher des Rus-

sischen mitunter auf die Überanwendung, so z.B. KOCHTEV 1980 und DEMIDENKO 1986, bzw. auf Fehler beim Gebrauch dieser Konstruktionen hin, so z.B. die russische Grammatik und Stilistik für Journalisten von ROZENTAL' 1979, wenn sie häufige Verstöße gegen die Kombinationsbeschränkungen von bestimmten Funktionsverben anprangern:

"Kaum als gelungen können die folgenden Sätze gelten, in denen die Phraseologismen weder die Rolle eines expressiven Ausdrucks noch die eines Standardsprachmittels spielen: 'korol' belych predprinjal putešestvie v lager' protivnika ...; A vot artistry, podbodrennye vdochnovennym krasnorečiem veduščego, zakrepljaja dostignutye uspechi, prevzošli samich sebja ... Artistry oderžali zaslužennuju pobedu.'" (KOCHTEV 1980, 49 f.)

"Es besteht kein Grund, zu sagen 'Deti proizveli uborku klassa', da dem Inhalt dieser Äußerung weitaus besser das Verb 'ubrali' entspricht. Anstelle von 'Pionery prinjali rešenie pomoč' neuspevajuščim' wäre es natürlicher zu sagen 'Pionery rešili pomoč' neuspevajuščim!'" (DEMIDENKO 1986, 112).

ROZENTAL' macht in diesem Zusammenhang auf häufige Verstöße gegen lexematische Kombinationsbeschränkungen in FVG aufmerksam:

- (1) okazat' pomošč' <podderžku, sodejstvie, uslugu, doverie>
- (1') *okazat' vnimanie (anstelle von projavit')
- (1'') *okazat' vstreču (anstelle von ustroit')
- (2) oderžat' pobedu (verch)
- (2') *oderžat' uspechi (anstelle von dostič', dobyt'sja)
(ROZENTAL' 1979, 68)

Überhaupt ist die sowjetische Forschung zu den FVG dadurch gekennzeichnet, daß sie im Vergleich zur Germanistik dieses Problemfeld in einem engen Rahmen behandelt und größere theoretische Arbeiten bzw. Materialuntersuchungen bislang nicht vorzuweisen hat. Schwerpunkt der sowjetischen Bemühungen um die FVG ist eindeutig die Diskussion um die allgemeinen phraseologischen Eigenschaften dieser Wortverbindungen⁶. In diesem Zusammenhang sind verschiedene Teilprobleme erörtert worden, u.a. die Frage nach den Beschränkungen der Verbindbarkeit von Lexemen, die in FVG eingehen (MORDVILKO 1964, 58 ff.; KOPYLENKO/POPOVA 1972, 74 ff.; KOPYLENKO 1973, 33 ff.; TOLIKINA 1978) sowie die Frage nach ihrer syntaktischen Struktur bzw. Transformierbarkeit (GAK 1965; 1976; APRESJAN 1967). Besonders hervorzuheben sind auch die originellen Ideen von MEL'ČUK und ŽOLKOVSKIJ. Als ein weiteres Charakteristikum der sowjetischen Forschung ist schließlich noch das Bemühen um eine systematische lexikographische Erfassung von FVG anzusehen, hier vor allem die ausschließlich diesen Wortverbindungen gewidmeten Sammlungen DERIBAS 1983 und DERJAGINA 1987. Darüber hinaus werden neben anderen nichtfreien Wortverbindungen FVG u.a. in den Wörterbüchern REGININA 1976; DENISOV/MORKOVKIN 1978 und MEL'ČUK/ŽOLKOVSKIJ 1984 in großem Umfang berücksichtigt (zu deutsch-russischen Wortschatzsammlungen, die u.a. FVG enthalten, vgl. TROEBES 1985; GÜNTHER/FÖRSTER 1987).

2.1.1. Zu einigen ebenenspezifischen Definitionskriterien für Funktionsverbgefüge

Wie soll nun der Gegenstand der vorliegenden Studie, die FVG des Russischen, ausgegrenzt werden? Wie können sie von solchen Syntagmen differenziert werden, deren formaler Aufbau ihnen äußerlich gleicht? In der Forschung besteht, wie bereits in 2.1. angesprochen, ein generelles Einverständnis, daß geeignete Definitionskriterien für diese Konstruktionen auf der syntaktischen und der semantischen Ebene zu suchen sind. Darüber hinaus ist der phraseologische Charakter dieser Wortverbindungen für ihre Ausgrenzung ebenfalls mit zu berücksichtigen.

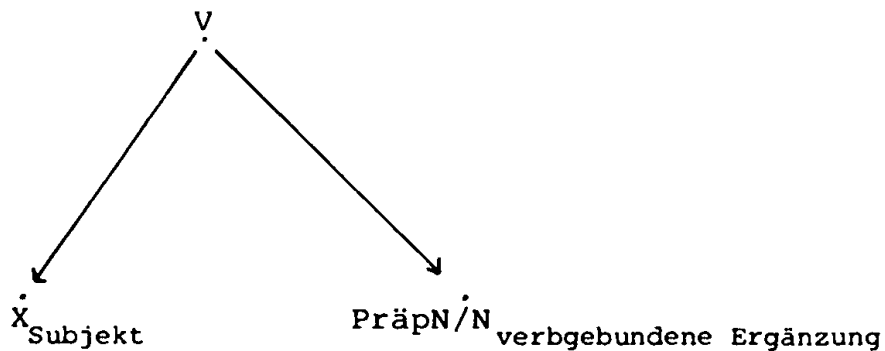
Es ist daher notwendig, sich zunächst einen vergleichenden Überblick über verschiedene Definitionsvorschläge zu verschaffen, die in der Literatur gemacht worden sind.

2.1.1.1. Syntaktische Kriterien

Die Diskussion um die charakteristischen syntaktischen Eigenschaften von FVG dreht sich im wesentlichen um die Frage nach Anzahl und Art von deren Konstituenten und nach dem Konstruktionstyp, in den sie eingehen können⁷. Uneingeschränkte Einhelligkeit herrscht darüber, daß FVG aus zwei obligatorischen, kategorial invarianten und syntaktisch miteinander verbundenen Elementen aufgebaut sind, einem Verb (V) und einem Nomen (N).

In bezug auf die syntaktischen Strukturmuster, die diese Konstruktionen bilden können, werden dagegen unterschiedliche Auffassungen vertreten. Manche Forscher lassen nur FVG zu, die dem Konstruktionstyp (3) als Grundmuster folgen⁸; vgl.

(3)

z.B.:

X privodit Y v zamešatel'stvo

X deržit Y pod vlast'ju

X imeetsja v prodaže (u Y-a)

X obraščaetsja k Y-u s predloženiem

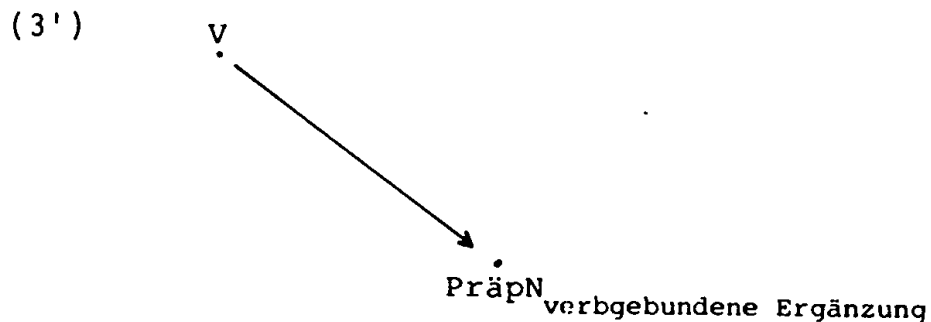
X podpal pod vlijanie Y-a

X versetzt Y in Angst

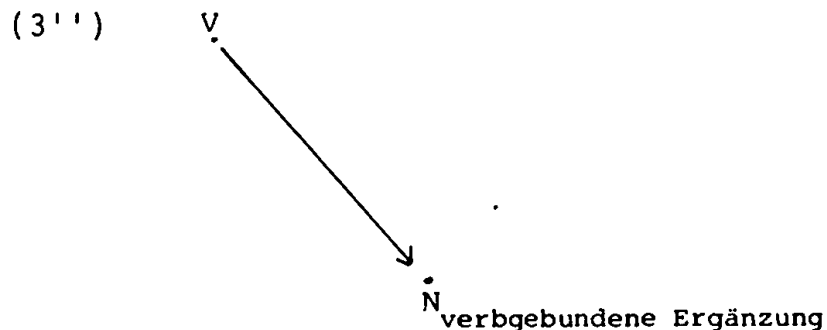
X trägt Sorge für Y

X gerät in Verlegenheit (wegen Y)
 X kommt zur Anwendung (bei Y)
 X okružāet Y zābotami
 X okazyvaet Y-u pomošč'
 X zaključāet peremirie s Y-om
 X ustroil (podnjal, učinil) skandal
 X prinjal mery (protiv Y-a)
 X podvergaet Y ispytaniju
 X findet Anklang (bei Y)
 X ergreift die Flucht (vor Y)
 X versetzt Y einen Schlag
 X führt ein Verhör (mit Y) durch
 X unterzieht Y einem Test

In diesem Zusammenhang ist m.E. nicht immer klar, ob nur das Strukturmuster

oder auch der Konstruktionstyp

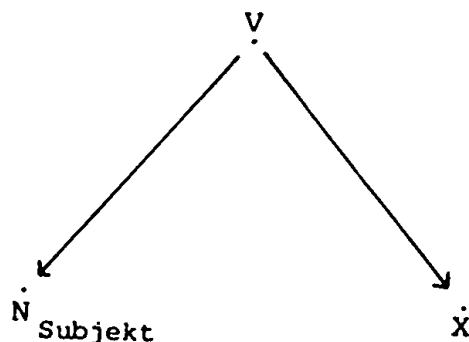
für die syntaktische Ausformung von FVG herangezogen werden soll. So räumen z.B. V. POLENZ 1963, 11 f.; HERINGER 1968, 40

und PERSSON 1975, 1 ein, daß nominalisierende Verbaufspaltungen des Typs (3'') existieren, sie schließen sie jedoch explizit (HERINGER 1968, 40 Anm. 53; PERSSON 1975, 1 Anm. 2) bzw. stillschweigend (V. POLENZ 1963, 12 ff.)⁹ aus der Betrachtung aus, wenngleich sie zumindest für HERINGER und PERSSON wohl zum Kreis der FVG rechnen. Für andere Forscher hingegen scheinen nur solche Realisierungen des Konstruktions-typs (3) zu den FVG zu zählen, in denen das verbale Element transitiv (= V + N_{akk}) ist. Strukturen des Typs

- (4) X nachoditsja pod vlast'ju Y-a
 X pristupaet k doprosu Y-a
 X obladaet znanijami v oblasti Y
 X gerät in Wut (wegen Y)

dürften dann offensichtlich nicht (mehr) als FVG einzustufen sein; so m.E. bei MORDVILKO 1964, 58 ff.; KOPYLENKO/POPOVA 1972; KOPYLENKO 1973; FIX 1974-1976; MOLOTKOV 1977, 52 ff.; TOLIKINA 1978 u.a. KLEIN wiederum zählt auch den Wortverbindungstyp (3'') zu den FVG (KLEIN 1968, 9). Neben den Konstruktionen (3') bzw. (3'') betrachten einige Linguisten auch Syntagmen des Typs (5) als FVG, d.h. solche, in denen die nominale Konstituente der Wortverbindung zum grammatischen Subjekt wird (so z.B. MEL'ČUK 1974, 92 ff.; SCHMIDT 1968, 27 ff.; GAK 1976; 1977, 208 ff.); vgl.

(5)

z.B.:

Veter duet (s X-a)

Iniciativa ischodila ot X-a

Udivlenie ochvatyvaet X-a
 Predloženie kasaetsja X-a
 Temperatura ravnjaetsja X-u
 Die Anfrage geht (richtet sich) an X
 Die Fahndung läuft
 X ergriff Panik
 Es herrscht Frieden

Es liegt auf der Hand, daß der Einbezug von (3''), vor allem jedoch von (5) durch die damit verbundene Permutationsmöglichkeit der nominalen Konstituente und der anderen syntaktischen Stellen in den o.a. Strukturen die Anzahl der Wortverbindungen, die als FVG eingestuft werden können, beträchtlich anwachsen läßt¹⁰.

Die germanistische Forschung zu den FVG hat sich darum bemüht, auf der syntaktischen Ebene o p e r a t i o n a l e Verfahren zu entwickeln, mit deren Hilfe die strukturelle Homonymie zwischen FVG und anderen Wortverbindungen aufgelöst werden kann (V. POLENZ 1963, 23 ff.; ENGELEN 1968; HERINGER 1968, 44 ff.; HELBIG/BUSCHA 1981, 78 ff.; HELBIG 1979). Diese Tests zielen auf die speziellen Beschränkungen des distributionellen und transformationellen Verhaltens von FVG ab. Sie beziehen sich z.B. auf die Erfragbarkeit der nominalen Konstituente, auf deren Fähigkeit, durch ein attributives Adjektiv expandiert zu werden, das im gleichen Kontext in ein Adverb umgewandelt werden kann, bzw. auf die Möglichkeit, die nominale Konstituente zu eliminieren, auf die Negation usw. (zu einem Überblick über die verschiedenen Tests s. PERSSON 1975, 9 ff.); vgl. z.B.

- (6) Das Bild kommt zur Versteigerung
- (6') Wozu (*wohin) kommt das Bild?
- (7) Der Maler kommt zur Versteigerung
- (7') Wohin (*wozu) kommt der Maler
- (6'') *Das Bild kommt
- (7'') Der Maler kommt
- (8') im krassen Gegensatz stehen

- (8) kraß im Gegensatz stehen
 (9) Die Arbeit ist nicht zum Abschluß gekommen
 (9') Die Arbeit ist zu keinem Abschluß gekommen

Die diagnostische Kraft dieser syntaktischen Verfahren ist jedoch unzureichend. Sie greifen durchweg zu kurz¹¹; vgl. z.B.

- (10) X gerät in Zorn - *Wozu gerät X?
 (HERINGER 1968, 29, in Auseinandersetzung mit V. POLENZ 1963, 24)

- (11) endgültig (vorübergehend, völlig ...) zum Schweigen bringen - *zum endgültigen (vorübergehenden, völligen, ...) Schweigen bringen

Bezieht man die o.a. Tests, sofern sie sich übereinzelsprachlich anwenden lassen, auf das Russische, ergibt sich das gleiche Bild¹². Von ihrer syntaktischen Struktur aus betrachtet eröffnen die FVG die Möglichkeit, beide Konstituenten, also auch die nominale, zu entfalten (zu modifizieren), z.B.

- (12) privodit' svoi dela v obrazcovyj porjadok

- (13) vzjat' u kosmonavta pervyj interv'ju (DERIBAS 1983, 8),

die Umformung des attributiven Adjektivs in ein Adverb (Adverbial) ist indes - wie im Deutschen - nicht immer möglich, z.B.

- (14) okazyvat' bratskuju pomošč' - *po-bratski okazyvat' pomošč'
 podvergat' podrobnomu analizu - *podrobno podvergat' analizu,

bzw. sie führt zu bedeutungsverschiedenen Ausdrücken, z.B.

- (13') vzjat' u kosmonavta pervyj interv'ju
 vo-pervych vzjat' u kosmonavta interv'ju

In diesem Zusammenhang verdienen zwei weitere operationale Verfahren Erwähnung, mit deren Hilfe gezeigt werden kann, daß FVG syntaktische Strukturen eines speziellen Typs darstellen. Die besonderen transformationellen Beschränkungen, die diesen Wortverbindungsmustern auferlegt sind, lassen sich u.U. sogar dahingehend interpretieren, FVG bereits allein aufgrund dieser Eigenschaften zu den nichtfreien Lexemkombinationen zu zählen (s. auch 2.1.1.3.). So ist in FVG die Pronominalisierung der nominalen Konstituente grundsätzlich blockiert; vgl. z.B.

- (15) Er leistete seinem Freund Hilfe → *Er leistete sie seinem Freund
 Der Kranke kam wieder zu Kräften → *Der Kranke kam wieder zu ihnen (HELBIG/BUSCHA 1981, 78 f.)

FVG mit einem Substantiv als Akkusativobjekt erlauben vielfach auch keine Passivtransformation; vgl. z.B.

- (16) Die Herstellungstechnik erfuhr eine Vereinfachung →
 *Eine Vereinfachung wurde von der Herstellungstechnik erfahren
 Die Verhandlungen nahmen eine gute Entwicklung →
 *Eine gute Entwicklung wurde von den Verhandlungen genommen (HELBIG/BUSCHA 1981, 79)

Transformationelle Beschränkungen von Wortverbindungen, ähnlich den hier vorgeführten, untersucht auch MEL'ČUK in 1979, 17 f.; 1985, 477 f. Ihm geht es in erster Linie darum nachzuweisen, daß sich die grammatischen, d.h. die morphologischen und syntaktischen Eigenschaften eines Wortes bereits dann ändern können, wenn es in eine bestimmte Konstruktion bzw. in einen bestimmten Konstruktionstyp eingeht; vgl. hierzu die Umformungsbeschränkungen, denen die folgenden Strukturen unterliegen

- (17) čelovek glubokich ubeždenij → *čelovek ubeždenij

- (18) pročel knig dvadcat' → *pročel interesnych knig dvadcat'

(19) co strachu —> *s dikogo strachu —> *so strachu pered učitelem

(20) X vzjal slovo —> *Slovo bylo vzjato X-om (Posle Petrova slovo bylo vzjato Jachontovym) (MEL'ČUK 1979, 17 f.)¹³

Diese Beobachtungen machen deutlich, daß - wenn auch nicht als hinreichende Definitionsbedingung - bereits Art und Umfang der individuellen syntaktischen Restriktionen, über die ein gegebenes Lexem in bestimmten Kontexten, z.B. in FVG, verfügt, dazu benutzt werden können, die betreffende Wendung als phraseologische oder nichtfreie Wortverbindung einzustufen.

2.1.1.2. Semantische Kriterien

Den Bemühungen, die sowohl in der sowjetischen als auch in der germanistischen Linguistik unternommen werden, um die Klasse der FVG auf der **s e m a n t i s c h e n** Ebene zu definieren, ist gemeinsam, daß sie von einer bestimmten Annahme darüber ausgehen, wie man sich das Zustandekommen der Gesamtbedeutung der Wortverbindungen aus ihren beiden Bestandteilen, der verbalen und der nominalen Konstituente, grundsätzlich vorzustellen hat. In der Literatur scheint man sich einig zu sein, daß der Hauptanteil bei der Bedeutungskonstitution der betreffenden Syntagmen dem Nomen als dem **s e m a n t i s c h e n Z e n t r u m** der Wortverbindung bzw. dem Träger ihrer lexikalischen Bedeutung zufällt. Dem Verb hingegen schreibt man in diesem Prozeß eine untergeordnete Rolle zu. Sein Beitrag für die Herausbildung der Gesamtbedeutung von FVG wird, wenn auch nicht ausschließlich, so doch in erster Linie damit in Verbindung gebracht, daß es der Wendung diejenigen - vor allem **g r a m m a t i s c h e n** - Inhalte zuordnet, die ihr die Eigenschaft eines syntaktischen Prädikats (einer Verbalphrase) verleihen.

Während über die allgemeinen Aspekte der semantischen Struktur von FVG Einvernehmen besteht, werden m.E. in der Forschung unterschiedliche Auffassungen dazu vertreten, welche Realisie-

rungen diese Strukturen im einzelnen haben können. Mit anderen Worten, es ist bislang nicht geklärt, wann eine gegebene Wortverbindung, z.B. des Typs (3) oder (5), kraft der ihr zugewiesenen globalen Bedeutungsstruktur die Klassifikation als FVG zuläßt bzw. nicht mehr zuläßt. Einer der beiden Hauptstreitpunkte, um den sich die Debatte in diesem Zusammenhang dreht, ergibt sich ganz offensichtlich aus der auf einem komparativen Begriff beruhenden Festlegung, die die obige Annahme zum allgemeinen semantischen Aufbau von FVG beinhaltet. Man ist sich uneinig, wie die Grenze zwischen dem "bedeutungshaltigen" Nomen und dem "bedeutungsleeren" ("delexikalisierten") Verb in bezug auf die Herausbildung der Gesamtbedeutung der Wortverbindung zu ziehen ist. Weiterhin streitet man sich über die Frage, welche kategorialen Bedeutungseigenschaften das Nomen haben soll, das zum semantischen Zentrum des FVG erklärt wird. Für die sowjetische Linguistik hat VINOGRADOV bereits 1934, also lange bevor man sich dort einer näheren Beschäftigung mit den FVG zugewandt hat, die Auffassung vertreten, daß das Verb in Wortverbindungen dieses Typs - VINOGRADOV spricht von "opisatel'nye frazeologičeskie oboroty" - (weitgehend) desemantisiert sei und das abhängige deverbale Substantiv die eigentliche Handlung ausdrücke:

"(Diese Wendungen bestehen aus; K.H.) einem mehr oder weniger abstrakten Verb ... mit fast erstarrter (in der gegebenen Verbindung) Bedeutung und einem abhängigen deverbale Nomen, das das Wesen, den Inhalt der Handlung (darlegt) ..." (VINOGRADOV 1938, 414; auf ähnliche Weise äußert sich auch ŠANSKIJ 1969, 179).

Eine vergleichbare Ausgangsposition für die Forschung in der germanistischen Linguistik bezieht auch V. POLENZ, wenn er begründet, warum er die verbale Konstituente der betreffenden Syntagmen als **F u n k t i o n s** verben bezeichnen will:

"Wir können sie **F u n k t i o n s** v e r b e n nennen, weil sie das Verbalsubstantiv funktionell in das Vorgangsgefüge einfügen, indem sie die syntaktische Funktion des

im Verbalsubstantiv aufgehobenen Grundverbums übernehmen, während dessen Sachkern im Nennglied wirksam bleibt." (V. POLENZ 1963, 26 f.)

Es kann daher nicht verwundern, daß die Behauptung, die verbale Konstituente von FVG sei - mehr oder weniger - bedeutungsentleert, zu einem immer wiederkehrenden Topos in der Literatur zu diesen Wortverbindungen geworden-ist. So sprechen einige sowjetische Forscher den Verben in Wendungen wie

(21) delat' masaž, proizvodit' peredelku, nanosit' udar, soveršat' prizemlenie, oderživat' pobedu, vesti trgovlju, otdavat' predpočtenie, imet' besedu

die Eigenschaft zu, den kategorialen Inhalt der Prädikativität (glagol'nost') auszudrücken, während erst die Substantive in (21) die eigentliche semantische Interpretation dieser Wortverbindungen ermöglichen (ROZANOVA 1966, 48; PROKOPOVIČ 1969, 49 ff.; LEKANT 1969, 151; ŠUBINA 1973, 76 f.; GAK 1976, 89; MOLOTKOV 1977, 52; KOCHTEV 1980, 36; DERIBAS 1983, 6). PROKOPOVIČ, GAK und MOLOTKOV, die die obigen FVG in Gegenüberstellung zu ihren jeweiligen Simplicia "torgovat'", "pobeždat'" usw. untersuchen, betrachten die Wortverbindungen (21) als das Ergebnis einer Verschiebung, eines Umbaus der strukturellen Beziehungen zwischen ihren Konstituenten. Das semantische Zentrum des Ausdrucks, die Bezeichnung des Vorgangs, ist in das Substantiv verlagert worden, und das Verb ist delexikalisiert, d.h. in ein rein grammatisches Formativ übergegangen. Als bloßer Träger der Prädikativität wird es zum sekundären Satzglied, da es nur noch die verbspezifischen grammatischen Kategorien, d.h. Person, Tempus, Modus usw. signalisiert (PROKOPOVIČ 1969, 49; GAK 1976, 89; MOLOTKOV 1977, 53)¹⁴.

Wenngleich man in der Literatur immer wieder auf die Behauptung stößt, das Verb in FVG sei mehr oder weniger desemantisiert, werden (zumindest in der sowjetischen Linguistik) die deskriptiven Konsequenzen, die sich aus dieser Position für eine explizite, in Semantik und Syntax stratifizierte Modellierung der betreffenden Wortverbindungen ergeben, bisher

nicht weiter erörtert. Die m.E. einzige Ausnahme bildet das Grammatikmodell von MEL'ČUK, ŽOLKOVSKIJ und APRESJAN, die "Smysl-Tekst" -Theorie. Wird innerhalb dieses Zugriffs ein Funktionsverb als vollständig delexikalisiert angesehen, z.B. in den Wendungen

(23) imet' mnenie, terpet' poraženie, proizvodit' (provodit', vesti) dopros, bor'ba idet, sdavat' v arendu,

erfolgt der Ebenenübergang Semantik → (Tiefen)Syntax in dem Grammatikmodell auf andere Weise, als wenn es sich um ein Vollverb bzw. ein nur partiell desemantisiertes Verb handelt. Die Gesamtbedeutung der Syntagmen (23) wird allein den Substantiven zugeschrieben, während die Verben (in den vorliegenden Verwendungen) mit Hilfe bestimmter Typen von sog. "lexikalischen Funktionen" als bedeutungsleere, rein grammatische Formative beschrieben werden, deren alleinige Aufgabe es ist, die Aktanten (= Kasusrollen), die in der Bedeutungsexplikation des Substantivs ausgewiesen werden, mit diesem Lexem in bestimmte syntaktische Strukturen einzubringen. Dementsprechend ist in der Lexikonkomponente des "Smysl-Tekst" -Modells das Stichwort "mnenie" mit einer Bedeutungsexplikation der gesamten Situation ausgestattet, die das Lexem bezeichnet; vgl.

(24) mnenie X-a, čto Y - P = 'Informacija 'P(Y) istinno', imejuščajasja v ume X-a i kauzirovannaja aktom voli X-a v svjazi s tem, čto X obdumal sootvetstvujuščie dannye, odnosjaščiesja k Y-u ili k P' (MEL'ČUK/ŽOLKOVSKIJ 1984, 424)

Das Verb "imet'" hingegen wird in der hier betrachteten Lesart im Lexikon nicht definiert, sondern in der kombinatorischen Zone des Wörterbuchartikels von "mnenie" mit Hilfe der lexikalischen Funktion $Oper_1$ (mnenie) = "imet'" [$\sim e$] erfaßt, d.h. als ein "asemantisches" (Funktions)Verb, das den ersten Aktanten der Situation 'mnenie' als grammatisches Subjekt mit der Bezeichnung der Situation als erstem Objekt (= Akkusativobjekt) syntaktisch verbindet (MEL'ČUK/ŽOLKOVSKIJ 1984, 427).

In der Diskussion um den Aufbau der Bedeutung von FVG wird, wie bereits herausgestellt, die Desemantisierung der verbalen Konstituente als eine *graduelle* Erscheinung aufgefaßt. Man betrachtet also den Übergang vom Vollverb (verbalen Autosemantikon) zum Funktionsverb als eine fortschreitende Abschwächung seiner lexikalischen Bedeutung die dementsprechend unterschiedliche Ausprägungsgrade an "Restsemantik" bis hin zur völligen Aufgabe seiner lexikalischen Bedeutung einschließt. Für PROKOPOVIČ stellen z.B. die folgenden Wendungen zwei Extremzustände - total (25) bzw. gering bedeutungsentleert (26) - auf dem Kontinuum dar, das die verschiedenen Delexikalisierungsphasen von Funktionsverben kennzeichnen kann; vgl.

(25) davat' obeščanie, imet' vlijanie, delat' nabljudenie
(s. auch (21))

(26) vnosit' predloženie, vyzyvat' rasširenje, vypolnjat' pryžok (PROKOPOVIČ 1969, 52).

HERINGER verdeutlicht den Prozeß der Bedeutungsentleerung von Funktionsverben anhand eines paradigmatischen Vergleichs der verschiedenen lexikalisch(-semantisch)en Varianten der Verben "kommen" und "bringen". Ihr Übergang zu Funktionsverben bzw. - in der Redeweise HERINGERS - ihre vom Vollverb aus betrachtete semantische Generalisierung (HERINGER 1968, 33 f.) geht einher mit einer zunehmenden Verallgemeinerung der semantischen Komponenten, die für die jeweils aktualisierte Variante anzusetzen sind; vgl. z.B.

- (27) 1. der Vater kommt = 'zielgerichtete Bewegung eines handelnden Subjekts bis zu einem bestimmten Punkt im räumlichen Sinne in einer (vektoriell) festgelegten Richtung (= begibt sich her),
2. ich kam an einen Brunnen = ...
4. der nächste Winter kommt gewiß = ...
8. etwas kommt zur Ruhe (zur Sprache), jemand kommt

ins Schwitzen = 'zeitliche Annäherung an den Anfangspunkt eines Vorgangs oder Zustands bzw. nur zeitliche Veränderung' (HERINGER 1968, 34 f.)

Parallel dazu entfallen die zahlreichen Bedeutungsoppositionen, in denen die betreffenden Verben als autonome Vollverben zu anderen Vollverben stehen, z.B.

(28) kommen - gehen, bringen - holen, (finden - suchen usw.)
(HERINGER 1968, 36)¹⁵.

HERINGER erinnert in diesem Zusammenhang an gewisse Parallelen zwischen Funktionsverben und Hilfsverben (HERINGER 1968, 36); ähnlich auch VINOGRADOV, für den "okazyvat'" in Verbindungen wie "okazyvat' pomošč'" ("uslugu", "šodejstvie", ...) die Rolle eines "Hilfsverbs" ("vspomogatel'nyj glagol") spielt (VINOGRADOV 1938, 414), bzw. LEKANT, der eine gewisse Analogie zur Kopula erblickt (LEKANT 1969, 151). Die Rolle, die das Verb als ein zurückgestuftes, nur noch konstruktions- oder strukturbildendes Element in FVG spielt, wird von ARUTJUNOVA mit dem Beitrag verglichen, den ein bestimmter Typ von Wortbildungsmorphem, der sich in seinen verschiedenen Varianten ganz individuell an bestimmte Basen verfestigt, bei der Derivation spielt (ARUTJUNOVA 1976, 85).

Offensichtlich macht die Forschung ihre Entscheidung, ob ein gegebenes, aus einem verbalen und einem nominalen Element bestehendes Syntagma aus semantischen Gründen als FVG eingestuft werden soll oder nicht, davon abhängig, welches Ausmaß an "Bedeutungshaltigkeit" dem Verb in der gegebenen Wortverbindung (noch) zugestanden werden kann. Das in der Literatur zu wenig explizit gemachte Vorgehen, um dieses Klassifikationsproblem zu lösen, besteht darin, das betreffende Verb wendungsextern als Vollverb anzuerkennen, um dann in bezug auf die so festgelegte Bedeutung anzugeben, welche ihrer semantischen Komponenten von der Delexikalisierung des Verbs im (potentiellen) FVG nicht betroffen werden. Man läßt es

also zu, daß zwischen dem Vollverb und dem Funktionsverb gemeinsame Bedeutungsanteile bestehen können, betrachtet aber dennoch die Desemantisierung des Verbs in der betreffenden Wortverbindung als *s o w e i t* vorangetrieben, daß man ihm den Status eines Funktionsverbs zuspricht.

Dieses Vorgehen beruht offenbar auf einer impliziten Annahme darüber, wie *F u n k t i o n s v e r b e n* aus *V o l l v e r b e n* entstanden sind. Funktionsverben scheinen in dem Maße "bedeutungshaltig" sein zu dürfen, wie sie als die Ergebnisse von Übertragungsprozessen aufgefaßt werden können, die gewisse semantische Komponenten des Verbs, die es in anderen Konkurrenzen aktualisiert, unverändert lassen, ansonsten aber als Abstraktionen anzusehen sind, da die (Rest)Bedeutungen der Funktionsverben im Vergleich zu denen der entsprechenden Vollverben weit weniger spezialisiert sind. Bei diesen gemeinsamen Bedeutungsanteilen läßt man wohl nur sehr allgemeine Seme zu (s.u.). Die entsprechenden Funktionsverben sind daher in der Regel als verblaßte Metaphern anzusehen (der Frage, ob es gerechtfertigt ist, auf der Grundlage dieser wenig spezifischen Seme in bestimmten Fällen Polysemie zwischen Voll- und Funktionsverb anzusetzen, soll hier nicht weiter nachgegangen werden). So dürfte die Entscheidung, die Verben

(29) *otchodit'*, *stojat'*, *prichodit'*, *vyvodit'*

in den Verwendungen

(30) *Moda otchodit*

(31) *Na ulice stoit moroz (tišina)*

(32) *prichodit' v otčajanie*

(33) *vyvodit' Y iz duševnogo ravnovesija*

als Funktionsverben einzustufen, nur dadurch motiviert sein, daß sie in diesen Wortverbindungen ein *A r c h i s e m*, z.B. ein *ingressives*, *statales* und *kausatives*, der entsprechenden

Vollverben realisieren; vgl. die folgenden Teildekompositionen der Verben:

- (30') Poezd otchodit = 'Poezd načinaet udaljat'sja'
- (30'') Moda otchodit = 'Moda načinaet isčezat''
- (31') Na-mostu stoit storož = 'Na mostu nachoditsja v vertikal'nom položenii storož, ne peredvigajas''
- (31'') Na ulice stoit moroz (tišina) = 'Na ulice nachoditsja moroz (tišina)'
- (32') Učitel' prichodit v klass = 'Idja, učitel' načinaet nachodit'sja v klasse'
- (32'') Ėkipaž prichodit v otčajanie = 'Ėkipaž načinaet nachodit'sja v otčajanii'
- (33') On vyvodit detej iz klassa = 'On kauziruet (= delaet tak), čto deti, peredvigajas' peškom, perestajut nachodit'sja v klasse'
- (33'') On vyvodit menja iz duševnogo ravnovesija = 'On kauziruet, čto ja perestaju nachodit'sja v duševnom ravnovesii'

In der Forschung zu den FVG scheint man sich bei der Entscheidung, welche Klassen von nicht völlig delexikalisierten Funktionsverben postuliert werden sollen, von zwei Gesichtspunkten leiten zu lassen, dem **T y p** und der **A n z a h l** der Seme, die die Lexeme in den entsprechenden Syntagmen realisieren. Beide dürfen die Bedeutung des Verbs offensichtlich nicht zu stark anreichern. Dem Verb werden daher nur sehr allgemeine, d.h. bestimmte kategoriale Seme zugewiesen bzw., wie bei einigen Forschern der Fall, auch bestimmte Kombinationen solcher Seme, wobei deren Grad an semantischer Spezifik gering zu bleiben hat. Diese Überlegungen müssen ganz offensichtlich

Pate gestanden haben, wenn in der Literatur für Funktionsverben einerseits das "Desemantisierungspostulat" erhoben wird, andererseits aber den Funktionsverben die Fähigkeit zugestanden wird, die drei "Phasen" 'Beginn', 'Fortdauer' und 'Ende' einer Situation zu bezeichnen; vgl. z.B.

(34) popast' v zatrudnitel'noe položenie
byť v zatrudnitel'nom položenii -
vyjti iz zatrudnitel'nogo položenija

(35) veter podnjalsja (podul, zadul)
veter dul
veter stich (ulegsja, prekratilsja)

(36) in Wut geraten
in Wut sein

FVG, die in die Verben dieses Typs eingehen, werden daher auch als "periphrastische" oder "syntaktische Ausdrücke" für "Phrasenaktionsarten" bezeichnet (so u.a. bei V. POLENZ 1963, 15; KLEIN 1968, 18 ff.; SCHMIDT 1968, 36 ff.; ŠUBINA 1973, 75 f.; GAK 1976, 89 f.; 1977, 208 ff.; DERIBAS 1983, 7; BIRKENMAIER 1987, 126 f.; HERMANN-DRESEL 1987, 68 ff.).

Viele Forscher lassen zu, daß Funktionsverben auch eine kausative semantische Komponente realisieren können (s. (33)), häufig zusammen mit den drei Phrasensemen 'beginnen' (das in einem implikativen Verhältnis zur Kausation steht; vgl. MEL'ČUK 1974, 95), 'fortdauern' und 'enden' (s. (35), (36); vgl. u.a. GAK 1976, ebd.; 1977, ebd.; DERIBAS 1983; V. POLENZ 1963, 15 ff.; SCHMIDT 1968, 43; HERINGER 1968, 60 ff.; PERSSON 1975; BIRKENMAIER 1987, 126; HERMANN-DRESEL 1987, 78 ff.). Auf diese Weise wird die Delexikalisierung der Verben in den betreffenden Wendungen weiter zurückgeschraubt; da es sich hierbei indes wiederum nur um ein kategoriales Sem handelt, das die Spezifik der Verbbedeutung offensichtlich nicht zu stark erhöht, gelten diese Einheiten weiterhin als Funktionsverben; vgl. z.B.

(37) (po)davat' signal

davat' konsul'taciju
 zajavljat' protest
 vseljat' nadeždu v kogo-l.
 priobretat' populjarnost'
 vyzyvat' gnev
 razvjazyvat' agresiju
 podderživat' ogon'
 sochranjat' spokojstvie
 otvodit' vzgljad
 preryvat' son
 podavljat' gnev
 einen Streit anzetteln
 ein Gesetz abschaffen
 mit Sorge erfüllen
 in Unruhe halten
 aus dem Umlauf ziehen

Die Grenze vom Funktionsverb zum Vollverb wird offensichtlich dort überschritten, wo die Verben in den betrachteten Wortverbindungen ein zu hohes Maß an lexikalischer Bedeutung aktualisieren, d.h. solche Seme bzw. Semkomplexe, die über die oben genannten kategorialen Seme hinausgehen; vgl. z.B.

(38) rassypat'sja pered kem-l. v komplimentach
 zatapyvat' koster
 zabrasyvat' (zakidyvat', zasypat') koster
 zalivat' koster
 zavoevyvat' svobodu
 vyryvat' ustupki
 zu einem Verbrechen drängen

In diesen Wortverbindungen hat man es mit Verben zu tun, die zusätzliche Bedeutungs-differenzierungen in die Ausdrücke einbringen. Eine Gegenüberstellung mit Wortverbindungen, in denen andere, um diese semantischen Zuwächse bereinigte Verben, also in diesem Fall "echte" Funktionsverben, vorkommen, macht die Art der semantischen Spezialisierung der Verben in (38) deutlich; vgl.

(38') rassypat'sja v komplimentach (= 'delat' mnogo komplimentov')

vs.

delat' (govorit') komplimenty

zatapyvat' koster (= 'gasit' koster nogami')

zabrasyvat' (zakidyvat', zasypat') koster (= 'gasit' koster suchimi materialami')

zalivat' koster (= 'gasit' koster židkost'ju)

vs.

gasit' koster

zavoevyvat' svobodu (= 'obretat' svobodu, prilagaja značitel'nye usilija')

vs.

obretat' svobodu

vyryvat' ustupki (= 'dobivat'sja ustupok, prilagaja očen' značitel'nye usilija, v častnosti, preodolevaja sil'noe soprotivlenie')

vs.

dobivat'sja ustupok

zu einem Verbrechen drängen (= 'gegen den Widerstand der betroffenen Person diese veranlassen, ein Verbrechen zu begehen')

vs.

zu einem Verbrechen veranlassen (bewegen)

Bei den in (38) realisierten Semen handelt es sich um Bedeutungskomponenten, die die bezeichnete Situation in bestimmten Aspekten präzisieren, hier in bezug auf ihre Intensität, auf die in ihr verwendeten Instrumente oder Mittel und auf bestimmte Eigenschaften (Verhaltensformen) der beteiligten Aktanten. Wie diese Beispiele zeigen, ist der Übergang vom Funktionsverb zum Vollverb in mancher Hinsicht fließend. Der komparative Zugschnitt des Desemantisierungspostulats läßt eine klare Grenzziehung offensichtlich nicht zu, so daß im Hinblick auf die semantischen Eigenschaften des Verbs - ähnlich wie in bezug auf seine syntaktischen Eigenschaften (s. 2.1.1.1.) - kein eindeutiges Definitionskriterium für die Klasse der Funktionsverben bzw. der FVG zur Verfügung steht.

Die Diskussion um die semantischen Eigenschaften von FVG bezieht sich - vor allem in der germanistischen Forschung - ebenfalls auf die nominale Konstituente dieser Wendungen. Dabei spielen die kategorialen Seme, die dieser Einheit zugesprochen werden können, ebenso eine Rolle wie die Frage, ob das Substantiv in seiner Eigenschaft als Bestandteil von FVG das Ergebnis einer Bedeutungsübertragung ist oder nicht (da hier Gesichtspunkte des idiomatischen Gebrauchs von sprachlichen Einheiten angesprochen sind, greift die Diskussion auch in den Bereich der Phraseologie hinein (s. 2.1.1.3)). Für V. POLENZ dürfen die Substantive in FVG ausschließlich "Nomina actionis" im Sinne von Vorgangsbezeichnungen sein, wobei der Autor dieses Etikett offenbar auf Handlungen, Tätigkeiten und Prozesse bezieht (V. POLENZ 1963, 23 ff.). HERINGER subsumiert unter diesen Terminus auch Zustandsbezeichnungen; er wendet sich jedoch dagegen, Wendungen des Typs

(39) zu Geld kommen
zu Papier bringen

als FVG einzustufen, da die Nomina hier Größenbezeichnungen (= Konkreta) sind, die sich mit einem übertragen gebrauchten Vollverb verbinden (HERINGER 1968, 25 ff.). Außerdem führt er vor, wie Syntagmen aus Vollverb und Nomen actionis, z.B.

(40) Der Maler kommt zur Versteigerung,

von solchen aus Funktionsverb und Nomen actionis mit Hilfe von syntaktischen Kriterien, hier der Weglaßprobe der (adverbialen) Ergänzung "zur Versteigerung", abgegrenzt werden können; vgl.

(40') Der Maler kommt

(41) *Das Bild kommt aber: Das Bild kommt zur Versteigerung
(HERINGER. 1968, 30; s. auch 2.1.1.1.)

KLEIN und ROTHKEGEL hingegen lassen metaphorisierte Konkreta als nominale Bestandteile von FVG ausdrücklich zu, z.B.

- (42) ans Tageslicht bringen
 zu Papier bringen
 (KLEIN 1968, 9),

während FLEISCHER sich dagegen ausspricht, Wendungen wie z.B.

- (43) Platz nehmen
 zu Papier bringen -

als FVG zu betrachten, da sie kein Nomen actionis enthalten (FLEISCHER 1982, 141 f.). Ähnlich argumentiert HERMANN-DRESEL, der die Nomina actionis auf Substantive verbalen Inhalts einschränkt, d.h. auf Bezeichnungen für Handlungen, Vorgänge und Zustände. Metaphorische Konkreta, z.B. "pyl'" und "veslo" in

- (44) čech. být u vesla
 russ. podnimat' pyl',

die sich mit (wendungsexternen) Funktionsverben verbinden, schließt sie dagegen von den FVG aus (HERMANN-DRESEL 1987, 24 ff.).

Eine gewisse Grauzone des Begriffs 'Nomen actionis' bilden für die Autorin in diesem Zusammenhang solche konkreten Substantive, die das Ergebnis einer Handlung bezeichnen. In FVG wird HERMANN-DRESEL zufolge deren konkrete Lesart zugunsten einer abstrakt-verbalen abgeschwächt; vgl. z.B.

- (45) ein Referat halten (= referieren) vs. ein Referat in der Hand halten (HERMANN-DRESEL 1987, 26)

Die hier angesprochene Abgrenzungsproblematik von Abstrakta und Konkreta läßt sich besser lösen, wenn man bei einer großen Gruppe von Nomina actionis reguläre Polysemie des Typs Handlung (Vorgang) - Resultat der Handlung (des Vorgangs) anerkennt; vgl. z.B.

- (46) podpis': dat' na podpis' - podpis' pod dokumentom
 (APRESJAN 1974, 189, 196 f.)

In FVG wie z.B. denen, die die Verfasserin anführt

(47) soveršat' ošibki
ein Referat halten

und anderen, z.B.

(48) eine Aufnahme machen
delat' zavarku (zavivku, ukol, ...)
stavit' podpis'

wird man dann nicht mehr von "Konkreta" mit eher "abstrakt-verbalem" Charakter sprechen wollen, sondern - eine entsprechende ko(n)textuelle Disambiguierung vorausgesetzt - von handlungs- bzw. vorgangsbezeichnenden Abstrakta¹⁶.

Die hier vorgetragenen unterschiedlichen Auffassungen zeigen, daß eine Präzisierung der semantischen Eigenschaften dringend erforderlich ist, über die die nominalen Konstituenten von FVG (des Konstruktionstyps (3), (3') und (3'')) verfügen können. Sie ist m.E. dadurch zu erzielen, daß man anstelle von Nomina actionis als umfassendere lexikalisch-semantische Kategorie substantivische *S i t u a t i o n s b e z e i c h n u n g e n* zuläßt. Legt man die Extension dieses Klassenbegriffs auf vorgangs- und zustandsbezeichnende Prädikate fest bzw. auf die Bezeichnungen für die mit den entsprechenden Situationen verbundenen typischen Mitspieler (semantische Aktanten), z.B. "lopata" und "zastup" als Bestandteile der Situation 'kopat'', "Ohr" als Bestandteil der Situation 'hören' - vgl.

(49) vzjat'sja za lopatu (zastup)
zu Ohren kommen -, .

so gelingt es, die semantisch-lexikalischen Charakteristika der möglichen nominalen Konstituenten von FVG weitaus exakter zu bestimmen.

2.1.1.3. Phraseologische Kriterien

FVG werden - vor allem in der sowjetischen Linguistik - auch unter dem Aspekt erörtert, ob es sich bei ihnen um freie oder um phraseologische Wortverbindungen handelt¹⁷; man fragt sich, ob FVG Syntagmen bilden, die allein grammatisch-kategorialen und denotativen Beschränkungen unterliegen, oder ob sie darüber hinaus noch weiteren, eben phraseologischen Restriktionen ausgesetzt sind, die die Verbindbarkeit ihrer Konstituenten bestimmen. Da in der sowjetischen Forschung über die Eigenschaften, die den phraseologischen Charakter einer Wortverbindung ausmachen, kein Einvernehmen herrscht, sind die Standpunkte zum entsprechenden Status von FVG ebenfalls uneinheitlich. So wendet sich z.B. MOLOTKOV dagegen, FVG als "Phraseologismen" (frazelogizmy) einzustufen; in seinem phraseologischen Wörterbuch des Russischen (MOLOTKOV 1978) sind sie daher auch nicht enthalten. Als Hauptargument führt er die Beobachtung an, daß in FVG die Konstituenten ihren "Einzelwortcharakter" bewahren und sich die Bedeutung der Gesamtverbindung aus denen ihrer Komponenten ergibt, wobei die verbalen Konstituenten häufig desemantisiert sind und zum Träger der Prädikativität werden (s. 2.1.1.2.). Für MOLOTKOV ist es folglich die klare semantische Gliederbarkeit, die eine Wendung wie

(50) dat' soglasie

gegenüber

(50') soglasit'sja

auszeichnet - im Gegensatz zu

(51) bit' bakluši

gegenüber

(51') bezdel'ničat',

die ihn veranlaßt, FVG nicht als phraseologische Wortverbindungen zu betrachten (MOLOTKOV 1977, 52 ff.; 1978, 14 f.). Das ausschlaggebende Kriterium, das MOLOTKOV formuliert, um Phraseologismen anzusetzen (die Ganzheitlichkeit der Wendungsbedeutung, die sich nicht (mehr) aus den Einzelbedeutungen ihrer Komponenten herleiten läßt (MOLOTKOV 1978, 7)) ist für ihn in FVG dann selbstverständlich nicht erfüllt¹⁸.

Auf eine ähnliche Weise argumentiert auch GAK 1977, 202 ff. Er gesteht FVG zu, auf der Ebene der lexikalischen Verbindbarkeit *f i x i e r t e S y n t a g m e n* ("fiksirovannye slovosočetanija") zu bilden, d.h. in den Auswahlmöglichkeiten der sie konstituierenden Lexeme beschränkt zu sein. Als Extremfall dieser Fixiertheit lexikalischer Kookkurrenzen ist dabei das Auftreten von Archaismen zu betrachten, die nur in wenige hochstabile Verbindungen eingehen; vgl. z.B.

(52) bljusti porjadok (zakon, interesy)
vozložit' otvetstvennost'
(GAK 1977, 212)

FVG sind für GAK jedoch keine phraseologischen Einheiten, da sie die Bedingung der "Idiomatizität" nicht erfüllen, d.h. der - wie auch immer gearteten - Umdeutung ihrer Komponenten in den betreffenden Wendungen. Vor allem sie ist es, die für GAK neben anderen Gesichtspunkten den phraseologischen Charakter einer Wortverbindung bestimmt (GAK 1977, 205).

Andere Forscher sprechen sich dafür aus, FVG dem Grenzbe-
reich zwischen Syntax und Phraseologie zuzuordnen, so z.B. PROKOPOVIČ 1969, 48 und FLEISCHER 1982, 135 ff. Ausschlaggebend für diese Einordnung der FVG in eine Übergangszone zwischen freien und nichtfreien Wortverbindungen ist die häufig "serielle" - im Verständnis von ČERNYŠEVA 1975, 206 ff. - Verknüpfungsart ihrer Konstituenten und die in der Regel damit verbundene partielle Umdeutung der Gesamtverbindung. Die serielle Bildung von FVG zeigt sich diesen Autoren zufolge in der nur gering ausgeprägten Stabilität dieser Wendungen, da deren verbale Komponente mit einer Reihe (Serie) von Nomina verknüpft werden kann; vgl. z.B.

(53) vesti rabotu (kružok, trgovlju, lov, reportaž, ...)

(54) proizvodit' analiz (sev, vpečatlenie, remont, osmotr, uplatu, ...)

In dieser Eigenschaft kommen FVG den freien Wortverbindungen sehr nahe. FLEISCHER charakterisiert FVG dementsprechend auch als *Phraseoschablonen*, d.h. als "idiomatische" syntaktische Konstruktionen, die in gewissem Umfang eine variable lexikalische Füllung zulassen. (FLEISCHER 1982, 135 ff.; vgl. in diesem Zusammenhang auch ŠMELEVs und LEONIDOVA's "frazeoschemy; ŠMELEV 1960; 1976, 136; 1977, 327 ff.; LEONIDOVA 1978).

Während MOLOTKOV die semantische Unteilbarkeit bzw. GAK eine - mehr oder weniger starke - Umdeutung aller beteiligten Wortverbindungskomponenten für Phraseologismen postulieren, stellen ŠANSKIJ 1969, 22, 97; KOPYLENKO/POPOVA 1972, 40 ff.; KOPYLENKO 1973, 73 ff.; ŠUBINA 1973; TOLIKINA 1978 und DERIBAS 1983, 5 andere Gesichtspunkte von FVG in den Vordergrund, die es ihnen erlauben, ebenfalls diese Syntagmen als "phraseologische Einheiten" (= ŠANSKIJ's "frazeologičeskie oboroty" bzw. MOLOTKOV's "frazeologizmy") einzustufen. Die genannten Forscher(innen) teilen die Auffassung, daß das Ausmaß der semantischen Verschmolzenheit von FVG auch gering sein kann, indem nur einer ihrer Bestandteile eine gebundene (= wendungsspezifische oder "idiomatische") Bedeutung hat, die in einer noch durchsichtigen Motivationsbeziehung zur wendungsexternen primären Bedeutung des Lexems stehen muß¹⁹; so z.B. "prinjat'" in

(55) prinjat' rešenie

im Gegensatz zu

(55') prinjat' tovar (ŠANSKIJ 1969, 97)

Die Wendung bleibt semantisch gliederbar und kann aufgrund dieser Eigenschaften unter einen Typ von phraseologischen Einheiten subsumiert werden, den VINOGRADOV in seiner dreistufigen

Einteilung von phraseologischen Wortverbindungen "frazeologičeskie sočetanija" nennt (VINOGRADOV 1946; 1947; vgl. zu einer Erweiterung dieser Klassifikation ŠANSKIJ 1969, 76 ff.).

In der differenzierten Klassifikation der phraseologischen Wortverbindungen von KOPYLENKO, der - inspiriert vom Konzept der phraseologisch gebundenen Bedeutung, das VINOGRADOV formuliert hat (VINOGRADOV 1953, 16 ff.) - für zweigliedrige Syntagmen je nachdem, wie stark ihre Komponenten durch deren wendungsexterne Verwendung motiviert werden können, insgesamt 13 Klassen von phraseologischen Wortverbindungen, die konnotativen Verbindungen ("konnotativnye sočetanija"), unterscheidet, fallen die FVG in die Gruppe der konnotativen Verbindungen mit dem Sememtyp D_1K_1 ; vgl. z.B.

(56) zadat' (= K_1) vopros (= D_1) (KOPYLENKO/POPOVA 1972, 44)²⁰

Innerhalb VINOGRADOVs "frazeologičeskie sočetanija" bzw. KOPYLENKO's "konnotativnye sočetanija" des Sememtyps D_1K_1 bilden FVG dann insofern eine spezielle Unterklasse, als sie zwar über eine idiosynkratische Verbindbarkeit ihrer Konstituenten verfügen (GAKs "fixierte Syntagmen", s.o.), jedoch gleichzeitig häufig serielle (im Sinne von ČERNYŠEVA, s.o.) Bildungen in Form einer ausgeprägten Reproduzierbarkeit des Verbs bei Nomina bestimmter semantischer Gruppen und umgekehrt zulassen; vgl. z.B.

(57) toska (skuka, strach, zlo, ...) beret (ovladevaet, ochvatyvaet, ...) (TOLIKINA 1978, 64)²¹

Die (bilaterale) serielle Verknüpfungsart von FVG dürfte auch der wohl wichtigste Grund sein, der das Vorkommen dieses Konstruktionstyps in der Rede bestimmt. In der Fachliteratur wird, wie bereits herausgestellt (s. 2.1.), ständig hervorgehoben, daß zur Zeit in den meisten (europäischen) Sprachen die Bildung von FVG einer der aktivsten Prozesse überhaupt sei und die Verwendung dieser Einheiten quer

durch alle Textsorten und Stilregister immer stärker um sich greife (so z.B. VINOGRADOV 1936, 121; 1946; ARCHANGEL'SKIJ 1964 251; PROKOPOVIČ 1969, 47, 52; ČERMAK 1974, 288; GAK 1976, 88 f.; SCHMIDT 1968, 107; KOCHTEV 1980, 39), wengleich sich auch gewisse Schwerpunkte der Gebrauchssphäre von Funktionsverbgefügen klar abzeichnen, hier insbesondere der publizistische Stil (ROZENTAL'/TELENKOVA 1975, 38), aber auch der wissenschaftliche Stil sowie die Geschäfts- und Verwaltungssprache. Als die wichtigsten Triebkräfte, die für diese steile Karriere verantwortlich zu machen sind, werden immer wieder die folgenden aufeinander bezogenen Faktoren genannt. Viele Forscher begründen die allenthalben zu beobachtende Ausbreitung von FVG durch einen allgemeinen Strukturwandel, die Tendenz zum analytischen Sprachbau, die die verschiedenen Sprachen im Verbalbereich aufweisen (MORDVILKO 1964, 58 ff.; PROKOPOVIČ 1969, 47; V. POLENZ 1963, 22; SCHMIDT 1968, 109 f.). Ausschlaggebend für diesen Trend sollen kommunikative Gesichtspunkte sein. Dabei schälen sich das Streben nach Sprachökonomie, d.h. nach möglichst rationaler Bezeichnung und einfachen Satzmustern (GAK 1976, 88, 101 f.; V. POLENZ 1963, 22; SCHMIDT 1968, 107f.; EGGERS 1973) und/oder das Bedürfnis nach genauer Begriffsbestimmung bzw. -differenzierung (oder Verwissenschaftlichung) durch Abstraktion des Ausdrucks (HERINGER 1968, 35; SCHMIDT 1968, 107f.) als die beiden zentralen Argumentationslinien heraus. So wird insbesondere das Bedürfnis nach Ausdrucksökonomie und -standardisierung für die hohe Frequenz verantwortlich gemacht, die FVG vor allem in publizistischen, wissenschafts- und fachsprachlichen Texten haben (ROZENTAL' 1979, 37; KOCHTEV 1980, 39 f.; DERJAGINA 1987, 5). Diesem kommen die Wortverbindungen dadurch entgegen, daß sie sich zu einem gewissen Grad verfestigt oder klischiert haben und somit als formelhafte Syntagmen mit Modellcharakter schnell und bequem verfügbar sind (HELBIG/BUSCHA 1981, 81; DENISOV/MORKOVKIN 1978, 31; DERJAGINA 1987, 5).

Angesichts der unterschiedlichen Klassifikationsvorschläge, die in der sowjetischen Phraseologie für FVG gemacht worden

sind, erhebt sich die Frage, wie es zu diesen Divergenzen kommen kann. Verantwortlich zu machen ist hier das Kriterium der *Idiomatizität* oder *Umdeutung* der Wortverbindungskomponenten²². Es wird in bezug auf die FVG zu wenig explizit gemacht, und zwar sowohl als ein komparativer Begriff, der den Grad der semantischen (Nicht)Motivation der Wendung bestimmt, als auch im Hinblick darauf, daß Idiomatizität nur die verbale Konstituente der Wendung kennzeichnet. So finden sich FVG, die im Hinblick auf ihre verbale Komponente semantisch klar motiviert sind, z.B.

- (60) polučat' pomošč' - kak by polučat' čto-libo,
 davat' soglasie - kak by davat' čto-libo,
 delat' vyvod - kak by delat' čto-libo
 (einen) Eindruck machen - als ob etwas machen,

aber auch solche, die (synchron betrachtet) völlig undurchsichtig sind, z.B.

- (61) nesti vachtu (dežurstvo)
 zavjazivat' družbu
 pitat' uvaženie (prezrenie)
 einen Wettbewerb bestreiten

Zumindest für VINOGRADOV und KOPYLENKO dürften die Ausdrücke (61) nicht zu den FVG zählen (s. auch Anm. 19), was m.E. eine kontraintuitive Entscheidung darstellt (vgl. hierzu auch HARTENSTEIN 1989a).

Will man an dem Kriterium der Idiomatizität, das für die Ausgrenzung von nichtfreien Wortverbindungen eine zentrale Rolle spielt, festhalten, um FVG als einen besonderen Typ von phrasologischen Verbindungen zu definieren, ist es angebracht, zu vereinbaren, daß die verbale Konstituente dieser Konstruktionen gegenüber ihrem wendungsexternen Vorkommen umgedeutet sein muß (bis hin zur "Nullbedeutung"), die nominale Konstituente jedoch nicht. Bezieht man darüber hinaus noch die Eigenschaft der "Stabilität" mit ein, die die betreffenden Wendungen hinsichtlich ihrer verbalen Konstituente auszeichnet, z.B.

(62) navlekat' (na sebja) bedu (gnev, podozrenie, negodovanie) (DERIBAS 1983, 76),
 okidyvat' (čto-libo) vzgljadom (vzorom, glazami)
 (OŽEGOV 1982, 395),

so kann in der Tat eine beträchtliche Anzahl von FVG als phraseologische Einheiten explizit identifiziert werden. Selbstverständlich entbindet diese Vorgehensweise nicht davon, nach weiteren Kriterien zu suchen, um die Klasse der FVG auszugrenzen, und zwar sowohl innerhalb der Menge der phraseologischen Wortverbindungen als auch in bezug auf solche freien (weil weder idiomatischen noch stabilen) Wortverbindungen, die als FVG aufgefaßt werden sollen, da sie auf eine andere Weise "fixiert" sind.

2.1.2. Ein Definitionsvorschlag für Funktionsverbgefüge

Wie unter 2.1. vorgeführt, besteht in der Forschung zwar ein grundsätzliches Einvernehmen darüber, daß FVG sich von anderen Wortverbindungen durch sprachliche Besonderheiten unterscheiden, die vor allem ihre syntaktischen, semantischen und phraseologischen Eigenschaften betreffen; man ist sich jedoch nicht einig über Art und Umfang, die diese Besonderheiten von FVG im einzelnen umfassen sollen. Hieraus ergeben sich für Untersuchungen im Bereich dieser Konstruktionen Konsequenzen. Da eine (weitgehend) anerkannte Definition des Gegenstands **F u n k t i o n s v e r b g e f ü g e** fehlt, auf die man zurückgreifen könnte, ist es notwendig, einen eigenen Definitionsvorschlag für das Objekt zu unterbreiten. Dazu müssen einige sprachliche Eigenschaften explizit benannt werden, die es erlauben, bestimmte Wortverbindung(styp)en (des Russischen) unter das Etikett "Funktionsverbgefüge" zu subsumieren, und zwar solche Charakteristika, durch die sie sich von anderen (Typen von) Syntagmen unterscheiden. Selbstverständlich hat der Definitionsversuch in erster Linie die in der Fachdiskussion immer wiederkehrenden Aspekte von FVG zu berücksichtigen. Dieses hat allerdings die methodologische Konsequenz, daß eine distinkte kategoriale Ausgrenzung der FVG nicht zu erreichen

ist. Die komparativen Begriffe, insbesondere 'Desemantisierung' und 'Idiomatizität', mit denen die verbale Komponente der betreffenden Wendungen auf der semantischen und phraseologischen Ebene beschrieben wird (s. 2.1.1.2. / 3.), lassen nur die Möglichkeit einer graduellen oder komparativen Festlegung des Objektbereichs mit einem Zentrum, den "eindeutigen" FVG, und einer Peripherie, den "weniger klaren" Fällen, zu.²³

Was hat man nun unter FVG zu verstehen? Die Definition, für die hier plädiert werden soll, fußt auf Kriterien, die auf den drei Ebenen angesiedelt sind, die die Fachdiskussion für FVG geltend macht (s. 2.1.1.1.-3.). Ich schlage vor festzulegen, daß Wortverbindungen dann "eindeutige Fälle von" FVG sind, wenn sie die folgenden Bedingungen erfüllen. Sie haben zu genügen

- einem syntaktischen Kriterium:

FVG bestehen aus mindestens einer "nominalen" und einer "verbalen" Konstituente und bilden "exozentrische" Konstruktionen der Typen (3), (3'), (3'') und (5) (d.h. beide Konstituenten sind erforderlich, um eine grammatisch wohlgeformte Verbindung zu bilden);

- einem semantischen Kriterium:

Die nominale Konstituente kann durch "Situationsbezeichnungen", d.h. vorgangs- und zustandsbezeichnende Lexeme realisiert werden, sowie durch solche Lexeme, die die typischen "Mitspieler" einer Situation bezeichnen. Die verbale Konstituente kann durch Verben realisiert werden, die a) nur "grammatische" Inhalte ausdrücken, b) die "Phasen" 'Beginn', 'Fortdauer' und 'Ende' einer Situation bezeichnen und/oder c) über das Sem 'Kausation' verfügen; b) und c) dürfen darüber hinaus keine weiteren Seme enthalten;

- einem phraseologischen Kriterium:

FVG sind "phraseologische" Wortverbindungen, da die Auswahl ihrer verbalen Konstituente durch die nominale Konstituente auf idiosynkratische Weise bestimmt wird, indem ausdrucksseitige und inhaltsseitige Beschränkungen (Stabilität

bzw. Idiomatizität) wirksam werden bzw. indem eine weitere, sich mit beiden überschneidende Restriktion, die der "Parametrisität", greift (vgl. HARTENSTEIN 1989b).

Mein Definitionsvorschlag für FVG bedarf einiger Erläuterungen. Obige Kriterien stellen eine begriffliche Definition dar, d.h. sie geben auf explizite Weise einige sprachliche Eigenschaften der Gegenstände an, um deren Ausgrenzung es mir geht. Die Objekte können mit ihrer Hilfe identifiziert und zu einer Klasse zusammengefaßt werden, auf die man sich mit dem Terminus (oder Klassennamen) **F u n k t i o n s v e r b g e f ü g e** bezieht. Die Definition ist jedoch nicht operationaler Natur, da sie keine Verfahren angibt (und in ihrer Eigenschaft als Definition auch nicht angeben soll), die auf intersubjektiv nachvollziehbare Weise beschreiben, wie man darüber entscheiden kann, ob bzw. inwieweit eine gegebene Wortverbindung die in der Definition formulierten Charakteristika aufweist oder nicht.

Wie ist nun der Objektbereich beschaffen, den mein Definitionsvorschlag abdeckt? Welche Extension legt er für den Begriff 'Funktionsverbgefüge' fest? Syntagmen, die allen genannten Bedingungen genügen und somit das Zentrum des Gegenstands FVG bilden, sind z.B. die Ausdrücke (63); um die übereinzelsprachliche Gültigkeit meines Definitionsvorschlags zu verdeutlichen, sind die Beispiele aus verschiedenen Sprachen entnommen:

- (63) russ. prichodit' v otčajanie
 vyvodit' kogo-l. iz duševnogo ravnovesija
 izdavat' krik (šum, strekot, tresk, ...)
 nanosit' ranu (uščerb, vizit, vred)
 sozdavat' volokitu
 oderživat' pobedu (verch)
 podvergat' kogo-l. doprosu (ispytaniju, analizu, ...)
 idet koncert
 razdaetsja zvonok
 predloženie¹ kasaetsja kogo-l./čego-l.

dt.	in Wut geraten, einen Besuch abstatten, eine Haussuchung durchführen
ukr.	vykonuvaty kontrolju
čech.	činit nátlak
poln.	rzucać się do ucieczki
skr.	provoditi otpust
bulg.	davam topor
frz.-	effectuer un virement
engl.	to pay a visit
finn.	tehdä päätös (= wörtl. 'eine Entscheidung machen')

Wortverbindungen entfernen sich von den kanonischen FVG, z.B. den unter (63) genannten, in dem Maße, wie sie nicht alle oben genannten semantischen und phraseologischen Bedingungen erfüllen (eine Abweichung von den syntaktischen Bedingungen ist hier ausgeschlossen, da die durch sie festgelegten syntaktischen Relationen die Voraussetzung sind, um zwischen einem Verb und einem Nomen überhaupt eine Wortverbindung ansetzen zu können)²⁴. Der Übergang von einem FVG zu einer Kombination aus Vollverb und Nomen findet z.B. dann statt, wenn die Bedeutungen der betreffenden Verben weitere, über die oben genannten hinausgehende Seme umfaßt (s.o. (38), (38')). Übergangserscheinungen stellen auch solche Syntagmen dar, die ein Substantiv enthalten, das nicht mehr klar als typischer Mitspieler einer bestimmten Situation interpretiert werden kann, weil es in der gegebenen lexikalisch-semantischen Variante als semantischer Aktant mit mehreren Situationen in Zusammenhang gebracht werden kann; vgl. z.B.

(65) sažat' derevo
eine Lücke füllen .

im Gegensatz zu den Wendungen (49) (s.o.). Man hat es auch dann nicht mehr mit FVG zu tun, wenn das Verb gegen eine der oben genannten phraseologischen Bedingungen, z.B. die der Parametrität, verstößt; vgl. z.B.

(66) žuvstvovat' gnev (radost', vostorg, zavist' ...)

Ein weiteres Spezifikum meines Definitionsvorschlags besteht darin, daß er aus Gründen der besseren *V o r h e r - s a g b a r k e i t* die phraseologischen Kriterien, die FVG erfüllen müssen, vom Substantiv aus im Hinblick auf das Verb festlegt und nicht umgekehrt. Diese Untersuchungsperspektive führt dazu, daß Wortverbindungen, die vom formalen Bau aus betrachtet FVG gleichen, jedoch in bezug auf das in ihnen verwendete Nomen (hoch)stabil bzw. (hoch)idiomatisch sind, als FVG eingestuft werden können oder nicht. Die jeweilige Entscheidung hat in Abhängigkeit von den oben genannten semantischen Kriterien zu erfolgen, d.h. es muß überprüft werden, ob das gegebene Substantiv zu den Situationsbezeichnungen bzw. zu den Bezeichnungen für typische Mitspieler von Situationen zählt oder nicht.

So gesehen stellen die Wendungen

(67) brat' v klešči
 prinimat'sja za kartinu
 zur Welt kommen
 in Verruf bringen
 Abhilfe schaffen

FVG dar, nicht jedoch die Ausdrücke

(68) dat' (zadat') strekača (strečka)
 točit' lajasy (baljasy)
 sbivat' kogo-l. s pantalyku
 provalit'sja v tartarary
 Maulaffen feilhalten

Die hier formulierte Definition von FVG verzichtet bewußt darauf, eine paradigmatische lexikalische Eigenschaft dieser Wortverbindungen mit einzubeziehen, die in diesem Zusammenhang oft diskutiert und mitunter in den Status eines zentralen Definitionskriteriums für FVG erhoben wird. In der Literatur stößt man häufig auf den Hinweis, daß zu FVG in der Regel die

entsprechenden einfachen Verben existieren. Das ausdrucksseitige Charakteristikum dieser Grundverben wird daran festgemacht, daß sie dasselbe Wurzelmorphem wie das Substantiv in diesen Syntagmen haben²⁵, ihr inhaltsseitiges Kennzeichen ist es, aufgrund der besonderen semantischen Struktur, die vielen FVG zugesprochen wird (delexikalisiertes Verb - bedeutungshaltiges Nomen; s. 2.1.1.2.), diese Konstruktionen in zahlreichen Kontexten als Synonyme ersetzen zu können; vgl. z.B.

(70) proizvodit' otpravku gruzov samoletami <=> otpravljat' gruzu samoletami (PROKOPOVIČ 1969, 55)

(71) Wir geben den Mitarbeitern Nachricht <=> Wir benachrichtigen die Mitarbeiter (HELBIG/BUSCHA 1981, 75)

Die Tendenz, FVG zusätzlich in Abhängigkeit davon auszugrenzen, ob in der betrachteten Sprache ein ihrer nominalen Konstituente entsprechendes Grundverb vorhanden ist oder nicht, ist nicht neu. Bereits BALLY hat für die Identifikation von phraseologischen Wortverbindungen mit relativ geringem Verschmelzungsgrad ihrer Komponenten, seine séries phraséologiques (s. Anm. 21; vgl. auch ANUSIEWICZs analytische Konstruktionen (s.u.)), vorgeschlagen, die Existenz einer monolexematischen Entsprechung, allerdings ausschließlich als inhaltsseitiges Adäquat, zu fordern; vgl. z.B.

(72) prendre la fuite - fuir
manière d'agir - procédé (BALLY 1970, 77)

Diese Position wird in späteren Arbeiten zu FVG wieder aufgegriffen, wobei sie häufig dahingehend verändert wird, daß, wie bereits herausgestellt, das Substantiv von FVG und das entsprechende Simplex im Wurzelmorphem übereinstimmen müssen, d.h., das Substantiv dieser Wendungen wird nicht nur auf Nomina actionis, sondern auch auf deverbale Nomina festgelegt. Bemerkenswert ist in diesem Zusammenhang allerdings, daß nur wenige Forscher(innen) diese Korrelation zwischen FVG und Grundverb explizit hervorheben. Für PROKOPOVIČ (s.o.), MOLOTKOV 1977, 53

und FLEISCHER 1982, 141 f. dient das Vorhandensein eines Simplex, das den oben genannten Bedingungen genügt, eindeutig als ein zusätzliches Definitionskriterium, um FVG auszugrenzen, während VINOGRADOV 1938, 58; MORDVILKO 1964, 58 und KORNEV 1981, 45 diese Position eher implizit vertreten²⁶. Die sekundäre Rolle, die die Existenz eines entsprechenden Grundverbs für die genannten Autoren bei der Definition von FVG spielt bzw. zu spielen scheint, wird auch darin deutlich, daß Ausdrücke wie z.B.

(73) nanesti vizit
vesti vojnu (peregovory)
dat' audienciju
prinjat' mery,

die VINOGRADOV selbst nennt, von ihnen sicherlich durchweg als FVG anerkannt werden dürften.

Den Stellenwert eines z e n t r a l e n Definitionskriteriums hat das Vorhandensein eines einfachen Verbs, das über dasselbe Wurzelmorphem wie das entsprechende Nomen in der Wortverbindung verfügt, in der Konzeption der a n a l y t i - s c h e n K o n s t r u k t i o n e n ("konstrukcje analityczne") von ANUSIEWICZ 1978. In seiner an polnischem Material durchgeführten Untersuchung legt er fest, daß dieser Konstruktionstyp dann und nur dann anzusetzen ist, wenn ein mit ihm semantisch äquivalentes (Einzel)Lexem existiert, dessen lexikalisches Morphem substantiell mit dem lexikalischen Morphem übereinstimmt, aus dem das abhängige Wort in dem betreffenden Syntagma gebildet ist (ANUSIEWICZ 1978, 22). Diese Definition des Konzepts 'analytische Konstruktion' faßt den Gegenstandsbereich, den sie abdeckt, natürlich relativ weit, da sie nicht nur bestimmte syntaktische Kombinationen der beiden grammatischen Wortklassen Verb und Substantiv zuläßt. So liegen für ANUSIEWICZ analytische Konstruktion(styp)en in zweigliedrigen Ausdrücken wie z.B.

(74) akcja wymiany - wymiana
pojęcie rozwoju - rozwój

problem o charakterze specjalnym - specjalny problem
 łacina typu kościelnego - łacina kościelna
 na przestrzeni września - we wrześniu
 przy pomocy roweru - rowerem (ANUSIEWICZ 1978, 23, 34,
 39, 103)

vor sowie auch in FVG, die somit einen Typ der analytischen
 Konstruktionen bilden; vgl. z.B.

(75) doznawać złamania nogi - łamać (sobie) nogę
 być w poszukiwaniu czegoś - szukać
 iść do ataku - atakować
 przeprowadzać głosowanie - głosować
 zwracać się z prośbą do kogoś - prosić
 (ANUSIEWICZ 1978, 23, 72, 75, 78, 83)

Ausschlaggebend für die Entscheidung, eine analytische Kon-
 struktion anzusetzen, ist dabei immer, wie die Ausdrücke (74)
 und (75) verdeutlichen, die Tatsache, daß ein monolexematisches
 semantisches Äquivalent, z.B. für FVG ein entsprechendes Grund-
 verb (s. (75)), vorhanden ist, das dem formalen Kriterium in
 der Definition genügt, die ANUSIEWICZ vorschlägt.

Es ist nicht zu bestreiten, daß Definitionsbemühungen, die FVG
 nur unter der hier genannten formalen paradigmatischen Bedin-
 gung ansetzen wollen, gegenüber anderen Ausgrenzungsversuchen
 einen heuristischen Vorteil haben. Außerdem entledigen sie sich
 auf diese Weise automatisch des Problems, klären zu müssen, ob
 situationsbezeichnende Substantive und somit FVG auch in Fäl-
 len des metaphorischen bzw. metonymischen Gebrauchs von Kon-
 kreta vorliegen (s.o.).

Andererseits darf man nicht übersehen, daß Definitionen die-
 ses Zuschnitts dazu führen, den Objektbereich "FVG" einzu-
 schränken, und zwar auf eine unzulässige Weise. Eine wichtige
 Leistung, die diese Verbindungen im Wortschatzsystem erbringen
 können, kann in diesem Fall nicht gewürdigt werden. Man nimmt
 sich die Möglichkeit, FVG in ihrer Eigenschaft zu beschreiben,
 "lexikalische Lücken" zu füllen, die eine gegebene Sprache in
 bestimmten Subsystemen ihres Wortinventars aufweisen kann;

vgl. z.B.

(76) ispytyvat' otvraščenie	- *otvraščat'sja
in Abrede stellen	- *abreden
Anteil nehmen	- *anteilen ²⁷

Um diese Konsequenz zu vermeiden, habe ich meinen Definitionsvorschlag für FVG so formuliert, daß er nichts über eine wie auch immer geartete Koexistenz von FVG und entsprechendem einfachem Verb präjudiziert.

Anmerkungen

- 1 Diese Studie ist in Vorbereitung und soll 1990 in der Aufsatzserie "Slavistische Linguistik" (Slavistische Beiträge. München) veröffentlicht werden. Eine Untersuchung zu diachronen Aspekten der Funktionsverbgefüge des Russischen ist im Druck (s. HARTENSTEIN 1989a).
- 2 v. POLENZ nennt die entsprechenden Wortverbindungen
F u n k t i o n s v e r b f o r m e l n.
- 3 Eine Ausnahme bildet hier ANUSIEWICZ (s.u.).
- 4 Die FVGs sind schon lange vor dem Erscheinen der Arbeit von KORN (1958) Zielscheibe der Sprachkritik gewesen, so z.B. bei WUSTMANN; vgl. die folgende Feststellung:

"... Zum Schwulst gesellt sich aber hier noch etwas anderes: die höchst bedenkliche Neigung, den Verbalreichtum der Sprache gleichsam auf ein paar Formeln abzuführen, die alles Flektieren überflüssig machen. Wer von diesen sechs oder sieben Verbalsurrogaten (ziehen, bringen im Aktiv, gezogen oder gebracht werden, kommen, gelangen im Passiv; V.S.) glücklich noch ein Tempus und einen Modus bilden kann, der braucht sich nicht mehr mit Ablautreihen und schwankenden Konjunktivformen zu plagen ..." WUSTMANN 1935, 397 (zitiert nach SCHMIDT 1968, 111).
- 5 GAK 1976, 88 geht sogar so weit, zu behaupten, daß die intensive Ausbreitung von Funktionsverbgefügen ein universelles Phänomen sei, das sämtliche Sprachen aufweisen, u.a. auch solche ohne schriftliche Tradition. Im Zusammenhang mit dem synchronen Befund zur intensiven Gebrauchsausweitung der Funktionsverbgefüge darf nicht vergessen werden, daß das Phänomen als solches - zumindest in den europäischen Kultursprachen - relativ alt ist. Die gegenwärtigen Entwicklungstendenzen stellen daher keine sprachliche Neuerung dar, sondern sie nutzen nur seit langem vorgegebene strukturelle Möglichkeiten aus (vgl. zu diachronen Aspekten

von Funktionsverbgefügen im Russischen KOPYLENKO/POPOVA 1972, 92 ff.; KOPYLENKO 1973, 73 ff.; KOPYLENKO 1978; KOPORSKAJA 1988, 31 ff., 99 ff.; sowie für das Deutsche u.a. v. POLENZ 1963, 35 f.; HERINGER 1968, 118 ff.).

- 6 Ausschlaggebend für diese Schwerpunktsetzung sind m.E. wissenschaftsgeschichtliche Gründe, hier die herausragende Rolle, die der phraseologischen Forschung traditionell in der sowjetischen Linguistik zukommt.
- 7 In der Literatur werden diese Gesichtspunkte nicht immer explizit hervorgehoben, so z.B. bei v. POLENZ 1963; PROKOPOVIČ 1969; TOLIKINA 1968.
- 8 Potentielle syntaktische Leerstellen, die die FVG kraft ihrer Rektion eröffnen, sind im folgenden durch die Variablen X und Y ausgewiesen. In seiner morphosyntaktischen Realisierung kann der Kasusanschluß von FVG mit dem des entsprechenden Grundverbs, sofern ein solches vorhanden ist, zusammenfallen oder sich von ihm unterscheiden, vgl. z.B. "okazyvat' vlijanie na" und "vlijat' na Y", aber "somnevat'sja v Y-e" und "podvergat' Y somneniju".
- 9 Hierfür dürften semantische Gründe ausschlaggebend sein, da v. POLENZ solche Verben untersucht, mit denen als "Vollverb" räumliche Vorstellungen verbunden sind, z.B. "stehen", "kommen", "bringen", die jedoch als Funktionsverben zu einer zeitlichen Bewegung auf einen Vorgang oder Zustand hin umkategorisiert (metaphorisiert) werden, z.B. "in Bewegung bringen", "zur Diskussion stehen" (v. POLENZ 1963, 21 ff., 27 ff.).
- 10 Die unterschiedliche Einschätzung des syntaktischen Strukturtyps von FVG schlägt sich auch in den entsprechenden lexikographischen Arbeiten zum Russischen nieder. Während DERIBAS 1983 und DERJAGINA 1987 nur Konstruktionen des Typs (3') und (3'') vermerken, berücksichtigen andere Lexika auch den Typ (5), z.B. DENISOV/MORKOVKIN 1978; MEL'ČUK/ŽOLKOVSKIJ 1984.
- 11 Diese Erkenntnis veranlaßt PERSSON, zu fordern, daß die FVG (des Deutschen) nur mit Hilfe semantischer Kriterien auszugrenzen sind (PERSSON 1975, 18; s. 2.1.1.2).
- 12 Vgl. für das Englische FRASER 1970.
- 13 Die grammatischen Regeln, die diese Beschränkungen explizieren, formuliert MEL'ČUK in 1985, 477 f.; so z.B. für (18), indem er festlegt, daß ein Substantiv, das in eine *a p p r o x i m a t i v - q u a n t i t a t i v e* Konstruktion eingeht, die Fähigkeit einbüßt, durch vorangehende Adjektive modifiziert zu werden, usw.
- 14 Eine gegenteilige Auffassung vertreten FIX 1974-76, 305 ff. und TOLIKINA 1978, 66; letztere mit dem Argument, daß die Verben ja immer noch *I n h a l t e* ausdrücken und von einer *D e s e m a n t i s i e r u n g* daher keine

Rede sein könne. Überhaupt hat man den Eindruck, daß die sowjetische Forschung um das Desemantisierungspostulat häufig einen wahren "Eiertanz" veranstaltet. Einerseits ist immer wieder von der Delexikalisierung der Funktionsverben die Rede, andererseits vermeidet man es hartnäckig, sich zu der Erkenntnis durchzuringen, daß Funktionsverben auch völlig bedeutungs(ent)leer(t) sein können. Die bereits von VINOGRADOV geäußerte Auffassung zum Verb "okazyvat" (s.u.) bildet hier wohl die einzige, allgemein anerkannte Ausnahme; vgl. auch die Angabe zu diesem Lemma im Wörterbuch von OŽEGOV

- (22) okazyvat' = 'V sočetanii s nekotorymi suščestvitel'nymi oboznačæet dejstvie po značeniju dannogo suščestvitel'nogo', z.B. okazyvat' pomošč' (OŽEGOV 1982, 394)

Die Motive für diese zwiespältige Haltung sind offensichtlich darin zu suchen, daß man befürchtet, bei Anerkennung von total desemantisierten Funktionsverben das Lexem, als A u t o semantikon und im Zusammenhang damit das Syntagma als L e x e m kombination (slovosočëtanie) zu liquidieren. FVG würden in diesem Fall auf eine Ebene mit Verbindungen des Typs "budu pisat'", "byli otorvany" u.ä. (= MOLOTKOVs "analitičeskie formy slova" oder "analitičeskie slovosočëtanija"; vgl. MOLOTKOV 1977, 52) gestellt, die eine grammatische Wortform enthalten. So gesehen kommt der dezidierten Position von ARUTJUNOVA und MEL'ČUK zu den FVG, die innerhalb dieser Wortverbindungen auch eine größere Gruppe von völlig desemantisierten Funktionsverben zulassen (s.u.), in der (ex)sowjetischen Fachdiskussion eine Sonderstellung zu.

- 15 In ihrem Status als Funktionsverben treten sie allerdings zueinander in die Opposition "in Bewegung kommen" - "in Bewegung bringen" (HERINGER 1968, 103).
- 16 Die hier vorgeschlagene Präzisierung schließt die Existenz von ambigen Syntagmen aufgrund ko(n)textueller Faktoren selbstverständlich nicht aus, z.B. "polučat' nagraždenie" u.ä.
- 17 Zu einer entsprechenden Diskussion in der Germanistik s. PERSSON 1975, 13 ff.
- 18 Diese Position MOLOTKOVs ergibt sich unmittelbar aus dem restriktiven Verständnis von "Phraseologizität", das er vertritt.
- 19 Die Forderung nach einer (synchron) klaren Motivationsbeziehung läßt sich m.E. als implizites Definitionskriterium für FVG aus den genannten Arbeiten ableiten.
- 20 D₁ steht für primäres denotatives (= unmittelbar außersprachlich motiviertes) Semem, K₁ für ein konnotatives

(= immanent sprachlich motiviertes) Semem, das durch das primäre denotative Semem desselben Lexems motiviert ist (KOPYLENKO/POPOVA 1972, 40 ff.; KOPYLENKO 1973, 73 ff.). Vgl. zur Konzeption der gebundenen Bedeutung in der sowjetischen Phraseologie auch TELIJA 1976; TELIJA 1981; GAK 1976 und ŠMELEV 1977, 28 ff.

- 21 Die Erkenntnis ist nicht neu, daß FVG nichtfreie Wortverbindungen mit Modellcharakter darstellen, weil die Kohäsion zwischen ihren Konstituenten geringer ist als in anderen Typen von nichtfreien Verbindungen. So unterscheidet BALLY, der als Begründer der Phraseologie gilt (s. EISMANN 1984, 206) und die einschlägigen Arbeiten VINOGRADOVs stark inspiriert hat, bereits 1909 innerhalb der "phraseologischen Wendungen" ("locutions phraséologiques") die relativ gering verschmolzenen "phraseologischen Serien" ("séries phraséologiques", "groupements usuels") und die ganzheitlichen "phraseologischen Einheiten" ("unités phraséologiques") (BALLY 1970, 68 ff.). Die FVG, z.B.

(58) prendre une décision (la fuite, l'habitude),

fallen für ihn dabei in eine Unterklasse der phraseologischen Serien, die "verbalen Serien" ("séries verbales") (BALLY 1970, 72 f.). Im Zusammenhang mit der seriellen Verknüpfungsart der Komponenten von FVG ist allerdings zu berücksichtigen, daß der Austausch der Verben bei invariantem Nomen semantische Unterschiede nach sich ziehen kann, die z.T. regulärer Natur sind. So hat kürzlich WIERZBICKA an engl. Material darauf hingewiesen, daß "idioms" des Typs

(59) "to have a walk" bzw. "to take a walk"

sich dadurch unterscheiden, daß die Verben die Handlung u.a. als zeitlich und räumlich ungeplant ("to have") bzw. als zeitlich begrenzt und zielgerichtet ("to take") spezifizieren (WIERZBICKA 1988, 339 ff.).

- 22 Vgl. zum Idiomatizitätsbegriff auch TER-MINASOVA 1980, 91 ff.
- 23 Auf diese Problematik bei der Ausgrenzung von FVG weist auch HERMANN-DRESEL im Zusammenhang mit ihrem Definitionsvorschlag hin (HERMANN-DRESEL 1987, 33).
- 24 Die in der syntaktischen Bedingung enthaltene grammatisch-kategoriale Festlegung der Konstituenten von FVG erlaubt es zudem auch nicht, Wendungen als FVG zu betrachten, die anstelle eines Substantivs ein Adverb(ial) aufweisen; vgl. z.B.

(64) russ. byt' navesele
 dt. abspenstig (dingfest) machen
 frz. coucher par écrit

- 25 Die formalen Ableitungsbeziehungen zwischen Grundverb und Substantiv sind dabei bidirektional; vgl. z.B.

(69) prinosit' vred - vredit'
 okazyvat' pokrovitel'stvo - pokrovitel'stvovat'
 Einfluß ausüben - beeinflussen
 davat' obeščanie - obeščat'
 provesti vystuplenie - vystupit'
 zur Aufführung bringen - aufführen

- 26 HERMANN-DRESEL fordert in diesem Zusammenhang lediglich die Entsprechung zu einem potentiellen Grundverb, das zwar in der betrachteten Sprache nicht zu existieren braucht, jedoch in anderen als real vorkommende Einheit vorliegen muß (HERMANN-DRESEL 1987, 29, Anm. 1).

- 27 Korrelationstypen zwischen FVG und Grundverb wie sie z.B. die Ausdrücke

(77) okazyvat' davlenie - davit'
 Druck ausüben - drücken
 Platz nehmen - platzen
 den Ausschlag geben - ausschlagen

repräsentieren, fallen wegen der fehlenden semantischen Äquivalenz nicht unter die hier betrachteten Definitionen.

Literatur

- ANUSIEWICZ, J. (1978): Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim, Wrocław (= Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, Seria A, Nr.202).
- APRESJAN, Ju. D. (1967): Ėksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola, Moskva.
- APRESJAN, Ju. D. (1974): Leksičeskaja semantika - sinonimičeskie sredstva jazyka, Moskva.
- APRESJAN, Ju. D. (1982): O vozmožnosti opredelenija lingvističeskich ponjatij. In: Russian Linguistics 6, 172-196.
- ARCHANGEL'SKIJ, V. L. (1964): Ustojčivye frazy v sovremennom russkom jazyke, Rostov n/D.
- ARUTJUNOVA, N. D. (1976): Predloženie i ego smysl, Moskva.
- BALLY, Ch. (1970): Traité de stylistique française, Heidelberg (1909).
- BIRKENMAIER, W. (1987): Vergleichende Studien des deutschen und russischen Wortschatzes, Tübingen.
- BYLINSKIJ, K. I./ROZENTAL', Ė. D. (1957): Literaturnoe redak-tirovanie, Moskva.

- ČERMAK, F. (1974): Viceslovná pojmenování typu verbum - substantivum v češtině. Příspěvek k syntagmatice tzv. abstrakt. In: Slovo a Slovesnost 35, 287-306.
- ČERNÝŠEVA, I. I./STEPANOVA, M. D. (1975): Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache, Moskau.
- CHAFE, W. (1968): Idiomaticity as an Anomaly in Chomskyan Paradigm. In: Foundations of Language 4, 109-127.
- CHAFE, W. (1970): Meaning and Structure of Language, Chicago.
- DANIELS, K.-H. (1963): Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Nominaler Ausbau des verbalen Denkens. Sprache und Gemeinschaft, Studien III, Düsseldorf.
- DEMIDENKO, L.P. (1986): Rečevye ošibki, Minsk.
- DENISOV, P.N./MORKOVKIN, V. V. (¹1978): Učebnyj slovar' sočetaemosti slov russkogo jazyka, Moskva.
- DERIBAS, V. M. (³1983): Ustojčivye glagol'no-imennye slovosočetaanja russkogo jazyka. Slovar'-spravočnik, Moskva.
- DERJAGINA, S. I. (1987): Učebnyj slovar' glagol'no-imennych slovosočetaanj russkogo jazyka (na materiale obščestvenno-političeskich tekstov), Moskva.
- EGGERS, H. (²1973): Deutsche Sprache im 20. Jahrhundert, München.
- EISMANN, W. (1984): Russische Phraseologie. In: Handbuch des Russisten - Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen, H. JACHNOW (ed.), Wiesbaden, 206-240.
- ENGELLEN, B. (1968): Zum System der Funktionsverbgefüge. In: Wirkendes Wort 18, 289-303.
- ESAU, H. (1973): Nominalization and complementation in modern German, Amsterdam.
- ESAU, H. (1976): Funktionsverbgefüge revisited. In: Folia Linguistica 9, 135-160.
- FISCHER, M. (1977): Deutsche und englische Funktionsverbgefüge: Ein Vergleich, Ann Arbor.
- FIX, U. (1974-76): Zum Verhältnis von Syntax und Semantik im Wortgruppenlexem. In: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur 95, 214-318; 97, 7-78.
- FLEISCHER, W. (1982): Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache, Leipzig.
- FRASER, B. (1970): Idioms within a Transformational Grammar. In: Foundations of Language 6, 22-42.

- GAK, V. G. (1965): Desemantizacija jazykovogo znaka v analitičeskich strukturach sintaksisa. In: Analitičeskie konstrukcii v jazykakh različnyh tipov, V. M. ŽIRMUNSKIJ, O. P. SUNIK (eds.), Moskva/Leningrad, 129-142.
- GAK, V. G. (1976): Nominalizacija skazuemogo i ustranenie sub-ekta. In: Sintaksis i stilistika, G. A. ZOLOTOVA (ed.), Moskva, 85-102.
- GAK, V. G. (1977): Sopostavitel'naja leksikologija, Moskva.
- GÜNTHER, E./FÖRSTER, W. (1987): Wörterbuch verbaler Wendungen Deutsch-Russisch. Eine Sammlung verbal-nominaler Fügungen, Leipzig.
- HARTENSTEIN, K. (1989a): Die Funktionsverbgefüge des Russischen - einige Bemerkungen zu ihren synchronen und diachronen Eigenschaften. In: 988 - 1988 Tausend Jahre christliches Rußland - Vorträge zu einer Millenniumsfeier, Bochum November 1988, H. JACHNOW (ed.), Bochum (im Druck)
- HARTENSTEIN, K. (1989b): La notion de 'fonction lexicale' dans la conception lexicologique d'IGOR A. MEL'ČUK. In: Akten des 18. Internationalen Romanistenkongreß vom 19. bis 24. Mai 1986 an der Universität Trier, Tübingen (im Druck).
- HELBIG, G. (1979): Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen. In: Deutsch als Fremdsprache 5, 273-285.
- HELBIG, G./BUSCHA, J. (1981): Deutsche Grammatik - Ein Handbuch für den Ausländerunterricht, Leipzig.
- HERINGER, H.-J. (1968): Die Opposition von "kommen" und "bringen" als Funktionsverben. Untersuchungen zur grammatischen Wertigkeit und Aktionsart, Düsseldorf (= Sprache der Gegenwart Bd. III).
- HERMANN-DRESEL, E. (1987): Die Funktionsverbgefüge des Russischen und des Tschechischen, Frankfurt/M. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik A. Linguistische Reihe, Bd. 1).
- HERRLITZ, W. (1973): Funktionsverbgefüge vom Typ "in Erfahrung bringen". Ein Beitrag zur generativ-transformationellen Grammatik des Deutschen, Tübingen (= Linguistische Arbeiten Bd. 1).
- KLEIN, W. (1968): Zur Kategorisierung der Funktionsverben. In: Beiträge zur Linguistik und Informationsverarbeitung 13, 7-37.
- KOCHTEV, N. N. (1980): Stilističeskoe ispol'zovanie frazeologičeskich sredstv v jazyke gazety. In: Jazyk i stil' sredstv massovoj informacii i propagandy, D. Ė. ROZENTAL' (ed.), Moskva, 35-50.

- KOPORSKAJA, E. S. (1988): Semantičeskaja istorija slavjanizmov v ruskom literaturnom jazyke novogo vremeni, Moskva.
- KOPYLENKO, M. M. (1973): Sočetaemost' leksem v ruskom jazyke, Moskva.
- KOPYLENKO, M. M. (1978): Sočetaemost' glagolov udalenija s abstraktnymi suščestvitel'nymi v drevneslavjanskom literaturnom jazyke IX-Xv.v. In: Problemy ruskoj frazeologii - Respublikanskij sbornik, T. S. ROZANOVA (ed.), Tula, 18-30.
- KOPYLENKO, M. M./POPOVA, Z. D. (1972): Očerki po obščej frazeologii, Voronež.
- KORN, K. (1958): Sprache in der verwalteten Welt, Frankfurt/M.
- KORNEV, A. I. (1981): Rol' ustojčivych slovosočetanj v razvitii semantiki slova. In: Sovremennaja russkaja leksikografija 1980, A. M. BABKIN (ed.), Leningrad, 43-53.
- LEKANT, P. A. (1969): Razvitie form skazuemogo. In: VINOGRADOV (1969), 140-154.
- LEONIDOVA, M. A. (1978): Frazeoschema kak lingvističeskaja edinica promežutočnogo sintaksiko-frazeologičeskogo urovnja (na materiale russkogo i bolgarskogo jazykov). In: Slavjanska filologija 15, 219-229.
- MEL'ČUK, I. A. (1968): Ob odnom klasse frazeologičeskich sočetanj (Opisanie leksičeskoj sočetaemosti s pomošč'ju semantičeskich parametrov). In: Problemy ustojčivosti i variantnosti frazeologičeskich edinic, Tula, 51-65.
- MEL'ČUK, I. A. (1972): O suppletivizme. In: Problemy strukturnoj lingvistiki 1971, Moskva, 396-438.
- MEL'ČUK, I. A. (1974): Opyt teorii lingvističeskich modelej 'Smysl \Leftrightarrow Tekst'. Semantika, sintaksis, Moskva.
- MEL'ČUK, I. A. (1979): O padeže suščestvitel'nogo v ruskoj konstrukcii tipa "idti v soldaty". In: Svantevit V/1-2, 5-28 (überarbeitete und erweiterte Fassung in: MEL'ČUK (1985), 461-489).
- MEL'ČUK, I. A. (1982a): Lexical functions in lexicographic description. In: Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society, Berkeley, 427-444.
- MEL'ČUK, I. A. (1982b): Towards a language of linguistics. A system of formal notions for theoretical morphology, München.
- MEL'ČUK, I. A. (1985): Poverchnostnyj sintaksis russkich čislovyh vyraženij, Vena. (= Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 16).

- MEL'ČUK, I. A. (1988): *Dependency Syntax: Theory and Practice*, Albany.
- MEL'ČUK, I. A./ŽOLKOVSKIJ, A. K. (1984): *Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremennogo ruskogo jazyka - Opyty semantiko-sintaksičeskogo opisanija ruskoj leksiki*, Vena. (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 14).
- MOLOTKOV, A. I. (1977): *Osnovy frazeologii ruskogo jazyka*, Leningrad.
- MOLOTKOV, A. I. (²1978): *Frazeologizmy ruškogo jazyka i principy ich leksikografičeskogo opisanija*. In: *Frazeologičeskij slovar' ruskogo jazyka*, Moskva, 7-21.
- MORDVILKO, A. P. (1964): *Očerki po frazeologii (imennye i glagol'nye frazeologičeskie oboroty)*, Moskva.
- OŽEGOV, S. I. (¹⁴1982): *Slovar' ruskogo jazyka*, Moskva.
- PERSSON, I. (1975): *Das System der kausativen Funktionsverbgefüge. Eine semantisch-syntaktische Analyse einiger verwandter Konstruktionen*, Kristianstad (= Lunder Germanistische Forschungen Bd. 12).
- POLENZ, P. v. (1963): *Funktionsverben im heutigen Deutsch - Sprache in der rationalisierten Welt*, Düsseldorf (= Beihefte zur Zeitschrift "Wirkendes Wort" Nr.5).
- POLENZ, P. v. (1987): *Funktionsverben, Funktionsverbgefüge und Verwandtes. Vorschläge zur satzsemantischen Lexikographie*. In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 15/2, 169-189.
- PROKOPOVIČ, N. N. (1969): *Ob ustojčivych sočetanijach analitičeskoi struktury v ruskom jazyke sovetskoj epochi*. In: *VINOGRADOV (1969)*, 47-57.
- REGININA, K. V. et al. (1976): *Ustojčivye slovosočetanija ruskogo jazyka*, Moskva.
- ROTHKEGEL, A. (1973): *Feste Syntagmen. Grundlagen, Strukturbeschreibungen und automatische Analyse*, Tübingen (= Linguistische Arbeiten Bd. 6).
- ROZANOVA, V. V. (1966): *Sinonimija ustojčivych glagol'no-imennych sočetanij v sovremennom ruskom jazyke*. In: *Očerki po sinonimike ruskogo literaturnogo jazyka*, A.P. EVGEN'EVA (ed.), Moskva/Leningrad, 47-68.
- ROZENTAL', D. Ė. (ed.) (³1979): *Sovremennyj russkij jazyk. Č. 2. Sintaksis*, Moskva.
- ROZENTAL', D. Ė./TELENKOVA, M. A. (1975): *Praktičeskaja stilistika ruskogo jazyka*, Moskva.
- ŠANSKIJ, N. M. (²1969): *Frazeologija sovremennogo ruskogo jazyka*, Moskva.

- SCHMIDT, V. (1968): Die Streckformen des deutschen Verbums - Substantivisch-verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967, Halle (Saale).
- SCHUMACHER, H. (1987): Valenzbibliographie. (Stand: Dezember 1986), Mannheim.
- ŠMELEV, D. N. (1960): O "svjazannyh" sintaksičeskich konstrukcijach v rusckom jazyke. In: Voprosy jazykoznanija 5, 47-60.
- ŠMELEV, D. N. (1976): Sintaksičeskaja členimost' vyskazyvanija v sovremennom rusckom jazyke, Moskva.
- ŠMELEV, D. N. (1977): Sovremennyj rusckij jazyk. Leksika, Moskva.
- ŠUBINA, L. V. (1973): K voprosu o perifraze i strukturnyh osobennostjach ee glagol'nogo komponenta. In: Rusckij jazyk v nacional'noj škole 2, 75-78.
- TELIJA, V. N. (1976): Semantičeskij aspekt sočetaemosti slov i frazeologičeskaja sočetaemost'. In: Principy i metody semantičeskich issledovanij, V. N. JARCEVA (ed.), Moskva, 244-266.
- TELIJA, V. N. (1980): Semantika svjazannyh značenij slov i ich sočetaemost'. In: Aspekty semantičeskich issledovanij, N. D. ARUTJUNOVA, A. A. UFIMCEVA (eds.), Moskva, 250-319.
- TELIJA, V. N. (1981): Tipy jazykovyh značenij. Svjazannoe značenie slova v jazyke, Moskva.
- TER-MINASOVA, S. G. (1980): Sintagmatika reči: ontologija i evristika, Moskva.
- TOLIKINA, E. N. (1978): K voprosu o sistemnyh zakonomernostjach leksičeskoj sočetaemosti i processov frazooobrazovanija. In: Sovremennost' i slovari, F. P. FILIN, F. P. SOROKOLETOV (eds.), Moskva, 61-80.
- TROEBES, O. (1985): Fügungswörterbuch Deutsch-Russisch. Eine Sammlung häufig gebrauchter Wendungen für Wissenschaftler und Studenten, Leipzig.
- VINOGRADOV, V. V. (1936): Sovremennyj rusckij jazyk, Moskva.
- VINOGRADOV, V. V. (²1938): Očerki po istorii, rusckogo literaturnogo jazyka (XVII-XIX vv.), Moskva (¹1934).
- VINOGRADOV, V. V. (1946): Osnovnye ponjatija rusckoj frazeologii kak lingvističeskoj discipliny. In: Trudy jubilej nauč. sessii Leningrad. gos. univers., sekcija filolog. nauk, 45-69.
- VINOGRADOV, V. V. (1947a): Ob osnovnyh tipach frazeologičeskich edinic v rusckom jazyke. In: Akademik A. A. Šachmatov.

Trudy komissii po istorii AN SSSR 3. Moskva/Leningrad, 339-364.

VINOGRADOV, V. V. (1953): Osnovnye tipy leksičeskich značenij slov. In: Voprosy jazykoznanija 5, 3-29.

VINOGRADOV, V. V. (ed.) (1969): Mysli o sovremennom rusском jazyke, Moskva.

WIERZBICKA, A. (1988): The Semantics of Grammar, Amsterdam/Philadelphia.

WUSTMANN, G. (1935): Allerhand Sprachdummheiten, Berlin/Leipzig.

ŽOLKOVSKIJ, A. K./MEL'ČUK, I. A. (1967): O semantičeskom sin-teze. In: Problemy kibernetiki 19, 177-238.

Резюме

В статье трактуется тип широко распространенных в русском языке синтагм, так называемые "устойчивые глагольно-именные словосочетания" (или по немецкой терминологии "Funktionsverbgefüge"). Поскольку в лингвистике нет общепринятого представления об объеме этого понятия, анализ задается целью, с учетом важнейшей советской и немецкой исследовательской литературы разработать подходящее определение термина "устойчивые глагольно-именные словосочетания". При этом особенное внимание уделяется характерным синтаксическим, семантическим и фразеологическим свойствам этих выражений. Таким образом, очерчивая с достаточной точностью тот круг явлений, которые образуют объекты, подпадающие под понятие "устойчивые глагольно-именные словосочетания", предлагаемый здесь разбор указанных оборотов представляет собой необходимую предпосылку для дальнейшего функционального рассмотрения этих словосочетаний.

Roland Harweg, Bochum

RAHMENHALTIGE UND RAHMENLOSE
UND-HALTIGE SATZKOORDINATIONEN

1.

Die und-haltigen Satzkoordinationen, die Koordinationen von Sätzen mittels der Konjunktion und, erlauben, unter dem textologischen Gesichtspunkt des Modus ihrer unmittelbaren kontextuellen Einbettung, eine interessante Unterscheidung, nämlich die zwischen rahmenhaltigen und rahmenlosen Koordinationen, eine Unterscheidung, deren Interessanztheit vor allem darin liegt, daß sie verknüpft ist mit einer bestimmten Gesetzmäßigkeit, die Anzahl der Glieder dieser Koordinationen betreffend: die Gliederzahl der rahmenhaltigen Koordinationen ist, aufs Ganze gesehen, variabel, die der rahmenlosen ist dies nicht. Die rahmenhaltigen können sowohl zwei- als auch mehr-als-zweigliedrig sein, die rahmenlosen aber können nur zweigliedrig sein.

2.

Die rahmenhaltigen und-haltigen Satzkoordinationen - um mit diesen zu beginnen - sind Satzkoordinationen mittels der Konjunktion und, in deren unmittelbarem Kontext sich eine Äußerung befindet, die die durch die verschiedenen Glieder der Koordination zum Ausdruck gebrachten Sachverhalte abstraktiv zusammenfaßt, eine Äußerung, die die Koordinationsglieder selber konkretisierend zerlegen.

Diese die Inhalte der Koordinationsglieder abstraktiv zusammenfassende und die Koordination damit mit einer Art von Rahmen versehenen Äußerung kann zu der jeweiligen Koordination entweder in einer *g e n a u e n* oder in einer *v a g e n* Beziehung stehen. Dabei bezeichne ich als genau diejenige Beziehung, in der die Rahmenäußerung, sei es explizit, sei es implizit, einen Hinweis auf die Anzahl der Koordinationsglieder enthält, der Struktur der Koordination also so genau entspricht, daß die Anzahl der Koordinationsglieder aus ihr ablesbar ist, und als vage bezeichne ich diejenige Beziehung, in

der dies nicht der Fall ist.

Die g e n a u e n Beziehungen zwischen Rahmenäußerung und Koordination sind zugleich diejenigen, in denen die Koordinationsglieder in einer antithetischen Beziehung zueinander stehen und, kraft dieser Antithetik, eine regelhaft-vorhersagbare, nämlich aus je zwei - syntagmatisch kontrastiven¹ - Akzenten pro Koordinationsglied bestehende Akzentstruktur aufweisen. Beispiele für solche Beziehungen zwischen Rahmenäußerung und - zunächst zweigliedriger - Koordination sind die Satzfolgen

(1) Karl und Petra haben das letzte Jahr zum erstenmal getrennt Urlaub gemacht. Kárl ist nach Fránkreich gefahren, und Pétra hat eine Kreuzfahrt durchs Mittelmeer gemacht.

und

(2) A: Was machen Karl und Peter eigentlich? B: Kárl ist Referendár, und Péter studiert noch.

Im Rahmen der von mir als v a g e bezeichneten Beziehungen zwischen Rahmenäußerung und Koordination weisen die Koordinationsglieder, nicht antithetisch verwendet wie sie sind, keine solche regelhaft-vorhersagbare Akzentstruktur auf. Ihre Akzente sind nicht syntagmatisch, sondern paradigmatisch kontrastiver Natur, und deren Anzahl pro Koordinationsglied ist nicht generell festgelegt. Beispiele für diese Art von Beziehungen zwischen Rahmenäußerung und - zunächst wiederum zweigliedriger - Koordination bilden die Satzfolgen

(3) Die Erinnerung an Torre di Venere ist atmosphärisch unangenehm. Ärger, Gereiztheit, Überspannung lagen von Anfang an in der Luft, und zum Schluß kam dann der Chok mit diesem schrecklichen Cipolla, in dessen Person sich das eigentümlich Böartige der Stimmung auf verhängnishafte und übrigens menschlich sehr eindrucksvolle Weise zu verkörpern und bedrohlich zusammenzudrängen schien.²

(4) Hier ist "Einfried", das Sanatorium! Weiß und geradlinig

liegt es mit seinem langgestreckten Hauptgebäude und seinem Seitenflügel inmitten des weiten Gartens, (...) und hinter seinen Schieferdächern ragen tannengrün, massig und weich zerklüftet die Berge himmelan.³

und

- (5) (...). Man wird wohl sagen müssen, daß der induktive Weg, das Ausgehen von den sprachlichen Erscheinungen allein, offenbar zu weitläufig ist. Eine jede Einzelsprache bereits ist ein so weitschichtiges Gebilde, daß man beim Durchwandern ihrer vielverzweigten Gebiete einen Wegweiser nicht entbehren kann. Und die Gesamtheit der Sprachprobleme ist noch nicht einmal zu fassen, geschweige denn zu bewältigen, wenn man sie nicht in dem übersichtlichen Plan einer Gesamtschau aufweist und ordnet.⁴

Sowohl die rahmenhaltigen Koordinationen, die mit ihrer Rahmenäußerung in einer numerologisch genauen, als auch die rahmenhaltigen Koordinationen, die mit ihrer Rahmenäußerung in einer numerologisch vagen Beziehung stehen, können, statt zweigliedrig, ebensogut auch mehr-als-zwei-gliedrig sein. Ein Beispiel für eine mehr-als-zwei-gliedrige Koordination des ersteren Typs ist etwa die Koordination in der Satzfolge

- (6) A: Was haben die vier denn eigentlich über Weihnachten und Silvester gemacht? B: Ach, Karl ist nach Frankreich gefahren, Petra ist nach Mallorca geflogen, Erika hat eine Kreuzfahrt gemacht, und Heinz ist zu Hause geblieben,

und Beispiele für mehr-als-zwei-gliedrige Koordinationen des letzteren Typs sind etwa die Koordinationen in den - mit einer jeweils vagen Fusion der Koordinationsglieder beginnenden - Satzfolgen

- (7) Ende Februar, an einem Frostage, reiner und leuchtender als alle, die vorhergegangen waren, herrschte in "Einfried" nichts als Übermut. Die Herrschaften mit den

Herzfehlern besprachen sich untereinander mit geröteten Wangen, der diabetische General trällerte wie ein Jüngling, und die Herren mit den unbeherrschten Beinen waren ganz außer Rand und Band.⁵

(8) So anregend die Gedanken Käte Hamburgers sind, so fordern sie doch zu entschiedenem Widerspruch heraus. Franz Stanzel hat bereits darauf hingewiesen, daß man den Roman nicht zerreißen darf in einen Ich-Roman und einen Er-Roman; Ulrich Busch hat betont, daß man das fiktionale und literarische Erzählen nicht vom wirklichen Erzählen trennen darf; und ich füge hinzu, daß man das Präteritum nicht von den anderen Tempora trennen und aus dem ganzen Tempussystem der Sprache herauslösen darf⁶

(9) Es regnete (...). Die Straßen, die Avenuen (...) glänzten vor Nässe, den Gehsteigen entlang flossen Rinnsale, Bäche, kleinere Flüsse, die Automobile schwammen herum, die Menschen gingen unter Schirmen (...), die Riesen, Putten und Aphroditen, die teils die Balkone der Palais und Hotels trugen, teils sonst an den Fassaden klebten, troffen (...), und unter dem griechischen Giebel des Parlaments suchten zwischen den Beinen und Brüsten der patriotischen Reliefs die Tauben Schutz⁷

und

(10) Es ist nicht schwer, jemanden zu verwirren und abzuschrecken, der nach einer tieferen Einsicht und Belehrung im Bereich der Sprache sucht. Gibt man ihm ein Wörterbuch in die Hand, so wird es ihm kaum gelingen, aus Tausenden von Einzelteilchen ein Ganzes zu machen. Verweist man ihn auf eine Grammatik, so werden Hunderte von vergeblichen Schulbemühungen geweckt und bestätigt. Eine historische Grammatik mit dem schweren Rüstzeug von Laut- und Formenlehre ist selbst dem Fortgeschrittenen noch eine harte Nuß. Ein etymologisches Wörterbuch hat wohl den Stoff für manche anziehende Herleitung und Wortgeschichte, aber es bedarf schon eines

sehr sachverständigen Führers, um diese Angaben mit Leben zu erfüllen. Und selbst die ansprechendste Form, in der sich die wissenschaftliche Darstellung einer Sprache findet, eine Geschichte des Deutschen oder einer anderen Sprache, hinterläßt wohl einen starken Eindruck von dem Reichtum und der Weite einer Sprachwelt; aber nur selten eröffnet sie einen Blick hinter die Erscheinungen, eine Einsicht in die treibenden Kräfte und die wirkliche Bedeutung dieses Geschehens.⁸

3.

Im Unterschied zu den rahmennhaltigen und-haltigen Satzkoordinationen sind die rahmenlosen, also diejenigen durch die Konjunktion und verbundenen Satzkoordinationen, die k e i - n e sie auf abstraktiv-fusionierende Weise zusammenfassen und durch sie selber konkretisierend entfalteten Rahmenäußerungen kennen, weder solche, die die Koordination auf numerologisch genaue, noch solche, die sie auf numerologisch vage Weise abstraktiv zusammenfaßten, - im Unterschied also zu den rahmennhaltigen sind diese r a h m e n l o s e n Koordinationen stets nur z w e i g l i e d r i g. Schaut man, wo, innerhalb der Matrix eines Textes, solche rahmenlosen Koordinationen begegnen, versucht man zu eruieren, ob sie vielleicht einen bevorzugten textologischen Vorkommensort haben, so stellt man schnell fest, daß dies nicht der Fall ist, daß diese Koordinationen vielmehr durchaus an beliebigen Stellen eines Textes vorkommen können. Doch gibt es natürlich gleichwohl Gesichtspunkte, - ich denke an solche der Evidenz und, damit verbunden, solche der Einfachheit der Demonstration -, unter denen die textologisch-topologische Provenienz dieser Koordinationen nicht ganz gleichgültig ist. Und die unmittelbarste Evidenz und die einfachste Form der Demonstrierbarkeit eignet zweifellos denjenigen Koordinationen, die t e x t - e i n l e i t e n d stehen; denn insofern, als sie texteinleitend stehen, geht ihnen ja keine Äußerung mehr voraus, die, bevor ein Urteil über den Status der Koordination gefällt werden könnte, erst ihrerseits noch auf ihren Status hin unter-

sucht, das heißt: befragt werden müßte, ob sie, in bezug auf die Koordination, als eine Rahmenäußerung fungiert oder ob sie eine solche Funktion nicht hat. Freilich, eine absolute Gewähr dafür, daß eine solche Rahmenäußerung nicht vorhanden ist, bildet auch ein texteinleitendes Vorkommen der Koordinationen nicht; denn eine Rahmenäußerung kann, statt der Koordination voraufzugehen, ihr auch *f o l g e n*, statt sie abstraktiv zu antizipieren und vorzubereiten, sie auch rekapitulieren und resümieren. Aber das ist, ganz abgesehen davon, daß es auch im Inneren von Texten möglich ist, doch wohl der seltenere Fall, und so empfiehlt es sich also, die rahmenlosen Koordinationen, zumindest zunächst, an Beispielen von texteinleitenden - oder zumindest an auf textanfangsförmige Weise kapitелеinleitenden - Koordinationen vorzustellen; denn diese zwingen lediglich, auf ihr unmittelbares Nachfeld zu achten.

Solche Koordinationen sind zum Beispiel enthalten in den text- oder großkapitелеinleitenden Satzfolgen

- (11) Seit dem Erscheinen der ersten Auflage dieses Buches sind mittlerweile zehn Jahre vergangen, und die linguistische Forschungsrichtung, zu deren Konstituierung es seinerzeit einen der ersten Anläufe unternommen hat, hat sich inzwischen als eine vergleichsweise eigenständige linguistische Teildisziplin etabliert, als eine linguistische Teildisziplin, die, vor allem im deutschsprachigen Raum, auf ein ständig zunehmendes Interesse stößt.

(Daß jene Forschungsrichtung diesen Status erlangt hat, verdankt sie nicht so sehr der Spezifität einer bestimmten Methode als vielmehr der Spezifität ihres Gegenstandes. (...))⁹

- (12) Lieber Herr O.:

Das Schicksal unserer Zeitschrift beschäftigt mich andauernd, und ich habe, seit G. bei uns ist, mit ihm viel darüber gesprochen. Sein Wunsch und Ehrgeiz, die Redaktion im Frühjahr zu übernehmen ist sehr groß, und

sein Selbstvertrauen, die Zeitschrift in einem Geist führen zu können, der ihr die notwendigen neuen Freunde gewinnen wird, macht mir Eindruck. (Freilich glaube ich, daß er für den literarisch-schöngeistigen Teil des Blattes einen Berater haben müßte; (...))¹⁰

(13) Liebes Kindchen,

wir haben uns sehr lange nicht gesehen, und da es ganz ungewiß ist, wann wir wieder nach Chicago kommen, so möchte ich sehr gern, daß Du recht bald zu uns kommst. Eine kleine Ausspannung wird Dir gewiß auch gut tun, und hier wehen schon Frühlingslüfte. (Es ist eine herzliche Einladung, kurzfristig gemeint, und die Spesen sind natürlich unsere Sache. Wenn man von all den Billionen liest, die für schlechtere Zwecke ausgeworfen werden, so wird man auch großzügig.)¹¹

und

(14) Für den modernen, an Mathematik und Naturwissenschaft geschulten Betrachter ist der Klang das erste und objektivste, was er an der Sprache beobachten kann, und tatsächlich haben wir hier einen physikalischen Vorgang vor uns, den wir beobachten, wenn nötig messen und (durch Aufnahme auf Platten) festhalten können. Das Urteil ist nicht auf den Beobachter allein beschränkt, sondern die Tatsachen sind objektiv und materiell kontrollierbar, und das fällt vor allem ins Gewicht gegenüber der Beobachtung der Inhalte, die nur erlebt werden können und für die daher eine objektive Prüfung von außen viel weniger möglich ist.

(Zwar müssen wir hier gegenüber dem naiven Sprachbewußtsein Vorsicht walten lassen. (...)).¹²

Die Rahmenlosigkeit der Koordinationen, sowohl der initialen als auch der subsequentialen, die sich in diesen Satzfolgen finden, ist offensichtlich; denn die Äußerungen, die auf diese Koordinationen, die initialen wie die subsequentialen, jeweils folgen, fassen dieselben jeweils nicht rekapitulierend oder resümierend zusammen.

4.

Die Koordinationen in den Satzfolgen (11) - (14) sind - was zu demonstrieren war - zweigliedrig, sind zweigliedrig, wie es sich für rahmenlose Koordinationen gehört. Aber wenn es sich, wie es meine These ist, für rahmenlose Koordinationen "g e h ö r t", daß sie zweigliedrig sind und auch dies demonstriert werden soll, dann genügt es nicht, rahmenlose Koordinationen nur in der ihnen zukommenden Zweigliedrigkeit vorzuführen, dann müssen wir sie, im Sinne eines Beweises ex negativo, auch in der - ihnen n i c h t zukommenden - Mehr-als-zwei-Gliedrigkeit vorführen. Ich werde deshalb versuchen, die vorgeführten initialen Koordinationen zu mehr-als-zwei-gliedrigen zu erweitern.

Diese Erweiterung kann im Prinzip auf zweierlei Art und Weise erfolgen, entweder so, daß man dem Text weitere Bestandteile einfügt, oder aber so, daß man bereits in ihm enthaltene transformiert. Die Methode, für die ich mich im folgenden entschieden habe - für die ich mich aber auch nur habe entscheiden können, weil ich bereits bei der Wahl der Beispiele darauf geachtet habe, daß diese mir diese Entscheidung erlauben würden - ist die letztere. Dabei transformiere ich in Satzfolge (11) die auf das zweite Koordinationsglied folgende - oder, wenn man so will, noch zu ihm gehörende - Apposition und in den Satzfolgen (12), (13) und (14) jeweils die auf die initiale Koordination folgende und auch ihrerseits jeweils eine Koordination manifestierende Satzverbindung. In Satzfolge (11) entsteht damit eine dreigliedrige Satzkoordination, in den Satzfolgen (12), (13) und (14) hingegen entstehen auf diese Weise jeweils viergliedrige Satzkoordinationen.

Bevor ich diese Transformationen vornehmen kann, habe ich jedoch, gleichsam präparatorisch, noch eine andere Art von Transformationen vorzunehmen, eine Art von Transformationen nämlich, die zeigen soll, daß die eigentlichen, also die zu den mehr-als-zwei-gliedrigen Satzkoordinationen führenden Transformationen semantisch möglich sind. Der Aufweis ihrer semantischen Möglichkeit aber ist notwendig, damit ausgeschlossen werden kann, daß die Inakzeptabilität der mehr-als-zwei-gliedrigen rahmenlosen Satzkoordinationen statt auf

deren Rahmenlosigkeit bereits auf die mangelnde Koordinierbarkeit ihrer oder zumindest: zweier ihrer Glieder zurückgeführt werden kann; denn was demonstriert werden soll, ist ja lediglich eine numerologische Restriktion, nämlich das Verbot der Mehr-als-zwei-Gliedrigkeit der rahmenlosen Satzkoordinationen, und das ist nur möglich, wenn sichergestellt ist, daß die mehr-als-zwei-gliedrigen rahmenlosen Satzkoordinationen nicht schon in außernumerologischer Hinsicht inakzeptabel sind.

Die Ziele, die diese präparatorischen Transformationen in den Satzfolgen (11) - (14) verfolgen, sind, obwohl im Grunde identisch, so doch an der Oberfläche zum Teil unterschiedlich. Zwar versuchen sie alle gewisse Ausdrücke in nichtinitiale oder genauer: zweite Glieder einer und-haltigen Satzkoordination zu verwandeln, aber während die präparatorische Transformation in Satzfolge (11) dies mit der an das zweite Koordinationsglied derselben anschließenden Apposition, also dem Ausdruck "als eine linguistische Teildisziplin, die, vor allem im deutschsprachigen Raum, auf ein ständig zunehmendes Interesse stößt" versucht, versuchen die präparatorischen Transformationen in den Satzfolgen (12) - (14) dies mit dem auf das zweite Glied von deren erster Koordination folgenden ersten Glied von deren zweiter Koordination, also mit den Koordinationsgliedern "Sein Wunsch und Ehrgeiz, die Redaktion im Frühjahr zu übernehmen, ist sehr groß" bzw. "Eine kleine Ausspannung wird Dir gewiß auch gut tun" bzw. "Das Urteil ist nicht auf den Beobachter allein beschränkt, sondern die Tatsachen sind objektiv und materiell kontrollierbar". Dieser Versuch scheint jedoch in keiner dieser Satzfolgen erfolgreich zu sein, wenn nicht zugleich die bereits bestehenden Koordinationen aufgelöst werden. Dies aber ist, wenn auch manchmal nur unter leichter Modifikation speziell des Schlußgliedes der ursprünglichen Zweitkoordination und/oder des auf diese folgenden Textteils oder Textteilanschlusses, tatsächlich möglich - alles zusammengenommen jeweils ein Prozeß, der letzten Endes so etwas wie eine Koordinations- oder Koordinationssequenz v e r s c h i e b u n g darstellt und unter diesem Aspekt sogar eine separate und grundsätzliche Unter-

suchung verdiente. Angewandt auf die Satzfolgen (11) - (14), aber ergeben diese Prozesse, der Reihe nach, die Satzfolgen

(15) Seit dem Erscheinen der ersten Auflage dieses Buches sind mittlerweile zehn Jahre vergangen. Die linguistische Forschungsrichtung, zu deren Konstituierung es seinerzeit einen der ersten Anläufe unternommen hat, hat sich inzwischen als eine vergleichsweise eigenständige linguistische Teildisziplin etabliert, und diese Teildisziplin stößt, vor allem im deutschsprachigen Raum, auf ein ständig zunehmendes Interesse

(16) Lieber Herr O.:

Das Schicksal unserer Zeitschrift beschäftigt mich andauernd. Ich habe, seit G. bei uns ist, mit ihm viel darüber gesprochen, und sein Wunsch und Ehrgeiz, die Redaktion im Frühjahr zu übernehmen, ist sehr groß. Sein Selbstvertrauen, die Zeitschrift in einem Geist führen zu können, der ihr die notwendigen neuen Freunde gewinnen wird, macht mir Eindruck, nur glaube ich freilich, daß (...)

(17) Liebes Kindchen,

wir haben uns sehr lange nicht gesehen. Da es ganz ungewiß ist, wann wir wieder nach Chicago kommen, so möchte ich sehr gern, daß Du recht bald zu uns kommst, und eine kleine Ausspannung wird Dir gewiß auch gut tun. Hier wehen übrigens schon Frühlingslüfte

und

(18) Für den modernen, an Mathematik und Naturwissenschaft geschulten Betrachter ist der Klang das erste und objektivste, was er an der Sprache beobachten kann. Tatsächlich haben wir hier einen physikalischen Vorgang vor uns, den wir beobachten, wenn nötig messen und (durch Aufnahme auf Platten) festhalten können, und das Urteil ist nicht auf den Betrachter allein beschränkt, sondern die Tatsachen sind objektiv und materiell kontrollierbar. Das fällt vor allem ins Gewicht

gegenüber der Beobachtung der Inhalte, die nur erlebt werden können und für die daher eine objektive Prüfung von außen viel weniger möglich ist.

Es sind Satzfolgen, die zeigen, daß diejenigen Bestandteile der Satzfolgen (11) - (14), die, ohne daß sie in ihnen als nichtinitiale Koordinationsglieder fungiert hätten, in den noch vorzuführenden Transformaten dieser Satzfolgen in Form von drei- bzw. viergliedrigen - rahmenlosen - und-haltigen Satzkoordinationen als solche fungieren sollen, im Rahmen z w e i gliedriger rahmenloser und-haltiger Satzkoordinationen tatsächlich als solche fungieren können.

Die noch vorzuführenden Transformaten der Satzfolgen (11) - (14), welche die Form von drei- bzw. viergliedrigen - rahmenlosen - und-haltigen Satzkoordinationen haben und welche, vorbereitet durch unsere präparatorischen Transformaten (15) - (18), unser eigentliches Demonstrationsobjekt darstellen, sind die - die Koordinationsglieder durch Semikola voneinander abgrenzenden - Satzfolgen

(19) Seit dem Erscheinen der ersten Auflage dieses Buches sind mittlerweile zehn Jahre vergangen; die linguistische Forschungsrichtung, zu deren Konstituierung es seinerzeit einen der ersten Anläufe unternommen hat, hat sich inzwischen als eine vergleichsweise eigenständige linguistische Teildisziplin etabliert; und diese Teildisziplin stößt, vor allem im deutschsprachigen Raum, auf ein ständig zunehmendes Interesse

(20) Lieber Herr O.:

Das Schicksal unserer Zeitschrift beschäftigt mich andauernd; ich habe, seit G. bei uns ist, mit ihm viel darüber gesprochen; sein Wunsch und Ehrgeiz, die Redaktion im Frühjahr zu übernehmen, ist sehr groß; und sein Selbstvertrauen, die Zeitschrift in einem Geist führen zu können, der ihr die notwendigen neuen Freunde gewinnen wird, macht mir Eindruck

(21) Liebes Kindchen,

wir haben uns sehr lange nicht gesehen; da es ganz ungewiß ist, wann wir wieder nach Chicago kommen, so möchte ich sehr gern, daß Du recht bald zu uns kommst; eine kleine Ausspannung wird Dir gewiß auch gut tun; und hier wehen schon Frühlingslüfte

und

(22) Für den modernen, an Mathematik und Naturwissenschaft geschulten Betrachter ist der Klang das erste und objektivste, was er an der Sprache beobachten kann; tatsächlich haben wir hier einen physikalischen Vorgang vor uns, den wir beobachten, wenn nötig messen und (durch Aufnahme auf Platten) festhalten können; das Urteil ist nicht auf den Beobachter allein beschränkt, sondern die Tatsachen sind objektiv und materiell kontrollierbar; und das fällt vor allem ins Gewicht gegenüber der Beobachtung der Inhalte, die nur erlebt werden können und für die daher eine objektive Prüfung von außen viel weniger möglich ist.

Diese Satzfolgen zeigen, zumal wenn sie gelesen werden, wie mehr-als-zwei-gliedrige Koordinationen zu lesen sind, nämlich aufzählungsartig und so, daß man die intonationelle Spannung erst nach dem Schlußglied, nämlich durch die satzschlußtypische Stimmregistersenkung, löst, - diese Satzfolgen also machen deutlich, daß mehr-als-zwei-gliedrige und-haltige Satzkoordinationen zu ihrer Akzeptabilität, anders als zweigliedrige, einer sie abstraktiv zusammenfassenden Rahmenäußerung bedürfen. Eine solche Rahmenäußerung aber haben sie, stellen wir sie in den Kontext, dem ihre Vorlagen, ihre nur zweigliedrige Koordinationen aufweisenden Transformationssubstrate, entnommen sind, das heißt, stellen wir sie in den Kontext der Satzfolgen (11) - (14), nicht; denn die Äußerungen, die den mehr-als-zwei-gliedrigen Koordinationen dann folgen, also die Äußerung "Daß jene Forschungsrichtung diesen Status erlangt hat, verdankt sie nicht so sehr der Spezifität einer bestimmten Methode als vielmehr der Spezifität ihres Gegen-

standes" als Nachfolgeäußerung der Koordination von Satzfolge (19), die Äußerung "Freilich glaube ich, daß er für den literarisch-schönggeistigen Teil des Blattes einen Berater haben müßte" als Nachfolgeäußerung der Koordination von Satzfolge (20), die Äußerung "Es ist eine herzliche Einladung, kurzfristig gemeint, und die Spesen sind natürlich unsere Sache" als Nachfolgeäußerung der Koordination von Satzfolge (21) und die Äußerung-"Zwar müssen wir hier gegenüber dem naiven Sprachbewußtsein Vorsicht walten lassen" als Nachfolgeäußerung der Koordination in Satzfolge (22), - all diese Äußerungen sind, in bezug auf die ihnen jeweils vorangehende Koordination, keine diese abstraktiv rekapitulierende Zusammenfassung, und eine sie abstraktiv antizipierende Vorgängeräußerung weisen die Koordinationen, textinitial bzw. großkapitelinitial wie sie sind, auch nicht auf. In einem solchen Kontext aber sind sie, mehr-als-zwei-gliedrig und zugleich rahmenlos wie sie sind, offensichtlich nicht akzeptabel.

5.

Grundsätzlich jedoch können textinitiale mehr-als-zwei-gliedrige und-haltige Satzkoordinationen, wie bereits erwähnt, durchaus durch sie abstraktiv rekapitulierende nachfolgende Äußerungen zusammengefaßt und gerahmt werden. Beispiele dafür sind etwa die Eingänge von ROBERT MUSILs Roman "Der Mann ohne Eigenschaften" und THOMAS MANNs Essay "Versuch über Schiller". Beide Texte beginnen mit einem die Struktur einer mehr-als-zwei-gliedrigen Koordination aufweisenden Witterungstableau, "Der Mann ohne Eigenschaften" mit der Satzfolge

(23) Über dem Atlantik befand sich ein barometrisches Minimum; es wanderte ostwärts, einem über Rußland lagern den Maximum zu, und verriet noch nicht die Neigung, diesem nördlich auszuweichen. Die Isothermen und Isotheren taten ihre Schuldigkeit. Die Lufttemperatur stand in einem ordnungsgemäßen Verhältnis zur mittleren Jahrestemperatur, zur Temperatur des kältesten wie des wärmsten Monats und zur aperiodischen monatlichen Temperaturschwankung. Der Auf- und Untergang der Sonne, des Mon-

des, der Lichtwechsel des Mondes, der Venus, des Saturnringes und viele andere bedeutsame Erscheinungen entsprachen ihrer Voraussage in den astronomischen Jahrbüchern. Der Wasserdampf in der Luft hatte seine höchste Spannkraft, und die Feuchtigkeit der Luft gering

und MANNs "Versuch über Schiller" mit der Satzfolge

(24) Am Himmel ist geschäftige Bewegung,
 Des Turmes Fahne jagt der Wind, schnell geht
 Der Wolken Zug, die Mondessichel wankt,
 Und durch die Nacht zuckt ungewisse Helle,¹³

und beide Texte lassen auf das koordinativ strukturierte Witterungstableau einen dieses abstraktiv zusammenfassenden Satz folgen: MUSIL faßt sein koordinatives Tableau, dieses fusionierend, in den Satz "Mit einem Wort, das das Tatsächliche recht gut bezeichnet, wenn es auch etwas altmodisch ist: Es war ein schöner Augusttag des Jahres 1913" zusammen, und THOMAS MANN nimmt das seinige - einige von SCHILLER übernommene Zeilen aus "Wallensteins Tod" (V3) - mit dem Satz "So war die Nacht, die Mainacht vor hundertfünfzig Jahren, als durch die schlummernden, ausgestorbenen Gassen Weimars, von der Esplanade, über den Markt und durch die Jakobsgasse nach dem alten Kirchhof vor der St. Jakobskirche, Schillers sterbliche Hülle zu Grabe getragen wurde" wieder auf. Beide Wiederaufnahmen aber sind zugleich Legitimationen der textinitialen Verwendung jener mehr-als-zwei-gliedrigen und-haltigen Satzkoordinationen.

THOMAS MANNs textinitiale Koordination ist ein - allerdings nicht als solches behandeltes, sondern so, als wäre es ein Original, in den Text und seine anaphorische Struktur integriertes - Z i t a t, und es scheint, als sei die Tatsache, daß eins unserer beiden Beispiele für mehr-als-zwei-gliedrige textinitiale Satzkoordinationen, die in eine nachgeführte Rahmenäußerung münden, ein Zitat ist, kein reiner Zufall. Vielmehr scheint es, als ob die Zitate unter diesen Koordina-

tionen eine ganz besondere Stelle einnehmen; denn es scheint, als träten bei zitathafter Verwendung am Anfang eines sie zitierenden Textes selbst solche Satzfolgen als - mehr-als-zwei-gliedrige - Koordinationen auf, die in ihrem Originaltext gar keine - mehr-als-zwei-gliedrigen - Koordinationen gewesen sind - so, als werde jene mehr-als-zwei-gliedrige Koordinationsstruktur durch die auf das textinitiale Zitat jeweils folgende, und zwar mit Notwendigkeit folgende, Rahmenäußerung nicht nur ermöglicht, sondern geradezu erzwungen. Ich wage nicht zu sagen, wieviel an diesem Eindruck richtig ist, doch ein textinitiales Zitat wie zum Beispiel

- (25) "Die Kernprobleme einer mehr als zweitausendjährigen Wissenschaft müßten sich eigentlich im Laufe der Zeit einen so gültigen Ausdruck verschafft haben, daß man erwarten sollte, sie längst in einer nur wenig abwandlbaren Darstellungsform vereinigt zu finden. Und dennoch ist es mehr als nur der Wunsch nach Abwechslung oder das Kommen und Gehen der Forscherpersönlichkeiten, wenn die Betrachtung der Grundfragen der Sprachwissenschaft im Wechsel der Generationen recht verschiedene Formen annimmt. Ein so mannigfaltiger und weitverzweigter Bereich wie die menschliche Sprache wird selbst der Forschung nie in seiner ganzen Weite gleichmäßig bewußt sein; und die Tiefe seiner Wirkungen läßt immer noch neue Entdeckungen zu" - so schreibt, im Vorwort zu seiner Schrift "Das Gesetz der Sprache", der Sprachwissenschaftler Leo Weisgerber¹⁴

scheint ihn zu bestätigen. Jedenfalls wird, was im Zitationssubstrat keine mehr-als-zwei-gliedrige und keine rahmenhaltige Koordination gewesen ist, durch die Zitierung nicht nur gerahmt, sondern, in Gestalt einer Art von mit Temposteigerung und Stimmregisterhebung verbundenen intonationellen Raffung, der uns bekannten Struktur mehr-als-zwei-gliedriger Koordinationen zwar nicht morphologisch, aber doch intonationell derart angenähert, daß es nicht unerlaubt erscheint, auch in be-

zug auf solche Zitate von mehr-als-zwei-gliedrigen rahmenhaltigen Koordinationen zu sprechen. Eine Frage, die bliebe, ist jedoch, ob man diese mehrsatzigen Zitate, wenn man sie denn als derartige Koordinationen interpretieren will, nicht als einen besonderen Subtyp, eine besondere Spiel-, ja Abart derselben interpretieren müßte. Gewisse morphologische, nämlich den Gebrauch der Konjunktionen betreffende, und wohl auch semantische, nämlich das Verhältnis der Glieder zueinander betreffende, Gesichtspunkte sprechen jedenfalls dafür.

6.

Die rahmenhaltigen und die rahmenlosen und-haltigen Satzkoordinationen machen mit dem fundamentalen numerologischen Unterschied, der zwischen ihnen besteht, deutlich, daß wir es im Falle des sprachlich-textologischen Verfahrens der Koordination statt mit lediglich einer mit zwei verschiedenen Zahlenreihen zu tun haben: mit der offenen von Eins bis Unendlich und einer geschlossenen von Eins bis Zwei - mit zwei Zahlenreihen, von denen die erstere, also die offene, diejenige ist, die den rahmenhaltigen, und die letztere, die geschlossene, diejenige, die den rahmenlosen Koordinationen zugrunde liegt.

Von diesen beiden Zahlenreihen manifestiert sich die offene, also diejenige, die den rahmenhaltigen Koordinationen zugrunde liegt, in der beschriebenen prinzipiellen Offenheit der Anzahl der Koordinationsglieder, und dieser Offenheit eine Grenze zu setzen ist die Funktion des diesen Koordinationen eignenden Rahmens, der ihnen beigegebenen Rahmenäußerung. Angezeigt wird diese Grenze, zumindest bei den eigentlichen, den nichtzitathaften rahmenhaltigen Koordinationen, freilich auch durch die Struktur der jeweiligen Koordination selber, denn deren Schlußglied ist ja, durch die ihm und nur ihm vorangehende Konjunktion und, durchaus deutlich markiert, doch ist diese Markierung der Grenze nicht das einzige, was angesichts jener prinzipiellen Offenheit der Gliederanzahl vonnöten scheint. Vonnöten scheint darüber hinaus auch noch eine Art von begründender Steuerung, ja eine gewisse Vorgegebenheit jener Grenze, und eben diese liefert jene Rahmenäußerung. Im Falle der rahmenlosen Koordinationen demgegenüber ist die Grenze der

Gliederanzahl bereits koordinationsimmanent vorgegeben, vorgegeben nämlich durch die Geschlossenheit der Reihe als solcher. Daher brauchen und haben diese Koordinationen auch keine Rahmenäußerung. Das zweite Koordinationsglied ist, bei diesen Koordinationen, ganz automatisch, ganz von selbst terminativ - terminativ im Sinne einer komplementären Abrundung oder jedenfalls der Suggestion einer komplementären Abrundung der jeweiligen Gedankenverbindung.

Anmerkungen

- 1 Als syntagmatisch kontrastiv bezeichne ich Akzente, die Kontraste der akzentuierten Ausdrücke zu kontextuellen Nachbarausdrücken signalisieren. Akzente, die Kontraste der akzentuierten Ausdrücke zu an deren Stelle möglichen Alternativausdrücken signalisieren, bezeichne ich demgegenüber als paradigmatisch kontrastiv. Vgl. dazu auch HARWEG, R. (1971): Die textologische Rolle der Betonung. In: Beiträge zur Textlinguistik, W.D. STEMPEL (ed.), München, 129 ff.
- 2 Satzfolge (3) bildet den Anfang von TH. MANNs Erzählung "Mario und der Zauberer".
- 3 Satzfolge (4) ist eine gekürzte Fassung des ersten Absatzes von TH. MANNs Erzählung "Tristan".
- 4 Satzfolge (5) stammt aus WEISGERBER, L. (1951): Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums, Heidelberg, 7.
- 5 Satzfolge (7) entstammt TH. MANNs Erzählung "Tristan". Vgl. MANN, TH. (1958): Erzählungen, Frankfurt a.M., (= Stockholmer Gesamtausgabe der Werke von T.M.), 237 f.
- 6 Satzfolge (8) stammt aus WEINRICH, H. (1964): Tempus. Besprochene und erzählte Welt, Stuttgart, 21.
- 7 Satzfolge (9) ist eine gekürzte Fassung der ersten beiden Sätze von FRIEDRICH DÜRRENMATTs Prosakomödie "Griechen sucht Griechin".
- 8 Satzfolge (10) stammt aus L. WEISGERBER, op.cit. (vgl. Anm. 4), 7.
- 9 Satzfolge (11) stammt aus HARWEG, R. (²1979): Pronomina und Textkonstitution, München, I f. Sie ist gegenüber dem Original stark gekürzt und auch sonst an einer Stelle leicht verändert. Die Kürzungen - und das gilt vor allem auch für die folgenden Beispiele - sind jedoch nicht eigens gekennzeichnet, da andernfalls leicht der Eindruck hätte entstehen können, als seien die Kürzungen die einzigen Änderungen. Die Klammern signalisieren übrigens - und auch dies gilt für die folgenden Beispiele entsprechend - ,

daß das Eingeclammerte nur zur Veranschaulichung der textuellen Fortsetzung (der Koordination) in das Beispiel aufgenommen worden ist.

- 10 Satzfolge (12) entstammt einem Brief THOMAS MANNs an EMIL OPRECHT. Die ist gegenüber dem Original etwas gekürzt und auch sonst an einer Stelle leicht verändert. Der Brief ist abgedruckt in MANN, TH. (1963): Briefe 1937-1947, E. MANN (ed.), Frankfurt a.M., 79. Zu der Nichtkennzeichnung der Kürzungsstellen vgl. Anm. 9.
- 11 Satzfolge (13) entstammt einem Brief THOMAS MANNs an seine Tochter ELISABETH MANN-BORGESE. Sie ist gegenüber dem Original stark gekürzt und auch sonst leicht verändert. Der Brief ist abgedruckt in MANN, TH. (1965): Briefe 1948-1955 und Nachlese, E. MANN (ed.), Frankfurt a.M., 182 f.
- 12 Satzfolge (14) stammt aus GLINZ, H. (⁶1973): Die innere Form des Deutschen, Bern/München, 44, wo sie den Anfang eines Großkapitels bildet. Sie ist, durch Einfügung von zwei Konjunktionen, gegenüber dem Original leicht verändert.
- 13 Ich habe, um der Durchsichtigkeit der Struktur willen, den im Original noch folgenden Satz "Kein Sternbild ist zu sehn" fortgelassen. Vgl. MANN, TH. (1956): Nachlese. Prosa 1951-1955, Frankfurt a.M., (= Stockholmer Gesamtausgabe der Werke von T.M.), 57.
- 14 Das Beispiel ist von mir konstruiert. Wegen des darin enthaltenen Zitats vgl. L. WEISGERBER, op. cit., 3.

Резюме

В настоящей статье показывается, что, с точки зрения текстовой лингвистики, существуют два типа координирования предложений с помощью союза "und": такой, при котором необходимо рамовое предложение, несущее общее значение данных предложений (или их предваряющее или им следующее), и тип, не требующий такого рамового предложения. Первый тип может состоять из двух или более членов, т. е. предложений, второй - только из двух членов, т. е. предложений.

Helmut Jachnow, Bochum

ZUR NOTWENDIGKEIT EINER PHÄNOTYPISCH ORIENTIERTEN TEXTLINGUISTIK UND EINIGE VORÜBERLEGUNGEN ZUR ANALYSE DER SEMANTISCHEN TEXTVERWEISSTRUKTUR DES IGORLIEDES

1.

Vor genau 20 Jahren stellte PETER HARTMANN auf einem der ersten Symposien zur Textlinguistik in der Bundesrepublik fest, daß es verschiedene Gründe gebe, "die es nahelegen, sich mit der Frage zu befassen, ob und wieweit sich die Linguistik auch Spracherscheinungen von Textumfang bzw. von Textfunktion zuwenden sollte" (HARTMANN 1971, 9). Diese Frage ist inzwischen längst positiv entschieden worden. Die Ergebnisse der in den letzten Jahrzehnten weltweit eingeleiteten und durchgeführten textlinguistischen Forschung haben die Sprachwissenschaft als solche auf ein neues Niveau gehoben und sie zugleich aus der Selbstisolation herausgeführt, die ihr letztlich so lange in hohem Maße beschieden sein mußte, wie sie Sprache in ihrer funktional-kommunikativen Erscheinungsweise, also als Text mit dessen vielfältigen außersprachlichen Beziehungen, ignorierte.

Die Leistungen der Textlinguistik in den vergangenen Jahren liegen zweifellos vornehmlich auf theoretischem und methodischem Gebiet: Es wurden Textbegriffe aus unterschiedlichen Perspektiven erarbeitet, es wurden Inventare der textkonstitutiven Größen entwickelt, es wurden Modelle textueller Funktionen entworfen und Typologien textproduktiver Einheiten und Prozeduren aufgestellt. All diese Resultate haben die Sprachwissenschaft in ihrer Erkenntnis dessen, was eigentlich ein Text in seinem immanenten und funktionalen Wesen ist, ein gutes Stück vorangebracht. Jedoch bezieht sich diese Erkenntnis ganz vornehmlich auf den prototypischen Text, d.h. auf den Text schlechthin. So wichtig entsprechende Erkenntnisse für die Grundlagenschaffung einer Textlinguistik sind, können sie doch nicht als ihr letztes Ziel gelten. Vielmehr dürfte ein im HARTMANNschen Sinne weiterer Grund für die Beschäftigung "mit Spracherscheinungen im Textumfang" das Bedürfnis sein,

k o n k r e t e Texte in ihrer realen G e s a m t s t r u k t u r und -funktion zu erkennen, um so 1) die bisherigen theoretischen Aussagen noch stärker empirisch absichern bzw. revidieren zu können und 2) das Wesen auch des i n d i v i d u e l l e n T e x t e s in seiner k o m m u n i k a t i v e n W i r k u n g zu erfassen. Obwohl sich seit einiger Zeit in der Textsortenforschung das unter 2) angeführte Interesse immer stärker konturiert, wird auch in deren Rahmen bislang eher "genotypisch" als "phänotypisch" gearbeitet.

Es scheint also an der Zeit, das Augenmerk nunmehr, da wesentliche theoretische und methodische Grundlagen einer Textlinguistik geschaffen sind, stärker auf den Einzeltext zu lenken, d.h. auf den Einzelgesamtext. Freilich haben "Totalanalysen" von Texten die Eigenschaft, außerordentlich arbeitsaufwendig zu sein, selbst dann wenn EDV-Instrumentarien eingesetzt werden können. Dafür bieten die Resultate entsprechender Analysen jedoch Vorteile, die von keinem anderen textlinguistischen Ansatz erbracht werden: Sie bilden nicht nur die empirische Voraussetzung für eine s y n o p t i s c h e Erfassung der Textualität von Individualtexten, sondern zugleich auch für die multifaktorell gestützte Textsortenlehre, für die textuell orientierte Sprachwandelforschung, die satzübergreifende Translationsforschung sowie für die Textauthentizitätsforschung, kurz für jede textlinguistische Arbeit, die struktural-funktionale Eigenschaften von Texten in ihrer Totalität erkennen und möglicherweise zu weiteren Forschungszielen vergleichen will und muß.

2.

Dies nun ist genau die Intention einer geplanten textuellen Totalanalyse des Igorliedes. Eine solche Analyse soll Auskunft geben über die i n t e r n e n t e x t u e l l e n S t r u k t u r e n des Werkes im Mikro- und Makrobereich, wobei soweit wie möglich dependentielle und interdependentielle Verschränkungen der einzelnen textkonstitutiven Mittel berücksichtigt werden müssen. Im einzelnen sollen festgestellt und untersucht werden:

- a. die Struktur des Gesamttextes in seiner globalen Gliederung in transphrastische Größen unterschiedlichen Umfanges
- b. das Zustandekommen der jeweiligen Größen mit Hilfe der lokalen vertextenden semantischen, kommunikativen, formal-syntaktischen und illokutiven Mittel (s. dazu JACHNOW 1989a; 1989b).

Die Untersuchung hebt also im wesentlichen auf das *i m m a n e n t e A r r a n g e m e n t* der Textkomponenten unterschiedlicher Größenordnung ab. Allerdings werden auch pragmatische Momente der Textherstellung berücksichtigt, soweit diese im Text selbst einen sprachlichen Niederschlag finden (beispielsweise im Bereich der illokutiven Globalgliederung des Textes oder bei der Erzeugung textphorischer Beziehungen durch die Verwendung pragmatischer Bezugsgrößen (vgl. unter 5.)).

Da die innere Organisation des Textes eine Multikomponentenstruktur darstellt, die zudem in bestimmten Bereichen hierarchische Schichtungen aufweist, kann eine Gesamtanalyse des Textes sinnvollerweise nur so vorgehen, daß die einzelnen Komponenten sukzessive untersucht werden, um dann anschließend eine Synoptisierung der Komponenten vorzunehmen, in der auch die Abhängigkeitsverhältnisse der Komponenten untereinander zu berücksichtigen sind. Einer solchen Analyse sind folgende textkonstitutive Komponenten zu unterziehen:

1. die semantische Komponente
2. die pragmatische Komponente (soweit sprachlich manifestiert)
3. die formal-syntaktische Komponente
4. die formal-phonetische Komponente (insbesondere bei künstlerischen Texten)
5. die kommunikative Komponente (im Sinne einer Thema-Rhema-Organisation des Textes)
6. die illokutive Komponente
7. im Bereich der Makrostruktur müssen die unter Mitwirkung der unter 1.-6. aufgezählten Komponenten erzeugten kom-

plexen konstitutiven Größen a) transphrastische Mikro-einheit, b) transphrastische Einheit und c) transphrastischer Block in ihrem Beitrag zur Bildung des Gesamttextes analysiert werden (vgl. auch JACHNOW 1989a; 1989b).

Wie schon erwähnt, kann die Untersuchung der einzelnen Komponenten und konstitutiven Größen nur schrittweise erfolgen, da eine von Anfang an synoptisch durchgeführte Analyse die Erkenntnisfähigkeit des Analysierenden in der Regel überfordern wird.

Die vollzogene Totalanalyse eines Textes eröffnet zunächst einen wesentlichen Einblick in die "Architektur" des Textes, in unserem Falle des Igorliedes als künstlerischer Text. Analoge Untersuchungen weiterer Texte gleicher oder verschiedener zeitlicher Provenienz geben sodann die Möglichkeit zu Aussagen über Textsorten, Textstrukturwandel, Textderivation, Adäquatheitsgrad von Textübersetzungen u.a., und dies nicht auf der Basis *v e r e i n z e l t e r* textueller Merkmale, sondern auf der Basis *i m m a n e n t - t e x t u e l l e r* Totalität. Der Weg bis dahin ist freilich mühsam und kann im Falle umfangreicherer Texte von Einzelpersonen kaum bewältigt werden.

3.

In den Arbeiten JACHNOW 1989a; 1989b wurde bereits kurz skizziert, welche Analysen hinsichtlich des Igorliedes durchzuführen sind. Es sei hier lediglich noch einmal betont, daß es - wie überhaupt zur älteren europäischen Epik - bisher keinerlei detaillierte textlinguistische Untersuchungen des Igorliedes im engeren Sinne gibt. Eine entsprechende Aufbereitung des Textes würde jedoch gute Ausgangspositionen für die textanalytische Erforschung der europäischen Heldenepik schaffen, auch - wie ich glaube - im überethnischen Rahmen. Für die noch immer nicht beendete Authentizitätsdiskussion sind einschlägige Analysen sogar unabdingbar.

In der oben angeführten Literatur wurde bereits auf das Problem hingewiesen, daß mit dem Igorlied wohl ein Text vor-

liegt, in dem zumindest die Makrokomponenten nicht immer die ursprüngliche Abfolge aufweisen. Dies darf jedoch kein Grund zur Resignation sein, um so weniger, als eine Totalanalyse möglicherweise Aufschluß darüber bringen kann, wo Textteile fehlen oder umgestellt wurden.

4.

Der erste-Teil der analytischen Untersuchung (deren Ergebnisse im Rahmen dieses Aufsatzes nur ganz fragmentarisch wiedergegeben werden können) konzentriert sich auf die im 2. Abschnitt genannten s e m a n t i s c h e n u n d p r a g m a t i s c h e n K o m p o n e n t e n d e s T e x t v e r w e i s e s, wobei einige zusätzliche Restriktionen eingeführt wurden (s. unten). Es wird also der Frage nachgegangen, in welcher Weise über die Verwendung von anaphorischen Elementen semantische und/oder referentielle Identität entsteht und so textuelle Kohärenz hergestellt wird.

Ausgenommen von der Untersuchung wurden Bedeutungsträger unterhalb der Größe "Wort", d.h. Träger bloßer grammatischer Bedeutungen in Verbindung mit Trägern lexikalischer Bedeutungen, da diese in einer schwer zu bewältigenden Quantität auftreten und zudem in der Regel nur schwach auf das Substituendum rückverweisen. Ihre semantische Kohärenzkraft ist meist geringer als ihre syntaktische Kohärenzkraft. Fälle wie

(1a) Bojanz bo věščii, ašče komu chotjaše pěsnz tvoriti,
to rastěkašETSJA mysliju po drevu ...

bleiben also außerhalb der Betrachtung, da das Substituens lediglich die grammatische Qualität des Substituendums "3. Person, Sing." reflektiert. Rekurrente grammatische Morpheme bleiben aber auch dann unberücksichtigt, wenn die außersprachliche Referenz des Substituendums deutlicher ausgeprägt ist als im Beispiel (1a):

(1b) ... rětko rataevě kikchutz, nz často vrani grajaCHUTz

Entsprechend dem hier vertretenen Verständnis, daß im semanti-

schen Bereich das tragende textphorische Mittel die lexikalische Bedeutung ist, kann auch in Konstellationen wie

(1c) ... vzvrzžesja na brzzz komonz (Sing.) ... pretrazgošta bo svoja brzzAJA komonJA (Plur.),

die divergente grammatische Bedeutung der lexikalisch identischen Relata vernachlässigt werden.

Vom Wort aufwärts bis zum Textfragment werden alle anaphorischen Größen berücksichtigt, allerdings mit der Einschränkung, daß die gegebene Substitutionsbeziehung zwischen Einheiten separater Satzgebilde angesiedelt und die Bezugsgrößen nicht weiter als fünf anaphorische Positionen voneinander entfernt sind. Die letzte Restriktion ist zugegebenermaßen recht willkürlich eingeführt und dient vor allem der Ökonomisierung der Untersuchung. Man kann aber sicher auch von der Sache her argumentieren: Substituentia, die eine bestimmte, weitere Substituentia einschließende Distanz überschreiten, verlieren erheblich an textkonstitutiver Wirkung, insbesondere in gehörten Texten. In entsprechenden Positionen treten in der Regel keine Proformen mehr auf, sondern rückverweisende Autosemantika, die in ihrer Funktion oftmals schon zwischen Substituens und Substituendum stehen. Es soll diesem Problem hier jedoch nicht weiter nachgegangen werden, und wir setzen die Zahl von fünf anaphorischen Positionen zunächst per Konvention fest.

Aufgrund der zuerst genannten Restriktion wird also ein Fall wie

(2) i reče Igorz kz družině SVOEI

nicht berücksichtigt, da die anaphorische Beziehung nicht den Satzrahmen verläßt. Dies gilt auch für Fälle wie

(3) Vseslavz knjazz ljudemz sudjaše, KNJAZEMž grady rjadjaše,

da das zweite Dativobjekt zwar in einem anderen Prädikatskontext erscheint als das erste, beide Prädikate aber Bestandteile ein und desselben Satzes sind.

Hingegen gelten Satzgefüge wie Satzverbindungen als texthafte Minima und ihre konstitutiven Teilsätze - d.h. im Falle von Satzgefügen auch die Nebensätze - als satzwertige Einheiten. In diesem Sinne werden auch Satzgebilde der folgenden Art in die Untersuchung mit einbezogen:

(4) nz často vrani grajachutz, trupia SEBĚ děljače,

wo das Subjekt des Nebensatzes in der Oberflächenstruktur nicht erscheint.

Eine Ausnahme von den hier vorgestellten Restriktionen hinsichtlich der Materialberücksichtigungen machen die Anredephrasen, die zwar keinen satzhaften Charakter besitzen, jedoch eine relativ autonome Komponente innerhalb von Sätzen oder Teiltexten darstellen. Gerade im Igorlied üben sie eine starke textstrukturierende Funktion aus. Die anaphorische Beziehung in einer Konstruktion wie

(5) O moja synovčja, Igorju i Vsevolode! rano esta načala
Poloveckuju zemlju meči cvěliti, a SEBĚ slavy iskati

wird also analytisch erfaßt, wengleich die zwischen Substituendum und Substituens gegebene syntaktische Relation im Prinzip in einem tautosyntaktischen Rahmen besteht.'

5.

Bevor wir auf die konkreten Textverweisstrategien im Igorlied eingehen, ist der hier praktizierte Textverweisbegriff genauer darzulegen: ein semantisch / pragmatisch motivierter Textverweis (textinterne Referenz) soll dann gegeben sein, wenn die postzedierende Einheit eines Textes die durch eine antezedierende Einheit vermittelte Information in

i d e n t i s c h e r o d e r t e i l i d e n t i -
s c h e r W e i s e w i e d e r a u f n i m m t.
Entsprechende Bezüge sind entweder s p r a c h l i c h -
s e m a n t i s c h motiviert wie in

(6) To bylo vz ty rati i vz ty plžky, a SICEI RATI ne
slyšano

oder p r a g m a t i s c h - k o g n i t i v, d.h. der
Bezug ist nicht unmittelbar sprachlich manifest, sondern wird
vom Hörer/Leser erst über dessen Weltwissen aktiviert, wobei
gegebene sprachliche Kontexte zur Auflösung der pragmatischen
Relation mit beitragen können:

(7) Polovci ... Ruskyja plžky ostupiša. DĚTI BĚSOVI kli-
komz polja pregorodiša

Für das Zustandekommen eines Textverweises ist es charak-
teristisch, daß zwischen Ante- und Postzedens Referenzidenti-
tät gegeben ist derart, daß die postzedische Einheit auf den
gleichen Referenten abhebt wie das Antezedens, den Referenten
also von diesem "erbt". Jedoch ist entgegen der in der Lite-
ratur häufig anzutreffenden Meinung eine solche nicht obliga-
torisch. Vgl. beispielsweise den Fall

(8) Uže bo Sula ne tečetz, srebrennymi strujami ... i DVINA
BOLOTOMz TEČETz,

in dem zwar bestimmte semantische Identitäten zwischen den
Bezugseinheiten bestehen, keinesfalls aber Referenzidentität,
sondern eher Referenzaffinität. BRAUNMÜLLER 1977, 124 f.
spricht hier von "sinnidentischer Anapher", die die referenz-
identische ersetze, es handele "sich nicht um den Bezug auf
genau gekennzeichnete Referenzobjekte, sondern um den Bezug
auf Typen oder Klassen von Referenzobjekten".

Andererseits kann auch ein Textverweis aufgrund bloßer Re-
ferenzidentität und bei fehlender semantischer Identitätsbe-
ziehung zustande kommen wie in

(9) ... utrž že vazzni s tri kusy: OTVORI VRATA NOVU-GRADU, RAZŠIBE SLAVU JAROSLAVU, SKOČI VLZKOMZ DO NEMIGI Sz DUDUTOKz,

wo der kataphorisch vorgegebene Antezedenssatz in semantisch eigenständiger Weise entfaltet wird.

Textkonstitutive Rückwärtsverweise je g l i c h e r A r t sollen im übrigen als Anapher gelten, gleichgültig, ob sie eine bloße Interpretation des Antezedens darstellen (wie im Falle echter Proformen: die Universität - SIE) oder als autonome Einheiten inhaltlich-funktionale Eigenschaften des Antezedens selbständig tradieren (die Universität - die BILDUNGSINSTITUTION).

Bei der vorzunehmenden Analyse werden folgende formale Klassen von anaphorischen Einheiten unterschieden:

- a ∅-Einheit (Ellipse)
- b simplexe Einheit (Einwortanapher)
- c komplexe Einheit (Mehrwortanapher)
- c' Syntagma
- c'' Satz
- c''' Teiltext

Die gleichen Klassen - mit Ausnahme der ∅-Einheit - finden sich im Bereich der Antezedenzen.

Hinsichtlich der möglichen inhaltlichen Relationen zwischen Antezedens und anaphorischer Einheit sind folgende Klassen auszugliedern:

- 1 Synonymiebeziehung
 - 1' autonome Synonymiebeziehung
 - 1'' synsemantische Synonymiebeziehung (syntaktische Pronominalisierung)
 - 1''' Iteration
- 2 Intersektionsbeziehung
- 3 Inklusionsbeziehung
 - 3' rechtsgerichtete Inklusionsbeziehung, d.h. das Antezedens inkludiert inhaltlich die anaphorische Einheit

3'' linksgerichtete Inklusionsbeziehung, d.h. die anaphorische Einheit inkludiert inhaltlich das Antezedens

Beispiele:

1': Otto möchte Briefträger werden. POSTBOTEN brauchen nachmittags nicht zu arbeiten.

1'': Schulze hat ein Buch gekauft. ER mußte ES bestellen.

1''': Meier hat ein Buch gekauft. Das BUCH kostet 10 DM.

2: Das ist Roberts Auto. Es ist ein GEBRAUCHTWAGEN.

3': Kaiser Karl war ein Despot. Als KAISER duldete er nicht einmal den Widerspruch des Hochadels.

3'': Dieser Mann kommt mir bekannt vor. Ist es nicht der BÄCKER VON NEBENAN?

Pragmatisch-kognitive Textverweisrelationen lassen sich nicht mit der Striktheit angeben wie sprachlich-semantische, da das bezugsherstellende Individuum als textexternes Phänomen nur sehr pauschal kontrollierbar ist, besonders im Falle historisch rekonstruierter künstlerischer Kommunikation. Hinsichtlich pragmatischer Textverweise könnte man vielleicht zunächst von kognitiven Affinitäts- oder Assoziationsbeziehungen sprechen.

Peter I. öffnete Rußland erstmals nach Westen. Dabei mußte der ZAR viele Widerstände überwinden.

Was die referenzbezogene Relation zwischen Antezedens und anaphorischer Einheit anbelangt, unterscheiden wir in Anlehnung an und Modifikation von BRAUNMÜLLER 1977, 173 ff. die nachstehenden Klassen:

I Referenzidentität

- I' strikte Referenzidentität
- I'' Referenzvereinigung
- I''' Referenzauflösung
- I'''' Referenzeinschluß
- I''''' Referenzerweiterung

II Referenzverschiedenheit

Beispiele:

I': Meier hat morgen Geburtstag. ER wird 50.

I'': Meier und Schulze haben sich getroffen. Die FREUNDE hatten sich lange nicht gesehen.

I''': Zuerst sangen die Jungen ein Lied. OTTO, EMIL und FRANZ hatten dafür lange geübt.

I'''': Wir arbeiteten rund um die Uhr. Nur MITTAGS wurde eine kurze Pause eingelegt.

I''''': Die Mädchen freuten sich über die Schokolade. ALLE KINDER lieben Süßigkeiten.

II: Otto bestellte Wein, und Emil LIEB SICH EIN BIER KOMMEN.

Zwischen den referentiellen und den semantischen/pragmatischen Textverweismodi gibt es offenbar geregelte Abhängigkeiten, die im Zuge der vorliegenden Teiluntersuchung jedoch nicht weiter diskutiert werden sollen.

Nicht unmittelbar zur Untersuchung der inhaltlichen Textverweisstruktur gehört die Erfassung syntaktischer und grammatisch-morphologischer Parallelkonstruktionen, die möglicherweise zwischen antezedischen und postzedischen Einheiten feststellbar sind (vgl. auch unter 6.). Diese wurden aus Gründen der Arbeitsökonomisierung jedoch miterfaßt. Die Ergebnisse sind auch für die Textverweisanalyse nicht uninteressant, da die Kombination unterschiedlicher Analyseresultate Einblicke in etwaige systematische Abhängigkeiten zwischen den Qualitäten im Inhaltsbereich einerseits und solchen im Ausdrucksbe-

reich andererseits gestattet.

Beziehungen der Textverweisstruktur zu anderen Ebenen der Vertextung, etwa der kommunikativen Struktur, werden an dieser Stelle nicht weiter verfolgt und bleiben Gegenstand separater Analysen.

6.

Nach Klärung der für Textverweisuntersuchungen notwendigen Basisbegrifflichkeit wenden wir uns nun der konkreten Analyse des Igorliedes unter den genannten Aspekten zu.

Da sich semantische/pragmatische textphorische Relationen stets zwischen einem Substituendum und einem Substituens ergeben, müssen natürlich **b e i d e** Relata in die Untersuchung einbezogen werden.

Zunächst wurden die Eigenschaften der primären Bezugseinheit, des Antezedens (ANT), festgestellt. In seine Charakterisierung wurden die formale Komplexität und die an der Bildung des ANT beteiligte(n) Wortklasse(n) aufgenommen. Um Möglichkeiten zu gewinnen, über die Fixierung des semantischen/pragmatischen Verhältnisses zwischen ANT und ANE (anaphorische Einheit) hinaus auch syntaktische und grammatische Rekurrenzen festzustellen, wurden in die Beschreibungen des ANT (in den Fällen a, b und c') dessen Satzgliedfunktion und grammatisch-morphologische Form aufgenommen. Bei der Angabe der Satzgliedfunktion mußte von den Oberflächenstrukturen ausgegangen werden, da ja gerade über sie etwaige formale konnexschaffende Rekurrenzen abgewickelt werden. Handelt es sich bei ANT um Sätze oder Textteile, so wurde deren Typ respektive Komplexität notiert. Ein Beispiel: Die analytische Erfassung des ANT lžu in

(10) Igorz i Vsevolodz¹, uže lžu² ubudista, KOTORUJU² tobjaše uspilz otecz ICHz¹

sieht also folgendermaßen aus:

lžu (Lexem, Objekt, Substantiv, Akkusativ/Singular/a-Dekl.)

In die analytische Erfassung von ANE gehen - soweit es sich

um anaphorische Einheiten des Komplexitätsgrades a, b oder c' handelt - folgende Parameter ein: die formale Komplexität, die an der Bildung des Anaphorikons beteiligte(n) Wortklasse(n) sowie das Verhältnis der gegebenen Wortformen zu den Wortformen des ANT, die Satzgliedfunktion sowie deren Verhältnis zu der Satzgliedfunktion des ANT, das semantische/pragmatische Verhältnis zu ANT und das Verhältnis des Referenten von ANE zu dem von ANT. Schließlich wird das mit ANE praktizierte konkrete Verfahren der Textverweiserherstellung angegeben. Eine Beschreibung der ANE KOTORUJU in

(10') Igorz i Vsevolodz¹, uže lžu² ubudista, KOTORUJU² to bjaše uspilz otecz ICHz¹

sieht dann wie folgt aus:

KOTORUJU (Lexem, Objekt (=homosyntaktisch), Relativpronomen, Kongruent (mit der Form von ANT), semantische Identität durch Synsemantisierung, absolute Referenzidentität)

Soweit es sich bei den ANE um Sätze oder Textteile handelt, wird deren Typ resp. Komplexität kurz charakterisiert und das semantische/pragmatische sowie das referentielle Verhältnis zu ANT angegeben.

In allen Fällen wird der "strukturelle Abstand" der ANE vom ANT fixiert, und zwar

1. die generelle Anzahl der anaphorischen Positionen zwischen gegebenem ANT und ANE (berücksichtigt werden die Positionen 0 - 5)

sowie

2. die Anzahl der Sätze zwischen ANT und ANE (berücksichtigt werden die Positionen 0 - 5).

Eine entsprechende Beschreibung der ANE ICHz in

(10'') Igorz i Vsevolodz¹, uže lžu² ubudista, KOTORUJU¹ to bjaše uspilz otecz ICHz²

lautet dann folgendermaßen:

ICH_z (anaphorische Distanz 1; syntaktische Distanz 0)

Treten zwischen ANT und ANE sogenannte "Zwischenanaphorika" in Form von lediglich synsemantisch fungierenden Einheiten auf, so wird einerseits die strukturelle Distanz zwischen ANE und dem die synsemantischen Einheiten motivierenden ANT festgestellt, zugleich aber auch die Anzahl der zwischengeschalteten Anaphorika. Auch dies soll an einem Beispiel erläutert werden:

(11) A ty, bui Romane, i Mstislave! chrabraja myslz nositz
VAJU^a umz na dělo. ... Sutz bo u VAJU^b železnyi pa-
vorzi podz šelomy Latinskimi.

In dieser Textverweisstruktur wird VAJU^b wie folgt beschrieben: VAJU^b (anaphorische Distanz 1 (1 Zwischenanaphorikon); syntaktische Distanz 1)

Das hier vorgestellte Analyseverfahren scheint von seiner Detailliertheit und seinem Umfang her geeignet zu sein, eine brauchbare Basis für eine multiaspektuelle Durchleuchtung der Textverweisstrukturen des Igorliedes abzugeben. Das Modell ist zugleich als Etalon für etwaige Textstruktur v e r g l e i -
c h e einsetzbar.

Nach Praktizierung der eigentlichen Analyse wird die Feststellung frequentativ ausgewiesener typischer Vertextungsverfahren von besonderem Interesse sein, wobei insbesondere die signifikanten Merkmalskombinationen in den Bereichen von ANT und ANE jeweils für sich sowie zwischen diesen beiden zu beachten sind.

7.

Als Textgrundlage diente die kritische Ausgabe des Igorliedes von DMITRIEV/LIČAČEV 1967. Zur Kontrolle der semantischen Gegebenheiten im altostslavisches Text wurden neben russischen Übersetzungen auch ukrainische und weißrussische benutzt (s. die Igorliedausgaben im Literaturverzeichnis), vor allem aber das sechsbändige, an der Sowjetischen Akademie der Wissenschaft-

ten erschienene Textwörterbuch zum Igorlied (VINOGRADOVA 1965-1984).

Die Analyse der semantischen/pragmatischen Textverweisstrukturen in toto muß - wie auch die Untersuchung anderer textkonstitutiver Ebenen des Igorliedes - wegen ihres Umfangs Gegenstand einer Monographie bleiben. Im folgenden Abschnitt werden diese Strukturen lediglich in erster Annäherung pauschal diskutiert und anhand von Beispielen illustriert. Die den Textbelegen jeweils in Klammern nachgestellten Zahlen beziehen sich auf die Seiten- und Passuszahl in der Textausgabe von DMITRIEV/LIČAČEV 1967.

8.

In diesem Abschnitt soll nunmehr eine generelle und vorläufige Charakterisierung der Textverweisstrukturen im Igorlied vorgenommen werden. Die einzelnen hier andiskutierten Beobachtungen und Beschreibungen werden in der schon erwähnten Monographie weiter entfaltet.

8.1.

Intratextuelle Rekurrenz wird in Texten durch Anaphorika hergestellt, deren Funktion von dreierlei Art ist:

- (a) Mit Hilfe von Verweismitteln kann Bezug genommen werden auf Antezedenzen mit `t e x t e x t e r n e n R e f e r e n t e n`, d.h. Referenten und deren Versprachlichungsergebnisse werden im Gang der Vertextung an nachfolgende Einheiten "vererbt" oder partiell "vererbt". Entsprechende anaphorische Einheiten fungieren gewissermaßen als objektsprachliche Einheiten n-tären Charakters.
- (b) Mit Hilfe von Verweismitteln kann Bezug genommen werden auf `T e x t s e g m e n t e` oder auf die Textganzheit als solche. Entsprechende Anaphorika haben einfache texttopologische Funktion und werden in dieser metasprachlich verwendet.

(c) Anaphorika können auf die Bildungsweise oder Darstellungsart von Textteilen oder -ganzheiten Bezug nehmen. Auch in diesem Fall sind die Antezedenzien selbst Referent und nicht Vermittler einer externen Referenz, so daß die Anaphorika ebenfalls metasprachliche Funktion ausüben (vgl. dazu auch HERBERMANN 1988, 73 f. und weitere dort zitierte Literatur).

Das Igorlied ist erwartungsgemäß dominiert von den unter (a) skizzierten Textverweismitteln, also den textexterne Referenz repräsentierenden Anaphorika. Jedoch gibt es auch einige Fälle von Rekurrenzherstellung anderer Art, die sich insbesondere in Textgrenznähe finden. In

(12) Počnemz že, bratie, POVĚSTz SIJU otz starago Vladimera ... (15/5)

und

(13) Pěvše PĚSNz starymz knjazamz, a potomz molodymz pěti ... (25/45)

wird mit metasprachlichen Textverweisen direkt auf den postzedisch (12) bzw. antezedisch (13) unmittelbar existenten Text hingewiesen, d.h. es liegen texttopologische Verweise vor. Darüber hinaus ist der Rückverweis (13) geeignet, auch transtextuell rezipiert zu werden in dem Sinne, daß mit ihm ein Bezug zu weiteren separaten Texten hergestellt wird. Interessant ist auch der "hypothetische" transtextuelle Verweis in

(14) Pěti bylo PĚSNĚ Igorevi ... (16/6)

Die Bezugsgröße der Verweiseinheit liegt hier offenbar im Wissen des Hörers davon, daß Bojanz "Lieder gesungen hat". Auf diesem nicht unmittelbar im Vortext gegebenen pragmatischen

Hintergrund kann PĚSNĚ quasi-anaphorisch benutzt werden; und es stellt so einen Bezug zu anderen, außerhalb des Igorliedes angesiedelten Textwelten her. Mithin liegt hier eine Kombination von pragmatischer und zugleich transtextueller Bezugsherstellung vor, die allerdings nicht direkt zum Textaufbau beiträgt.

Beispiele für metasprachliche Verweise auf Textqualitäten (wie unter (c) aufgeführt) sind im Igorlied nicht anzutreffen.

8.2.

Neben dem anaphorischen Modus des Textaufbaus finden sich in geringer Zahl auch kataphorische Verfahren, die allerdings in der ausgeprägten anaphorischen Struktur des Gesamttextes beinahe als dukтусbrechende Ausnahme gelten müssen. Als kataphorisches Mittel wird die präparatorische Verwendung von Fragekonstruktionen eingesetzt:

(15) Ne lěpo li ny bjašetz, bratie, NAČATI STARYMI SLOVESY TRUDNYCHz POVĚSTII O PLzKU IGOREVĚ ... (15/1)

(16) Čto mi šumitz, čto mi zvenitz ... IGORz PLzKY ZAVORO-ČAETz ... (18/18)

Entsprechende kataphorische Verweismittel werden durch komplexe Postzedenzien aufgelöst, die wie in (16) auch Satzquantität besitzen können. Die kataphorischen Strukturen können im übrigen mit dem gleichen Beschreibungsapparat wie die anaphorischen Strukturen erfaßt werden, da der Unterschied zu letzteren lediglich in der Umkehrung der funktionalen Gegebenheiten der Relata besteht.

8.3.

Ein weiteres allgemeines Charakteristikum der Textverweisstruktur des Igorliedes besteht darin, daß diese vornehmlich von nominalen Einheiten beherrscht ist, die mannigfaltige Erscheinungsweisen zeigen. Verbtragende Verweisstrukturen in der Art von

(17) Polovci ... Ruskyja plzky ostupiša. Děti běsovi

klikomz polja PREGORODIŠA (17/13)

bilden eher die Ausnahme.

Es sei auch noch darauf hingewiesen, daß anaphorische Elemente in Syntagma- und Satzquantität im Igorlied eine durchaus beachtenswerte Rolle spielen (insbesondere die Syntagmen), d.h. die Textherstellung läuft sowohl über worthafte als auch über komplexere Anaphorika, vgl. etwa den (auf einen zehn Sätze inkorporierenden Teiltext rekurrierenden) Satz

(18) ... NEVESELAJA GODINA VZSTALA ... (18/19)

Hingegen spielen Anaphorika im Umfang von mehrere Sätze umfassenden Teiltexten eine sehr untergeordnete Rolle. Außer dem bereits unter Textbeispiel (9) genannten Fall scheint es überhaupt nur noch einen in (20/25) zu geben:

(19) Temno bo bě vz ě denz: DVA SOLNCA POMĚRKOSTA, OBA BAGRJANAJA STLzPA POGASOSTA, I Sz NIMA MOLODAJA MĚSJACA, Olegz i Svjatzslavz TzMOJU SJA POVOLOKOSTA ... Na rěcě na Kajalě TzMA SVĚTz POKRYLA (20/25)

(Auf die Verweisstellen i n n e r h a l b des komplexen Anaphorikons gehen wir hier nicht ein).

8.4

Ein typischer Zug in der Textverweisstruktur des Igorliedes ist der relativ häufige Wechsel zwischen narrativer, berichteter und direkter Rede. Dieser Wechsel zieht nicht selten Perspektivenveränderungen beim Gebrauch von Proformen nach sich in der Art, daß Personalpronomina der 1. Person, die normalerweise nur sehr begrenzt für Textverweiszwecke eingesetzt werden, im Igorlied häufig den Charakter anaphorischer Einheiten erwerben (noch häufiger wird dieser Perspektivenwechsel an "prädikatsverborgenen" Proformen sichtbar, die jedoch vereinbarungsgemäß nicht berücksichtigt werden; vgl. I reče Gzakz kz Končakovi: Ašče ego oputaeVĚ krasnoju dĕviceju ... (24/44)

Für den anaphorischen Gebrauch von Personalpronomen der 1. Person sei folgendes Beispiel angeführt:

(20) Reče Končakz ko Gzě: Aže sokolz kz gnězdu letitz, a
VĚ sokolca oputaevě krasnoju diviceju. (23/43)

Durch den Einsatz anaphorischer Einheiten in der illustrierten Weise wird also über die Grenzen unterschiedlicher Redetypen hinaus textueller Konnex geschaffen. In der Regel ist die Kohärenzwirkung dieser Einheiten stärker als die delimitative Wirkung der verschiedenen Redetypen (auf dem Hintergrund dieser Beobachtungen könnten im übrigen wohl einige Aussagen von BRAUNMÜLLER 1977, 22 ff. zur textkonstitutiven Funktion der Personalpronomen der 1./2. Person revidiert werden).

8.5.

Was die Häufigkeit der Relationsherstellung durch semantische oder pragmatische Mittel (vgl. unter 5.) angeht, so sind die ersteren naturgemäß bei weitem stärker vertreten, da die Überfrachtung eines Textes mit pragmatisch motivierten Rekurrenzen dessen Verständlichkeit negativ beeinträchtigen kann. Dennoch ist das Vorkommen pragmatischer Textverweise nicht selten. Neben anderen Faktoren trägt dies zum künstlerischen Effekt des Textes bei. Als Illustration sei folgende Sequenz genannt, deren Verweisbeziehung vornehmlich über textpragmatische Momente zustande kommt :

(21) Tu krovavago vina ne dosta; tu pirz dokončaša chrabrii Rusiči, SVATY popoiša ... (18/18)

Nicht ungewöhnlich sind Fälle, wo gleichzeitig sowohl pragmatische als auch deutlich semantische Momente den Textverweis bewirken; vgl.:

(22) Vstupila děvoju na zemlju Trojanju ... a poganii sz
vsěchz stranz prichoždachu ... NA ZEMLJU RUSKUJU,

wo einerseits durch Wiederholung von ZEMLJU eine semantische

Rekurrenz gegeben ist, andererseits RUSKUJU wohl als pragmatische Modifikation von Trojanju gelten muß (vgl. VINOGRADOVA 1984, Bd. 6, 58 ff.), da zwischen beiden Einheiten trotz Referenzidentität keine semantischen Identitätsbeziehungen herrschen.

Die gewöhnlichste Form des pragmatisch motivierten Textverweises ist die Beziehungsstiftung zwischen appellativen Einheiten und Eigennamen oder ausschließlich zwischen Eigennamen. Daneben gibt es Mischformen aus diesen Beziehungstypen wie in

(23) Se u Rimz kričatz podz sabljami Poloveckymi, a Volodimirz podz ranami. Tuga i toska SYNU GLĚBOVU!

Die pragmatischen Beziehungen müssen dem Betrachter dort verborgen bleiben, wo diesen nichtsprachliches Hintergrundwissen wegen dessen Kulturspezifität unzugänglich ist. Es wird hier also notwendig, auch im Rahmen einer immanenten Textanalyse außertextuelle, d.h. Adressateneigenschaften vergangener Jahrhunderte mit ins Kalkül zu ziehen.

Im übrigen tendieren im Igorlied einige pragmatische Substituierungen zu einer dauerhaften Referenzzuordnung derart, daß etwa der Eigenname Igorz und das Appellativum knjazz ein so konstantes Substituendem-Substituens-Paar bilden, daß sich im Textverlauf zwischen diesen eine Art "pragmatischer Synonymie" entwickelt.

8.6.

Über die Reichweite anaphorischer Beziehungen im Igorlied kann zur Zeit noch nichts Genaues gesagt werden. Dies gilt sowohl für die Reichweite im rein quantitativen Sinn (gemessen an der Zahl der zwischen den Textverweisrelata auftretenden Sätzen und deren Umfang und gemessen an der sich mit einem gegebenen Antezedens verbindenden Zahl von anaphorischen Positionen) als auch für die Reichweite in einem mehr qualitativen Sinn (gemessen an Zahl und Art der in eine gegebene Textverweisbeziehung eingelagerten weiteren Textverweisbeziehungen). Hinsichtlich der letzteren Art von Reichweite, oder besser Referenz erhaltender Kraft einer anaphorischen

Beziehung, dürfte die Ermittlung der spezifischen Eigenschaften jener Einheiten von großem Interesse sein, die die Referenzkette funktionstüchtig halten, auch wenn diese durch eingelagerte Konstituenten von weiteren Verweisbeziehungen gestört ist.

Wie ein Passus aus der "Klage der Jaroslavna" (23/37-39) zeigt, wird im Igorlied anaphorischer Konnex über lange Strecken trotz zahlreicher Störungen durch Einlagerung von Elementen weiterer Verweisbeziehungen aufrechterhalten, indem beispielsweise in relativ ausgeglichenen Abständen ein Appellativum (LADA) wiederholt wird (bezogen auf das Antezedens knjazju). Es ergibt sich so folgende Verweiskette (Konstituenten eingelagerter Verweisbeziehungen sind mit X markiert):

(24) knjazju - EGO - EGO - X - X - X - X - X LADY voi - X
 - X - X - X - X - X (Satz) - X - X - X - X - X - X
 LADU - X - kž NEMU - X (Satz) - X - X - na LADĚ voi
 - IMž - IMž

In Textfragment (24) (in dem ausnahmsweise auch jene anaphorischen Positionen berücksichtigt werden, die im gleichen Satz erscheinen wie das primäre Antezedens) wird der Konnex also zweifellos über die Repetierung einer bestimmten lexikalischen Bedeutung in den Grenzen einer bestimmten Wortart gewahrt. Weitere Untersuchungen müssen Aufschluß darüber geben, ob dies ein typisches Verfahren des Igorliedes ist oder ob möglicherweise andere Verfahren häufiger bemüht werden.

Unmittelbar mit den soeben angesprochenen Problemen ist die Frage nach der hierarchischen Staffelung von Textverweisstrukturen im Igorlied verbunden. Solche Staffelstrukturen (ich nenne sie "Matrěška-Strukturen") werden schon bei einer oberflächlichen Durchsicht erkennbar. Dennoch ist ihre adäquate und nachvollziehbare Abbildung recht problematisch, da die einzelnen Verweisebenen einer Matrěška-Struktur in häufig sehr komplizierter Weise miteinander verschränkt sind. Ein anschauliches Beispiel dafür ist der Monolog des Svjatoslav (20/26 ff.), in dem die oberste Verweisstruktur eine vom Antezedens velikyj Svjatzslavz ausgehende, weitreichende (übrigens nur aus synse-

mantischen Proformen bestehende) Referenzkette ist. Dieser Struktur sind weitere Strukturen mit eigenen Antezedenzen untergeordnet, die untereinander wiederum durch Aufnahme von anaphorischen Einheiten der obersten Verweisstruktur in die hierarchisch untergeordneten Verweisstrukturen Kohärenz gewinnen. In sehr abgekürzter Form soll dies hier illustriert werden:

(25) Togda (velikii Svjatzslavz)^a izroni zlato slovo ...
 " O MOJA^a (synovčja, Igorju i Vsevolode)^{b1}! rano esta
 načala Poloveckuju zemlju meči cvělitu ... VAJU^{b1}
 chrabraja serdca vz žestocemz charaluzě skovana ...
 Se li stvoriste MOEI^a srebrenoi sédině! A uže ne
 viždu vlasti (silznago ... brata MOEGO^a, i sz Černi-
 govzskimi byljami, sz Moguty ...)^{b2}. TII^{b2} bo bes
 ščitovz sz sapožniki klikomz plžky poběždajutz ...

a = Relata erster Ordnung

b = Relata zweiter Ordnung, wobei die Relata unter b¹
 wiederum eine andere Verweisstruktur darstellen
 als die Relata unter b²

Die genaue Ermittlung der Matrěška-Strukturen ist für die Analyse der Makrostruktur des Textes von erheblicher Bedeutung, da diese - gemeinsam mit anderen Mitteln - zur transphrastischen Gliederung des Gesamttextes beitragen.

8.7.

Nach dieser ersten allgemeinen Charakterisierung der Verweisstrukturen im Igorlied sollen nun noch einige Beobachtungen spezieller Art erwähnt werden, und zwar solche zu den Eigenheiten der Relata sowohl auf der Antezedens- wie auf der Anapherseite.

Betrachten wir zunächst die Antezedensseite. Wie unter 6. bereits dargelegt, wurden hinsichtlich von ANT dessen syntagmatische Komplexität, Satzgliedfunktion, Wortklassenzugehörigkeit und grammatische Ausformung festgestellt, um - ausgehend von diesen Größen - das funktionale und formale Verhältnis zu

den anaphorischen Bezugsgrößen zu ermitteln.

In einer ersten Sichtung ergab sich folgendes, noch sehr grobes, Bild: Von insgesamt 293 untersuchten antezedischen Einheiten fielen 138 in die Klasse der ANT mit syntagmatischem Charakter, 100 in die Klasse mit Einwortcharakter, 41 in die Klasse mit Satz- und 14 in die Klasse mit Textcharakter. Aus diesen Zahlen wird deutlich, daß die Verweisstrukturen des Igorliedes in hohem Maße an sprachlichen Einheiten festgemacht sind, die unterhalb der Satzgröße liegen, nämlich 81,23 Prozent.

Von diesen 81,23 Prozent aller untersuchten ANT fällt wiederum der größte Prozentsatz auf die Satzgliedfunktion "Subjekt", insgesamt in 78 Fällen. Von diesen 78 Subjekten sind 42 Einwortsubjekte und 36 Mehrwortsubjekte.

Eine bevorzugte Satzgliedfunktion antezedischer Einheiten im Igorlied ist also das Subjekt. Da hier nicht der Ort ist, auch alle anderen Satzgliedfunktionen von ANT numerisch aufzulisten, sei lediglich angemerkt, daß der dominanten Stellung des Subjektes andere Satzgliedfunktionen in folgender Reihenfolge und in teilweise großem Abstand nachgeordnet sind: Anrede, Adverbial, Objekt, Prädikat, indirektes Objekt und andere Dativkonstruktionen.

Hinsichtlich des Verhältnisses "Komplexität des ANT: Satzgliedfunktion des ANT" müßte noch detailliert untersucht werden, inwieweit die einzelnen Satzgliedfunktionen von antezedischen Einzelexemen bzw. Syntagmen realisiert werden. Auch dies würde zur weiteren Charakterisierung der Verweisstrukturen beitragen. Beispielsweise werden - wie oben schon gesagt - die Subjekt-ANT häufiger von Einzelexemen als von Syntagmen getragen. Im Falle der Anreden oder der Objekte ist es genau umgekehrt.

Ein weiteres wichtiges Moment für eine genauere Erfassung der Textverweisstrukturen ist schließlich die Ermittlung des Anteils der Wortarten am antezedischen Korpus. Erste Erhebungen haben erbracht, daß in dieser Hinsicht das Substantiv und der, als separate Klasse geführte, Eigenname absolut dominierend sind, sei es in isolierter Stellung oder in Kombination mit von ihnen syntaktisch abhängigen anderen Wortarten wie Ad-

jektive, Numeralia etc. Das Verbum spielt hingegen eine sehr untergeordnete Rolle, was sicher mit der gleichermaßen wenig im antezedischen Bereich vertretenen Satzgliedfunktion "Prädikat" zusammenhängt, wenngleich es zwischen beiden Erscheinungen keine deterministische Relation gibt. Noch andere Wortarten sind für den antezedischen Bereich praktisch zu vernachlässigen oder aber mittelbar der Sphäre des Substantivs bzw. Eigennamens zuzuschlagen wie das Possessivadjektiv, das letztlich nichts anderes ist als deren direktes Derivat (vgl. z.B. (22/35) : Vy bo svoimi kramolami načjaste navoditi poganyja na zemlju Ruskuju, na Žizn Vseslavlju ... Na sedmomz věčě Trojani vrzže VSESLAVz Žrebi ... , wo ANT und ANE in einer rechtsgerichteten Inklusionsbeziehung stehen, d.h. beide Einheiten funktional weitgehend übereinstimmen).

Es sei noch einmal unterstrichen, daß die genaue Analyse des antezedischen Bereiches nicht nur für die Ermittlung des spezifischen Verhältnisses dieses Bereiches zum anaphorischen Bereich und damit eben für die Ermittlung der Verweisstrukturen des Textes schlechthin wesentlich ist. Für eine profunde Charakterisierung dieser Strukturen sollten auf jeden Fall auch die Interrelationen zwischen den Eigenschaften der Antezedenzien selbst, nämlich Komplexität, Satzgliedfunktion, Wortartenzugehörigkeit und, darüber hinaus, die grammatische Form beachtet werden.

8.8.

In der nun folgenden kurzen Betrachtung der anaphorischen Seite der Textverweisstruktur wollen wir aus Platzgründen die Darstellung auf die im Verhältnis zur antezedischen Seite definierten relationalen Eigenschaften der ANE konzentrieren, ohne dabei jedoch deren absolute Eigenschaften völlig zu vernachlässigen.

Insgesamt wurden bisher 308 anaphorische Positionen im Igorlied untersucht. Eine erste Klassifizierung dieser Positionen ergab, daß sie (ähnlich wie im Falle der ANT) ganz überwiegend von Einheiten unterhalb der Satzgröße realisiert werden. Im einzelnen ergab sich folgendes Bild: 198 Positionen sind von Einzelwörtern, 78 von Syntagmen, 30 von Sätzen und

zwei von Texten besetzt, d.h. die ANE-Einheiten unterhalb der Satzgröße machen 89,61 Prozent des Gesamtbestandes der anaphorischen Positionen aus. Es zeigt sich hier eine auffällige Analogie zu den Komplexitätsverhältnissen im ANT-Bereich.

Von den anaphorischen Einheiten korrespondieren in syntaktischer Hinsicht nur 41,82 Prozent mit den Antezedenseinheiten in dem Sinne, daß die Satzgliedfunktionen von ANT und ANE übereinstimmen (homosyntaktisches Verhalten). Es läßt sich hier also eine gewisse Tendenz zur syntaktischen Inkongruenz innerhalb der Verweisstrukturen vermerken (heterosyntaktisches Verhalten).

Von den analysierten Textverweisen beruhen 14,92 Prozent auf einem pragmatischen, 85,08 Prozent auf einem semantischen Substitutionsverhältnis. Unter den semantischen Textverweismitteln (insgesamt 270 Fälle) dominieren mit 156 Fällen absolut jene, in denen zwischen ANT und ANE eine semantische Identitätsbeziehung besteht, wobei diese durch synsemantische Einheiten (Proformen) (104 Fälle) oder Wortiteration (48 Fälle), in seltenen Fällen auch durch Ellipsen (4 Fälle) hergestellt wird (vgl. unter 5.). Autonome Synonymiebeziehungen konnten nicht ermittelt werden. Eine Intersektionsbeziehung zwischen ANT und ANE besteht in 49 Fällen, sie findet sich häufig dort, wo die Relata Satzcharakter besitzen. Ihr folgen quantitativ die linksgerichtete Inklusionsbeziehung mit 41 Fällen und die rechtsgerichtete Inklusionsbeziehung mit nur 24 Fällen.

Es ist anzunehmen, daß im ANE-Bereich zwischen den semantischen/pragmatischen Textverweismodi und den Modi der Referenzrelation bestimmte Abhängigkeiten bestehen. Da diese für das Igorlied noch nicht im einzelnen herausgearbeitet wurden, werden hier nur die Referenzrelationen als solche aufgelistet (zu den einzelnen Typen s. unter 5.). Von insgesamt 299 analysierten referentiellen Beziehungen zeigen 214 (das sind 71,57 Prozent) strikte Referenzidentität. In weitem Abstand folgen Referenzvereinigung mit 32 Fällen, Referenzeinschluß mit 19 Fällen, Referenzauflösung mit 9 Fällen und Referenzerweiterung mit 4 Fällen. Die Referenzdivergenz ist mit 21 Fällen vertreten und fällt somit weit hinter die verschiedenen

Typen der Referenzidentität zurück.

Zur Komplexität der anaphorischen Einheiten wurden bereits Aussagen im Anfangsteil dieses Abschnittes gemacht. Zur genaueren Beschreibung der Textverweisstrukturen ist es jedoch notwendig, auch die Komplexität der Relata in den einzelnen Verweisrelationen in ihrer Beziehung zueinander zu fixieren, also festzustellen, ob beispielsweise auf ein Einwort-Antezedens mit einer Einwort-, Syntagmen- oder Satzanapher etc. etc. rekurriert wird. Rein formal kann eine ANE mit Bezug auf ihr ANT eine Expansion, eine Reduktion oder aber eine Identität darstellen. Ohne hier auf endgültige Zahlen zurückgreifen zu können, läßt sich bereits erkennen, daß die Fälle, in denen ANE mit einer gleichen Komplexität wie ANT ausgestattet ist, stark vorherrschen (ca. 76 Prozent). Reduktionen sind mit ca. 13 Prozent vertreten und Expansionen mit ca. 9 Prozent. Zu letzteren sind noch Expansionen durch deiktische Kennzeichnung (vgl. GIRKE 1985, 79 f.) als Sonderform mit ca. 2 Prozent hinzuzufügen. Insgesamt also bietet das Igorlied hinsichtlich der Komplexität der Verweisstrukturelata ein überwiegend stabiles Bild.

9.

Im vorangehenden Abschnitt wurde eine erste Skizze der Textverweisstruktur des Igorliedes geliefert. Wenngleich diese Skizze noch außerordentlich grob ist, gestattet sie doch bereits einige generelle Einblicke in die semantisch-pragmatische Konnexität des Werkes.

Wir könnten diese Einblicke noch weiter präzisieren, beispielsweise mit der Angabe, daß von den textverweisenden Proformen (insgesamt 116) die meisten der Klasse der Personalpronomen (43) angehören (dies trotz der Tendenz des Altostslavischen zu einem reduzierten Gebrauch dieser Pronomenart), gefolgt von den Possessivpronomen (31), während das "klassische" textverweisende Relativpronomen nur 6 mal vertreten ist, synsemantische Proverben überhaupt nicht auftreten usw. usw. Wir begnügen uns hier jedoch damit, noch einmal zu betonen, daß es nun gilt, in methodisch verfeinerter Weise das Kombinationsgeflecht der Eigenschaften sowohl der Einheiten im ANT- wie

im ANE-Bereich jeweils für sich zu durchleuchten, um danach das Beziehungsgefüge zwischen beiden Bereichen in qualitativer und quantitativer Hinsicht exakt zu analysieren. Erste Schritte zu einer solchen Arbeit sind bereits eingeleitet.

- Literatur

- BERGER, T. (1988): Die transphrastische Verwendung des Anaphorikums "on" in der modernen russischen Standardsprache. In: Slavistische Linguistik 1987, J. Raecke (ed.), München, 9-41.
- BERGER, T./WEISS, D. (1987): Die Gebrauchsbedingungen des Anaphorikums "tot" in substantivischer Verwendung. In: Slavistische Linguistik 1986, G. Freidhof, P. Kosta (eds.), München, 9-93.
- BRAUNMÜLLER, K. (1977): Referenz und Pronominalisierung, Tübingen.
- GIRKE, W. (1985): Zum Problem der Pronominalisierung im Russischen. In: Slavistische Linguistik 1984, W. Lehfeldt (ed.), München, 54-83.
- HARTMANN, P. (1971): Texte als linguistisches Objekt. In: Beiträge zur Textlinguistik, W.-D. Stempel (ed.), München, 9-29.
- HARWEG, R. (1968): Pronomina und Textkonstitution, München.
- HAUENSCHILD, CH. (1985): Zur Interpretation russischer Nominalgruppen, München.
- HERBERMANN, C.-P. (1988): Modi referentiae, Heidelberg.
- JACHNOW, H. (1989a): Vorüberlegungen zu Problemen der Textstrukturanalyse und des Textstrukturvergleiches am Beispiel des Igorliedes. In: Festschrift für Peter Brang, C. Goehrke, R. Kemball, R. Zett (eds.), Zürich.
- JACHNOW, H. (1989b): Zur immanent-textuellen Struktur des Igorliedes. In: Arbeitstreffen des Seminars für Slavistik der RUB anlässlich des Christianisierungsmillenniums Rußlands, 18.11.88 und 25.11.88, H. Jachnow (ed.), Hagen.
- SELIVERSTOVA, O.N. (1988): Mestoimenija v jazyke i reči, Moskva.
- SLOVA PRA PACHOD IHARAVY (1986), V. Čamjarycki (ed.), Minsk.
- SLOVO O POLKU IGOREVE (1967), L.A. Dmitriev, D.S. Lichačev (eds.), Moskva, 43-56.

SLOVO O POLKU IGOREVIM (1983), L. Machnovec' (ed.), Kyjiv.
VINOGRADOVA, V.L. (1965-1984): Slovar'-spravočnik "Slova o polku Igoreve", 6 Bde, Moskva/Leningrad.

Резюме

В данной статье к текстовой лингвистике предъявляется требование изучать индивидуальную цельность текста. Цель работы такого рода - расширение эмпирической базы теории текстовой лингвистики, а также тонкое понимание реального функционирования текста как целостности. Подобное понимание представляет собой базу для ряда новых исследовательских задач в области текстовой лингвистики. Автор показывает возможности комплексного анализа текста на примере "Слово о полку Игореве", уделяя при этом особенное внимание его семантико-анафорической структуре.

Christian Sappok, Bochum

TEXTANALYSE AUF PSYCHOLINGUISTISCHER GRUNDLAGE
(ANHAND VON MATERIAL AUS EINEM POLNISCHEN TAGEBUCH)

1. Das Problem

Wir wollen Texte bzw. Textstellen analysieren, beschreiben, auf ihre Struktur hin untersuchen, die aus einem Tagebuch stammen. Damit meinen wir nicht Texte mit literarischem Anspruch wie z.B. CAESARS "De bello gallico" oder AUGUSTINUS "Confessiones" oder JAN PASEKS "Pamiętniki". Wir meinen private Aufzeichnungen, ohne vorherige Ausbildung, ohne Dominanz fiktiver Komponenten, mit dem Ziel der schriftlichen Fixierung von Ausschnitten aus der eigenen Vergangenheit.

Die genaue Abgrenzung dieser Textart, wie sie SULIMA 1978 ins Blickfeld der wissenschaftlich-philologischen Aufmerksamkeit rückt, ist nicht leicht, man braucht dazu sicher mehr und exaktere Kategorien als das von mir Angeführte. Doch ist das nicht das hier gestellte Problem. Wenn wir den Maßstab philologischer Strenge vorerst beiseite stellen und den Blick auf das Material selbst lenken, merken wir intuitiv sehr genau, was für eine Textart das ist, worauf die Eigenart nichtliterarischer Tagebücher beruht. Schlagen wir eine Tagebuchsammlung auf (Pamiętniki emigrantów: Kanada. Warszawa 1971), dann beginnt der erste Text folgendermaßen:

(1) Kiedy miałem zaledwie dwa lata co pamiętam to moje męczenie się ile razy pamiętam budząc się podczas snu muszę powiedzieć tak że w kołysce, w której mnie zostawiono ile razy się to powtarzało to zawsze prawie było to samo.

(Als ich kaum zwei Jahre alt war, erinnere ich mich, daß meine Qual begann, wie viele Male, erinnere ich mich, wachte ich während des Schlafes auf, ich muß erzählen, daß in der Wiege, in der man mich gelassen hatte, wie viele Male wiederholte sich das, das war fast immer dasselbe.)

Der intuitive Eindruck von diesem Text bzw. diesem Textanfang läßt sich so wiedergeben: die Formulierung ist unbeholfen, verrät einen wenig versierten Schreiber; in dieser Hinsicht weicht der Autor in mehreren Fällen sogar von der Norm ab. Die Gestalt dessen, was hier schriftlich fixiert werden soll, von welcher Art der aus der Vergangenheit heraufgeholte Abschnitt aus dem Leben des Autors ist, beginnt sich sofort sehr plastisch abzuzeichnen.

(1') Kiedy miałem zaledwie dwa lata, moje męczenie się zaczęło, ile razy budziłem się w kołysce, w której mnie zostawiono.

(Als ich kaum zwei Jahre alt war, begann meine Qual, wie viele Male wachte ich in der Wiege auf, in der man mich gelassen hatte.)

Vergleichen wir (1) mit (1'), einer synthetisch hergestellten, neutralen Variante, so ist das Merkmal der Unbeholfenheit, der Formulierungsschwäche vermieden. Was die Realisierung der Vergangenheit betrifft, die Zurückversetzung in eine vergangene Situation bzw. die Übertragung dieser Situation in die Gegenwart, so ist zu zweifeln, ob das mit Hilfe von (1') besser gemacht wäre. Was diesen Schritt betrifft, wollen wir sagen, daß er von (1) und von (1') gleichermaßen vollzogen wurde; die Spuren dieses Schrittes auf dem Papier, genauer gesagt in der Struktur der resultierenden Äußerung, sind verschieden.

Wenn es gelingt, die hier angedeutete Gegenüberstellung von Verschiedenheit und Gleichheit genauer zu formulieren und methodisch abzusichern, wird das für die Suche nach den Organisationsformen sprachlichen Verhaltens sehr hilfreich sein. Der Beitrag unserer Analyse sieht so aus: Kann der von Texten wie (1) vermittelte intuitive Eindruck systematisch erfaßt werden? Läßt sich anhand der Textart Tagebuch eine größere Menge an Daten gewinnen, die im Sinne der Opposition (1) vs. (1') interpretierbar ist? Ich werde mich bei der hier eingeschlagenen Suchrichtung auf ein relativ leicht identifizierbares Kriterium stützen. (1) ist erheblich länger als (1'); im letzteren

Beispiel sind eine Menge von Elementen ausgespart. Weggelassen sind einerseits die wiederholten Hinweise auf die Funktionen des Schreibers pamiętam, muszę powiedzieć (ich erinnere mich, ich muß erzählen); weggelassen sind auch die Wiederholungen, die Reformulierungen und Umformulierungen, die den ganzen Text begleiten und die hier gar die extreme Form einer Tautologie annehmen: ile razy się to powtarzało to zawsze prawie było to samo (wie viele Male wiederholte sich das, das war fast immer dasselbe).

Wir suchen also Beispiele aus einer bestimmten Textart, die für diese typisch sind und die sich von einer neutralen, normierten Entsprechung durch ein Mehr, durch einen quantitativen Vorsprung auszeichnen. Wenn es gelingt, dieses Mehr zu isolieren, diesen zusätzlichen Aufwand systematisch zu erfassen, dann können diese Beobachtungen interpretiert werden. Uns interessieren dabei die dem Text zugrundeliegenden Produktions- und Organisationsverfahren, wie sie im Modell vom Verhalten eines Sprechers enthalten sein müssen. Vor diesem Versuch einer psycholinguistischen Interpretation möchte ich zunächst eine Präsentation des Materials anhand von ausgewählten typischen Beispielen bieten.

2. Das Material

Das Material, das ich für meine Untersuchung ausgewählt habe, liegt in Buchform veröffentlicht vor: JOZEF SAMULSKI: *Pamiętnik emigranta polskiego w Kanadzie*, Warszawa 1978. Der Vorteil dieses Textes beruht darauf, daß er vom Niveau des Stils her sehr konstant ist, daß die in unserem Beispiel (1) als typisch zu erachtenden Eigenheiten durchweg stark vertreten sind, aber keinesfalls so, daß die Qualität der Darstellung oder die Verständlichkeit darunter leiden würden. Von großem Vorteil ist auch die hervorragende Edition, die es erlaubt, sich problemlos auf das in der Einleitung skizzierte Thema und das dafür verwertbare Material zu konzentrieren.

Die von mir ausgewählten Beispiele können insofern als typisch angesehen werden, als die jeweils demonstrierten Besonderheiten durch eine große Zahl von Belegen unterstützt werden

können. Das gilt besonders für die Größe der von mir präsentierten Ausschnitte. Meine Ausschnitte umfassen jeweils nur 1 bis 3 Sätze, das soll die Anschaulichkeit erhöhen und es ermöglichen, soweit als möglich mit den Mitteln und Kategorien der Grammatik zu arbeiten. Es handelt sich jedoch um durchgehende Eigenschaften, es handelt sich also um Satzeigenschaften und ebensogut um stilistische Eigenheiten, zumindest in einem nichtrhetorischen, nichtkanonischen Sinn.

An den Anfang stelle ich (2), einen etwas umfangreicheren Absatz; damit möchte ich ein anschauliches Bild von der Eigenart dieses Tagebuchs geben und an ein paar Punkten den Einsatz der Analyse markieren.

(2) Przyjechaliśmy do miasta Amos (, to było) w pół do dziewiąty a. m. i to była niedziela, a o 11sty godzinie miał przejeżdżać nasz pociąg. A w tym mieście był zwyczaj, że fryzjerzy (golili i strzygli włosy) do w pół do 10ty godziny a. m. A przez te dwa tygodnie, jak byliśmy na wyspie, to ja się nie golił i wstyd mi było taki obrosły dali podróżować, tak poszedłem do zakładu fryzjerskiego (, aby się ogolić.) A tam było przede mną parę chłopów, co tyż (na to samo) czekali. Mówię do tego fryzjera, (aby mnie ogolił, bo) mi się śpieszy na pociąg. Lecz to byli Francuzi i z pewnością po angielsku nie rozumieli i mnie do golenia nie wołają. Jeszcze chwilę poczekałem i widzę, że te fryzjerzy (bo ich było dwóch) biorą po kolei drugich, a ja się zostaję ((poszedłem,) (wziłem)) pezel i brzytwę, sam się ogoliłem i jemu zapłacił, umył się i prędko lecę na stacyje do pociągu (124).

(Wir kamen in die Stadt Amos, es war halb zehn vormittags, und es war Sonntag, und um elf Uhr sollte unser Zug fahren. Aber in dieser Stadt war es Brauch, daß die Friseur bis um halb zehn vormittags rasierten und Haare schnitten. Aber in den zwei Wochen, die wir auf der Insel waren, hatte ich mich nicht rasiert, und ich schämte mich, so bewachsen weiterzureisen, und so ging ich ins Friseurgeschäft, um mich zu rasieren. Aber dort

waren vor mir einige Bauern, die auch auf dasselbe warteten. Ich sage zu diesem Friseur, daß er mich rasieren soll, weil ich eilig zum Zug muß. Aber das waren Franzosen und verstanden mit Sicherheit kein Englisch, und sie riefen mich nicht zum Rasieren. Ich warte noch ein Weilchen und sehe, daß diese Friseure, denn es waren zwei, die nächsten aus der Reihe drannehmen, aber ich bleibe, ging und nahm Pinsel und Rasiermesser, rasierte mich selbst, bezahlte ihn, wusch mich und eilte schnell auf den Bahnhof zum Zug.)

Der Absatz (2) zeigt den Autor als einen, der sich zu helfen weiß, der auch im fremden Bereich sich so verhält, wie es seinen Zielen und den Bedingungen der Situation entspricht. Das gilt übrigens auch für den Bereich, in dem schriftliche Texte ihren Ursprung haben. Die hier vorgestellte Situation ist klar erfaßt: Das waren die Umstände, so lagen die Bedürfnisse, das waren die Hindernisse und so wurden sie damals überwunden. Die Mittel, die der Autor bei der schriftlichen Formulierung einsetzt, müssen als völlig adäquat beurteilt werden.

Eine Besonderheit fällt auf, und sie ist (1) und (2) gemeinsam, obwohl die beiden Autoren nichts miteinander zu tun haben - außer natürlich ein vergleichbares Schicksal und ein Wissen darüber, daß es so etwas wie lange schriftlich fixierte Texte gibt und daß sie im menschlichen Leben eine wichtige Rolle spielen. Ich möchte diese gemeinsame Besonderheit in einem ersten Schritt so kennzeichnen: Es wird bei der Formulierung etwas mehr getan, als eigentlich sein müßte. Es werden bei dem zugrundeliegenden Übertragungsschritt ein paar zusätzliche Anstrengungen übernommen. Am auffälligsten ist dieser Mehreinsatz, wenn wir das Wort golić (rasieren) und seine Entsprechungen betrachten. Die damit gemeinte Sache ist - vom Schauplatz her gesehen - sehr naheliegend; an den Ausdrucksmitteln bieten sich daher bestimmte Einsparungsmöglichkeiten an. Im ersten der Fälle - ich habe sie in (2) hervorgehoben - könnte man den Komplex ersetzen durch pracowali (sie arbeiteten); das 3. und 5. Vorkommen des Ausdrucks könnte ganz wegfallen; die vierte Stelle enthält zwar nicht das Wort golić,

aber durch das vorausgehende Wort też (auch) wird auch der Vertreter to samo (dasselbe) überflüssig gemacht.

Ich bezeichne diese Besonderheit vorerst mit dem stilistisch orientierten Ausdruck Ausführlichkeit - szczegółowość, mit einer wesentlichen zusätzlichen Bestimmung oder Einschränkung: Das betroffene Element, das zusätzliche Detail erfährt seine Bewertung der Zusätzlichkeit vornehmlich auf der Grundlage der Gegebenheiten der Ausdrucksebene.-Durch sein Wegfallen aus dem Text würde nicht notwendigerweise ein Element der Inhaltsebene wegfallen. Daß eine solche Möglichkeit überhaupt besteht, setzt eine bestimmte Selbständigkeit der beiden Ebenen voraus, über die die Grammatik Auskunft geben kann. Daher soll unsere erste Frage sein: Wie läßt sich das über das ganze Tagebuch verteilte Phänomen der Ausführlichkeit mit seinen vielen Spielarten ordnen, grammatisch beschreiben und schließlich textorganisatorisch bzw. psycholinguistisch interpretieren?

2.1 Die Tilgung, die Reduktion

Wenn man die Grammatik nach Verfahren überprüft, die etwas mit Ausführlichkeit und der damit verbundenen Redundanz zu tun haben, dann stößt man zuerst auf die Tilgungs- und Reduktionsregeln. Diese Regeln suchen nach Elementen, die aus kode-internen Gründen überflüssig sind - d.h. erschließbar oder restituierbar sind, und tilgen sie. Sie erscheinen in der Lautgestalt der Äußerung nicht bzw. nicht in ihrer ursprünglichen Gestalt, höchstens in reduzierter Form als Spuren. Ein typischer Fall für das Inkrafttreten dieser Regeln ist dann gegeben, wenn wiederholt hintereinander von gleichbleibenden Dingen die Rede ist. Diese Regeln sind, von Sonderfällen abgesehen, fakultativ, doch entstehen bei ihrer Nichtanwendung Verhältnisse, die ganz eindeutig als stilistisch abweichend empfunden werden. Dies ist etwa der Fall in (3).

- (3) Jak raz on był w swoim biurze, zaraz kazał mi wejść i(kazał)usiąść. Ja jemu mówię, że mam do niego list od pana Kirby z Cobalt, i zaraz mu (ten list) podaję (105).

(Wie er einmal in seinem Büro war, sagte er mir, ich solle hereinkommen, und sagte, ich solle mich hinsetzen. Ich sage ihm, daß ich für ihn einen Brief von Herrn Kirby aus Cobalt habe, und gebe ihm sofort diesen Brief.)

Im ersten Satz findet sich eine Koordination, die das zweite Auftreten von kazał (er sagte) tilgen könnte, ohne daß dadurch die Abhängigkeit des Infinitivs usiąść (sich hinsetzen) vom finiten Verb fraglich würde. Im zweiten Satz taucht das Element list (Brief) zweimal auf; es gibt Regeln, die das zweite Vorkommen in diesem Fall reduzieren; das geschieht durch Pronominalisierung, und das Ergebnis wäre mu go podaje (ich gebe ihn ihm). Der Autor von (3) macht auch von dieser Möglichkeit keinen Gebrauch. Die stilistische Abweichung ist in diesem Fall weniger auffällig.

Ich schlage für die Markierung dieser Fälle den Gebrauch von Klammern vor. Wenn im folgenden bestimmte Ausdrücke von mir in Klammern gesetzt werden, dann ist das so zu verstehen: hinsichtlich der in Klammern befindlichen Elemente ist das Urteil "Ausführlichkeit" möglich, d.h. es gibt in der betreffenden Sprache Mittel, einen kürzeren, aber akzeptablen Ausdruck zu finden. Das bedeutet keineswegs, daß dieser Ausdruck weggelassen werden kann; es bedeutet auch nicht, daß ein besonders scharfsinniger Leser in einem Text mit entferntem Inhalt der Klammerausdrücke erraten könnte, was darin stand. Es bedeutet lediglich, daß es in der Sprache Mittel gibt, die auf den Inhalt des Klammerausdruckes angewendet werden können, und daß das Ergebnis dieser Anwendung kürzer ist als das Original. Wir betrachten im Moment Regeln der Grammatik, es gibt aber, wie unten zu zeigen sein wird, durchaus auch andere Mittel.

Beispiele von Vermeidung der Reduktions- oder Tilgungsregeln sind außerordentlich häufig und betreffen Ausdrücke verschiedener Größenordnung (vgl. (4) bis (8)).

(4) Ja się go spytałem, gdzie on idzie, a on mówi, że (on) nie wie, gdzie (idzie) (60).

(Ich fragte ihn, wohin er gehe, und er sagt, daß er

nicht weiß, wohin er geht.)

- (5) Od ty wioski niedaleko był mały las, a (w tym lesie) znajdowali się petlury (161).
(Nicht weit von diesem Dorf war ein kleiner Wald, und in diesem Wald befanden sich Partisanen.)
- (6) ... tak zaczyli na nas zboku pogładać, i już (zaczyli) pomiędzy sobą szeptać (147).
(... so begannen sie uns von der Seite anzusehen und begannen schon untereinander zu flüstern.)
- (7) ..., i on prędko się wyniósł. Ja sobie życzyłem, (aby on się jak najprędzy wyniósł), aby go który z oficerów nie widział ...
(..., und er machte sich schnell davon. Und ich wünschte mir, daß er sich schnell davonmachte, damit ihn keiner der Offiziere sah.)
- (8) Tylko to szczęście, żem prędko lewą rękę mógł sięgnąć do pasa i udało mi się go z koła rzucić i młynek stanął, i udało mi się te palce z niego wydostać. (Wtenczas, abym tego pasa był nie mógł z tego koła zrzucić,) toby była cała ręka poszła (116).
(Es war nur ein Glück, daß ich schnell mit der linken Hand zum Gurt greifen konnte, und es gelang mir, ihn aus dem Rad zu werfen und die Mühle stand still, und es gelang mir, den Finger aus ihr herauszubekommen. Wenn ich den Gurt nicht aus dem Rad hätte ziehen können, wäre die ganze Hand verloren gewesen.)

In (4) wäre die Tilgung und in (5) das kurze Adverb tam möglich. Die Tilgungsmöglichkeit in (6) zeigt, daß dabei nicht einmal auf bestimmte Modifizierungsmöglichkeiten des zu tilgenden Elements verzichtet werden muß. In (7) und (8) könnten sehr umfangreiche Ausdrücke vereinfacht werden: ja sobie to życzyłem bzw. inaczejby była cała ręka poszła (ich wünschte mir das bzw. andernfalls wäre die ganze Hand verloren gewesen).

Hier ist zu sehen, daß die Entscheidung wohl stets die gleiche ist, ob das Element kurz ist oder lang; eine halblange Zwischenlösung ist zumindest in diesen Fällen nicht möglich. Das zeigt ganz deutlich den sprachbedingten Charakter dieser Entscheidungen; sie erfolgen nicht mit Blick auf die darzustellenden Verhältnisse und einer Auswahl dessen, was von diesen Verhältnissen im Bereich der sprachlichen Äußerung direkt repräsentiert sein soll. Vielmehr sind in dieser Hinsicht schon so viele Vorentscheidungen gefallen, daß bereits Alternativen auf der Ausdrucksseite sichtbar und entscheidbar werden. Und das Besondere an dieser speziellen hier ins Auge gefaßten Alternative ist, daß es sich nicht um zwei grundsätzlich verschiedene, qualitativ diskrete Ausdrucksmittel handelt, sondern um eine quantitative Alternative, damit verbunden die Entscheidung für eine kürzere oder längere Version.

An dieser Stelle könnte der erste Schritt zum Versuch einer Deutung unternommen werden: Der Autor dieser Sätze beläßt sie in einer umständlicheren, ausführlicheren Form, und er bearbeitet sie nicht im Sinne einer Verkürzung, einer größeren Ökonomie der Mittel, weil ihm die entsprechenden Fähigkeiten fehlen. Er realisiert eine erste, direkte Übertragung vom Inhalt zum Ausdruck, weitere Arbeitsschritte unterläßt er: Er kann die grammatischen Operationen nicht durchführen. Eine solche These könnte zumindest erheblich geschwächt werden durch den Nachweis, daß alle Regeln, die mit Tilgung und Redundanz zu tun haben, dem Autor vertraut sind und von ihm angewendet werden. Wollte man trotzdem weiter in diesem Sinne, also im Sinne eines restricted code, argumentieren, dann müßte man Faktoren nachweisen, die den Autor gerade in den vorliegenden Fällen daran hindern, von seiner Kenntnis, von seiner grammatischen Kompetenz Gebrauch zu machen. Weiter unten (§4) werde ich auf diese These im Rahmen meiner eigenen Analyse zurückkommen. Behalten wir jedoch für die weiteren Erörterungen im Auge, daß es sich nicht um Entscheidungen zwischen qualitativ verschiedenen, aber im gegebenen Moment äquivalenten Möglichkeiten handelt, sondern um die Entscheidung zwischen einer strukturell reicheren und einer strukturell ärmeren Möglichkeit. Bisläng scheint es so zu sein, daß der Autor unseres

Textes prinzipiell die einfachere Möglichkeit auswählt, d.h. die, für die weniger Regelanwendungen nötig sind. Doch liegt das am bisher betrachteten Material, und das Verhältnis wird sich bald umkehren.

Ich komme nun zur Besprechung von ausgewählten Fällen des Gebrauchs von być (sein). Die Möglichkeiten, dieses Verb zu tilgen bzw. Konstruktionen mit dem Prädikatsteil być durch etwas anderes zu ersetzen, sind reichhaltig. Wenn die Entscheidung, wie im vorliegenden Text, zugunsten des być fällt, so zeigt das umso deutlicher, daß es sich nicht um eine zusätzliche Komponente aus der darzustellenden Situation handelt.

Das trifft in geringem Maße zu bei być als Existenzverb, wie in (9).

- (9) Jednego dnia chodzę po lesie i mech z skałów (, gdzie były,) odrapuję, i na jednym miejscu znalazłym zrościały kamień, w którym było widać trochę złota.
(Eines Tages ging ich in den Wald und kratzte Moos vom Gestein, wo es war, und an einer Stelle fand ich einen Stein, in dem man etwas Gold sehen konnte.)

Nur von der linguistischen Warte aus gesehen, könnte man sagen, daß man das Moos nur von den Felsen abreißen kann, insofern diese existieren. Doch ist im vorliegenden Fall dieser Schluß über die dortigen Gegebenheiten explizit enthalten: Der Wald stand nicht ausschließlich auf Felsen, und nur von diesen ist es lohnend, das Moos zu entfernen, wenn man Gold sucht.

Weitaus häufiger sind Fälle mit być als Kopula.

- (10) Zajechaliśmy do wyspy, (to już było) późno wieczór, postawiliśmy namiot i trochę pojedli i poszli spać (110).
(Wir fuhren auf die Insel, es war schon später Abend, wir stellten das Zelt auf, aßen ein wenig und gingen schlafen.)

(11) (To już było) po południu, on na wyznaczony czas nadjechał i mnie zabrał (113).

(Es war schon nachmittags, er kam zur vereinbarten Zeit und holte mich ab.)

(12) (Przyszło) pod jesień, a firma kanclowała kampe i kuchnie, bo tylko kilka chłopów samotnych, co się tam wiktowali, a żonaci chodzili do dom do miasta ... (118)

(Es wurde Herbst, und die Firma löste das Lager und die Küche auf, denn nur einige alleinstehende Kerle, die sich dort beköstigten, aber die Verheirateten gingen nach Hause in die Stadt ...)

Die Beispiele (10) bis (12) betreffen Zeitangaben, und es wäre grammatisch jederzeit möglich, entsprechende Präpositionalphrasen zu wählen. Die Entscheidung betrifft die Ausdrucksebene, es würden sich in keinem Fall andere Informationen über das damals Geschehene ergeben. Und doch kann man durchaus nicht sagen, daß diese Entscheidung ganz und gar unbedeutend und ohne jede Konsequenz wäre. Betrachten wir den Anfang von (12) in der Form (12'):

(12') Pod jesień firma kanclowała kampe i kuchnie.

(Gegen Herbst löste die Firma das Lager und die Küche auf.)

Natürlich würde sich nicht der Zeitpunkt für die Auflösung des Lagers ändern. Interpretiert man diesen Satz (12') isoliert, dann liegt der Schluß nahe, daß die Motive für die Auflösung des Lagers direkt mit der Jahreszeit in Verbindung stehen, etwa wie in o siódmej wstałem (um sieben Uhr stand ich auf). Dieser Schluß wird in (12') nicht bindend signalisiert, in (12) nicht explizit ausgeschlossen. Die Form (12') zeichnet sich nicht nur durch ein zusätzliches być aus, sondern durch eine zusätzliche Prädikation, und dadurch entsteht ein Satz, der sich gleichberechtigt in die Serie der Sätze einreicht, die den Text konstituieren. Der Geltungsbereich der Temporalbe-

stimmung befindet sich also nicht mehr im Rahmen einer ihm übergeordneten Prädikation, sondern wird auf den ganzen Textabschnitt ausgedehnt. Damit wären auch diese Fälle dem von uns postulierten Schema untergeordnet: der als charakteristisch für den Text beobachtete Mehraufwand ist entweder unmotiviert, oder seine Motivation betrifft ausschließlich die Ausdrucksebene, während sich für die Inhaltsebene kein Zuwachs an Details ergibt.

In diesem Sinne ist die Prädikation mit być in (11) die Einleitung eines Textabschnitts, als solche getrennt von der Zeitangabe des nächsten Satzes na wyznaczony czas (zur vereinbarten Zeit). In (10) kann auch eine solche Funktion nicht festgestellt werden. Die Entscheidung, zu welcher anderen Prädikation die Bestimmung późnym wieczorem (am späten Abend) zu stellen ist, ist hier umgangen.

Eine ähnliche Erscheinung, die Verteilung der gleichbleibenden Menge an Information auf mehrere Prädikationen, läßt sich bei (13a) und (13b) feststellen.

(13a) ... bo tam jest morderstwo popełnione i chciał, aby z nim pojechał (i był) za tłumacza (71).

(... denn dort ist ein Mord verübt worden, und er wollte, daß ich mit ihm führe und Übersetzer wäre.)

(13b) A miał płaszcz zimowy, i (to był) rozpięty, to ten płaszcz za nim fruwał, a za nim pięciu chłopów go goni, (i to) z otwartymi nożami w rękach (69).

(Und er hatte einen Wintermantel, und der war aufgeknapft, daß dieser Mantel hinter ihm wehte, und hinter ihm trieben ihn fünf Kerle an, und das mit geöffneten Messern in den Händen.)

Welche Versuche einer Interpretation man auch unternehmen mag (was für Folgerungen ergäben sich aus Formulierungen wie z nim pojechał jako tłumacz (er fuhr mit ihm als Übersetzer) oder Jego płaszcz zimowy rozpięty za nim fruwał (Sein aufgeknapfter Wintermantel wehte hinter ihm?)), ein Mehr oder Weniger an Informationsdetails ist damit nicht verbunden. Ein ganz direkter

Beweis für diese These, daß es sich um eine Motivation auf der Ausdrucksseite handelt, sind die zahlreichen Fälle, in denen die zusätzliche Prädikation mit bo (denn) eingeleitet wird. Was hier gegeben wird, ist nicht die Motivation für den Inhalt von (13c'), sondern für den Ausdruck in (13c).

(13c') Poszlişmy do drugiego piętra.
(Wir gingen in die zweite Etage.)

(13c) Poszlişmy do góry, bo to był budynek dwóchpiętrowy
(62).
(Wir gingen nach oben, denn das war ein zweistöckiges
Gebäude.)

2.2 Attribution vs. selbständiger Satz

Die bisher beobachteten Fakten lassen sich folgendermaßen zusammenfassen. Es gibt legitime, grammatische Mittel, Elemente einer Äußerung zu kürzen oder wegzulassen. Die Bedingungen sind so beschaffen, daß diese Elemente für die Interpretation nicht verlorengelien. Das kann aus verschiedenen Gründen gesichert sein. Der Erfolg der Kommunikation kann dann insofern als gesichert gelten, als kein Element der darzustellenden Struktur verlorengelien. Die grammatischen Mittel sind heterogen; wenn also, wie im vorliegenden Text, diese Möglichkeit mit einiger Konsequenz nicht genutzt wird, so kann das nicht aufgrund eines einfachen grammatischen Kriteriums erklärt werden. Betrachten wir (14') und (14'').

(14') Tam była usiedła, która nazywali Old Copper Cliff.
(Dort war eine Siedlung, die sie Old Copper Cliff
nannten.)

(14'') Tam była usiedła nazwana Old Copper Cliff.
(Dort war eine Old Copper Cliff genannte Siedlung.)

Der Name der Siedlung ist einmal in Form eines Attributsatzes angegeben und einmal als Attribut ohne Satzstatus. Beide Kon-

struktionen sind vom gleichen Typ und können bequem durch Transformationen voneinander abgeleitet werden. Das Originalzitat bei Samulski lautet anders:

(14) Tam była osiedła samych Ukraińców i to miejsce nazywali Old Copper Cliff.

(Dort war eine eigene Siedlung der Ukrainer, und diesen Ort nannten sie Old Copper Cliff.)

(14) besteht aus zwei selbständigen Prädikationen. Diese sind nebeneinandergestellt, und in diesem Fall ist es möglich, daß sie eben in einem bestimmten Verhältnis zueinander stehen, wie es zwischen Sätzen besteht. So kann z.B. die Prädikation (15') in zwei Prädikationen zerlegt werden, und unter bestimmten Bedingungen wird zwischen ihnen ein Kausalzusammenhang möglich.

(15') Ja usiad u okna próżnego przedziału.

(Ich setzte mich ans Fenster eines leeren Abteils.)

(15'') Był przedział próżny, tak ja usiad u okna.

(Das Abteil war leer, so setzte ich mich ans Fenster.)

(15''') Był przedział próżny, tak ja uległem.

(Das Abteil war leer, so legte ich mich hin.)

Diese Zerlegung in zwei Prädikationen wird also sinnvoll, wenn zwischen Attribut und Matrixsatz eine entsprechende Beziehung besteht. Und das ist im Original nicht der Fall (vgl. (15)).

(15) Był przedział próżny, tak ja sobie na lawce usiadłem
(176).

(Das Abteil war leer, so setzte ich mich auf die Bank.)

Das inhaltliche Motiv, das den Gebrauch der Mittel von (15'') oder (15''') rechtfertigt, fällt somit weg, und das Beispiel fügt sich problemlos in die Gruppe der inhaltlich unmotivierten

Ausführlichkeit ein.

Ein wichtiger Punkt meiner bisherigen Argumentation besteht in der Abschwächung der Motivation für die den Text auszeichnenden Besonderheiten. Wie ist diese Argumentation zu werten, ist sie mit anderen Argumentationen im Rahmen philologischer Analysen in Übereinklang zu bringen?

Was die Grammatik betrifft, so ist eine solche Argumentation ganz normal und verfolgt die gleiche Richtung. Tilgungs- und Reduktionsregeln sind Transformationen, und deren primäres Motiv ist es, die Bedeutung nicht zu tangieren. Natürlich werden Motive grundsätzlich als existent angenommen, aber auf dem Sektor der Äußerungsorganisation, und zwar in folgendem Sinne: Durch Umformung wird der Satz, bei gleichbleibendem Inhalt, in die textgebundene (kontext- und kotextgebundene) Informationshierarchie eingeordnet. Auch die von mir vorgeschlagene Argumentation hat die Textorganisation und ihre Grundlagen zum Ziel, aber nicht in diesem Sinne, also nicht im Sinne einer Topic-Comment-Struktur oder einer Aktualisierung. Ich führe einige Beispiele an, in denen Attribute durch eigene Prädikation eingeführt werden; sie zeigen meines Erachtens ganz deutlich, daß die damit verbundene Hervorhebung nicht auf einer Ebene liegt mit Aktualisierung oder Rhematisierung.

(16') On dał mu 8 dni więzienia w stodole.

(Er gab ihm 8 Tage Haft in der Scheune.)

(16) Kapitan Zalewski dał Tercyjakowi za tę żabę osm dni więzienia. A więzień na wioskę to był w stodole (136).

(Kapitän Zalewski gab Tercyjak für diesen Frosch acht Tage Gefängnis. Und das Gefängnis des Dorfes war in der Scheune.)

In (16) ist der Ort, an dem die Gefängnisstrafe verbüßt wird, gegenüber (16') durch eine eigene Prädikation ausgedrückt. Eine solche Hervorhebung hätte einen Sinn, wenn im weiteren Textverlauf die Scheune als Gefängnis eine bestimmte Rolle spielen würde, wenn sie wenigstens der Schauplatz der weiteren

Ereignisse sein würde. Das ist jedoch nicht der Fall. Nach dem Ende von (16) ist ein Absatz zu Ende, und im folgenden ist von ganz anderen Dingen die Rede.

Betrachten wir als nächstes das Beispiel (17).

(17) Ja przechodze w jedno miejsce, (a to było miejsce) bardzo płaskie, a pod podeszwami czułym, jak były jakie ostre kamienie (123).

(Ich ging durch einen Ort, und das war ein sehr ebener Ort, aber unter den Sohlen fühlte ich, wenn dort solche spitzen Steine waren.)

Es liegen offensichtlich drei Sätze vor, eingeleitet durch ja (ich), a (und) und nochmals a. Betrachtet man die ersten beiden, so fällt auf, daß die Eigenschaft płaskie (eben) sich nicht in der Position des syntaktischen Attributs befindet, sondern ein eigenes syntaktisches Prädikat verkörpert. Was ist das Motiv für diese Hervorhebung? Vielleicht ist es für einen Goldsucher ein relevantes Zusammentreffen von zwei signifikanten Beobachtungen - flacher Grund - spitze Steine? Ich weiß es nicht. Ginge es um eine Hervorhebung im Sinne von Thema und Rhema, dann gäbe es die Markierung durch Betonung w jedno miejsce płaskie (an einem ebenen Ort) oder durch eigene Prädikation, aber im Sinne des Attributsatzes w jedno miejsce, które było bardzo płaskie (an einem Ort, der sehr eben war). Gerade diese letztere Lösung wird vom Autor vermieden.

Ein interessanter Fall ist (18).

(18') A na ty mały stacyjce był tylko jeden chłop, który telegrafem operował i bilety sprzedął.

(Und auf diesem kleinen Bahnhof gab es nur einen Mann, der den Telegrafen bediente und Fahrkarten verkaufte.)

(18) A na ty mały stacyjce był tylko jeden chłop, który telegrafem operował i jak kto wkiedy przeszed bilet kolejowy kupić, to mu sprzedął (61).

(Und auf diesem kleinen Bahnhof gab es nur einen Mann, der den Telegrafen bediente, und wenn jemand kam, um eine Zugfahrkarte zu kaufen, sie ihm verkaufte.)

Betrachten wir zunächst (18'), das ich rekonstruiert habe, nach dem Gesichtspunkt, daß die zwei gleichberechtigten Komponenten in der Tätigkeit des Mannes einen parallelen Aufbau der Konstruktion wohl rechtfertigen. Dieser Parallelismus ist in (18) zerstört. Was auch immer die Motive dafür sein mögen, die Thema-Rhema-Gliederung kann damit meines Erachtens nichts zu tun haben: Weder ist das zweite Konjunkt neuer als das erste, noch handelt es sich beim zweiten um eine Tätigkeit, die bereits im vorangehenden Kontext vorkommt und nun aus irgendwelchen Gründen in dieser Form aktualisiert wird. Ich weise nochmals darauf hin, daß die Fähigkeit zur Verkürzung, zur grammatischen Reduktion und Tilgung, wie auch zur stilistischen Knappheit und Raffung, dem Autor nicht grundsätzlich abgesprochen werden kann. Er bedient sich dieser Mittel geläufig und geschickt, er weiß sie wirkungsvoll und gezielt einzusetzen, wie die Beschreibung eines Zweikampfes mit einem Engländer (to byl Anglik z Anglii (das war ein Engländer aus England)), der ihn beleidigt hat und der für SAMULSKI mit einer Art Blitzsieg endet, zeigt (vgl. (19)).

(19) Po podaniu sobie ręki ja nawet nie wiem, jak mi się udało, prędko jego grach w mordę (99).

(Nach dem Handschlag weiß ich sogar nicht, wie es mir gelang, schnell ihm ins Gesicht zu schlagen.)

Ich möchte nun übergehen zu einer Gruppe von Beispielen, die einen etwas anderen Aspekt mit sich bringen. Die bisherige Analyse beschäftigte sich mit den Beispielen nach dem Substitutionsprinzip. Durch Substitution eines Teils aus dem Originaltext durch ein grammatisch umgeformtes Teil ändert sich nichts, weder auf der Ebene des Inhalts, noch auf der Thema-Rhema-Ebene des Ausdrucks; der einzige Unterschied ist der, daß das Originalbeispiel länger ist als das durch Substitu-

tion konstruierte. Die nun folgenden Beispiele erweitern dieses Bild der Ausführlichkeit in zwei Richtungen. Es sind Fälle, in denen Elemente eingeschoben sind, die normalerweise aus einem Text ganz eliminiert werden.

2.3 Die Einfügung

(20) On już przedtym, zanim do tego miejsca przyšli, gdzie on był, widział złoto (79).

(Er sah schon vorher, ehe er zu diesem Ort kam, wo er war, das Gold.)

Das Beispiel (20) zeigt eine temporale Bestimmung durch einen verkürzten Adverbialausdruck; woraus diese Kürzung zustande gekommen ist, wird unmittelbar dahinter in ausführlicher Form gesagt. Daß przedtym (vorher) eine verkürzte Form ist, eine Art Pronominalisierung, zeigt sich hier nurmehr unter etymologischem Blickwinkel; die Zusammenschreibung signalisiert, daß es sich um eine lexikalisierte, erstarrte Verkürzung handelt.

Das gilt in noch stärkerem Maße für (21) und (22).

(21) Potym kazał wypisać dla mnie list rekomendacyjny, gdzie bym tylko poszed, żebym miał się czym okazać (102).

(Danach befahl er, ein Empfehlungsschreiben für mich auszustellen, wohin ich nur gehen würde, damit ich etwas vorzuzeigen hätte.)

(22) Rano spakował swoje manatki, którychżem wiela nie miał (101).

(Am Morgen packte ich meine Habseligkeiten zusammen, von denen ich nicht viel hatte.)

Hier sind bestimmte Bedeutungskomponenten zusammengefaßt und lexikalisiert, zu einem Bedeutungsträger vereinigt. Sie werden in dieser Form richtig verwendet, unmittelbar anschließend jedoch reformuliert, und zwar in genau die Bestandteile zerlegt, die das vorangehende Wort pauschal enthält. Der Neben-

satz aus (22) ist also nicht, wie die Konstruktion nahelegt, eine nähere Bestimmung zum Bezugswort, denn dieses bedeutet von sich aus bereits, daß es nicht viele geben darf (vgl. Słownik języka polskiego 1979, "manatki = pakunki z ubraniem, drobiazgi osobiste, багаż podręczny").

Ein überaus reichhaltiges Material bieten Beobachtungen hinsichtlich der Verwendung des Verbs patrzeć. Die sinnliche visuelle Wahrnehmung ist bei diesem Verb mit einer intentionalen Komponente gekoppelt; im Deutschen entspricht dem anblicken, hinsehen. In diesem Sinne ist es völlig gerechtfertigt, wenn man das Verb im Kontext des Suchens verwendet (vgl. (23)). Doch gibt es bestimmte Gründe, warum man auch dieses patrzeli einklammern kann.

- (23) Potem my jeszcze parę dni chodzili po wyspie, (patrzeli) aby co więcej znaleźć (123).
(Dann gingen wir noch einige Tage über die Insel, suchten, damit wir noch etwas mehr fänden.)

Wenn ich sage chodziłem po pokoju, aby znaleźć okulary (ich ging im Zimmer umher, um die Brille zu finden), dann wird das patrzeć automatisch vorausgesetzt. Diese Voraussetzung gilt nun aber nicht nur für diese spezielle Situation des Suchens. Auf jeden Fall könnte sie als gültig angesetzt werden auch für (24) - (27), und die Verwendung des Verbs fällt auch hier unter die Rubrik der Ausführlichkeit.

- (24) Popatrzyliśmy na jezioro, a bałwany się wałowały do pięciu stop wysoka, a wiatr tylko huczał (77 f.).
(Wir sahen auf den See, und die Wellen türmten sich bis zu einer Höhe von fünf Fuß, und der Wind heulte nur so.)
- (25) Ujechaliśmy tą rzeką, patrzymy i zobaczmy, że dym z lasa wychodzi (78).
(Wir fahren den Fluß entlang, sehen uns um und sehen, daß Rauch aus dem Wald aufsteigt.)

(26) On na mnie popatrzał i bardzo się zdziwił, że ja jeszcze taki młody i już się do prospektowania zabrał (84).

(Er sah mich an und wunderte sich, daß ich, noch so jung, mich schon ans Prospektieren machte.)

(27) Gdy nas ten Anglik zaprowadził do ty pani Jankowski sklepu, jak patrzę, a tu jakiś mężczyzna za bufetem i obsługuje ludzi (45).

(Als uns dieser Engländer zu dem Laden dieser Frau Jankowska geführt hatte, wie ich sehe, und hier ist irgendein Mann hinter der Theke und bedient die Leute.)

Die Beispiele bieten nichts Auffälliges, es sei denn ihre Häufigkeit; doch das patrzeć fügt sich normalerweise glatt in das Satzgefüge ein. Ein Konflikt entsteht jedoch, wenn der Einzugsbereich von patrzeć sich nicht über den ganzen Satz hin erstreckt. Das ist der Fall in (27). Der Hauptsatz ist tu mężczyzna za bufetem ..., und nur auf diesen bezieht sich patrzę; und da es die Gestalt eines temporalen Nebensatzes hat, jak patrzę, ergibt sich ein Konflikt mit dem anderen temporalen Nebensatz, Gdy nas ten Anglik zaprowadził ..., dessen Inhalt jedoch allem anderen vorausgeht. Trotz dieser erheblichen Schwierigkeiten, die sich durch einfaches Weglassen hätten vermeiden lassen, riskiert der Autor das stilistische Abweichen und nimmt den strukturell höheren Aufwand in Kauf.

Dieser zusätzliche Aufwand zeigt sich nicht nur im Hinblick auf die sinnliche Komponente der Beobachtung. Er betrifft auch verschiedene Bewegungskomponenten. In (24) wird vom aufsteigenden Rauch berichtet, explizit das Sehen genannt. Im nächsten Satz wird dann vom Urheber dieses Rauchs berichtet, explizit die Bewegung zu diesem Ort genannt: Zachodzimy tam, a tam obozowały dwie familije indyjanskie (78). (Wir gingen dorthin, und dort lagerten zwei Indianerfamilien.) Auch dabei nimmt der Autor oft stilistische Verwicklungen in Kauf wie in (28).

(28) Poszliśmy z powrotem do namiotu i pośliśmy do miejsca,

gdzieśmy mieli wszystkie narzędzia pochowane (122).
 (Wir gingen zum Zelt zurück und gingen zu dem Ort,
 wo wir alle unsere Geräte aufbewahrten.)

Der Weg zum Zelt und in Richtung auf die in dessen Nähe aufbewahrten Geräte ist sicher so einheitlich gestaltet, daß eine einmalige Nennung der entsprechenden Bewegung gerechtfertigt erscheint. Es muß schon ein ausgeprägtes Motiv dafür vorhanden sein, das auch den höheren Aufwand rechtfertigt.

Ähnliches gilt für (29). Die Situation ist nicht außergewöhnlich.

(29) A po południu zaczęło się chmurzyć, tak my się z powrotem wybrali na wyspę. Jak my z powrotem jechali, to nadeszła chmura i zaczęło się grzmieć (122).
 (Aber am Nachmittag begann es sich zu bewölken, so begaben wir uns wieder auf die Insel zurück. Als wir zurückfahren, zog eine Wolke herauf und es begann zu donnern.)

Ein aufziehendes Gewitter verursacht vorzeitigen Aufbruch. Der Autor tut ein übriges: Er koordiniert die einzelnen Phasen beim Herannahen des Gewitters mit den einzelnen Phasen des Heimwegs.

Wir befinden uns damit in einem letzten Bereich von Fällen, in denen der Autor sich durch das Merkmal Ausführlichkeit auszeichnet: Die betreffenden zusätzlichen Elemente sind nicht grammatisch restituierbar oder kontextuell erschließbar; sie werden vielmehr weggelassen im Rahmen von bestimmten Konventionen, deren Natur nicht genau angebbar ist, die aber einen erwartbaren Normalfall voraussetzen. Aus der Äußerung von (30') wird man automatisch schließen, daß die Modifikation, die im Attributsatz enthalten ist, mit dem Hauptsatzprädikat in ursächlichem Zusammenhang steht (vgl. aber (30)).

(30') Poszedłem do siostry, która bardzo się ucieszyła.
 (Ich ging zur Schwester, die sich sehr freute.)

(30) Poszedłym do siostry, która bardzo się ucieszyła mym

przyjzadzym.

(Ich ging zur Schwester, die sich sehr über mein Kommen freute.)

Ein ähnlicher Zusammenhang wird automatisch erschlossen zwischen der Prädikation und den Temporalangaben in (31), auch wenn die diesen immanente Prädikation ausgespart wird.

(31) Po (wypiciu) kilka kielichów wódki i po (jedzeniu) obiadu trzęsiaczka od zimna mnie ominyła (70).

(Nach dem Trinken von einigen Gläsern Wodka und dem Essen des Mittagessens wich das Zittern der Kälte von mir.)

Die zentralen Punkte unserer Beobachtung kann man so zusammenfassen: Der Text zeigt konsequent die Tendenz, diejenigen Möglichkeiten zu verlängerter Ausdrucksweise, die den Inhalt nicht tangieren, konsequent auszunutzen. Die Motivation liegt nicht in einem wohlabgrenzbaren Teilbereich der Grammatik, sie liegt auch nicht in der Spezifik der jeweiligen Stelle im Text, und sie liegt nicht in den Besonderheiten der dargestellten Situation. Im Einzelfall lassen sich solche Motivationen nicht restlos und nicht zwingend ausschließen.

(32) A był jeden Anglik z Anglii, który miał ważniejszą pracę w młynie od mojej pracy (119).

(Und es gab einen Engländer aus England, der in der Mühle eine wichtigere Arbeit hatte als ich.)

(32) scheint uns ohne weiteres zur Gruppe unserer Beispiele zu gehören. Im Kreise der Emigranten mögen jedoch ein Engländer aus England und ein Engländer aus Kanada zwei grundverschiedene Sachen sein. Es mag ferner SAMULSKI so außergewöhnlich erscheinen, daß ein verheirateter Mann zum Saufen mitkommt, daß die Sonderstellung des zweiten Attributs auch zum Ausdruck gebracht werden muß (vgl. (33)).

(33) A pomiędzy nami był jeden zonaty, ale to sobie chłop

potężny, tyż z nami pojechał (103).
(Und unter uns war ein verheirateter, aber gewaltiger
Mann, er fuhr auch mit uns.)

Doch ist die Ausführlichkeit im demonstrierten Sinne so durchgehend konsequent, daß es gerechtfertigt erscheint, eine generellere, das individuelle Beispiel überlagernde Motivation zu suchen. Dazu wenden wir uns nun einem Modell zu, das den Übergang vom Inhalt zum Ausdruck in einer etwas anderen Weise strukturiert als die Grammatik. Es ist das Modell von der psychischen Organisation komplexer Handlungen.

3. Das psycholinguistische Modell

Ich möchte nun ausführen, in welchem Sinne ich von einer Textanalyse auf psycholinguistischer Basis spreche. Ich schließe mich dabei der Richtung an, wie sie von VYGOTSKIJ gegründet und von LEONT'EV (1969) sowie von MILLER, GALANTER und PRIBRAM (1960) fortgesetzt wurde. Der Gegenstand der Disziplin, die den Namen Psycholinguistik trägt, ist allgemein so charakterisiert: Es geht um den Prozeß der Entstehung konkreter sprachlicher Äußerungen. Man kann diesen Prozeß an drei Orten beobachten.

Man kann versuchen, diese Entstehung an einem möglichst frühen Zeitpunkt, in der Anfangsphase zu beobachten. Man kann sich denken, daß in dieser Phase nicht linguistische, grammatische Kategorien die Hauptrolle spielen, sondern eher psychische Kategorien wie Stimmungen, Einstellungen, Bedürfnisse nach Essen und Trinken oder menschlichem Kontakt.

Man kann zweitens auf halbem Wege mit der Beobachtung ansetzen. Sollte es gelingen, die Sonde irgendwo in der Mitte anzubringen, dann läßt sich hier ein Zwischenstand erwarten. Es zeichnen sich die Konturen der konkreten Handlung ab, ohne sich von vorhergehenden Verarbeitungsphasen ganz gelöst zu haben. Die Beobachtung von Sprechfehlern gehört in dieses Gebiet. Wenn man sich dieser Richtung anschließt, dann scheint es sehr empfehlenswert, gesprochene Texte als primäre Daten auszuwählen. Vor allem gibt es dort sicher eine Menge von Informationen,

die der Psycholinguistik nicht von der Systemlinguistik, die sich nicht mit Prozessen, sondern mit den determinierenden Regeln befaßt, streitig gemacht werden. Pausen, Temposchwankungen, Gesten; hier darf sich die Psycholinguistik uneingeschränkt am Platze fühlen. Hier liegt die Arbeit, die das sprechende Individuum leistet, zwar von diesem selbst ungewollt und vom Hörer relativ unbeobachtet, aber eben direkter als beim geschriebenen Text.

Nun zur dritten Stelle, an der man mit den Beobachtungen einsetzen kann. Jede Handlung, so komplex sie auch sein mag, hat einen relativ leicht identifizierbaren fixen Punkt, und das ist ihr Anfang. Im Vergleich mit den zuerst genannten zwei Stellen ist es relativ unproblematisch zu erfassen, daß zu einem bestimmbar Punkt etwas passierte, daß nämlich ein Individuum den Mund öffnete und etwas linguistisch Repräsentierbares von sich gab oder ein Schreibgerät mit diesem Ergebnis in Betrieb setzte. So komplex auch die Vorbereitungen jeweils sein mögen, zu diesem Zeitpunkt sind sie abgeschlossen, die Menge der vorhandenen Möglichkeiten bis auf eine ausgeschaltet, die Summe der Entscheidungsfreiheiten (im Sinne von HERNAS 1979, 14) für einen bestimmten Abschnitt ausgeschlossen.

Wenn wir uns entscheiden, diese letzte Stelle zum Ausgangspunkt unserer psycholinguistischen Betrachtungen zu machen, dann ist natürlich klar, daß die anderen Aspekte damit nicht ausgeschlossen werden. Eine Modellbildung des Prozesses muß alle Fakten berücksichtigen. Unsere Beschränkung erlaubt uns fürs erste eine technisch überschaubare Konzeption des Grundmodells und eine einfache Frage: Welcher Schritt entspricht dieser Stelle, und wie kommt er zustande?

Wir repräsentieren einen Zustand nach diesem Schritt Z2 und einen Zustand vor diesem Schritt Z1. Um für einen konkreten Fall Z2 einen Inhalt zu geben, repräsentieren wir hier die sprachliche Äußerung oder zumindest ihre einleitenden Segmente. Von Z1 kann man nun folgendes postulieren: Entweder enthält er das gleiche, dann ist der Fall vorerst nicht interessant; oder er enthält mehr, dann kann man davon ausgehen, daß der dazwischenliegende Schritt tatsächlich eine Entscheidung beinhaltet und daß wir hier lernen, wie solche Entschei-

dungen bzw. die Phasen des gesuchten Wegs aussehen.

Dieser Schritt kommt zustande, indem dieser erste Zustand in irgendeiner Weise eingeschränkt, reduziert wird, daß er außer dem, was Z2 repräsentiert, zusätzliche Elemente enthält. Es darf aber nicht unser Interesse sein, in Z1 alle Möglichkeiten zu repräsentieren, die der Psyche zugänglich sind, weil so nicht gesichert ist, ob wir auch wirklich einen Schritt des gesuchten Prozesses erfaßt haben. Es geht also nicht um die komplette Aufnahme aller Faktoren, die im gegebenen Moment entscheidbar sind, oder gar um alle, die überhaupt in der Entscheidungskompetenz des Individuums liegen. Diese Faktoren mögen wohl im Gesamtaufbau der Handlung ihre Rolle spielen und auch vom Individuum eine Berücksichtigung finden. Damit ist aber noch nicht gesagt, daß sie auch in dem engen Handlungsschritt, der von der Planung zur Ausführung überleitet, zum Gegenstand einer Entscheidung werden. Das Individuum muß vielmehr in dem Augenblick, da es in die Realisationsphase tritt, dafür sorgen, daß der Zustand davor so beschaffen ist, daß ein Schritt tatsächlich zustandekommen kann. Diese technische Notwendigkeit vorausgesetzt, ergibt sich folglich die Frage, wie das Individuum Faktoren aus der Entscheidungsplattform hinausdrängt; und zweitrangig erscheint, von da aus gesehen, die Frage, die üblicherweise Handlungsmodelle in den Vordergrund rücken, nämlich wie möglichst viele Faktoren mit einbezogen werden, d.h. in die Plattform mit aufgenommen werden.

Wenn man den primären Beobachtungsbereich in dieser Weise absteckt, dann wird eines klar: Ein solcher Schritt mit den notwendigen Ausschaltungen überzähliger Faktoren findet beim Sprechen gleichermaßen wie beim Schreiben statt. Auch in der Situation, wo man den Stift auf das Papier setzt und die ersten Worte schreibt, sind Entscheidungen gefallen. Dabei mögen Dinge wie Überlegen, Auswählen, Zweifeln, Zögern, die sich beim Sprechen der direkten Beobachtung bieten, schon vorbei sein. Die Gründe dafür liegen jedoch nicht außerhalb der Psyche; das Individuum wollte ja schreiben und mußte daher genau auf den Zustand hinzielen, der durch die schriftliche Repräsentation der Äußerung gegeben ist. Vielleicht sind dabei mehr

Schritte nötig, mehr Zeit vorhanden, mehr Alternativen berücksichtigbar und daher wieder auszuschalten; umso aufschlußreicher ist dieser Fall für unsere Perspektive, die sich vorerst auf diesen letzten Schritt konzentriert, bei dem per definitionem nur noch eine letzte Möglichkeit übrigbleiben darf.

Die Beschränkung auf diesen Schritt hat eine Reihe von Konsequenzen. Wir betrachten auch bei diesem Schritt die Psyche oder einen Teil der Psyche, der beim Aufbau sprachlicher Handlungen eine Schlüsselrolle spielt. Dieser Teil, den wir versuchen in Z1 zu repräsentieren, kommt durch Reduktion zustande. Damit wird nicht das Individuum bzw. seine Psyche seines ganzen Reichtums an Emotionen, Bedürfnissen, Kompetenzen usw. beraubt. All das bleibt vorhanden, wirksam und wichtig; es kann, bei entsprechender Mitteilungsentention, in eine konkrete Äußerung übertragen werden. Aber eben nicht in einem Schritt. Die Handlungsfähigkeit beruht darauf, daß es einen Ort in der Psyche gibt, der Schritte einleiten kann und Möglichkeiten, die bei einem Schritt nicht berücksichtigt werden können, aus diesem Ort hinaustransportiert. Diesen Ort nenne ich Operationsbasis und repräsentiere sie als Z1.

Ich habe bis jetzt einen Umstand unerwähnt gelassen, der für alle Handlungs- oder Entscheidungsmodelle selbstverständlich ist und der auch intuitiv einleuchtet: daß nämlich diese Basis mehrschichtig angelegt ist, daß sich der Einsatz der Handlung und ihre Gesamtorganisation nicht auf das eine Nadelöhr des hier modellierten Schrittes reduzieren lassen. Das war noch der Fall in der klassischen Reflexologie: erst wenn alle Informationen aufgenommen sind, erfolgt die Umschaltung zur Aktivität, und deren Ablauf ist bis zum Ende festgelegt.

Wir können unser einfaches Modell jedoch zunächst beibehalten, doch etwas Wesentliches zur Bestimmung des gesuchten Schrittes folgern: Die Reduktion, die zwischen den beiden Zuständen liegt, ist ein Charakteristikum des Schrittes, sie ist genauer gesagt, der Schritt selber. Wie sieht also die Reduktion aus? Ist sie von ebenso individuellen Prinzipien geleitet wie das Zustandekommen der übergreifenden Mitteilungsentention, wie die Vielzahl an Faktoren, die im Gesamtaufbau der Handlung eine Rolle spielen? Im Hinblick auf die Vielschichtigkeit heißt

die Antwort nein. Die Reduktion erfolgt weder nach einem außerhalb des Individuums festgelegten Schema, noch nach rein individuellen Prinzipien; sie erfolgt vielmehr im Hinblick auf das Vorhandensein anderer Ebenen im Rahmen der psychischen Gesamtorganisation. Sie schaltet, um den gesuchten Schritt zu ermöglichen, genau die Faktoren aus, die von anderen Modellkomponenten mit ähnlichem Aufbau übernommen werden können. Es werden aus Z1 genau die Elemente ausgeschaltet, die von einer anderen Ebene versorgt werden können, die nicht verlorengelassen, sondern auf andere Weise mitgeteilt werden können.

Wir haben damit der Suche nach dem Funktionieren eines Grundschrilles beim Prozeß der Genese einer sprachlichen Äußerung eine wiederum veränderte Richtung gegeben. Es ist im Prinzip - wie jeder Entscheidungsschritt - ein Reduktionsschritt, repräsentierbar durch zwei Zustände mit unterschiedlicher Zahl an Elementen. Der jeweils rechtsliegende Zustand im Modell des Prozesses hat weniger Elemente. Das Reduktionsprinzip ist weder individuell noch von außen festgelegt; es eliminiert Elemente, die den Input zu einer anderen Verarbeitungsebene bilden können. Eine sehr praktische Verarbeitungsebene dieser Art ist der Kommunikationspartner. Im Hinblick auf die Operationen, die der Hörer oder Leser durchführen kann, sind viele Elemente eliminierbar. Das funktioniert auch, wenn der Hörer oder Leser die dargestellten Verhältnisse nicht aus eigener Anschauung kennt. Das ist die Grundsituation beim Erzählen. Wenn ich jemandem erzähle: a) "Mein Auto ist neu. Gefällt mir gut.", dann kann ich mich nicht darauf verlassen, daß die Farbe des Autos eliminiert werden kann, weil der Hörer sie rekonstruiert. Aber bestimmte Operationen kann ich ihm zutrauen, z.B. daß beide Sätze das gleiche Subjekt haben oder daß der erste Satz das Subjekt des zweiten ist, daß zwischen den beiden Sätzen eine Verknüpfung da ist, auch wenn sie nicht explizit genannt ist, daß zwischen dem Sprecher und dem Auto eine bestimmte Beziehung besteht, entweder Besitz oder Arbeitsmittel; usw. Diese Dinge sind aus der Realität, wo sie existieren, beim Übergang zu Z2 ausgeklammert worden. Die Summe dieser Operationen bilden den Schritt, der von Z1 zu Z2 führt. Dieser Schritt ist identisch, auch wenn die Si-

tuation Z1 und entsprechend Z2 sich ändert (vgl. b) - d)).

- b) Mein Auto ist alt. Gefällt mir gut.
- c) Mein Auto ist neu. Gefällt mir nicht.
- d) Mein Auto ist alt. Gefällt mir nicht.

Daraus folgt, daß die eigentliche Natur der Schritte, d.h. der Entscheidungsprozeduren, wie sie die Genese einer sprachlichen Äußerung determinieren, aus Z2 nicht direkt rekonstruierbar ist. Daraus folgt ferner, daß die Schritte, die die Genese eines Textes determinieren, nicht identisch sind und nicht direkt ablesbar sind aus der Folge der Sätze oder sonstiger linguistischer Segmente dieses Textes.

4. Die Anwendung

Im Kapitel 2. wurde aus einem umfangreichen Text eine größere Menge von Ausschnitten ausgewählt. Das Auswahlkriterium war das stilistische Merkmal der Ausführlichkeit, in einem ganz beschränkten Sinn definiert und daher relativ leicht anwendbar. Ein erster Schritt der Analyse zeigte, daß sich diese Beispiele gut mit grammatischen Kategorien klassifizieren lassen, daß die Grammatik allerdings nicht in der Lage ist, diese Beispiele auf einen Nenner zu bringen und zu erklären. Das war die Grundlage für die Zuhilfenahme eines anderen Modells.

Im Kapitel 3. wurde eine bestimmte Konzeption eines psycholinguistischen Modells entwickelt. Es ist ein Organisations- und Entscheidungsmodell etwa nach dem Vorbild von MILLER/GALANTER/PRIBRAM (1960) oder nach dem Vorbild des Etappenmodells der sowjetischen Theorie der Sprechfähigkeit. In diesem Sinne ist Handeln abbildbar als ein konsequenter Abbau vorhandener Möglichkeiten, Alternativen oder Freiheitsgrade. Diesen Prozeß, der auch bei der Genese sprachlicher Äußerungen anzusetzen ist, kann man durch eine Folge von Zuständen modellieren, wobei der Übergang von einem Zustand zum nächsten einen Reduktionsschritt bedeutet und somit die Anzahl der Komponenten bzw. der zwischen ihnen bestehenden Relationen abnimmt. Wodurch wird die Elimination von Material dieser Art bestimmt? Durch die Dele-

gationsmöglichkeiten, durch das Vorhandensein einer Ebene, deren Input somit die Reduktionsmöglichkeit eines Zustandes bestimmt.

Eine wichtige Ebene dieser Art ist der Zuhörer; seine Funktionen können als Reduktionsfaktor herangezogen werden und somit Entscheidungsschritte determinieren. Es muß natürlich im Sinne dieses Modells kein realiter im Umfeld des Sprechers vorhandener Adressat sein. Der Input eines Hörers kann seine Funktion in diesem Modell genauso gut erfüllen, wenn er nicht da ist. In diesem Fall sind die delegierbaren Elemente nicht so sehr materielle Faktoren der darzustellenden Tatbestände, sondern strukturelle Faktoren, die aus dem Bereich der Ausdrucksebene ausgeklammert und vom Hörer nach bestimmten Prinzipien, teils grammatisch determiniert, teils seinem interpretativen Dazutun anheimgestellt werden.

Diese Operationen lassen sich z.B. deutlich feststellen bei der Wiedergabe fremder Rede. Hier können sich übergangslos Sätze ablösen, die direkter, wörtlicher Wiedergabe entsprechen, dann wieder indirekter Rede, dann wieder einer willkürlichen Zusammenfassung durch einen zweiten Sprecher. Hier kann man nun ohne weiteres auf den Autor unseres Materials zurückkommen und sehen, daß er dies nicht macht, daß er die Funktion, zu unterscheiden, was tatsächlich gesagt wurde und was nur eine Interpretation ist, dem Leser nicht überläßt (vgl. (34)).

- (34) W końcu lipca pan Siscoe przyjeżdża do mnie i mówi, że coś (na wyspie odkryli, (ale nie wiedzą, co to jest,) coś czarnego z kwarcem (i nie wiedzą, co to jest.) (Tak mówi do mnie,) aby ja wziął choć dwa tygodnie zwolnienia z pracy (i pojechać na wyspę,) Zaraz potem zaczęliśmy obradować (i uradziliśmy,) aby) na ty żyłę parę dziur wyborować ... (121)
(Ende Juli kommt Herr Siscoe zu mir und sagt, daß sie etwas auf der Insel entdeckt hätten, sie aber nicht wüßten, was das ist, etwas Schwarzes mit Quarz, und sie wüßten nicht, was das ist. So sprach er zu mir, damit ich wenigstens zwei Wochen von der Arbeit freinahm und auf die Insel fuhr.

Sofort danach begannen wir zu beraten und wir beschlossen, auf dieser Ader einige Löcher auszuwählen.)

Er macht es hier nicht, und er macht es in allen anderen hier zur Diskussion gestellten Fällen nicht. Er nimmt die Möglichkeit, dem Hörer im Sinne der genannten Funktionen etwas zu überlassen, nicht wahr. Er reiht etwa die Sätze nicht aneinander und verläßt sich auf die Kohärenz des Textes, er gibt an, daß es sich um eine Information handelt, die auf der Grundlage von patrzyć (ansehen), chodzić (gehen), słuchać (hören) entstanden ist (vgl. nochmals (23) bis (29)). Er vermeidet etwa den naheliegenden Ausdruck (18') und verläßt sich darauf, daß der Hörer aus eigenen Schlüssen ergänzt, daß auf dieser kleinen, verlassenen Station viele Billets verkauft wurden. Er beugt dem unrichtigen Schluß, dort habe ein normaler Passagierbetrieb geherrscht, ausdrücklich vor und schreibt (18). Oft begründet er seine Ausdrucksweise mit einem Kausalgefüge, wie in (35) und in (13c).

(35) A kto w ty chacie mieszkał, tego nie wiem, bo zbadać nie poszed (122).

(Aber wer in dieser Hütte wohnte, das weiß ich nicht, weil ich es nicht erforschen ging.)

Oft scheint ihm seine Ausdrucksweise die Miteinbeziehung des Hörers zu stark in Anspruch zu nehmen, dann schaltet er eine zweite nach, die als Korrektur oder Interpretation zu verstehen ist, wie in (21) und (22) oben oder in (36).

(36) ... mnie było trochę стыдно, żem taki czysty (bez pieniędzy) pozostał (53).

(... Ich schämte mich ein wenig, daß ich so blank (ohne Geld) dastand.)

Für alle von uns gewählten Beispiele und eine große Masse von anderen Fällen läßt sich diese Deutung auch anwenden. Sie läßt sich nicht in jedem einzelnen Satz oder in jedem nur theoretisch denkbaren Fall anwenden (vgl. etwa (37)).

- (37) a. A ja się wkrótce tyż wystarał się o pracę w kopalni,
 (Und ich brachte auch binnen kurzem die Arbeit in der Mine zuwege,)
- b. i to było siedm mil od miasta,
 (und das war sieben Meilen von der Stadt,)
- c. to ja tam mieszkałym w kampie kompanicznym (75).
 (-so daß ich dort im Lager der Kompanie wohnte.)

Hier haben wir einerseits den Fall einer eigenen Prädikation (b.) für ein Attribut, das auch als solches im Rahmen von a. hätte untergebracht werden können. Das hätte aber eine Belastung für die Interpretation bedeutet, und zwar insofern, als też (auch) den Vergleich mit einer anderen Struktur erzwingt, die derjenigen, die też trägt, ähnlich ist, und diese Operation wird bei wachsender Länge schwieriger. Indem das vermieden wird, entsteht für das Verhältnis des Satzes b. zu c. eine neue Schwierigkeit: es muß geschlossen werden, daß der Autor die Arbeit, um die er sich bewarb, auch bekommen hat.

Wir haben mit Hilfe des Modells, oder genauer gesagt, einer Modellkomponente, der Psycholinguistik eine einheitliche Beschreibung für ein Phänomen gefunden, das als heterogen erschienen wäre, wenn man es ausschließlich auf linguistischer Basis beschrieben hätte. Eine wichtige Frage bleibt: Warum verhält sich der Tagebuchautor SAMULSKI in genau dieser Weise? Warum nimmt er die sich bietenden und ihm bekannten Delegationsmöglichkeiten nicht in Anspruch? Als Antwort kann ich im Moment nur mit einer Hypothese operieren.

Die Ebenen, die die Organisationsbasis im Falle sprachlicher Äußerungen bilden, sind nicht genau abgegrenzt und in für alle Äußerungsvorgänge festgelegter Form gegeben. Zur Konstituierung dessen, wie etwa ein Erzählvorgang organisiert wird, was ausführlich berücksichtigt, was ausgespart und delegiert wird, müssen Entscheidungen vom Erzählenden getroffen werden. Er kann sich einer bestimmten Erzähltradition anschließen; er kann die Rolle eines fiktiven Augenzeugen annehmen, er kann einen fiktiven interessierten Hörer vorstellen. Oder er kann, und das ist SAMULSKIs Lösung, sich daran orientieren, daß er

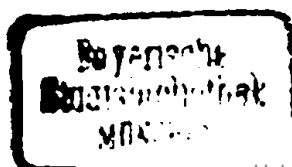
der einzige Augenzeuge war und von etwas erzählt, das kein anderer wird je bezeugen können; umso ausführlicher muß er erzählen.

Literatur

- HERNAS, CZ. (1979): Polnische barocke Memoirenliteratur. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch 25, 12-25.
- LEONT'EV, A.A. (1969): Psycholingvističeskie edinicy i poroždenie rečevogo vyskazyvanija, Moskva.
- MILLER, G.A./GALANTER, E./PRIBRAM, K. (1960): Plans and the Structure of Behavior, New York.
- SAMULSKI, J. (1978): Pamiętnik emigranta polskiego w Kanadzie, Warszawa.
- SULIMA, R. (1978): Przekazy ustne a struktura relacji pamiętnikarskiej. Z polskich studiów slawistycznych, seria V, Warszawa, 315-322.
- Pamiętniki emigrantów: Kanada, Warszawa 1971.
- VYGOTSKIJ, L.S. (1934): Myšlenie i reč', Moskva.

Резюме

Предметом анализа является дневник польского эмигранта в Канаде, И. Самульского. Подробно исследуются определенные синтаксические, семантические и сверхфразовые конструкции. Хотя они принадлежат к разным уровням языка, их специфика обнаруживает действие единого принципа порождения, который описывается в рамках психолингвистической модели.

Journal of Interpersonal Violence

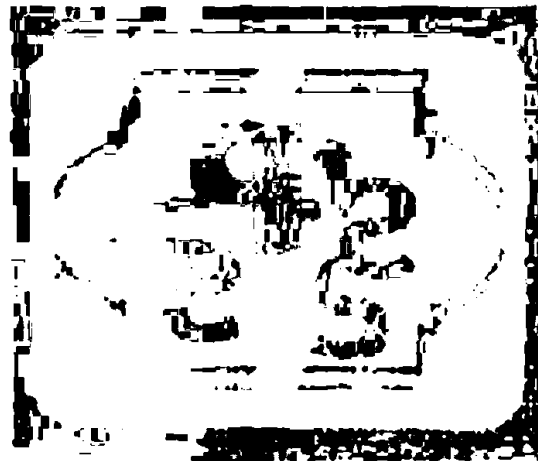
Journal of Interpersonal Violence
 Volume 28 Number 1
 March 2013
 ISSN: 0886-2605
 DOI: 10.1177/0886260512451111
 SAGE Publications

Journal of Interpersonal Violence
 Volume 28 Number 1
 March 2013
 ISSN: 0886-2605
 DOI: 10.1177/0886260512451111
 SAGE Publications

28(1) JOURNAL OF INTERPERSONAL VIOLENCE 1-10

Journal of Interpersonal Violence
 Volume 28 Number 1
 March 2013
 ISSN: 0886-2605
 DOI: 10.1177/0886260512451111
 SAGE Publications

Journal of Interpersonal Violence
 Volume 28 Number 1
 March 2013
 ISSN: 0886-2605
 DOI: 10.1177/0886260512451111
 SAGE Publications

Information Nr.

3

SPECIMINA PHILOGIAE SLAVICAE

Band 40

P. Kosta, Eine russ. Kosmographie aus dem 17. Jh. Sprachwiss. Analyse mit Textedition und Faksimile.

München 1982, 471 S., DM 90.-

Band 66 -

J. Tuwim, Pegaz dęba. Reprint and Introduction by J. Sawicka.

München 1986, XXIII + 431 S., DM 86.-

Band 65

S.K. Bulič, Cerkvno-slavjanske elementy v sovr. lit. i narodnom ruskom jazyke. I. SPb. 1893.

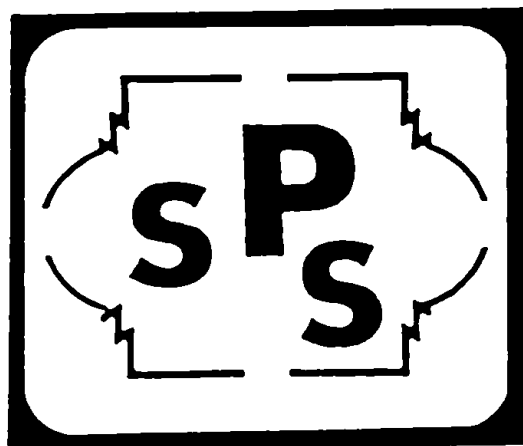
München 1986, 409 + VII S., DM 82.-

Bände 69-70

J. Sohier, Grammaire et Methode Russes et Françaises. 1724. Faksimil'noe izdanie pod red. i s pred-slovem B.A. Uspenskogo. I-II.

München 1987, XLI + 453 + 432 S., DM 198.-

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

Information Nr. 5

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Band 33

Dj. Daničić, Istorija oblika srpskoga ili hrvatskoga jezika do svršetka XVII vijeka. U Biogradu 1874.

München 1981, 400 S.,
DM 80.-

Band 50

Dj. Daničić, Mala srpska gramatika. U Beču 1850. Oblici srpskoga jezika. U Biogradu 1864. Mit einem Nachwort von B. Ćorić.

München 1983, 79 +
120 + V S., DM 39.-

Band 52

W.J. Rosa, Čechořečnost seu Grammatica linguae Bohemicae. Micro-Pragae 1672. Ed. with Introduction by J. Marvan.

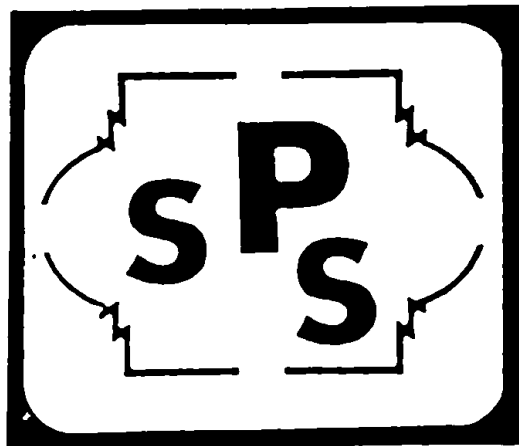
München 1983, VII +
520 S., DM 56.-

Bände 61 und 71

The Slavonic Reading-Primer in Trinity College Dublin Library. A facsimile edition with an introduction and word-list by C.B. Roberts.

München 1986, 1987,
XXX + 192 + 89 S.,
DM 44.- und 24.-

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

Information Nr.

6

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Band 44

I.I. Balickij, Materialy dlja istorii slavjanskago jazykoznanija. Kiev 1876. Nachdruck von P. Kosta.

München 1982, XX + 60 + 83 S., DM 30.-

Bände 67 und 68

A.M. Lejtes, M.F. Jašek, Desjat' rokov Ukrajin'skoji literatury (1917-1927). I-II. Charkiv 1928.

München 1986, 671 + 440 S., DM 110.- und DM 70.-

Supplementband 16

J. Tymčenko, Istoryčnyj slovnyk ukrajins'koho jazyka. I,1-2. Charkiv-Kyjiv 1930-32. Herausg. und eingeleitet von O. Horbatsch.

München 1985, VI + 947 S., DM 164.-

Band 38

J. Rodde. Russische Sprachlehre. Riga 1773. Nachdruck von G. Freidhof und B. Scholz.

München 1982, XIV + 249 S., DM 50.-

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

